

в пограничной зоне

Алексей Уманский

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Алексей Николаевич Уманский

В пограничном слое

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69303907

SelfPub; 2023

Аннотация

Роман-исповедь, написанный от первого лица, – это подведение итогов жизни человека, посвятившего себя размышлениям о бытии и путешествиям по родной стране, в природе которой он видит источник своих творческих сил. Жизнь на планете, заявляет автор в самом начале повествования, объясняя название романа, пребывает в пограничном слое, на стыке стихий – водной, воздушной и земляной; жизнь человека также протекает на стыке временных сред – прошлого и будущего. Память генетическая и память личностная, человеческая связывает эти среды, превращает их в нечто целостное. Память автора хранит множество событий, которыми он хочет поделиться со своими потомками. Неторопливый и обстоятельный рассказ о людях, сыгравших важную роль в жизни главного героя, о его чувствах к ним, спасает их от провала в небытие, позволяет оставаться в том пограничном слое, где только и может пребывать жизнь.

Содержание

Введение	5
Глава 1	16
Глава 2	123
Глава 3	162
Глава 4	219
Глава 5	257
Глава 6	349
Глава 7	396
Глава 8	440
Глава 9	510

Алексей Уманский

В пограничном слое

Адресуется в первую очередь людям, убежденным в том, что мир создан именно для них.

«Органическая жизнь очень хрупкая. В любой момент планетарное тело может умереть. Оно всегда живет на волосок от смерти».

Георгий Иванович Гурджиев, «Беседы о сокровенном»

Введение

Чем больше он думал обо всем, с чем сталкивался в жизни, тем чаще возвращался к мысли, что всё наше человеческое существование проходит почти исключительно на границе двух сред, двух стихий, будь то Земля и Воздух или Вода и Воздух, тогда как в какой-либо одной из них длительное пребывание для людей невозможно. Да, шахтеры работают под поверхностью в толще Земли, но их работа никогда не добавляла здоровья. Напротив – их тяжкий труд в силикатной или каменно-угольной пыли, без солнечного света, под угрозой взрывов метана и обвалов породы в горных выработках всегда считался и вредным, и смертельно опасным несмотря на все предупредительные защитные меры.

Стихия Воды, в недрах которой когда-то зародилась жизнь на планете, тоже не совсем подходила для постоянного обитания людей. Да, водная среда была удобным, а часто даже единственным средством сообщения между разными местностями и континентами с давних пор. Но голые пловцы даже в жарких тропиках не могли находиться в воде бесконечно. Для благополучия своей жизни на воде и рядом с водой людям пришлось придумать искусственные опоры, возносящие их тела над водой, отделяющие на воде от воды, будь то плоты, лодки, корабли, то есть подвижные заменители почвы под ногами.

После изобретения воздухоплавания и летательных аппаратов тяжелее воздуха человек начал осваивать стихию Воздуха, но с тем же успехом, что и стихию Воды, то есть путем создания для себя искусственной опоры в воздухе, почти столь же невидимом, как пустота. Однако время пребывания в воздухе с помощью любого аппарата: самолета, планера, дельтаплана, пароплана, вертолета, воздушного шара и даже дирижабля – еще более ограничено в сравнении с возможностями пребывания на воде в подходящем для условий плавания судне. Кончится горючее для мотора, истечет или охладится в оболочке газ, наконец – иссякнет терпение или работоспособность пилота, выйдет из строя хоть что-то в системе человек-машина – всё! Кранты! Неминуемо произойдет падение аппарата на землю с людьми, если последние не будут спасены парашютами или особой Милостью Божьей (необъяснимые случаи благополучного приземления после падения с большой высоты были известны. Один из них лично засвидетельствовал маршал К. К. Рокоссовский в своих мемуарах: у него на глазах был сбит немецкий самолет, пилот которого летел к земле без парашюта с высоты двух тысяч метров. Место падения летчика находилось рядом. Рокоссовский послал своих сопровождающих посмотреть, что стало. Велико же было его изумление, когда к нему подвели под руки сбитого пилота – тот шел на своих ногах! По этому поводу Рокоссовский заметил – если бы сам всего не видел, ни за что бы не поверил, что такое возможно).

По всему получается, что оставаться самим собой если не в абсолютном естестве (одежда и обувь-то современным людям все-таки необходимы), то по крайней мере в привычном психокомфортабельном статусе без воздуха вокруг себя и без тверди или ее подобия под ногами, будь то земля, палуба или подвесная система, человек не способен. Это стало особенно очевидно после первых космических полетов, в которых обитатели космических кораблей впервые столкнулись с невесомостью. Она оказалась столь могущественным врагом человеческой основы, что пришлось долго подбирать самые разные средства, чтобы худо-бедно примирить физиологию людей с условиями жизни и работы вне поля тяготения Земли в течение недель и месяцев. А ведь для космических полетов отбирали людей с образцовым здоровьем. Там ко всему надо привыкать как неумейкам, там всему надо обучаться так, словно космонавты не взрослые люди, а только что вышедшие из пеленок новички в жизни, потому что ориентироваться, передвигаться, питаться и отправлять свои надобности приходится необычным путем. А ведь до дальних полетов в космическом пространстве дело еще далеко не дошло. С околоземных орбит Земля еще представляется громадиной, хотя уже и обозримой со всех сторон в течение полутора часов и даже с Луны она выглядит крупнейшим небесным телом, способным напомнить людям, где их родина и куда бы им надо вернуться. Но если Земля станет малой светящейся точкой в нескончаемой ночи Космоса,

неотличимой от любых других, люди потеряют и эту возможность знать, причем уверенно и без приборов, как им найти путь в потерявшийся из виду дом.

Гравитация превратила нас из облако-образных существ первой человеческой расы в нынешних людей пятой расы с тем костяком, мышцами и внутренними органами, какими мы привыкли себя ощущать, и иное нам не присуще, хотя мы уже хотим плавать не хуже китообразных в толще океанов, летать не хуже птиц и ни в чем не знать себе преград вопреки всем реалиям на поверхности Земли, ее суши и вод, к которым мы крепчайшим образом привязаны основными условиями существования, будь то притяжение Земли, температура и состав воздуха, качество почвы, существование других живых организмов в царствах Флоры и Фауны.

Но не только наша привязанность к планетарному пограничному слою предопределяет возможность ведения человеческой жизни на Земле. Мы не в меньшей степени зависим от пограничных эффектов, во множестве действующих в цивилизованном обществе. Именно в нем мы принадлежим к разным слоям социума сразу в целом ряде аспектов. Это слои образованных и необразованных, культурных и бескультурных, просветленных и духовно неразвитых, творчески активных и безразличных к творчеству, богатых и малоимущих, работающих хозяевами и работающих по принуждению, в частности – по найму. Там, где существа одного социального слоя отграничены по какому-либо признаку

от других существ, мы снова встречаемся с ситуацией пограничного слоя. Здоровые отделяются от больных, инициативные от пассивных, ведущие от ведомых, властители от подданных.

Подобно тому, как электрону, вращающемуся вокруг ядра атома, необходимо получить или потерять энергию для того, чтобы «скакнуть» с одной устойчивой орбиты на другую, любому человеку необходимо затрачивать усилия для того, чтобы перейти из одного социального слоя в другой. А ведь на то, чтобы сохранить себя в одном слое, или, наоборот, покинуть его и перебраться в другой слой, практически и расходуется вся наша земная жизнь.

Однако не надо думать, что этим исчерпывается или заканчивается проблема пребывания человека в пограничном слое – она не имеет ни низшего, ни высшего предела существования – подобных его рождению или смерти. Особенность проблемы в том, что она неотрывна от бытия всех людей на протяжении всего интервала между упомянутыми конечными точками. Люди живут постоянно между двумя возможностями в любой момент времени – возможностью продолжить жизнь (если такова будет Воля Высших Сил) и возможностью умереть с большей или меньшей легкостью (если Воля Высших Сил будет иной). Да, в норме человеку не дано знать наперед, когда он умрет, но он имеет достаточно оснований полагать, что смерть может случиться гораздо раньше, чем он думает оказаться лицом к лицу с ней.

Сознательно или неосознанно, вольно или невольно, он должен ощущать хрупкость своего бытия, поскольку оно проходит в пределах тонкого пограничного слоя, в котором между жизнью и смертью всего лишь какой-то шаг. Разумеется, большинство населения планеты не думает об этом постоянно. Но вряд ли кто-то из людей свободен от того, чтобы, вглядываясь в свои уже прожитые годы, не поразиться множеству случаев, когда турбулентность пограничного слоя внезапно подбрасывала его к самому пределу жизни и вдруг по неизвестной причине отбрасывала его назад. Тут уж невольно подумаешь о чудесах и о хрупкости бытия. То есть о своем постоянном пребывании в пределах тонкого пограничного слоя – очень уж много всего может случиться в нем и зачастую – совсем неожиданно. Многообразие переменчивых ситуаций таково, что заранее подготовиться ко всему их «ассортименту» просто немыслимо – слишком уж велико их число и несходство.

Однако людям не остается ничего другого кроме как жить в такой обстановке. И главное, что они могут противопоставить неожиданным и большей частью негативным воздействием на себя извне – это терпение и способность учиться и приспособляться, оставаясь по возможности теми же существами, какими они привыкли себя ощущать и считать.

То, что Михаил видел, оглядываясь на жизнь ближайших поколений, находившихся в его личном поле зрения, а также в письменной истории стран и народов минувших эпох, в ле-

гендах, дошедших до нас из тьмы предистории, воспринималось им как закономерный процесс, подчиняющий себе все постоянно происходящие перемены как будто бы вполне хаотичного характера и природы. Закономерностью, определяющей происходящее в Мире, был, как он понял, Принцип, установленный самим Творцом Мироздания, а именно Принцип постоянного внесения перемен и разнообразия в то, что Было Создано Им первоначально, благодаря саморазвитию, подконтрольному, однако, в итоге только Ему, Создателю. И в сущности генератором перемен и умножающегося разнообразия в ходе времени во вселенной, был пограничный слой, возникающий всякий раз, когда одна экспансивная стихия или существо или предмет посягает на консервативное состояние другой стихии или существа или предмета, заставляя последние сопротивляться переменам, которых они не жаждали. Однако, поскольку их не спрашивают, а подвергают тому или иному воздействию, им приходится пускать в ход все свои ресурсы, чтобы в возможно более полном объеме оставаться прежними, узнаваемыми для самих себя.

Мы хотим, но не умеем быть добрыми в полной мере. Почему? Да потому, что обидно быть добрыми, одновременно забывая о себе, хотя это наша прямая жизненная обязанность – ведь если в нашем мире сам не позаботишься о себе, никто о тебе не позаботится. Такова практика, из которой почти не бывает исключений, но по какой причине ис-

ключения все-таки случаются? Видимо, только в силу родства или добровольного поклонения. С родством – понятно, пусть даже оно по ходу времени всё больше утрачивает свою значимость. Поклонение – дело другое. Люди еще не утратили влияния друг на друга, и оно еще способно принимать ударные формы, будь то любовь, поражающее эстетическое воздействие на психику, признание потрясающего превосходства над тобой или высшая благодарность.

В сущности, наша жизнь и строится, в чем это от нас зависит, на стремлении служить тому, чему мы поклоняемся, а не тому, к чему нас обязывают либо принуждением, либо правилами исполнения своего морального и общественного долга. Нам бы стараться улучшиться, сделаться чище и совершеннее, однако под давлением обстоятельств, соблазнов и незрелости мы откладываем это на потом. Очищение своей духовной сути и даже развитие собственного тела перемещается, таким образом, с первого места в ряду наших целей на какое-то другое – второе, третье или четвертое и так далее, а то и оставляется без внимания совсем. Это можно не замечать всю свою жизнь, не испытывая ни тревог, ни сомнений насчет неблагоприятных последствий, но если перед самым уходом в Мир Иной у нас найдется миг для осознания будущности, то неизбежно нахлынет сожаление о напрасном и глупом забвении самого главного, что надлежало выполнить в мире земном. Душа и дух отлетят в Неведомое от ставшего без них мертвым брэнного тела с тем, чтобы че-

рез какое-то время вернуться назад в новом телесном воплощении в новый цикл земного существования, и пока мысль о благе для тела не перестанет превалировать над мыслями о благе для вечного духа, нам никуда не вырваться из Сансары, из круга земных перевоплощений с новыми рожденьями и с новыми смертями, хотя именно Промысел Божий, в силу которого мы оказались на планете Земля, если хорошенько подумать, обязывает нас стараться освободить себя от пут земных и от земного тяготения – короче – от земного бытия, где мы вынуждены достаточно недолго существовать и полоскаться в пограничном слое, где мы быстро изнашиваемся, вместо того, чтобы навеки приобщиться к постоянному существованию в Высших Мирах.

Как тут не вспомнить старые торгово-грузовые итальянские термины «брутто» и «нетто», которые означают соответственно «грязный» вес предмета во временной грубой (и в конце концов бесполезной) упаковке и «чистый» его вес, в котором мы и должны проявлять себя перед Лицом Предвечного в надежде, что в этом качестве мы сможем быть полезны Ему там, где постоянно обитают при Нем достаточно совершенные и невообразимо высокоразвитые существа. Итак, нам при каждом новом рождении на Земле (о чем, как помнится, нас никогда не спрашивают) надлежит пройти, проделать свой очередной смертный путь, освобождаясь в меру сил и способностей от бездуховной или низкодуховной телесной оболочки (а если точнее – от ее на себя решаю-

щего воздействия), путь, который в нескольких словах можно обозначить как «от своего состояния брутто к своему постоянному существованию нетто».

Эта разница между состояниями брутто и нетто во все времена оказывалась куда значительней, чем между видимым счастьем и горем, успехом и провалом, Добром и Злом в течение каждой отдельной жизни на этой Земле в тонком пограничном слое, пригодном для обитания человечества.

Возможно, даже не отдавая себе отчета в том, насколько он тонок, люди все-таки в образной форме представляли себе, мягко говоря, «скромность» его величины, раз уж с давних пор без возражений признавали правоту выражения неизвестного ныне мыслителя «от любви до ненависти – один шаг», равно как и истинность слов Наполеона Бонапарта «от великого до смешного всего один шаг», коль скоро обе поговорки фактически приведены к общему «одношаговому» знаменателю. А если подумать, то в тех же пределах заключен разброс всех самых важных и полярно противоположных параметров, характеризующих все наше существование от его начала и до конца.

Михаил Горский не считал себя человеком, хоть в чем-то принципиально отличным от других людей, и его даже устраивало, что его персона никогда не привлекала чрезмерного внимания к себе ни среди окружающих, ни со стороны различного рода государственно-социальных органов. В состоянии обыденности своего бытия ему уже давно думалось

и работалось достаточно хорошо, чтобы не желать для себя другого. А, кроме того, он считал, что так лучше и точнее представлять себе жизнь. Собственно, ему и не настолько много осталось жить, чтобы пытаться перейти к другому существованию на Земле в новом статусе и в новом слое. Пора уже было подбивать итоги жизни, чтобы додумать и домыслить весь накопившийся опыт и, если получится, представить его на обозрение и людям, и самому себе. Это он и говорит в дальнейшем от собственного лица.

Глава 1

Извлекут ли мои потомки что-то полезное для себя из опыта моей жизни и моих наблюдений? Как говорится – «почем я знаю?» Однако склоняюсь к выводу, что скорей всего – нет. С какой стороны ни взглянуть на это дело, оснований для оптимизма не увидишь. Вон – Спаситель человечества, будучи Сыном Божиим, принял облик людской, чтобы убедить всех смертных, что ОН не уклоняется ни от каких опасностей и страстей, с которыми люди сталкиваются на каждом шагу, и на ЭТОМ ОСНОВАНИИ заставить их поверить в истинность пути, указанного ИМ, к спасению человечества, к восторжествованию Царствия Божия на Земле – и что? Убедил, заставил поверить? Кое-кого – да! Причем крепко, по-настоящему. Они-то и образовали сонм христианских святых. А большинство уверовали в Христа в той или иной степени формально, ибо следовать путем, указанным и провозглашенным ИМ, то ли не смогли, то ли не захотели, то ли так до сих пор и не поторопились – и это за две тысячи лет! Церковь Христова не устает напоминать своей пастве ее обязанности, и та согласно кивает головами, как будто даже следует за своими пастырями в сутанах и рясах, а к состоянию, пригодному для осуществления Царствия Божия на Земле, так и не приходит. В чем дело? Не будем проклинать несовершенство человеческой по-

роды – нет, не природы, а именно породы, произошедшее вследствие сексуальных возбуждений и усилий двух перволюдей и их прилежных последователей – от первого поколения детей Адама и Евы до нынешних. Но факт есть факт. Изменяясь очень во многих смыслах по отношению к предкам, потомки с удивительной стойкостью последовательно не изменяются в главном – не учатся на ошибках предшественников, предпочитая учиться почти исключительно на своих собственных. Почему? Да потому, что они как были, так и остаются одержимы страстями, которые значат для них гораздо больше, чем анализ причин и следствий, чем сознательный и самостоятельный поиск Истин, чем стремление искупить постоянно возрастающую без целеустремленного искупления карму собственной вечной духовной сущности.

Ну, а кто я такой на фоне других людей – как признавших для себя законом следовать учению Христа, так и не признавших? Такой же, как все! Как все, наделенный от рождения некоторыми способностями, о которых можно с известной осторожностью сказать, что они имеют отношение к Божественной Сущности нашего Небесного Творца, раз уж по Его Воле и Промыслу каждый из нас вправе произнести «Аз есмь». Это вроде как многообещающее начало питало у моих родителей надежду, а у меня самого даже определенную уверенность, что из меня может получиться если не что-то особенное, то все же хорошее. Родители не жалели сил, преподавая мне основы честной жизни, стремясь раз-

вить благие способности и приобщить к эстетике и культуре. И я им действительно очень многим в себе обязан, особенно тем, что считаю лучшим в себе.

Но воспитывали меня не только родители, стремившиеся к тому, чтобы я стал счастливым или хотя бы более счастливым, чем они, когда я сделаюсь самостоятельным или, по детской терминологии, «большим». Воспитывали еще и детский сад, прививающий первые опыты социального общения, и двор, и школа, и институт, и последовавшая за ним работа в разных местах – от завода до нескольких НИИ. Воспитывали – причем очень мощно – спортивные туристские походы и восхождения в горах. Короче – наряду с родителями у меня хватало и других воспитателей во мне самых разных представлений о жизни в семье и обществе и о том, как в них следует себя вести. Проявлялся ли во мне какой-либо собственный стержень, на который нализывался шаг за шагом опыт личной жизни и опыт общения с другими людьми и со всякими структурами общества? Да, полагаю, что проявлялся. Не знаю, был ли этот стержень прям или хотя бы так слабо изогнут, как становой хребет здорового человека, но все же меня не оставляло ощущение, будто все познаваемое по ходу жизни действительно прилегало к некоему подобию хребта, который мне представлялся не очень определенной, но все же основой моей личности. Я развивался, любил, увлекаясь и разочаровываясь и снова увлекаясь, не отличаясь в этом смысле от подавляющего

большинства других людей. Во мне накапливались знания и набирал силу скепсис, образующие в совокупности базу для выработки собственных суждений наряду со сведениями, почерпнутыми со стороны из книг, от учителей и из собственных разовых наблюдений. В этом смысле я был вполне нормален, то есть обычен, если исходить из представления о том, что норма – это нечто органически свойственное большинству, и не является какой-то центральной усредненной редкостью на фоне бесчисленных разбросов этих свойств как по их величине, так и направленности от центра на большие расстояния.

Да, объективно я был обычен, нормален. Как все, ходил в школу, не очень интенсивно, но все же проявлял себя пионером, хотя так называемого «Торжественного обещания» (как официально именовалась пионерская клятва) не давал. Однако кричать в ответ на стандартный призыв пионервожатых: «К борьбе за дело Ленина-Сталина будьте готовы!» – «Всегда готовы!» доводилось и мне. Как довелось стать и комсомольцем – уже с членским билетом в кармане «у сердца», как полагалось считать в соответствии с тогдашними правилами хорошего тона – отличиться от этой нормы и не хотелось («а чем я хуже других?») и не рекомендовалось, чтобы тобой специально не заинтересовались многочисленные надзирающие за плербсом лица и инстанции, и даже для того, чтобы не создавать себе затруднений при поступлении в ВУЗ, хотя в те времена поступать в институт

было в общем не сложно.

Я был нормален еще и в том смысле, что женился по любви, и у нас с Леной сама собой без специальных стараний родилась дочка Аня, которую в силу этого безо всяких сомнений можно было считать дитем любви, причем она для всех оказалась желанной: и для родителей, и для обеих бабушек и для обоих дедушек, и особенно потому, что вполне удалась живостью, трогательностью, красотой и сообразительностью. Аня в четыре года практически сама научилась читать после того, как с помощью взрослых усвоила алфавит, с двух с половиной лет с удовольствием ходила в несложные походы и умела, когда стала постарше, разжигать костры, ставить палатку, грести на байдарке и делать всё остальное, к чему обязывает маршрут и походный быт. Я даже думал, что это привилось к ней навсегда. Но нет, оказалось иначе. Ане шел уже пятнадцатый год, когда мы с Леной разошлись, можно сказать, по-хорошему. И у нее была тогда связь с ее коллегой по философии Эдиком Соколовым и у меня нашлось счастье в любви с Мариной. В новых условиях жизни мое воспитывающее влияние на дочь свелось к минимуму. Пока Аня училась в школе, в ее новой семье еще по инерции ходили в походы. Впрочем, Эдик был на это не очень падок, и постепенно от походов отвыкли и Лена, и Аня.

Под влиянием моих родителей-архитекторов Аня собралась поступать в архитектурный институт. Я был совсем

не уверен, что специальность, привязывающая человека к чертежной доске, особенно если он сам не чувствует к этому рвения, очень подходит для дочери. И хотя она интенсивно готовилась к вступительным экзаменам по рисунку, её не приняли, а я не очень огорчился. В ожидании приемной кампании в ВУЗы на следующий год Аню устроили работать в архитектурную мастерскую под начало давней приятельницы моей мамы Эмилии Саркисовны, и эта практика окончательно исцелила Аню от стремления поступить в архитектурный институт. Она решила пойти на философский факультет МГУ, который закончили и ее мама, и Эдик – второй отец. Этот выбор показался мне более удачным. Аня сдала все вступительные экзамены на пять, но её, несмотря на это, сперва даже не зачислили в студенты – политика властей была такова, чтобы в «идеологический ВУЗ» в первую очередь принимались льготники, отслужившие службу в армии, в войсках МВД или КГБ, так что льготники от военной сохи выбрали все квоты для поступающих сразу после школы. Но благодаря тому, что Лена и Эдик пустили в ход все свои знакомства с преподавателями философского факультета, Аня с трудом получила свое законное место, честно завоеванное в конкурентной борьбе и нечестно у нее оспоренное. Эта история многому научила мою дочь, да и меня тоже, хотя в отличие от Ани я к такому обороту дел был готов. А дальше у нее пошла жизнь, отделявшая нас друг от друга все больше и больше. Если не считать встреч, связанных с передачей

денег (Лена не подавала на алименты, довольствуясь уверенностью, что я сам буду исправно их платить, в чем не ошиблась) мы с дочерью виделись очень редко. В первую зимнюю сессию, когда Ане предстоял экзамен по высшей математике, она попросила меня прояснить непонятные вещи в математическом анализе. Сам я не был вполне уверен, что смогу выступить успешным ментором, однако результаты превзошли все ожидания. Аня сдала экзамен на пять, а принимавшая его дама, профессор мехмата, искренне удивилась, что такая умная девушка пропадает на философском факультете, и предложила Ане перейти на свой родной мехмат, пообещав в помощь в обеспечении перехода. Аня не смогла объяснить доброжелательнице, что нет у нее подходящих для мехмата данных. Я, пожалуй, был солидарен больше с Аней, чем с профессором, которой знания моей дочери показались заслуживающими лучшего применения просто на фоне того убогого лепета, который она с отвратительной монотонностью выслушивала от большинства будущих философов. Но что было, то было: Аня приписала свой успех при сдаче экзамена почти исключительно моей помощи при подготовке к нему. Однажды – дело было уже на втором курсе, когда Марина на октябрьские праздники улетела повидаться с сыном Колей, начавшим летную службу в истребительном авиационном полку на границе с Афганистаном, Аня пригласила меня к себе в гости на вечеринку, чтобы я не чувствовал себя совсем одиноким. Кроме ее мужа Але-

ши, учившегося на журфаке МГУ, и ее бывшей одноклассницы по французской школе – красивой и очаровательной Тани Лавровой – я там не знал никого. Было небезинтересно сравнить студенческие вечеринки моего времени с нынешними. Особо разительных отличий вроде бы не наблюдалось. Просто всплески эмоций в компании чаще относились к тому, чего я не знал или к чему был безразличен. Изредка и я встречал в общий разговор и чувствовал, что удачно – все-таки было видно, что меня слушают не как Аниного предка, к которому из вежливости приходится проявлять терпение, несмотря на скуку, воздействием которой у слушателей появляется только одна мысль: «Господи, только бы поскорее он заткнулся!» Нет, на мои реплики реагировали с неподдельным интересом, и это вроде могло бы породить в моей голове иллюзию, будто бы я сам, разумеется, при наличии собственного желания, мог бы войти в этот круг молодых людей. И все-таки, несмотря на это, что-то внутри предупреждало, что такое невозможно, и не стоит сколько-нибудь обольщаться на этот счет. Это был сигнал из глубины существа, важное предупреждение – вроде того, какому внимают люди, обычно избегающие браков как будто с весьма подходящими партнерами, в поведении которых вдруг проявляет себя всего-навсего мелочь, и она-то, вопреки своей вроде бы ничтожной значимости, вдруг заставляет основательно усомниться в человеке – возможном будущем супруге и даже мгновенно представить в своем воображении, к чему

способен привести опрометчивый шаг.

Нет, соблазняться мыслью, будто можно стать для молодежи «своим парнем» я, конечно, и не подумал. Просто промелькнул в мозгу с первого же взгляда в корне нереалистический вариант – и сразу померк, ничуть не поколебав прежних убеждений. А если говорить начистоту, то увиденное в этом молодежном обществе что-то сходное с самим собой в давнем прошлом, вовсе не стало поводом загрузить о безвозвратной потере прежних юных ощущений и ожиданий от жизни. Я совсем не желал повторить уже пройденный путь, как хотят для себя очень многие («Эх!» Сбросить бы мне двадцать-тридцать-сорок лет! Вот была бы жизнь!»). В этой ностальгической увлеченности пребыванием в состоянии молодости для меня не было ничего привлекательного. Я недоумевал: неужели кому-то действительно могло понравиться возвращение в младшие классы, по-старому – в пригостишки – после того, как субъект уже начал кое-что правильно понимать в действительном устройстве бытия и научился самостоятельно прокладывать в нем собственный курс?

Нынешние студенты были явно состоятельнее прежних, но это отнюдь не заставляло завидовать им. В дни моей юности бедность и нищета перекрывалась постоянной занятостью разными увлекательными делами, позволяющими в значительной мере отключить сознание от того, во что ты одет и обут, если только не хочешь понравиться

особенно хорошо одетой девушке. Тогда да, мысль о внешней убогости и отсутствии «презентабельности» могла довольно остро воздействовать на настроение. И тут уж дальнейшее развитие событий зависело от девушки: если она была стоящей, то принимала тебя как такового, в чем ты есть, если же ты казался ей неподходящим по этой причине – что ж – тем было лучше и для тебя, незачем было связывать с такой ни своих надежд на счастье, ни, тем более, жизнь. Зато сколько радости приносили нам встречи за дружеским столом после туристских походов, все равно каких: после больших и дальних или ближних на выходные дни. Нынешним студентам походы были уже ни к чему, тем более, что они могли уединяться, как правило, в своих отдельных квартирах, а не в палатках в тайге или за городом, поскольку в комнату родителей в коммунальной квартире просто так девушку не приведешь, разве что если женишься. Уж в таких-то случаях родители принимали в свои семьи и невесток, и зятьев (смотря по тому, кто из них больше нуждался), чем бы сами ни обладали – комнатой или двумя в коммуналке или квартирой, где могли выделить отдельное помещение молодым. Надо думать, жизнь тогда все равно, как обычно, сама по себе диктовала старшим поколениям свои категорические императивы: дескать, вырастили до взрослого состояния детей, теперь вы должны обеспечить и получение внуков, как в свое время ваши родители вырастили вас и помогли вырастить ваших детей. Теперь эстафетная палочка

непрерывного процесса служения будущности своей породы в ваших руках. Вот вы и держите ее в своих руках, пока не уроните или пока ее у вас не отберут. И на этом ваша всемирно-историческая роль как живых существ на Земле будет закончена. И после этого вам не стоит стараться продлевать свою жизнь вдвое-втрое против обычного – незачем вам занимать на этом свете места, уже запланированные для других существ, нарушая своим эгоистическим стремлением оставаться в плотном мире подольше входе системы смены поколений на достаточно тесной арене жизни. Это не соответствовало бы ни Промыслу Божиему, ни интересам тех, кто по воле Творца должен сменить вас. А уж они-то о своих интересах позаботятся, пожалуй, даже обстоятельнее, чем вы, когда вам пришло время исполнять свою взрослую роль.

Ну, и что остается делать? А просто рассматривать свою оказавшуюся в конце концов такой короткой жизнь как время пребывания в пограничном слое между прошлым и грядущим, зная уже, что это тоненькая-тоненькая временная среда нашего обитания и полумгновенная длительность происходящего на наших глазах. Почему «полу», а не мгновенная? Да оттого, что раз на раз не приходится. Иное мгновение растягивается на годы, зато случается, что и года воспринимаются всего лишь немногими мелькнувшими и пропавшими мгновениями.

Растяжимость и сжимаемость разных отрезков времени

в памяти каждого человека свои. Но несмотря на пластичность природы памяти, она нередко обнаруживает и свою хрупкость. Есть вещи, подвергшиеся в ней разрушению, размыванию, даже абберации (собственно, у многих людей это самое обыкновенное дело), но некоторые вещи остаются при человеке нетленными, в первозданном виде. И это прежде всего любовь и ее первая производная по времени – секс. Впрочем, многие полагают, опираясь на физиологическую основу сущности людей, что все обстоит как раз наоборот. В их представлении первородным является секс, а уж от него-то первая производная – любовь, хотя только та её, правда, главная разновидность, которая во множестве случаев управляет особыми, причем не только сексуальными, отношениями между полами. Я не ставил перед собой задачей установить, что первично – любовь или секс – ни теперь, прежде. Но уж то, как они между собой могут соотноситься – это да – всегда занимало и, наверное, еще будет занимать меня.

Лично я принадлежу к тому поколению, в котором большинство моих сверстников и сверстниц познали любовь раньше, чем секс, или, если быть более точным – чем сексуальные образы и мечты смогли воплотиться в реальность. С тех пор, и уже достаточно давно, многое переменилось. Пожалуй, уже ббольшая часть юных, вступивших в пору полового созревания, сначала постигают сексуальные радости сближений и лишь потом особо ценные душевные и духов-

ные взлёты (мне все-таки претит мысль, что из-за этого они вообще лишают себя полноценных ощущений любви). С чего бы ни начать, лишь бы придти к гармонии – вот это самое трудное и важное. И совсем немногим удается удостоиться счастья взаимного обретения сразу на всю жизнь, без долгих поисков после очарований и разочарований, неоднократно следовавших одно за другим. Мне выпало принадлежать к большинству и в этом смысле, то есть испытывать сильнейшее тяготение к предметам мечтаний – сначала к девочкам-девушкам, затем к женщинам, чье обаяние и красота порождали любовь и желание обладать ими, даже обретать с некоторыми из них иллюзию высшей гармонии, прежде чем я смог вполне удостовериться в том, что гармония в моей жизни действительно есть, что она знаменует почти каждый ее день почти в любых ситуациях благодаря любви женщины, чьим избранником стал я, и кого моя любовь сделала моей избранницей.

Марина вошла в мою жизнь, когда мне исполнилось тридцать семь лет, и чувство к ней во мне немало всего преобразило. Не вдруг, не сразу. Ведь во мне уже сидела инерция прожитых лет, удачных и неудачных поисков и обретений; она глубоко проникла в психику, будь то сознание, а то и подкорка, и не могла испариться в один момент. Кредо каждого в большинстве случаев формируется под влиянием хода жизни, которая у него есть, даже если в голову изначально уже были внесены какие-то ожидания и схемы – не зря же нас

снабжают ими с ранних детских лет, рассказывая сказки, читая вслух соответствующие повести, пока мы не принимаемся читать их самостоятельно, постепенно переходя к романам, приносящим нам опыт жизни, счастья и судьбы посторонних людей. Но как бы глубоко ни укоренились схематические представления о способах обретения счастья, жизнь заставляет корректировать их в соответствии с выводами, которые каждому приходится делать самому после анализа событий, из которых раз за разом становится более отчетливо видной твоя судьба, какая она ни есть, а еще подозрение – не требуется ли тебе что-то менять в себе ради осуществления мечты.

Естественно, и я к своим итоговым выводам пришел не сразу. Первая любовь нахлынула на меня в тринадцать лет, и это был обвал всех прежних представлений о смысле и ценности жизни. Все мое сознание было целиком перевербовано в пользу любви. А что я о ней мог знать кроме того, что мысли о моей ровеснице Ирочке Голубевой, не дают мне покоя ни днем, ни ночью, ни дома, ни в школе – короче, никогда и нигде? Сейчас не имеет смысла вспоминать детали новейшего и сильнейшего наваждения, которое без спроса и предупреждения навалилось на меня – важным навсегда стало другое: я понял, что это – любовь, и что отныне я должен служить именно ей, то есть любви, которая предстала передо мной в образе Ирочки, но не была полностью тождественна Ирочке даже в моем еще совсем не искушенном моз-

гу. Любовь, в отличие от Ирочки, была не только конкретным понятием (ведь я знал, кого любил), но и высшей абстракцией, высшей и отличной от любого ее реального предмета, главной целевой функцией, какая только может быть усмотрена в жизни, и одновременно генератором высшего возможного эмоционального состояния, доступного смертным. Разумеется, тогда я еще не знал и не находил таких слов для характеристики любви, но я совершенно определенно утверждаю, что всё это понял и провидел без слов, без малейшего (за исключением родственного) опыта, поскольку любовь вызывала более мощное чувство и тяготение к постороннему человеку, чем к любому родному человеку, включая мать и отца. Я достаточно долго пытался разобраться – нет, не в причинах, скорее в последствиях, вызываемых чувством любви, раз уж она оказалась практически всевластной, и постепенно начал как будто бы понимать. С непреложностью стало ясно, что жить необходимо КАК-ТО по-другому, чем до ЭТОГО, хотя в голове еще не созрело представление о том, как и в чем именно надо изменить свою жизнь, чтобы она могла удовлетворять велениям любви, хотя большая часть этих требований пока была недостаточно ясной. Однако главное все же сразу сделалось понятным – любви отдается высший приоритет перед всеми другими делами, вещами, занятиями. Даже такому несмышленишу, каким тогда, без сомнения, предстал перед ликом любви я, не требовалось доказывать, что это именно так, а не иначе – любовь

теперь просто по определению была превыше всего, а если она чего-то не превосходила, значит, это не заслуживало ни названия, ни определения настоящей любви. Данное убеждение не оставляло меня и в дальнейшем, когда прошла любовь к Ирочке Голубевой и началась к Ирочке Розенфельд, а там и к Инночке Буриной и так далее, когда я уже имел представление и о неостребованности своей любви, и о разочаровании в ее объекте, и о том, что любовь не только способна, но и обязана возрождаться, потому что без этого не сто́ит существовать. Набираемый мною опыт заставлял вносить коррективы в свои представления о любви, которые, впрочем, никогда не касались главного. Да, я обнаружил, что любовь как высшая воодушевляющая сила, вызванная чарами внушающей ее дамы, нуждается не только в удовлетворении (на первых порах – еще не сексуальном), то есть во взаимном встречном чувстве, но и в охранении ее достоинства внутри себя от посягательств с любой стороны, даже со стороны ее предмета, ибо она представляет собой высшую ценность среди всего, что у тебя есть и ПОТОМУ допускать над ней глумления, даже просто пренебрежения ею не к лицу никому, кто считает, что любит. Таковы были начальные постижения, и каждое из них, подобно тому, как инструкции по полетам писались кровью летчиков, писалось кровью не находящего покоя сердца. Если кому-то покажется, что это слишком выпяренное представление о реальности бытия любящего человека, то не мне. О любви я ду-

мал всегда – и когда я чувствовал ее, и когда она терзала меня, и когда её вдруг больше вообще не оказывалось, а вместо нее внутри воцарялась ПУСТОТА, едва ли не напрочь истребляющая смысл всего окружающего тебя, и жизнь поддерживалась только привычкой к ней, да еще желанием проявить достаточную стойкость ради того, чтобы не вызывать к себе жалости ни со стороны, ни изнутри себя, и сохранить даже в раздавленном состоянии видимость несломленного человека. В общем, это напоминало борьбу с самим собой не на жизнь, а на смерть, в ходе которой ты не должен смочь продемонстрировать свою убитость, тогда как у тебя в душе нет ни любви, ни надежд на возрождение. Это я тоже прошёл не раз и не два, хотя все еще мучился только испытанием однобоко духовной любви, а не той полноценной, когда воодушевление сочетается с сексом, постепенно все больше заявляющем о себе, но пока никак не фокусирующимся на том же объекте, который вызвал к себе так называемую «чистую любовь».

Наконец, в возрасте двадцати одного года я обрел составляющие полноценной любви в лице своей первой жены Лены. К ней у меня возникло чувство любви, которое все возрастало по мере углубления знакомства. С ее стороны, как мне думалось, было примерно то же самое. Перед нашей свадьбой я уже закончил четвертый курс, а она – третий год обучения в аспирантуре. Разница лет не имела для меня никакого значения. Когда я проходил летнюю производствен-

ную практику после завершения четвертого курса в Запорожье, Лена приехала туда ко мне, страдающему без нее от одиночества. Там мы фактически и стали мужем и женой. До нее у меня не было женщины, и я у нее тоже оказался первым.

Половая жизнь, начатая нами в Запорожье, продолжалась потом со всей возможной для меня интенсивностью в Москве и в любом месте, куда благодаря общей увлеченности туристскими походами мы ни забредали. Эта новая сфера любовного общения открыла новые горизонты, не закрыв уже известных в годы романтических и целомудренных увлечений. Лена не ограничивала меня и мой пыл без особых причин, и близость в соитиях настолько существенно украшала нашу будничную жизнь, что мне и в голову не приходило попытаться расцветить ее еще большим внесением разнообразия за счет связей на стороне. Не стану врать – иногда соблазны при знакомстве кое с кем из женщин будоражили и возбуждали меня, но с этим удавалось справляться, оставаясь в рамках преданности своей избраннице без особого напряжения – ведь мне всегда было ясно, что Лена лучше других женщин, даже если те тоже были очень хороши. Именно тогда я начал понимать, что поддержание любви к своей жене в течение всей жизни означает постоянную работу в интересах сохранения союза. С одной стороны, надо было удерживать себя в узде, когда инстинкты побуждали проявить серьезный интерес к другим привлекательным дамам, будь то девушки или замужние женщины, что казалось мне есте-

ственной обязанностью, даже участью, любящего женатого мужчины. И хотя изгнать из основы своего биологического существа органически присущий ему инстинкт размножения, который побуждал пользоваться каждой подходящей и благоприятной ситуацией, нечего было надеяться, я противопоставил его воздействию своё сознание и волю к тому, чтобы всё, порождаемое этим инстинктом, продолжало принадлежать одной Лене и доставалось только ей.

Так и продолжалось у меня с Леной в течение семи лет, и я ни разу не пожалел ни о своем выборе единственной женщины, ни о своей верности ей. Однако постепенно до моего сознания стало доходить, что для противодействия своим и чужим свободным сексуальным влечениям (а такие несомненно оставались в недрах управляющей психики каждого существа, в том числе и моей) и подавления их воздействия одного моего личного старания мало. Дальнейшее сохранение верности надо было постоянно поддерживать с обеих сторон. Перебирая в уме возможные варианты близости с другими женщинами, от которых я отказывался, я всё более определенно склонялся к выводу, что это и впредь будет иметь смысл, только если Лена будет поступать точно так же, как я – ведь не приходилось же сомневаться, что и ей по жизни будут встречаться перспективные и соблазнительные знакомства, как это случалось у меня. Возможно, серьезных испытаний для неё они ещё не представляли, поэтому о противостоянии возможному влечению

на сторону она пока не заботилась, но ведь всё могло измениться и у нее, если вдруг возникнет новое сильное чувство к кому-то еще. А отчего оно могло бы возникнуть, понять было несложно. Во-первых, оно могло обладать таранной новизной, приоткрывающей новые пути к покуда непознанной духовной и сексуальной общности, тогда как защищать старые привычные крепостные стены без наращивания их прочности и высоты будет делаться всё трудней и трудней. Во-вторых, преодолеть соблазны и отстоять-таки крепость от чьего-то внешнего напора и энтузиазма можно было, образно говоря, только сражаясь вместе против общей угрозы, стоя спина к спине. Если же кто-то один в такой позе будет размахивать мечом, тогда как другой ничего делать не станет, успешной борьбы не получится. Для того, чтобы так не случилось, следовало вызывать, порождать или находить всё новые увлекательные для обоих супругов занятия души, ума и тела. Без этого устойчиво побеждать и себя, и носителей соблазна в интересах обеих сторон вряд ли можно было рассчитывать всерьез. Однако, мысленно перебирая события семейной жизни, я не мог обнаружить в действиях Лены чего-либо, напоминающего встречные сознательные действия, которые могли бы как-то соответствовать моим. Прав ли я был в своих выводах? Мне и теперь представляется, что был прав, желая большего во всем – и в обмене мыслями, и в познании нового, и в постели – чем это было прежде, Лене же нет – большего не хотелось ни там,

ни там, ни там. Жаждала ли она какой-то интенсификации интеллектуального и духовного общения со мной, точно сказать не берусь, хотя склонен полагать, что скорее нет, чем да. В области же секса определенно нет. В этом я не мог заблуждаться. Здесь почти всякая моя инициатива встречала определенный отпор. Ну что ж. Стало быть в этом направлении мне ожидать было нечего. А то я думал, что там возможно приятное внесение разнообразия для нас обоих. Параллельно я замечал, что Лене все чаще хочется проводить свободное время не дома и не со мной. Дикой ревности это не породило, но кое о чем мне хотелось знать более точно, чем: «собирались на вечеринку у той-то или того-то с другими коллегами по институту или еще даже по университету». Если смотреть в лицо фактам, а не прятать их от себя, это означало одно: интерес к кому-то вне дома превалировал над интересом совместного времяпрепровождения со мной. Выходит дело, мои усилия, направленные на укрепление «домашнего очага», оказались неэффективными, и тратить на это свои силы и старания впредь не имело смысла.

А ведь меня уже давно занимал вопрос – пока лишь в абстракции – есть ли у человека моральное право откликаться на сексуальные вызовы со стороны, когда у него имеется возможность дать страждущему и жаждущему то, в чем он нуждается, ничем не обделяя при этом свою законную половину? Ведь речь тут может идти только о гуманных поступках, совершаемых с использованием невос-

требуемых главным партнером излишков – и ни о чем другом! Но если раньше эти мысли вращались в сфере абстракции, то теперь им стоило бы придать и более конкретный смысл, учитывая еще и то, что подобным образом можно хотя бы заделывать дыры в стене, о прочности и неподатливости которой разрушающим влияниям окружающего мира заботился слишком уж долго. Нет, скороспелых решений насчет сексуальной свободы в создавшихся обстоятельствах я не принял и даже прицела на какую-то определенную интрижку не взял. Случилось другое – я с сожалением принял как данность такое развитие семейных событий и понял, что мой иммунитет против супружеской измены дал серьезную трещину. Да и не только был подорван сам иммунитет – еще раньше исчезла прежняя уверенность, почти убеждение, что любовью можно вызвать такую же любовь, на том основании, что любовь всё может. Это убеждение оказалось ошибочным. Да, возможно, кое-когда любовь приводила у кого-то к желаемым результатам, но это были скорее редкие или даже очень редкие исключения, а не правило, тем более – не закон. Законом оказалось совсем другое – любовь либо есть – причем такая, какая есть – не больше, или её нет. И о возрастании её по ходу семейной жизни у того, в ком ее было меньше, речь не шла совершенно, зато вот об убывании – другое дело. Жизнь доказывала, причем во все эпохи и буквально на каждом шагу, что испаряться могли даже самые грандиозные чувства. Я не мог пожаловаться, что Ле-

на меня не любила – жертвы с ее стороны я бы и не принял, но что наша любовная взаимность так и не сделалась равновесной, это признавала и она. Меня совсем не тянуло объяснять такое положение вещей тем, что в свои двадцать семь лет Лена еще не вышла замуж и над ней уже нависла угроза, что дальше так и не выйдет. Во-первых, она в любом случае была лучше очень многих других женщин, замужних и незамужних. Во-вторых, в стране, лишь недавно потерявшей в войне множество мужчин, в том числе и подходящих по возрасту девушкам Лениного поколения, так сказать, в силу нормального естества было бы просто гнусно браковать как «перестарок» женщин, оставшихся без мужей потому, что так было принято «в доброе старое время».

Я действительно очень дорожил тем, что пробудил в Лене встречное чувство, на какой бы основе оно ни возникло – на чисто эмоциональном уровне или с примесью разумных соображений. Повторяю – я знал, на что иду, и знал, что люблю больше, чем она, но это меня ничуть не остудило. Я смело пошел к заветной цели – к достижению равной взаимной любви, которая только и может вознести обоих на самые небеса, но в моем случае это оказалось только храбростью неведения. Ничего нового в таком обороте дела на Земле среди людей не было, и к этому – хочешь не хочешь – предстояло так или иначе приспособливаться обоим – и Лене, и мне.

Излишне говорить, что мы это начали делать разными пу-

тями. Мне хотелось обрести красивую и возбуждающую женщину, наделенную хорошим вкусом и умом, не говоря уже о встречном чувстве. Лене, по всей вероятности, найти в новом мужчине более близкий ей по духу и профессионально более подходящий (то есть философский) интеллект, нежели мой.

Все получилось не вдруг и не очень скоро, но получилось удачно у обоих примерно в одно время. Для меня это была полоса поисков, открытий, обретений и разочарований (но не во всем и не во всех моих партнершах), пока мы с Мариной не встретили друг друга. К моменту распада нашего брака с Леной от его начала прошло шестнадцать лет. Мы расстались по-хорошему, не сказать, что совсем без боли – все-таки, как ни суди, жили мы, принося друг другу удовлетворение, а порой даже счастье, вместе прошли много трудных путей, вместе многому радовались и многое преодолевали, не разочаровывая друг друга – и вот всё это осталось в прошлом без продолжений, тогда как жизнь уже приучила продолжать всё «на пару». Сразу перестать замечать это из общего более чем полуторадесятилетнего прошлого не получалось, хотя освободиться, в конце концов, оказалось нетрудно, по крайней мере, мне. А всё потому, что Марина ни в чем, как минимум, не уступала Лене, а во многом заметно превосходила бывшую мою жену. Это касалось прежде всего любви и Мариной предрасположенности к тому, чтобы идти мне навстречу во всем, что могло быть прият-

ным нам обоим. Она внимательней и с бóльшим интересом, чем Лена, относилась к моей писательской, а затем и фило-софской деятельности, понимая, что это – главное во мне и для меня после того, что дает мне и получает от меня она. Движения её души в мою сторону были столь явны и дра-гоценны, что я практически сразу обрел уверенность – да, в лице Марины я нашел одновременно всё, о чем мечтал с тех самых пор, как за двадцать четыре года до этого впер-вые понял, насколько незаменима любовь в деле достиже-ния счастья. Ничего более важного, чем укрепление отноше-ний любви и радости, связавших меня с Мариной, с тех пор для меня больше не было.

А в промежутке между жизнью с Леной и началом жиз-ни с Мариной случалось всякое. И до того, как под неумоли-мым напором логики жизни лопнула моя сексуальная устой-чивость к посторонним дамам, и после.

Помню (это относилось к первой поре), однажды мы с Ле-ной ехали на электричке к платформе «Березки», от которой предстояло пройти еще минимум километров десять до де-ревни Полежайки на Истринском водохранилище, в самой глубине его длинного восточного залива. Там у нас и чле-нов туристской компании на чердаке дома лесника храни-лись байдарки – они ждали нас от одних выходных до дру-гих. Прибыв в деревню, мы переносили свои суда к воде и шли на веслах еще от шести до десяти километров к како-му-нибудь из живописных мысов на основном плёсе. Тогда

еще и намека не было на то, во что превратятся через полвека сплошь застроенные трех – или более этажными виллами богачей абсолютно все берега. А в то время, о котором я говорю, об Истринском водохранилище знали в основном одни рыбаки да туристы. Мы с Леной оба предвкушали удовольствие от предстоящей встречи с красивейшим в окрестностях Москвы искусственным озером и его водой. Напротив нас на лавке в электричке сидела супружеская пара. Это были, как и мы, молодые люди. У женщины со светлыми волосами в темно-зеленом платье, в котором она парилась от жары, было красивое лицо, но мне почему-то было трудно оторвать глаза от ее фигуры. Я, конечно, предпринимал усилия, чтобы не слишком на нее засматриваться, но делать это чертовски не хотелось. Нельзя было сказать, чтобы ее формы были как-то особенно эффектны, тем более, что платье на ней было вовсе не открытого фасона – разве что на груди оно не сходилось кромка к кромке узеньким мыском, и то не особенно глубоким, но меня раздражало такое желание заполучить эту женщину голой в постели, что в пору было еще сильнее поразиться причине, по которой мне так ее хотелось, невзирая на присутствие жены. Отчетливо помню, что именно причины я тогда не мог постичь, хотя старался. Ладная ли она была? Да, ладная, но никак не в большой степени, чем Лена. Возбуждала ли она своим поведением или движениями? Нет, сидела достаточно спокойно, если не считать мучений от жары и вагонной духо-

ты, особенно когда поезд надолго задерживали на перегоне, чтобы пропустить мимо скорый на Ленинград. Она не кокетничала, к своему мужу поворачивалась не часто, и он тоже редко обращался с чем-нибудь к ней. Я терялся в догадках насчет того, какому именно особому воздействию подвергся, тем более, что явного лучистого обаяния, как и признаков высокого интеллекта в ее глазах и лице так и не находил. И тогда мне, пожалуй, впервые в жизни пришла в голову собственная догадка о наличии какого-то особого присутствующего лишь этой женщине сексуального поля, которое нельзя ощутить ни зрением, ни обонянием, ни даже осязанием, и о котором можно догадаться только по возбуждению члена. Это было против всех моих представлений о природе влечения к женщине. До сих пор я был уверен, что обязательно должны иметь место видимые и доступные пониманию причины внезапной охоты к овладению женщиной – особо броское рельефное сложение, какая-то распушенность в поведении, знаки желания познать тебя, откровенная нагота. Ничего подобного не наблюдалось. Я даже чувствовал, что будь я свободен – и она тоже – она все равно не годилась бы мне в жены, потому что в жене мне требовались еще и обаяние, и интеллект, которыми она явно не отличалась. И все же необычайную остроту восприятия тяги к ее телу невозможно было отрицать. Я не узнавал сам себя. О чем шла речь? О неизвестном типе оружия женщин, без всяких видимых ухищрений поражающем воображение и рефлексy мужчин?

Неужели под тонким, так легко осыпающимся слоем культуры, эстетических представлений и убеждений в избирательности своего влечения к женщине, управляемом разумно выверенными представлениями о предпочтительности и «подходящности» женщин именно для тебя, на самом деле выбор партнерши производится какой-то грубой бессознательной силой, которой дела нет до твоих умственных и духовных предпочтений и которая без всяких рассуждений (поскольку они – лишние) берет тебя если не за горло, то прямёхонько за детородный орган и сразу получает его в свое безграничное подчинение? Хорошо еще, что во мне сохранились еще какие-то тормоза, позволяющие выглядеть прилично – пусть только в сидячем положении. А так ведь ни присутствие Лены, ни мысленные напоминания себе о ней вроде бы уже не оказывали на меня никакого реального воздействия – хочу вот эту бабу – и всё!

Мне даже вспомнилась тогда врач – стоматолог – женщина с крупными и красивыми формами, которая прикасалась к моему боку бедром и тем вызывала почти аналогичное возбуждение. Но она все-таки КАСАЛАСЬ! И формы ее будоражили воображение ПРЯМО – именно этим она, бесспорно, превосходила женщину, сидевшую напротив в электричке, а тут-то ЧЕМУ я был обязан? Кто и что обвело вокруг пальца все мои привычные защитные меры против нарушения Лениной монополии на меня и на всё мое мужское хозяйство?

Дьявольских соблазнов, то есть вызванных к жизни собственно Дьяволом, я в то время в рассуждения не принимал, скорее был склонен усматривать дьявола в себе самом, настолько странно я себя повел по отношению к женщине, с которой никак не был знаком. Кстати, когда она с мужем вышла из вагона на какую-то платформу, и я впервые получил возможность увидеть ее в полный рост, впечатление от ее фигуры только усилилось. Естественно, этот инцидент не имел никаких других реальных последствий, кроме самопознавательного, но он нет-нет, да и вспоминался время от времени – когда через год, а когда и через десять лет, но из головы так и не уходил.

А уж когда «Лено-охранный» иммунитет явно сходил «на нет», возникали как внезапные, так и неожиданные торможения уже распаленного инстинкта, природу которых (я говорю о торможениях) я не мог понять.

Лена еще с университета была дружна с Риной Семеновой и ее мужем Виленом, тоже выпускником философского факультета. Мне они оба нравились. После окончания курса Вилену назначили преподавать марксизм-ленинизм в Горьковский университет, туда же вслед за ним отправилась и Рина, ставшая уже кандидатом философских наук – у нее продвижение по научной лестнице шло без сучка – без задоринки. Вилен отставал от нее не только по годам, но и по несколько иной устремленности. Если Рина решила использовать пребывание в Горьком для приобретения

биологического образования, то Вилен именно там начал в высшей степени удачную партийно-комсомольскую карьеру. Особенно его продвижению вверх по этажам партаппарата поспособствовало весьма удачное (как сочли в ЦК КПСС) участие в дискуссии на философские темы во время проведения Всемирного фестиваля молодежи в Москве в 1957 году, когда он пламенно и находчиво защитил от нападок диалектический материализм и научный коммунизм. Нельзя сказать, чтобы Рина в своих – притом тоже пламенных – убеждениях отличалась от мужа. Просто ей выпало пропагандировать то же самое, что и Вилену, только перед другой аудиторией. А в остальном это были ребята, ничуть не задающиеся ни должностями, ни успехами, а потому, как говорили в те дни, «свои в доску». Впрочем, Рина была еще ближе Вилену к Лене и особенно ко мне, потому что всерьез занималась альпинизмом и даже имела квалификацию инструктора. Одну смену мы втроем провели в альплагере «Уллу-тау» на Центральном Кавказе, в ущелье Адыр-су, и Лена там ходила на значок «Альпинист СССР 1ой ступени» в отделении под командой Риной, имевшей уже второй спортивный разряд, в то время, как я нахаживал только на третий. Там-то в перерыве между восхождениями Рина, глядя на нас с Леной (мы в ее глазах являлись идеальной супружеской парой), сказала, что с Виленом у нее в постели ни о каком благополучии и речи нет. Лена попыталась остановить изливание Рининой откровенности, но Рина ей не позволила, словами:

«Нет, я хочу говорить! Почему у других это есть, а у меня нет?» Судя по тому, что она поведала, дело было действительно плохо. Мне было жаль и Рину, и Вилена, хотя и поразному, только не поймешь, кого больше – неудовлетворенную Рину или, неудовлетворяющего мужа, который «горел» на партийной работе, как и подобало ему, твердокаменному ленинцу, к тому же еще и сыну соратника самого Ильича, а, стало быть, генетически впитавшему во все свои поры марксизм-ленинизм. Но наряду с сожалением по поводу обоих наших друзей в мою голову закралась еще одна мысль – а что, если Рина по-приятельски намекает мне, мужу своей давней подруги Лены, что в создавшихся условиях никому не будет худа, коли я втихаря помогу Рине справиться с проблемой – в конце концов, это действительно с моей стороны было бы дружеским действием, тогда как от Лены ничего бы не ubyло – в этом Рина была заранее правильно убеждена. Данной версии смысла состоявшегося исповедального разговора я никакого хода не дал, однако и выбросить ее из головы не торопился.

Вспомнить об этом мне пришлось через несколько лет. Лена, поговорив с Риной о чем-то по телефону, передала мне, что та просит меня заехать к ней домой и достать с антресолей байдарку – мы как раз собирались вместе отправиться в весенний поход. Я пообещал приехать. Назавтра я уже был с Риной. Зная, что я только что с работы, она предложила сперва пообедать. Это было в порядке вещей,

как и то, что она выставила к обеду вино, и мы выпили с ней по паре рюмок: «За грядущие походы и восхождения», и «за нашу дружбу». Собственно, так тоже случалось всегда. Мы мирно, дружески и в общем-то нейтрально беседовали на кухне, совершенно не касаясь, так сказать, скользких тем. Потом я спросил, где разобранная байдарка, и Рина показала на створки дверец над входом в кухню. — «Лестница есть?» — «Есть, » — сказала Рина. — «Ну, хорошо, » — отозвался я, и пошел за стремянкой, куда было сказано. Расставив ноги стремянки в стороны, я уже собрался полезть наверх, когда Рина остановила меня: — «Подожди, там поверх мешков лежит кое-какой хлам. Я разберу его и передам тебе вниз». С этими словами она поднялась по ступенькам на верхнюю площадку лесенки, а я задрал голову вверх. Мне давным-давно было известно, что Рина отлично сложена, но в этом ракурсе я ее раньше не видел, тем более, что на ней сейчас был только домашний халатик, хотя трусики все же находились на месте — это мне было видно снизу прекрасно. И тут же в сознание вернулся тот давний разговор в альплагере «Уллу-тау», позволивший еще тогда допустить мысль, что Рина не против принять меня туда, куда чересчур редко попадает, по ее мнению, Вилен. Продолжать развивать всякие соображения на этот счет мне мгновенно показалось и некогда и незачем. Рина уже распахнула створки дверец антресоли и потянулась внутрь, встав на цыпочки и наклонив тело, когда я взлетел на верхнюю ступеньку, вынул Рину из антре-

сольного зева, обхватил ее тело руками и, не выпуская стал осторожно спускаться с ней вниз. Оказавшись на полу, я перехватил ее поудобнее и понес в спальню на кровать. Вилена не было в Москве – собственно, потому здесь и оказался я – и теперь его жена стала моей ношей. Уложив ее поверх покрывала, я без предисловий стал расстегивать пуговицы халатика, а, избавив Рину от него, быстро стянул с ее прекрасного «нижнего бюста» (виноват в названии Маяковский), бедер, голеней и ступней трусы, а лифчика на ней и без меня уже не было. Все это время мною недвусмысленно владело половое напряжение. Я окинул взглядом всю свою впервые ничем не прикрытую подругу и нашел, что она на самом деле прелестна. От ее ладного тела исходил теплый свет, будто от розоватого мрамора. Формы груди, живота, ног выглядели и внушительно, и мягко, лицо казалось лишь слегка удивленным, но, тем не менее, радостным. Белокурые волосы крупными кольцами сбились на лоб. Я принялся целовать ей лицо, потом грудь – в тот момент я впервые задумался, кого мне напоминает она своим телом и светом, исходящим от него, а затем и позой, когда я уложил ее на бок, и почти сразу нашел ответ – если не считать несходство Рининой головы с темноволосой моделью Гойи, она была почти вылитая «Обнаженная маха» с портрета этого Великого испанца. Казалось бы, этому тоже можно было только радоваться, но при совмещении этих двух образов в один я вдруг почувствовал, что посылавшее меня в бой напряжение в чреслах

вдруг стало почему-то исчезать. Я продолжал целовать прелестное тело, но уже не думал обнажаться сам – мне было нечего предложить своей махе в качестве орудия удовлетворения, но и не ласкать такое тело я тоже не мог. Не знаю, какой гипотезой воспользовалась Рина – ей, видимо, было так приятно получать даже то, что являлось для нормально-го акта соития только прелюдией, но она осталась мне благодарна и за это. Не исключено, что Рина простила мне осечку, представив, что в последний момент образ Лены оказался между нею и мной. Будучи действительно хорошей подругой моей жены, она, вероятно, нашла это вполне естественным – не так-то просто человеку, которого она прилюдно называла идеальным мужем, в один момент перестать быть идеальным. У меня же было другое объяснение случившемуся, хотя и довольно близкое к Рининуму. Я понял на сей раз, что это Ленино поле на расстоянии окутывает меня даже когда это мне, а, возможно, и ей уже не было нужно.

Однако кто может знать, чьими полями и ради чего именно так управляет нами Вседержитель Судеб, Всемогущий Творец? Женщина в электричке заставила меня безапелляционно и мгновенно ее захотеть, в то время, как вполне знакомая и давно привлекающая к себе Рина, представшая передо мной в доселе невиданном блеске, вдруг словно бы этим самым блеском пригасила мое желание завладеть ею. Произвольной ли была направленность действия полей? В этом я очень сильно сомневался. Какая спонтанность, с моей точ-

ки зрения, а лучше сказать – для меня, могла иметь место, когда речь шла о перемене определяющего вектора всей моей жизни? Если я принял решение изменить ее, перестав посвящать себя Лене, то зачем после этого я стал бы мешать самому себе? Было ясно, что это сделали внешние силы – и уж, конечно, не мои внутренние и не просто инерциальные силы привычки. Впрочем, что я мог в этом тогда понимать? Будто и инерция была предусмотрена кем-то еще, кроме Бога. Последствие случившегося соития – какое-никакое – наблюдается всегда и везде, а уж кто или что накладывает блокировку на близость, наперед не узнать.

Неудача в попытке нашего сближения до конца не обескуражила Рину, пожалуй, даже наоборот – в чем-то ее обнадежила и воодушевила. Иначе трудно было бы понять, почему на следующий день она позвонила мне и сообщила, что вернувшийся поздно вечером в Москву Вилен попробовал подкатиться к ней, но был отвергнут от постели с позором для себя. Значит, «снос» с лестницы в постель настолько захватил Рину, что в ее душе только окрепла надежда на достижение желаемого в будущем времени именно со мной. Я не ждал, что рикошетом случившееся (точнее – «недослучившееся») столь крепко заденет Вилену. Честно говоря, было бы приятней, если б Вилен ощутив каким-то образом обострение секс-эппила, завершил начатое мной. Тандем в этом случае мог бы пойти на пользу им обоим – так нет! Рина предпочла показать Вилену, что его подкаты ее вооб-

ще не устраивают, если этому не предшествует зажигательная увертюра, которую, можно сказать, идеально удалось исполнить мне. Жалел ли я о том, что главного после этого не случилось? И да, и нет. Жалел, потому что понимал – Рина в постельном плане наверняка оказалась бы хорошей любовницей, способной откликаться на всё, что сулит принести еще большую радость в сравнении с достигнутым ранее, тем более, что она всего этого так заждалась. Жалел, конечно, и о том, что так неожиданно иссяк в момент, когда, казалось бы, должен был бы еще больше воодушевиться, а в результате потерпел фиаско и в своих, и в Рининых глазах. Однако меня не особенно огорчило, что я волею судьбы или случая сохранил верность Лене. И, кроме того, мне совсем не было жаль, что неудача на поле сексуальной схватки избавила меня от обязанности слушать после постельных дел или между ними Ринины излияния по поводу ее партийных взглядов на международные отношения и внутреннюю общественную жизнь. Она отнюдь не была просто распропагандированной дурой, к тому же через своего высокопоставленного мужа была в курсе множества вещей, о которых простым гражданам просто не полагалось знать, и умела их честно пересказывать по существу без идеологических приправ. Но все же в остальном оправдывающего все на свете демагогического коммунистического мусора в действиях нашей родной коммунистической партии и советского правительства, к которому вполне определенно – через Вилену –

принадлежала сама, было в ее голове тоже полным-полно. Тем не менее для меня было ценно, что я теперь стал ей ближе, чем был, и что перспективы дальнейшего сближения отнюдь не закрыты. А дружба, в том числе и межсемейная, никуда не делась. Она вообще не пострадала никак. А еще спустя год с лишним Рина совершенно в открытую осуществила один замысел, касавшийся нас двоих. Меня она пригласила полететь с ней на Центральный Кавказ покататься на горных лыжах. Лена оставить работу тогда не могла, в то время как я имел часть неиспользованного отпуска, который начальство сорвало мне заграничной командировкой, поэтому в глазах обоих семейств я имел не только возможность, но и полное право участвовать в Рининой затее даже с точки зрения Лены. Впрочем, допускаю, что у Лены могли возникнуть определенные подозрения. Но то ли она была вполне уверена, что я как принадлежал, так и принадлежу лишь ей, то ли считала, что если в отрыве от нее я могу при подходящем стечении обстоятельств спикировать на какую-нибудь даму, то уж лучше тогда на ее же подругу, чем на кого-то еще. Так или иначе, но Лена меня отпустила на Кавказ без всяких разговоров и даже снабдила Рину своими горными лыжами.

Благодаря Рине, запасшейся какой-то бумагой соответствующего столичного начальства, нас с ней без звука, не спрашивая брачного свидетельства, устроили в одном двухместном номере в престижной тогда гостинице «Иткол», находящейся совсем близко от нижней станции кре-

сельного подъемника на гору Чегет. В этой почтенной гостинице практиковалось и не такое. Мой двоюродный брат Сережа, нередко работавший на горнолыжных соревнованиях в судейской коллегии, рассказывал мне, как однажды, припозднившись на горе, он попал в ресторан «Иткола» уже после закрытия его в качестве столовой, но еще перед открытием в качестве собственно ресторана. Однако он в силу своих личных качеств всегда пользовался успехом у девушек, и его посадили обедать где-то сбоку, когда в главном зале уже началось общее собрание сотрудников отеля. Среди разных вопросов, важных для трудового коллектива, выступавший с докладом директор коснулся одной щекотливой темы. — «Жанна, — сказал он, обращаясь к одной из сотрудниц, — вы ведете себя как проститутка!» Коллеги отреагировали на это незамедлительно с целью точно определить характер деятельности Жанны. Сразу с нескольких мест директора поправили репликами: «Не как проститутка, а как блядь — она денег не берет!». Впрочем, в соответствии с принятой в отеле классификацией, там имелись не только бляди, но и проститутки, в том числе и гастролерши. Одну из них, также обосновавшуюся в «Итколе», я заметил еще среди пассажиров самолета, на котором мы с Риной летели из Москвы в Минводы, и тогда же опознал в ней именно проститутку, а не просто одинокую молодую женщину, отправляющуюся отдыхать и кататься на горнолыжном курорте в поисках романтических приключений. Что склони-

ло к этому определенному выводу меня, не имевшего абсолютно никакого практического опыта общения и с проститутками, и даже с бескорыстными, но неразборчивыми блядями или, как еще называли некоторых из них, с «честными давалками»? Ничего кроме личных визуальных наблюдений. Во-первых, эта женщина бросалась в глаза тем, что была одета в ярко-красную шубку из искусственного меха с широким капюшоном, хотя и оставляла свою голову искусственной блондинки неприкрытой на морозе в аэропортах Внукова и Минвод. От ее манеры бросать быстрые оценивающие взгляды вбок и назад жесткими наблюдательными глазами веяло профессионализмом, а не романтикой. Она расположилась в самолете двумя рядами кресел впереди от нас с Ринной, и я видел ее в полный рост, когда она в проходе снимала с себя красную шубу. Тогда на ней обнаружился сливочного цвета пиджак с двумя разрезами, но не по бокам, а точно посередине каждой ягодицы, что не было еще атрибутом массовой моды и тем более успешно акцентировало внимание наблюдателей на ее вполне выразительном заду. Бюст у нее тоже оказался в порядке – не маленький и не чрезмерный, наверняка свой собственный, без наддува, поскольку в те времена пластическая хирургия еще далеко не стала доступным средством изменения параметров фигур. Словом, она могла бы казаться нормальной, а не профессиональной женщиной, если бы не выражение ее лица. Вот оно-то и производило странно-смешное впечатление. Красоткой она точ-

но не была, и вообще черты ее лица выглядели куда грубее контуров фигуры, внося явный диссонанс в общее впечатление от внешности. О жестком внимательном ищущем взгляде я уже говорил. Не менее характерной деталью, бросавшейся в глаза, был и ее рот с широкими и длинными губами, крикливо намазанными красной помадой в тон шубы. Если она замечала чей-то взгляд, заслуживающий, по ее мнению, особого внимания, она приоткрывала рот и втягивала через него воздух, желая вызвать своим кажущимся и автоматически срабатывающим равнодушием укрепить интерес к себе.

Гостиница «Иткол» являлась местом, куда в свои свободные дни приезжала развлекаться вдали от семей официальная кабардино-балкарская знать и республиканские денежные мешки, так что тут было, кем попользоваться и местным специалистам, и гастролерам. Речь тогда, как правило, не шла о клиентах из числа горнолыжников – спортсменов – на таких хватало и добровольных охочих партнерш. Самолетная спутница в сливочного цвета пиджаке несколько раз мелькала передо мной в коридорах, и тогда я вспоминал о ней, чтобы тут же забыть, но однажды она приблизилась ко мне из-за спины и, уже миновав, повернула голову назад и одарила внезапно приоткрывшимся ртом, втягивающим воздух – тем самым приемчиком, который я отметил еще во время рассадки в самолете. Но вот чего я никак не ожидал, так это того эффекта, который незамысловатый

приемчик без промедления произвел на мое либидо. Он оказался куда действенней, чем очень ладно-облегающий зад пиджак с более чем удачно размещенными возбуждающими разрезами. Я почувствовал скачок в соответствующем месте брюк. Возбудительница впереди не замедлила шаг. Видимо, мне предлагалось самому решить, ускорить ли свой ход и затем каким-то образом войти в словесный или в прямой физический контакт, или прикинуться ненуждающимся и равнодушным. Но оказалось, что и последнее было для меня нелегко. Да, я не устремился вслед за ней, внешне я остался таким, каким и прежде был, но ведь уже хотел эту женщину, несмотря на грубость ее лица и вульгарность манер и использованного ею приема, который сам говорил о своем предназначении – завлечь на сексуальный сеанс возбужденного и платежеспособного желающего. Каюсь, вернее откровенно признаюсь, что мое нежелание контактировать с проститутками в немалой степени основывалось на том, что мое финансовое обеспечение никогда не позволяло мне платить женщинам. Однако не это было главное. Я вовсе не считал проституток обязательно грязными в моральном смысле и конченными падшими женщинами, позорящими свой пол. Во-первых, сама общественная мораль была насквозь фальшива. Чтобы опре-

делить это, не требовалось никакой проницательности. Если жрицы продажной любви роняли достоинство женщин, как лучших представительниц человеческого рода и фальсифицировали любовь, то их покупатели делали в совокуплениях с ними ровно тоже самое. Они ничуть не в меньшей степени роняли свое достоинство мужей, любовников и преданных поклонников своих дам, точно так же аморально предавая свои высокие чувства и привязанности ради получения эрзаца любви, да еще за счет средств, которые во многих случаях могли бы пойти на пользу их действительно или номинально «любимых». А, во-вторых, кто посмел бы утверждать, что проститутки по своему естеству (даже не касаясь их выше среднего умения ублажать клиентов, как это ясно любому, представляющему все обилие и разнообразие их сексуальной практики) ничуть не уступают достойным и порядочным женщинам, как в кавычках, так и без. И среди проституток всегда много женщин – действительно жриц – служительниц своего сексуального темперамента, которые ведут свою жизнь именно так, потому что другую вести не хотят и не могут, поскольку ничто другое для них настолько не занимательно и не интересно, как любимая сексуальная работа и связанное с ней сексуальное искусство. Похоже, что по ходу времени таких охотниц за получением собственных разнообразных удовольствий от разных партнеров становится все больше и больше, а доля их в сфере платных любовных услуг в современную эпоху все возрастает,

и это даже в определенной степени украшает саму проституцию изнутри – ведь ясно же, что когда трудящийся получает наслаждение от работы, он ее выполняет лучше, чем когда трудится без удовольствия, и проституция в таком случае не является исключением среди любых видов занятий, профессий, работ. Другое дело, когда проституция служит только средством получения денег, а не истинных удовольствий. Да, о существовании проституток, занятых мыслями исключительно о деньгах, можно только жалеть и жалеть. Это значит, что нечто очень важное, даже главное в их жизни никак не заладилось по каким-то из тысяч возможных причин – от бытовой нужды до прямого предательства их бывших любимых, от легкомысленных представлений обо всем, что связано с подобной работой, до желания любой ценой кого-то спасти, раз уж им пришлось так профанировать основной инстинкт. Почему, зная обо всем этом, общество чохом чернит их всех? В конце концов, если занятия падших женщин не нравятся – не пользуйся ими – и всё. Ах! Ну, а если они, эти подлые падшие твари соблазнят и «своротят» тебя с пути истинного? Тогда в первую очередь вيني в этом себя. Не лишне помнить, что Господь Бог по библейской легенде изгнал из рая не одну соблазнительницу – Еву, а на пару с соблазнившимся первомужчиной Адамом. Разве этим не была Указана Свыше одинаковая греховность обоих партнеров, а не одного?

И разве не ясно, что проститутка, нашедшая среди муж-

чин такого, кого любит сама и который не желает эксплуатировать ее и одновременно испытывает к ней встречные чувства, не заслуживает счастья и уважения после всего, что ей довелось пережить на ниве платного секса? Да в той же Библии есть подтверждения уважительного отношения к проституткам – например – в Ветхом Завете – Раав, укрывавшая шпионов из армии, осаждавшей Иерихон, а в Новом Завете – сама оставившая свое блудное ремесло ради любви к Иисусу Христу Мария Магдалина. Однако добрые христиане и до сих пор предпочитают не замечать подобных вещей в Священном Писании, которое номинально должно быть законом для них. Но я немного отвлекся. Чтобы закончить изложение моего отношения к проституткам, отмечу, что в абстракции оно и не одобрительное, и не осуждающее, тем более – не презрительное. А конкретно в собственной жизни я без них обошёлся, чем доволен, хотя и не горжусь. Умозрительно я когда-то попробовал представить себе ситуацию, в которой проститутка – привлекательная и откровенная женщина – предложила бы мне себя из интереса к моей личности или, допустим, из благодарности – мог бы я тогда на это пойти? И я решил, что этого не стоило бы заранее отрицать, если бы я не имел каких-то других обязательств. Так я искренне думал, пока обогнавшая меня в коридоре отеля «Иткол» профессиональная женщина не вызвала в один миг мощнейший прилив крови в низ моего живота. Тогда я понял, что чего-то важно-

го все-таки себе не представляю, если вот так, с бухты ба-
рахты, могу захотеть близости с персоной, не соответствующей
никаким критериям, по которым я старался найти себе настоящую
партнершу. И снова после долгих размышлений я пришел к выводу,
что это невидимое, но властно требующее физического замыкания
воздействие порождено каким-то необнаруживаемым современной наукой
психическим полем, о возможностях использования которого в своих
целях грамотно преподносящим себя проституткам издавна известно
много больше, чем высокообразованным физикам и физиологам всей
Земли. В каком-то давнем юмористическом журнале, кажется, польском,
была помещена достаточно едкая карикатура по сходному поводу. Во
время работы международного съезда кибернетиков в зал заседания
вошла, чтобы передать в президиум какие-то бумаги, некая женщина,
после этого сразу же покинувшая зал в сопровождении мысленного
единения всех обладателей высоко-ученых мозгов в виде общей
формулы: – «Какая задница!» О каких интеллектуальных возможностях
оценки женского воздействия после этого можно говорить? Не знаю,
пытался ли глубоко анализировать эту тему такой тонкий знаток
отношений мужчин и женщин, обладавший к тому же весьма большой
личной практикой, как великий литературный гений американец
Генри Миллер – человек какого-то уникального обаяния, ощущаемого
всеми, кто его близко знал, в том числе и продажными женщинами.
Так вот, некоторые про-

ститутки во Франции, которых он вначале снимал как клиент, после короткого общения переставали брать с него деньги и становились просто любовницами, а то еще и спонсорами для него. В его произведениях, насыщенных сексуальными историями, нет никаких признаков неуважения к шлюхам, как он их, тем не менее, называл. Видимо, это слово он скорее всего использовал в качестве обозначения рода их занятий, но никак не для выражения осуждения или презрения. Мадмуазель Клод и Нис описаны им честно и откровенно, но притом и с любовью, пусть даже и небольшой. Он был им благодарен, как и они ему, за то, что он видел в них интересных, приятных и заслуживающих бережного обращения людей, и это было для него непреложно.

Другой выдающийся мастер американской художественной прозы, Томас Вулф, в отличие от выходца из Нью-Йоркского Бруклина – Миллера, происходил из курортного городка Эшвилл южного штата Северная Каролина, и, вероятно, как южанин и провинциал, мог иметь более консервативные взгляды насчет продажной любви. Но и у Вулфа не проскочило в его романах сколько-нибудь презрительного отношения к проституткам. А ведь началось с того, что он еще подростком вытаскивал гулявшего вразнос алкоголика-отца из борделей и, очевидно, имел возможность видеть не только парадную, но и неприглядную сторону всего, что происходит в них. Да он и сам получил первоначальное образование в постели у очень опытной, далеко немоло-

дой проститутки, но только не в борделе, а в пансионе собственной матери, где эта проститутка снимала номер, отдыхая на курорте от трудов праведных и неправедных. Эта дама в отрыве от постоянного дела, которое было у нее в Сент-Луисе, нуждалась в сексуальном удовлетворении и выбрала для этого долговязого и смышленного юношу-школьника, которого и посвятила в тонкости искусства. При этом она тоже не проявляла корысти, однако, чтобы, как говорится, «не испортить руку», все же брала с Вулфа за визиты в ее номер плату в виде медалек – школьных наград, которые числом семнадцать вскоре все переключали в ее ридикюль. Начав самостоятельную жизнь, Том Вульф, обманутый своей вышедшей замуж первой любовью, продолжил удовлетворяться платными услугами молодой проститутки большого портового города. И снова за это он не презирал ни ее, ни себя. Видимо, только ханжам была присуща априорная позиция осуждения, нередко порождавшаяся скрываемым от посторонних желанием оказаться в числе и даже на месте мужчин, обслуживаемых «падшими» женщинами. К счастью, великие честные писатели, такие как Ги де-Мопассан, Уильям Фолкнер, Генри Миллер, Томас Вулф, Александр Куприн, Жоржи Амаду, Юрий Нагибин немало написавшие на тему, о которой сами знали достаточно много, не имели с ханжами ничего общего в отношении проституток. И людям стоило бы вчитываться в их произведения не только в поисках «клубнички», но и ради обретения собственной осмыс-

ленной и нравственной позиции по поводу явления, которое человечеству извести не дано никаким принуждением. Оно ближе к природе вещей, чем можно себе представить, и вырвать его из общественного обихода, когда в нем постоянно есть какая-то нужда, нельзя никакими силами. Секс всегда найдет способ уклонения от репрессивных воздействий со стороны и религии, и власти. Он фундаментальнее умозрительных схем морали, хотя и они нацелены, по номиналу, на добро и на убережение людей от духовной деградации и половых инфекций. А, впрочем, о чем тут еще рассуждать? Проституцию могут истребить только сами вовлеченные в нее женщины, если на то у них будет воля и дееспособность. А и с тем, и с другим в «цивилизованном» обществе всегда было плохо, а уж в нецивилизованном – и подавно. И, судя по предсказанию Джорджа Герберта Уэллса в его романе «Когда спящий проснется», это особо сильно не изменится и в будущем, за исключением одного – проститутки будут очень уважаемыми членами социума.

Да, но моей-то поездки вместе с Риной на Кавказ, в «Иткол» проституция почти никак не задела – разве что тем, что проходящая мимо женщина обогнала меня, полуобернулась и вдохнула воздух через приоткрытый рот – и миг возбудила, а вот Рина, как и у себя дома, так и здесь, почему-то не смогла. И вообще она все время вела себя нервно. Звонила Вилену в Москву, на пару дней даже смоталась на самолете туда и обратно, вернулась неуспокоенной

и потребовала у администрации, чтобы нас устроили по разным номерам. Я был не против – что толку было ночевать в одной комнате, а проводить время не в одной постели. Еще до кратковременного выезда Рины в Москву я начал совершать пешие прогулки на поляну Азау, потом в ущелья Юсеньги и Адыл-Су. В удалении от долины Баксана, казавшейся довольно скучной, в боковых ущельях лучше чувствовалась прелесть гор, тем более, что и ущелье Адыр-Су с альп-лагерем «Уллу-Тау» было отсюда совсем неподалеку, а с ним меня связывало многое, навеки дорогое. Сначала меня доносили головные боли. Как всегда, я достаточно медленно адаптировался к атмосфере на высоте, но в конце концов я к ней привык. Мысль о том, что я, какой-никакой, но все же слегка квалифицированный альпинист, теперь не очень здорово ощущаю себя на дне долин, немного угнетала, но все же не очень. У меня не было чувства, будто я совсем прощаюсь с горами и по возрасту, и по собственному разумению, приведшему к выводу, что из-за недостаточной силы рук дальнейшее усложнение восхождений мне как полноценному участнику, прокладывающему путь впереди спутников, вряд ли будет доступным, а быть вечно в роли ведомого-страхующего мне не хотелось. Дело в том, что я уже знал и другие горы, несколько не легче Кавказских, которые хотя и были заметно ниже по абсолютной высоте, но звали к себе ничуть не слабее. Туда я определенно стремился попасть еще и еще, и таких гор было столько, что все никак

не обойти даже за сотню лет или больше. Речь шла о Сибирских горах: об Алтае, Западных и Восточных Саянах, Хамар-Дабане, Баргузинском, Яблоновом, Становом хребтах, о Сихотэ-Алине, Джугдыре и Джугджуре, наконец, о хребте Черского, Верхоянском, Колымском и Анадырском хребтах, а также о таинственных синих Олойском и Кедонском хребтах в окрестностях реки Омолон, не говоря уже о Камчатке да и о многом другом. Кое-где мне удалось-таки побывать. С Леной – однажды, а с Мариной еще дважды в Западных Саянах, а ещё в Баргузинском хребте и на Байкале, на Витимском плоскогорье, на Средне-Сибирском плоскогорье и Подкаменной Тунгуске (везде после Байкала только с Мариной). Можно подумать, что увидел немало. Однако это была всего малая часть того, на что у меня возник аппетит к тому времени, когда я совсем обыкновенным «гостиничным» туристом совершал пешие экскурсии в районе Терскола, и мне казалось, что теперь я достаточно мелко плаваю, раз нахожусь в районе вершин, которые не раз видел с других вершин и перевалов в качестве восходителя, а не банального посетителя горного курорта. Впрочем, я и попал в него в основном с другими намерениями – как и Рина.

В общем, поездка в Баксанское ущелье и прогулки в его окрестностях меня не очень обогатили настроением и впечатлениями. Она не отдалила меня от Лены как я рассчитывал, хотя и не возымела противоположного действия. Сближение с Риной не состоялось, что было неприятно, но не яви-

лось неожиданностью. Просто я получил подтверждение, что Рина – не та женщина, которая не только не могла соперничать с Леной, но и даже сосуществовать на вторых ролях рядом с ней внутри меня. С ней было не так уж интересно, чтобы это могло захватывать меня целиком. Короче – гармоничных отношений с Риной уже ничто не обещало.

Еще один важный урок преподала мне московская гастролерша в «Итколе». Я понял, что мне еще надо научиться противостоять угрозе, которую я раньше плохо себе представлял. Нет, это не была опасность связаться с проституткой вопреки своему принципу, это была опасность потерять контроль над собой под воздействием соблазнительной женщины, во всем, кроме секса, не устраивающей меня вообще – не только по поведению и своему образу жизни, но и по уму, интересам и эстетическому обаянию. Как надо противостоять такому выпадению из своих же привычных критериев, кроме как заранее энергично избегать любых контактов на коротке, я еще не представлял, но задал себе цель обдумать, что можно делать еще. В пору было подивиться себе, зачем это было нужно, когда я пребывал в состоянии, требующем срочно найти ХОТЯ БЫ сексуальную замену Лене, чтобы покончить с бóльшей зависимостью от нее, чем была у нее от меня, но почему-то я настойчиво напоминал себе, что это не должно быть единственной целью поиска, что мне нужна избранница, устраивающая сразу по всем статьям – и прежде всего, по той, чтобы она вызывала желание любить ее всю

целиком. Много ли я хотел? Конкретно еще не знал, но думал, что многого.

Короче, из поездки с Риной на Кавказ в Москву я вернулся с тем же, с чем из нее уехал, однако стал при этом немного другим. И то небольшое приращение моего жизненного опыта, которым я там все-таки обогатился несмотря на неудачу, мне еще все-таки пригодилось в будущем – и не раз.

По сути дела я уже не только прочувствовал нужду в пригодной для практического использования теории верного поведения в предлюбовный и собственно любовный период жизни, но понял, что некоторые начала такой теории уже почти находятся в руках. Не смешно ли? Когда и где человеку воздавалось свыше взаимной любовью человеком другого пола за то, что он следовал соответствующей теории? Да, он мог стать праведником, но это означало, что теперь он вооружен на все случаи жизни, поскольку всех возможных вариантов испытаний ему не дано наперед знать. Тактика его поведения вырабатывается эмпирически, по ходу дела, а уж стратегии-то у него нет совсем. На какой же «теоретической основе» можно базировать свои действия, если десяти заповедей для этого крайне мало, а другие принципы даже религией не провозглашены? Несмотря на столь скандальную нехватку отправных данных, некоторые основания для начала теоретических разработок все-таки имелись.

Первое – человек слаб и запросто поддается всяческому соблазнам. О чем это говорит? Сразу о многом: о неведе-

нии насчет последствий прегрешений; о склонности удовлетворять свои сиюминутные желания так, будто их достижение является важнейшей целью жизни; о нетерпении; о нежелании и неумении представлять свою жизнь одновременно в двух аспектах – Земном и Вечном.

Второе – человек способен учиться и в ходе обучения избегать повторения сделанных ошибок в собственной практике, если достанет памяти и воли.

Третье – человек способен учить других тому, что он знает, ради того, чтобы сберечь всевозможные ресурсы обучаемых от напрасной их растраты, даже несмотря на то, что, скорей всего, учить ему будет некого.

Четвертое – человек, существуя в плотно населенном Мире и, будучи обязан Волею Создателя продолжать жизнь на Земле, покуда его не переместят в иное существование, обязан одновременно быть и эгоистом, планировать, тем более осуществлять свои действия в сознании того, что его окружают другие эгоисты, кто бы они ни были: члены семьи, друзья, враги, знакомые и незнакомые, зависимые и независимые от тебя.

Пятое – в толчее жизни нельзя не причинять другим неудобств, как нельзя и самому не испытывать неудобств, которые причиняют ему посторонние, что приводит к ущербам и издержкам с абсолютной неизбежностью для любой из сторон.

Шестое – человек нуждается в расслаблениях, в релакса-

ции, и поэтому ему необходимо уделять время отдыху и пребыванию в одиночестве (пусть и кратком) наедине с самим собой.

Седьмое – никакие договоры в человеческой практике – как государственные, так и общественные или межличностные – не бывают абсолютно равноценными, равноправными, эквивалентными в полном смысле слова. Даже взаимность в любви не гарантирует этого в полной мере вперед на все времена.

Восьмое – поддержание приемлемых отношений между людьми с неизбежностью выливается в процесс обмена какими-то уступками наряду с твердым отстаиванием тех интересов, от которых по серьезным причинам нет желания или воли отступить. Такой характер процесса не позволяет гарантировать постоянства взаимоприемлемости соглашений и отношений.

Девятое – сознание человека обычно открыто для включения в него новых устремлений и исключения из него прежних, что не может не отражаться на поведении каждой личности и влечет за собой изменения ее отношений с другими людьми.

Десятое – все определенности в сознании каждого человека в процессе решения практических проблем, которые появляются в его жизни, становятся менее определенными в столкновениях друг с другом, а также с психическими определенностями, которыми на него воздействуют посто-

ронные люди. Иными словами, востребованные жизнью компромиссы притупляют принципы поведения действующих лиц и заставляют людей становится менее принципиальными, хотя и необязательно по всем статьям.

Всё вышеуказанное – от первого до десятого включительно – суть следствия действия более общих принципов Мироздания и их взаимовлияния на любой объект, причем определяющими факторами выступают Принципы Экспансивности и Консервативности всего сущего. Но в год поездки на Кавказ в компании с Риной я эти Принципы еще не выявил. Понимание пришло еще лет через двенадцать. Но то, что я поименовал «с первого по десятое» послужило феноменологической основой для извлечения более абстрактных выводов и достижения понимания природы и устройства Бытия.

Конечно, наряду с абстрактными рассуждениями меня занимали и вполне конкретные мысли. Первой из них была мысль о том, где пытаться найти женщину мечты. В реальности подходящие поприща были достаточно узки. Познакомиться, притом довольно близко, можно было или в походе или на работе. Другие возможности имели случайный характер. Было мало шансов познакомиться на улице или на транспорте, где большинство привлекательных женщин обычно корчат из себя недотрог, которым совсем не нужны подозрительные незнакомцы. Добиваться же их благосклонности навязчивым приставанием было бы уни-

зительно для самого себя, да и вообще вряд ли эффективно. Важно было и другое – красивые женщины подходящего возраста (а едва оперившиеся девочки меня не интересовали) были в большинстве уже разобраны и пребывали в замужнем состоянии, из которого их, вероятно, было не слишком сложно извлечь в любовницы, но достаточно проблематично «насовсем» из-за привычки многих из них полагаться в жизни на мужние доходы, а часто еще из-за детей.

Что могло быть еще? Дальние рейсы по железной дороге или в самолете, если вдруг проявится склонность к откровенности без обычного опасения, что случайный попутчик еще когда-то возникнет на твоём жизненном пути. Стоило ли на это полагаться всерьез, даже если подобное и могло произойти в жизни? Честно говоря, вряд ли. Так же, как и на встречу в спектакле или на концерте, где теоретически несколько больше шансов найти культурную и тонкочувствующую женщину со зримым обаянием либо незамужнюю, либо неудовлетворяемую ее супругом в области духовных потребностей, а не то и во всех областях ее потребностей вообще. Однако, несмотря на неопределенность всего связанного со случайностью, именно Великий Случай мог оказаться решающим моментом в поиске – в отличие от работы или походной компании, где ты давно уже знаешь всех, но перспективных возможностей так и не обнаружил. В этом смысле лучшие шансы обещал переход на другую работу. Новые люди, новые условия, новые настроения и ожи-

дания перемен, Уйти на новое место тянуло уже очень давно, но найти что-то подходящее пока никак не удавалось, хотя из-за скверных отношений с начальством это следовало бы сделать давным-давно. Я не чувствовал за собой обязательств продолжать заботиться о подчиненных из своего отдела хотя бы по той причине, что они не больно-то старались мне помогать. Им со мной было гораздо удобнее, чем мне с ними, поскольку я не был мелким тираном, не следил за их поведением каждую минуту и смотрел сквозь пальцы на немудреные хитрости, которые всякий совслужащий пытается пустить в ход ради того, чтобы постылое пребывание «на рабочем месте» не превращало их жизнь в сплошную тоску, от которой можно было спастись только курением в коридоре или на лестнице. Я с немалым риском для себя и своего положения разрешал им всевозможные отлучки, прекрасно представляя себе, для чего они нужны и насколько они желанны нормальным людям. И они прекрасно сознавали, что выбирают за мой счет гораздо больше того, чем это можно было бы считать безопасным для меня, а следовательно, и для их безопасности тоже, но пойти на разумное самоограничение и не хотели, и не могли. Так что по дисциплинарной линии, дело едва не шло вразнос. Институтское начальство могло всерьез заняться мной в любой момент, от разгрома спасало только то, что я порой упирался и не давал разрешения на отлучки, когда сотрудники по привычке не рассчитывали наткнуться на мое противодействие. Та-

кое отношение ко мне давало полное моральное право покинуть их с чистой совестью без всяких угрызений. К тому же при переходе на другую работу можно было выговорить себе возможность перетащить с собой двух-трех человек из числа самых близких по разумению и по духу.

С одна лишь Люсей Омutowой жаль было бы расстаться. Молодая женщина с великолепным экстерьером и красивым лицом, говорящим, что она не только внешне хороша, но и честно прямодушна, поневоле притягивала к себе глаза. И все же по едва уловимым признакам я угадывал, что она «больна не мной», как говорила Марина Цветаева, а потому и я не заболел к ней любовью, хотя это было даже как-то удивительно. Люсины суждения по многим делам совпадали с моими, а когда не совпадали, она старалась понять, почему, и нередко потом соглашалась. Люся не была ни самоуверенно-упертой, ни кичащейся своими несомненными прелестями несмотря на то, что определенно знала цену и себе, и своему воздействию на мужчин. В ней была на редкость ярко сконцентрирована вся прелесть и достоинства русской женщины, своего рода эталона, воспетого лучшими творцами отечественной литературы от Пушкина и Толстого до Некрасова и Бунина, но вот я как-то ухитрился любоваться Люсей, не влюбляясь по всей форме, в смысле – не теряя головы. Забегая вперед, могу сказать, что так во мне все и осталось – любование ею, но не любовь.

Я предпринимал и другие попытки сблизиться кое

с кем из привлекательных сотрудниц моего отдела и института вообще. Но в подавляющем большинстве случаев еще в момент старта сознавал, что «кина не будет». Тот мизерный шанс, который самому же мне казался слишком маленьким источником надежды на позитивное развитие любовных отношений, во всем устраивающих меня, очень скоро превращался всего-навсего в нуль. Нет, после стартов с таким настроением не было смысла продолжать в том же духе. Как ни прискорбно, оставалось только терпеть и ждать. И почти одновременно мне выпали сразу две возможности если не устроить сразу все мои дела, то хотя бы почувствовать себя вне кризисной обстановки. Одной из этих женщин я, как оказалось, подходил по всем статьям, тогда как она подходила мне не по всем (тем не менее, с постельной работой вместе с ней всё было в порядке), другая подходила мне почти во всех отношениях, зато я, по ее мнению, не годился ей в мужа по возрасту, поскольку она была старше возрастом и считала меня слишком падким на женщин, а это внушало ей опасение за свою будущность в случае продолжения связи, тем более замужества. У меня не возникло охоты изо всех сил убеждать ее в обратном, хотя нам вместе и было хорошо. Но что можно противопоставить подозрительности и небеспочвенному беспокойству, если их не находили нужным оставлять? Сомнения – далеко не лучшее основание при любом строительстве, тем более – при строительстве семьи. В связи с этим наши отношения без драмы со-

шли на нет, оставив по себе у обеих сторон хорошую память.

В другом случае ситуация вышла более острой, хотя и не для меня. Дама полюбила меня (именно поэтому я осмеливаюсь говорить о том, что подходил ей во всех отношениях). Более того, она хотела родить от меня ребенка независимо от того, останусь ли я с ней, хотя почти не сомневалась, что не останусь. Представив себе все мотивы, которые привели ее к предложению помочь ей родить ребенка: незамужность, возраст и даже любовь – я решил пойти навстречу ее желанию родить от меня, хотя и никакому большому. Результатом было появление на свет моей внебрачной дочери и прекращение отношений. На некоторое время я снова остался один, поскольку с Леной мы доживали вместе последние месяцы, не испытывая друг к другу сколько-нибудь заметного влечения. В некотором роде мы с ней даже поменялись ролями. Я стал заметно равнодушнее к тому, как она проводит время вне дома, нежели Лена по поводу того, чем и кем занимаюсь в сходных условиях я.

И тут мне, наконец, приспела новая работа. Через месяц после того, как я приступил к новым обязанностям, меня познакомили там с Мариной, и вот эта встреча стала решающей и для меня, и для нее. Дальнейшее созревание моих представлений о действительном мироустройстве и законах, которые управляют развитием Вселенной вообще и человеческого общества в частности, происходило уже под сенью нашей с Мариной любви – это совсем не фигура речи,

а прямое утверждение реального ее воздействия, ощущаемого мной, причем без малейшего преувеличения. Если у кого-то решающим фактором для реализации творческих планов – художественных или научных – бывали неудачи на любовном фронте, то со мной произошло в точности обратное. Естественно, не сразу, не вдруг – это напоминало бы сказку, а у нас была обычная для средних граждан советская жизнь, только скрашиваемая и облегчаемая взаимной любовью и сознанием, что она у нас есть.

Даже для меня самого стало немалой неожиданностью, что философские занятия на довольно длительное время отеснили меня от литературных, но я об этом ничуть не пожалел. Осмысленное мной в этот период стало фундаментальным не только для моего, если так можно выразиться, научного кредо и вооружило средствами анализа происходящего вокруг, но и содействовало быстрому продвижению в моем писательском деле. Было ли нормальным столь долгое созревание способностей к творчеству у человека, сделавшего главное из того, что ему было дано исполнить в своей жизни, после того, как он перешагнул рубеж в пятьдесят лет? Видимо, нет. Такое развитие никак не назвать не то что скороспелым, но и вообще позволяющим человеку со способностями успеть в какой-то степени полно реализовать их до того, как он достигнет возраста средней продолжительности жизни для мужчины в СССР, составлявшей тогда 60,62 года. Не слишком ли велик риск остаться на бобах после столь

долгой подготовки? Разумеется, спорить со временем, исходя из средних данных, бесполезно. Здесь кому, как и сколько будет определено Волей Создателя, бесполезно гадать. И все-таки поздновато, действительно поздновато начинать разворот своей умственной деятельности в ту пору, когда у других она обычно серьезно ослабляется или даже исчезает. Но мне и об этом не было смысла жалеть. Что из того, что таланты, если таковые действительно открылись, достигли расцвета в возрасте старости? Может, как раз именно благодаря этому я в сверхнормативное время продолжал ощущать себя молодым, а моя любознательность и творческая дееспособность к середине восьмого десятка только продолжала нарастать! Чем это было хуже статистически среднего состояния? Я этого не понимал. Единственное, что проистекало из фактора явной запоздалости, так это мысль, которая чаще обычного напоминала мне – не транжирь время понапрасну, тебе совсем не столь много осталось, как может показаться благодаря твоему явно ниспосланному Свыше самоощущению, будто ты еще молод, и у тебя достаточно много сил в голове и теле. И данная мысль позволяла мне, правда, далеко не всегда, меньше поддаваться праздномыслию и суете, чтобы успеть в какой-то степени исполнить свой основной долг перед Создателем.

Об этой моей работе знала в основном только Марина. Для прочих, особенно для сотрудников на службе ради заработка, я был просто неглупым, а для кое кого очень ум-

ным начальником или коллегой, с кем можно иметь дело с выгодой для себя, если особенно не зарываться. Среди тех, кто ценил меня за ум, нередко оказывалось и начальство. Если точнее, то ценили они все, правда, почти никто из них не придерживался такого мнения постоянно. Из этого я сделал вывод, что ценность моего интеллекта варьируется в их глазах в зависимости от ситуаций, с которыми имели дело (или в которые себя ввергали) эти начальники. Если сами они буксовали, помощь с моей стороны оказывалась им кстати, и это обеспечивало мне более устойчивый статус на службе, однако лишь на некоторое время. Если они не особенно нуждались в моих особых услугах, то меня уже не выделяли из общей массы полунизового начальства ни прилюдно, ни кулуарно. Ну, а в тех случаях, когда мой интеллект приводил меня к выводу о несуразности начальственных затей, я мог твердо рассчитывать на те или иные преследования, которые, естественно, распространялись и на мой коллектив, будь то сектор, отдел или лаборатория.

Большинство моих подчиненных, как я полагаю, были лояльно-равнодушными по отношению к моей судьбе. На словах они готовы были проявлять участие, добровольно же и разумно ограничить себя в чем-то из «криминально» получаемых ими свобод никому из них и в голову не приходило. Это мог сделать только я, стукнув кулаком по столу, но этого я как раз и не делал – не потому, что боялся потерять дешевую популярность в глазах своих подданных,

а потому, что это был бы уже не я, а обычный администратор любого советского учреждения – тип, остро ненавидимый мной со времени первой моей работы на заводе. И теперь, как и тогда, мне хотелось, чтобы уважительное отношение начальства к сотрудникам служило питательным слоем для высокопроизводительного и сознательного труда. С этой позиции меня ничто никуда не сдвинуло. Зато жизнь заставила признать и другое. Во-первых, то, что это только половина дела, потому что другая половина не менее важна и не должна умалчиваться – речь идет о готовности работающих по найму трудиться высокопроизводительно и активно в ответ на хорошее отношение начальства и хорошую зарплату. Вот здесь-то и крылась первая причина дисгармонии в производственных отношениях. Требования работодателей и их менеджеров никогда не были – и не могли быть – эквивалентными готовности работающих к труду без принуждения даже при приличной зарплате (последнее тоже оказалось несоответствующим мнению сторон, заключивших соглашение о найме – нанимателям она обычно кажется слишком высокой, нанимающимся – слишком малой). Если начальственная сторона не будет требовать для себя большего, чем добровольно захочет отдавать масса работающих по найму, она будет недополучать прибавочную стоимость, на которую считает себя вправе рассчитывать; если нанимаемые будут считать, что их бессовестно эксплуатируют (а начать думать так проще простого), они будут склон-

ны халтурить, увиливать от работы и уж никак не делать больше того, с чем будет вынуждено соглашаться начальство. Ну, а уж кто-кто, а советская власть сумела заставить большинство трудящихся считать, что она их эксплуатирует без зазрения совести при очень низкой зарплате, да притом еще часто вопреки здравому смыслу, заставляя людей гораздо больше заботиться о видимости высокоэффективного общественного труда, чем о его полезности и сути. Всякий работающий в советском учреждении знал, что он в первую очередь должен соблюдать «трудовую дисциплину», то есть вовремя приходить на работу к ее началу, вовремя возвращаться с обеденного перерыва и сидеть на месте от звонка до звонка независимо от того, занят ли он по горло или пухнет от безделья – это всегда котировалось администрацией выше изобретательной и инициативной работы.

Таким образом, соответствия между требованиями к трудящимся и их готовностью выполнять предъявляемые к ним требования не было никакого. Между тем и другим всегда пролегла глубокая пропасть. И, если уж говорить конкретно о моей позиции в производственных отношениях, то она у меня в гуманитарном плане была ближе к позиции подчиненных и потому заключалась в том, чтобы оставаться лояльным к своим подчиненным посредником между ними и администрацией и притом ухитряться выполнять плановые и сверхплановые задания вопреки лени, нерадивости и эгоизму подчиненных, то есть в значительной степе-

ни самому и при действительной помощи очень немногих. Остальные делали немного, нередко кое-как, а на большее оказывались неспособными как из-за отсутствия желания, так и из-за нехватки квалификации (даже когда реально существовали условия ее повышать, но это тоже требовало желания и воли – а их не было). Вот как раз такое существование и требовало от меня как начальника проявлять специфическое искусство – ведь будь я шкуродером, никакого искусства от меня бы и не требовалось – для успешного «сидения на месте» хватало бы и бессовестности. Доводов же о том, что я мирюсь с бессовестным расходом государственных средств на нерадивотрудящихся и даже способствую этому своими потачками, я внутрь себя органически не принимал, поскольку ни мне, ни тем, кто был мне подчинен, никогда не платили по совести и даже более того – заставляли бездарно и безвозмездно тратить лучшее время жизни на то, чтобы в дополнение к принудительной отсидке в рабочие часы ходить на дежурства в «добровольную народную дружину», обходить квартиры избирателей в качестве агитаторов за кандидатов от единственной существующей в стране не просто легальной, а руководящей партии, а, кроме того, по первому требованию райкома партии менять свое место работы в институте на работу в овощегноилище, сиречь «овощной базе» или «подшефном колхозе», выходить встречать и провожать автомобильные кортежи хозяев страны и их иностранных гостей, если первым захочется

продемонстрировать народный энтузиазм вторым. От всего этого просто тошнило, но протестовать было нельзя. Оставалось только в меру сил проявлять изобретательность, чтобы минимально тратить свои и людские ресурсы сотрудников на всяческую лабуду, с которой вынуждено было мириться общество, попавшее в абсолютное подчинение достаточно безмозглым и бесчестным правителям, заботящимся только о сохранении своей власти и мечтающим о мировом господстве. Нет, служить им с бóльшим рвением, чем это было необходимо для самосохранения и поддержания семьи, никто из нормальных людей не хотел, и это в равной степени относилось и к моим сотрудникам, и ко мне самому. Но ведь подчиненные уже с охотой отлынивали и от необходимых затрат с их стороны в пользу нашего с ними общего дела. Вот это уж точно не радовало, даже почти оскорбляло меня. Мое разочарование в них было близко к чувству разочарования в любви, хотя, разумеется, не настолько сильным.

В Центре межотраслевой информации директора Антипова в параллельном подразделении работала на удивление старательная и добросовестная сотрудница Валентина Ивановна Душкина. Видимо, ее бабушка и дедушка взрастили в ней столь прочное сознание, что человек должен заботиться в первую очередь об обществе и его интересах в любом деле, а уж потом о себе, что на него не повлияли никакие факты, с которыми просто на каждом шагу сталкивался любой советский человек, в том числе и она. Но факт оставал-

ся фактом – для нее партийная демагогия стала собственным личным кредо, в котором идейные установки КПСС были тесно сплетены в одно целое с представлением о том, каким должен быть честный и порядочный человек, полезный своей стране и заслуживающий уважения как в собственных глазах, так и в глазах всего общества.

Близко познакомиться с Вале́й Душкиной мне довелось, когда я был вместе с директором Центра Антиповым занят срочной подготовкой первого эскизного проекта устройства и технологии межотраслевой системы научно-технической информации. Проект решено было издать ограниченным тиражом, и Валу́ привлекли в этой работе как знающего редактора. У нее уже имелся практический опыт в этом деле, хотя по образованию она была педагогом, преподавателем русского языка и литературы в школе. Валя вполне предметно представляла себе весь объём работы, выпавший в то время на меня. По ее (не по моим) подсчетам я за год выполнил шесть годовых норм старшего научного сотрудника Академии Наук СССР по написанным материалам. На меня ее подсчеты особого впечатления не произвели, но, видимо, они помогли ей опознать в моем лице такого же беззаветно служащего общему делу трудоголика, каким она считала себя. В этом мнении она бесспорно ошибалась. Да, я мог достаточно долго работать в ударном темпе как при окончании каждого семестра в институте, когда надо было в кратчайшие сроки успевать проворачивать массу работ – лабора-

торных, проектных, зачетных и экзаменационных, и в этом смысле я, порядочный лентяй в течение обычного учебного процесса, был натренирован достаточно хорошо. Но о моей склонности к лени и созерцанию Валя ничего не знала, да и не желала бы знать, если бы ее об этом информировал кто-то со стороны или даже я сам – она бы всё равно не поверила. Работать со мной ей не составляло никакого труда – правки с ее стороны почти не было, а мой рабочий энтузиазм или азарт – не знаю, как его лучше назвать – объяснялся тем, что мне хотелось положительно зарекомендовать себя на новом поприще и стать для директора серьезной опорой в условиях кадрового безрыбья (когда численное безрыбье уступило в Центре многолюдству, оно не перестало выглядеть умственным безрыбьем). Как всегда, это были довольно срочно набранные с бору по сосенке люди из разных, в большинстве случаев отнюдь не информационных организаций. Но даже среди тех, кто пришел работать в Центр из информационных учреждений, лишь малая часть могла сколько-нибудь грамотно проектировать систему или разрабатывать для нее отдельные технологические процессы. В этом директор Антипов удостоверился сам. Он поделил было для начала всю систему на отдельные блоки функционального характера и раздал их «по людям» – возможно, даже опираясь на те сведения, которые они сами сообщали о себе – для самостоятельной детальной разработки. Результаты получились весьма плачевные. Многие авторы откровенно пустили пузыри,

не выдав ничего пригодного для сводного проекта. Другие написали кое-что близкое к теме, однако так и не найдя для решения ничего, кроме общих слов о построении и использовании фактически не предложенных математических моделей и не определив методов реального массового процесса переработки входящей в систему информации, а также массового обслуживания потребителей. По итогам работы Антипов в помощь себе (он тогда и сам энергично работал, руководствуясь, по-видимому, тем же стремлением зарекомендовать себя, какое было у меня, только перед гораздо более высоким начальством, и потому действительно был локомотивом затеянного прорыва) отобрал всего трех человек, в том числе и меня, причем двое из них очень быстро сами собой отпали. Это до какой-то степени объясняло, почему Валя видела во мне чуть ли не гения, и, хотя Бог не обделил меня умом, я все же давал себе гораздо более скромную оценку – тем более, что это касалось не литературы, в которой я достаточно обоснованно мог считать себя умелым и квалифицированным деятелем, а всего лишь работы по специальности, нужной мне только как средство обеспечения существования в самом низком – материальном – смысле этого слова. Но Валю уже ничто не могло остановить в той эскалации восхищения моими способностями, которые она во мне всё открывала и открывала, и было совсем несложно понять, что за это она уже любит меня, и если что-то еще удерживало ее от признания в ней, то скорей не ее за-

мужнее состояние (причем ее муж работал в издательском подразделении здесь же в Центре), а то, что наша с Мариной любовь протекала на глазах у всех, и она никак не могла знать о ней меньше среднего. Если перед ней и возникла задача определить, стоит ли моя избранница моего внимания и встречного чувства или не стоит, то она была вынуждена признать, что свое право выбора я использовал по отношению к достойному любви объекту. Но во всем остальном Валя своих восторгов в мой адрес не умеряла. И этому была еще одна явная причина: из всех коллег, с которыми она вынужденным образом имела дело, я один относился к ней уважительно и по-человечески, поскольку действительно ее уважал, хотя и не восхищался. Она трудилась на совесть с полной искренностью, пусть не всегда вполне толково, но так, что это бесспорно выделяло ее среди других сотрудников, особенно сотрудниц, которых ее беззаветное служение делу просто компрометировало и прямо-таки оскорбляло. Должно быть, в ней видели какого-то особого типа штрейкбрехера на фоне бездеятельных, некомпетентных и ленивых коллег, лишь отбывающих время на рабочем месте, и потому дружно ненавидели ее зрелой классовой ненавистью как враждебный всем нормальным сотрудникам элемент. И уж они-то с энтузиазмом, которым прямо-таки упивались от удовольствия, травили Валю за всё, что с ней было связано или исходило от не. Ей хамили, считая это доблестью и одновременно своего рода «ленным правом» и так

называемые старшие и младшие научные сотрудники, старшие инженеры и просто инженеры, даже техники и лаборантки, у которых еще «эскимо на губах не обсохло», то есть вся отдельская табель о рангах, и на все это злопыхательское действие милостиво взирали начальник ее сектора и начальник лаборатории, в которую этот сектор входил. Противостоять этому разгулу морального террора было невозможно. Валя отказывалась понимать его природу – ведь она во всем поступала честно, даже не жаловалась на своих издевателей, портивших ее репутацию гнусными сплетнями, где только могли. Глядя на рожи ее гонителей, я понимал, что вступаться за нее открыто, например, на собрании, совершенно бесполезно и бессмысленно. Максимум, чего можно было этим достичь, было бы то, что они умолкали бы только в моем присутствии (а в ее секторе я бывал не часто), зато поневоле сдерживаемая в течение каких-то минут деструктивная энергия выливалась бы после моего ухода в еще более беспардонное хамство. В ход у них и так шло абсолютно все – и ее фигура, и то, как она одевалась, и о чем, с кем и как говорит, словом, не существовало никакого лыка, которое ей не вплели бы в строку с тем, чтобы нанести максимальный ущерб. Валя знала, что я думаю обо всем этом, а потому с полной искренностью, которой я ни разу не злоупотребил, говорила мне о своем положении, иногда даже плакала почти у меня на груди. Не раз и не два я давал ей советы, как поступать в отношении хамов и хамок, стараясь

помочь Вале вести себя так, чтобы хоть в производственных делах к ней не могло быть придирок, тогда как ее гонители спали и видели, чтобы она сделала какую-нибудь ошибку или глупость, которую они могли бы «по-товарищески» с наслаждением бросить ей в лицо. Мои советы не раз помогали ей, хотя и незначительно. Для меня так и осталось неведомо, за что она ценила меня больше – за то, что я был безотказным громоотводом угнетавших ее эмоций, или за то, что давал ей те или иные рекомендации, позволявшие ей как-то выправлять ситуации, в которых она оказывалась, либо избежать расставленной западни. Это общение – естественно, после обращений с ее стороны – продолжалось целых три десятилетия после того, как я покинул Антиповский Центр. Особенно туго Вале пришлось в конце первого из этих десятилетий. Ей тогда поручили в короткий срок сделать совершенно незнакомую ей работу – составить новый рубрикулятор информации, поступающей в закрытое отделение Центра – старый по каким-то причинам уже не удовлетворял нуждам распределения информации. Ни у кого не было сомнений, что Валя получила работу «на засыпку» – ни у тех, кто дал ей задание (а среди них были уже не инженеры, техники и лаборантки, а сам новый начальник отделения и его послушно-распорядительные клеветы на более низких начальственных должностях), ни у Вали, для которой было просто немислимо отказаться от любой поручаемой ей работы, даже от такой, в которой она просто не могла

быть компетентной, ни у меня. Ей предстояло разработать конкретную многоуровневую политематическую классификацию, какую и специалисту данного профиля не так-то легко было бы создать. И она по обыкновению прибегла к моей помощи как к последней «палочке-выручалочке» – тем более, что я как раз и был соответствующего профиля специалист. Валя впрямь была приперта к стенке. Пожалуй, я один был в силах ей помочь. Кое-кого из ее гонителей я знал в лицо, кое о ком слышал от Вали или кого-то еще, но многих не представлял совершенно. У них было только одно общее – желание сделать приятное шефу и тем самым набрать зачетные холуйские очки на свой личный счет. Я даже подозревал, что речь шла не только о доставлении приятного шефу закрытого отделения, но и о способе прикрыться провалом Вали Душкиной от возможных обвинений в том, что за сколько-то лет так и не был в корне переработан давно устаревший рубрикатор. Как меня когда-то подставили в качестве жертвенного животного, перебросив на разработку единой системы классификации печатных изданий и документальных материалов, уже проваленную моей предшественницей Орловой в институте Беланова, так и Валу, как говорится, тем же следом отправляли под топор в искупление чужой недоработки.

Одно это сходство ситуаций в достаточной степени обозлило меня, чтобы я взялся помочь Вале выскочить из-под топора, как много лет назад это удалось сделать мне.

Я провел с ней несколько часов в выходной день, объясняя принципы устройства классификации и рубрикации, а также методы их построения. В довершение к занятию я подарил ей свою книгу об информационно-поисковых языках, в которой она могла найти ответы на интересующие ее вопросы. Столь быстрого вхождения в эту специфическую область информационного дела, которое проявила Валя, я от нее, честно говоря, не ожидал. Ведь на этом поприще лопалась самоуверенность у очень многих, кто представлял, как они триумфально справятся с задачей – таких я уже достаточно перевидал в разных местах и на всяких должностях. Однако знания, которыми я снабдил Валию и ее воодушевление после того, как она ощутила себя неодиноким в борьбе с надвигающейся катастрофой, сделали то, на что никто, кроме нас с ней, не рассчитывал – она представила новый рубрикатор в срок, причем в соответствии с высшими критериями, которые отличают культурно выполненную классификацию от примитивной и бескультурной, и подготовила, не без моих подсказок, доклад о своей работе для защиты ее на секции научно-технического совета отделения. Валя была уверена, что добьется положительной оценки и признания. Однако я на всякий случай предостерег ее от проявления чрезмерного оптимизма. Сколько раз на моих глазах так называемые ученые или научно-технические советы отказывались признавать хорошие и добросовестно сделанные работы или, наоборот, давали положительную оценку откровенной хал-

туре! Я сказал Вале о своих опасениях, напомнив, что работу ей дали определенно «на засыпку», и добавив, что шельмование даже особенно вероятно в том случае, если работа действительно хороша – ведь оно позволит, разгромив ее автора на совете, передать ее якобы для исправления ошибок другому лицу, а оно, внося косметические, абсолютно ничего не значащие поправки, поставит уже свою подпись и будет провозглашен действительным автором. Так в истории случалось уже миллионы раз. Однако Валя отнеслась к моему предостережению с сомнением. Ее простодушная честность не принимала даже теоретической возможности того, чтобы о хорошем, реально хорошем, можно было сказать откровенную ложь. На всякий случай, чтобы предотвратить возможность слишком уж масштабного очернения Валиной работы, я позвонил бывшему своему подчиненному Саше Бориспольскому, который в тот момент работал в Центре Антипова и по роду занятий мог быть привлечен к оценке проекта рубрикатора в качестве оппонента в смежное отделение. Саша прежде не раз был мне многим обязан в разных ситуациях, в том числе и в таких, где на кону оказывалась его репутация. Я откровенно объяснил ему, что выступать против Вали Душкиной на НТС спецотделения не советую, что я сам постарался подготовить ее для данной работы и хочу, чтобы он, если у него в этом спецотделении есть свои конфиденты (на самом деле я знал, что они есть), объяснить им, что не следует набрасываться на Валию. Борисполь-

ский был поражен. Он даже не сразу нашел, что сказать в ответ. — «Я не представлял себе, что она — ваша протеже!» Мне стало ясно, чем была вызвана пауза. Смешно, но он прежде всего сопоставил Валины женские достоинства с достоинствами тех дам, о которых он достоверно знал, как о моих самых близких и интимных знакомых. Это выглядело и впрямь довольно смешно. Я ему — о деле, он мне — о своем изумлении в связи с эстетической несовместимостью сопоставляемых образов. В интересах Вали я не стал опровергать его догадку и подтвердил: «Да!»

Не знаю, удалось ли мне таким образом ослабить давление Валиных врагов, зато знаю, насколько полно и точно сбылись мои ожидания и предупреждения. Рыдающая Валя позвонила мне сразу после заседания НТС. Я решил не рассусоливаться сочувствиями и, напротив, привел ее в чувство резким напомином о том, на что ей полагалось бы ориентироваться.

— Вы забыли, о чем я вам говорил?

— Нет, Михаил Николаевич, — сквозь всхлипывания ответила Валя.

— Вот и считайте, что у вас всё идет по плану. Просто теперь пора сделать следующий шаг.

— Какой?

— Как, по-вашему, Валентину Ивановичу в комиссию посылали проект рубрикатора?

— Посылали. А что?

– Хорошо! – отрезал я.

Валентин Иванович был куратором Центра и особенно – спецотделения. Комиссия являлась высшим правительственным органом, управляющим работой особо важных для государства отраслей и потому в документах всегда писалась с большой буквы.

– Вы ведь, как помнится, помогали Валентину Ивановичу в нескольких работах, и он о вас остался хорошего мнения?

– Да.

– Ну вот и прекрасно! Вам следует позвонить ему, рассказать о случившемся и уведомить, что вскоре на согласование ему принесут готовый к утверждению рубрикатор, уже не проект, пришедший за вашей подписью, а с чьей-то другой, но все того же неизменного содержания. Если память мне не изменяет, вы говорили, что в помощники или консультанты вам набивался некий Тёмкин?

– Да, набивался, но я его помощью не воспользовалась.

– И правильно сделали! Полагаю, он и есть главный претендент на то, чтобы стать автором вашего рубрикатора. Валентину Ивановичу только и останется, что сравнить обе бумаги – вашу и вроде уже не вашу, чтобы понять, кто есть автор, а кто нет, и откуда растут эти самые ноги. Вот после этого и можно будет подводить итоги и решать, проиграли вы битву за рубрикатор или нет. Так что кончайте плакать. Этим делу не поможешь.

– Спасибо, Михаил Николаевич, – все еще всхлипывая,

ответила Валя. – Не знаю, что бы я без вас делала! Вы всегда так помогаете мне! – закончила она с чувством.

– Не тратьте время на благодарности. Не в них суть. Постарайтесь сразу же связаться с Валентином Ивановичем.

– Да, я сегодня же позвоню.

А дальше события, связанные с рубрикатором, пошли развиваться буквально по тому сценарию, который я высказал Вале. И главное – ее доброжелатель в Комиссии оказался на высоте ожиданий. Получив из спецотделения Центра окончательный вариант рубрикатора, разработчиком которого действительно уже значился Тёмкин, вкуче с протоколом заседания секции НТС, на котором работа Вали Душкиной подверглась бессовестному разгрому, где была указана необходимость коренной переработки ее проекта и отмечено, что Душкина не справилась с заданием, Валентин Иванович сравнил оба текста и вызвал к себе шефа спецотделения. Разговор, как узнала Валя, протекал следующим образом.

– Чему я должен верить? – спросил Валентин Иванович. – Протоколу, в котором говорится, что проект Душкиной никуда не годится и должен быть коренным образом переработан? Или тому, что окончательный и в корне переработанный проект под авторством Тёмкина уже вполне пригоден для утверждения Комиссией?

– Не понимаю, в чем вопрос? – попытался сманеврировать шеф спецотделения, сделав вид, что для начальственных сомнений нет никаких оснований. – Конечно, окончательный

проект, Валентин Иванович.

– Очень интересно, – многообещающе произнес Валентин Иванович. – Выходит, вы сами не знаете, что это одно и то же?

– Что «одно и то же»?

– Забракoванный вами проект Душкиной и представленный вами на утверждение проект за подписью Тёмкина, – пояснил Валентин Иванович. – В отличие от вас я не поленился сравнить оба документа. И вот – взгляните – тут я галочками отметил совпадающие рубрики и там и там. В двух случаях вы увидите вместо галочек крестики, – здесь голос Валентина Ивановича стал почти ласковым. – Это свидетельствует о несовпадении двух пар рубрик в двух проектах, но отнюдь не о смысловом несовпадении, а о легкой редакционной переработке формулировок. И теперь вы ставите меня перед необходимостью выяснить, что же вашим спецотделением представлено в Комиссию – халтура или доброкачественный продукт?

Физиономия шефа спецотделения покрылась багровыми пятнами, но отступить было некуда.

– Ну что вы, Валентин Иванович! Конечно доброкачественный продукт! Какая тут может быть халтура?

– За исключением халтуры в вашей личной работе – никакой! – отрезал Валентин Иванович. – А потому потрудитесь забрать свою якобы окончательную бумагу и верните мне ее с подписью настоящего разработчика – Душкиной.

А Тёмкина – он у вас, если не ошибаюсь, сейчас является заведующим сектором? Немедленно снимите с этой должности и переведите в рядовые. За подлог.

Валя передала мне всё это, прямо-таки ликуя от счастья.

– Михаил Николаевич! Как я вам признательна! Ведь это ваша победа и ваш рубрикатор!

– Победа, может, в том числе и моя. Но она не в меньшей степени и ваша и Валентина Ивановича.

– Нет, – в первую очередь ваша!

– Не говорите ерунды, Валя. Рубрикатор сделали вы сами. Да, я вас кое-чему научил, но ведь я и в глаза ни единой вашей рубрики не видел. После моей консультации вы сами разобрали и систематизировали весь материал и по классификационной схеме, и кое-где по схеме предметизации, разработали весь ссылочный аппарат, связывающий пересекающиеся по содержанию рубрики. Причем тут я? Это всё бесспорно ваше. Поэтому незачем преувеличивать мою роль.

– Но ведь вы же ее в этом деле сыграли!

– Ну и что? Вон – Валентин Иванович сыграл несколько не хуже – тут и спорить не о чем. А Тёмкина-то с сектора сняли?

– Сняли, сняли! Теперь он просто старший научный!

– Все же научный, да еще и старший, – заметил я. – Хорошую науку он умеет делать! Видно, и дальше будет в том же духе продолжать.

– Не знаю, может, изменится. Ведь ему здорово дали

по рукам!

– Ах, Валя, Валя! Все-то вас распирает идеализация действительности! Ну как он изменится, если ничего не умеет, кроме как хватать и присваивать чужое? Уверен – ничего другого в его жизни как не было, так и не будет. На время затихнет, а потом опять возьмется за старое. Или найдет себе срочно другую работу и там без промедления развернет привычную деятельность. Неужели вы сами этого не понимаете? Люди такие, какие они есть – и больше никакие другие! А вы думаете, что восторжествовала справедливость и, следовательно, искоренена несправедливость. Как бы не так! Выбросьте свое заблуждение из головы, если не хотите, чтобы вас «нагревали» вновь и вновь!

– Но ведь...

– Никаких «но ведь»! Мало вам выпало издевательств даже от тех, кто когда-то потом раскаялись в содеянном? Но ведь место покаявшихся – их, кстати, было не так уж много – сразу занимали новенькие желающие порезвиться и поразвлечься за ваш счет. А всё почему? Потому что вы своим поведением просто провоцируете их на такие, с позволения сказать, подвиги, ведь они не рассчитывают встретить должный отпор от вас и тем более не думают о покаянии, которое им совсем не свойственно и даже вообще неизвестно. Вам кажется, что вы морально превосходите их, но они не собираются признавать ваше превосходство. Я вам уже не раз объяснял, что в столкновениях со злом одним добром побе-

ды не достигнешь. Это бой, в котором на тебя нападают с целью уничтожить, и одними словами от этого не защитишься. И принцип поведения Ганди – неппротивление злу насилем – для вашего случая совершенно не подходит. Ганди в борьбе с английскими колонизаторами опирался на угнетаемое большинство, тогда как против вас выступает угнетающее большинство. Чувствуете разницу? Кто вас реально поддерживал все это время, а не от случая к случаю или после покаяния? Только один Валентин Иванович, да я. Часто это вам помогало? Нет – очень редко!

Валя знала, что я говорил правду – и не всю, которую мог бы высказать. Она считала себя кругом правой всегда и везде на том основании, что она постоянно ведет себя достойно, как подобает честному и порядочному человеку. Это порождало в ней сознание гордости за себя, за свое поведение и отношение к работе. А сознание превосходства над другими, несмотря на то, что она его не выказывала, коллеги ощущали без задержки и прощать ей отнюдь не собирались. Кто она такая, в конце концов? Что она, семи пядей во лбу и умней всех, что ли? Или в состоянии конкурировать с коллегами как женщина? Кроме одной гипертрофированной добросовестности в работе за ней не признавали ничего, да и за это клеймили с особым остервенением. Хорошо еще, что Валентин Иванович высоко ценит в ней это качество, как возможно, и совпадение их имен и отчеств: Валентин Иванович – Валентина Ивановна.

Мои внушения, иногда деликатные, но чаще определенно жесткие, Валя воспринимала безропотно и неизменно благодарила, благодарила и благодарила меня и за них, и за ВСЁ, но практически ни в чем не менялась сама, и потому ни в чем не могла изменить отношение к себе окружающих. В конце концов она плюнула и ушла преподавать в обычную районную среднюю школу свой родной по педагогическому институту русский язык и литературу в старших классах. В это время уже началась так называемая Горбачевская перестройка, и качество образования, которое было и до этого не больно-то высоким, упало еще много ниже. Телеведущие и радиодикторы, не говоря уже о выступающих, лепили столько лексических и грамматических ошибок, что впору было кричать «Караул!» Но в обществе никто караула не кричал, а опасностью для культуры и для жизни вообще массовую безграмотность считали очень немногие, и потому вопиющая безграмотность становилась все более привычным социальным фоном и нормой в общении. Публичное проявление языкового беспредела бумерангом било по учащимся – они своими ушами слышали, как обращаются с речью наставники и политики, и делали из этого довольно-таки логичный вывод – раз им такое можно, то можно и нам, и на кой черт тратить время такой короткой жизни на усвоение никому не нужной культурной речи и правописания – раз и без того поймут.

Вот в этих-то условиях Валя Душкина приняла свои клас-

сы на обучение тому, о чем мечтала со студенческих времен: добиваться поголовной высокой грамотности, безошибочного владения правилами орфографии и синтаксиса. Благодаря своему живому интересу она узнала в институте о русском языке гораздо больше, чем оседает в голове у обычного студента, и была отмечена и приближена к себе дамой-профессором, которая, к сожалению, покинула этот мир прежде, чем успела вывести Валу на стезю научной работы. Заниматься в жизни ей пришлось в основном не педагогикой. Но оказалось, что Валя не только не забыла полученных знаний, но и более того – сумела перестроить их в какую-то собственную оригинальную композицию, из которой ей с поразительной ясностью стало видно, чем и как предопределяется правописание слов и правила пунктуации. За несколько лет преподавания в школе она превратила сто пятьдесят безграмотных шалопаев в грамотно пишущих и правильно владеющих речью людей, за что и была удостоена особой благодарности. Но, как и во всяком другом коллективе, вокруг нее очень быстро возникла и сплотилась блокирующая оппозиция других учителей. Исходя из абсолютного сознания своей правоты и превосходства (на сей раз, кстати, подкрепленного невиданными результатами обучения школьников), она сказала коллегам на педсовете «пару ласковых» и ушла, хлопнув дверью, из школы. К этому времени она уже стала пенсионеркой, а ее старший сын, зарабатывавший приличные деньги, начал ей кое-чем помогать. И Валя на сво-

боду погрузилась в увлекательнейший творческий процесс создания собственного учебника русского языка. Для себя она уже всё уяснила и теперь была готова преподавать без всякой ориентации на официально стандартную методологию и государственную школьную программу, ибо уже ощущала себя полностью свободной от любых догматических пут. Исполненная просветительского энтузиазма, она дала объявление о том, что открывает курс подготовки желающих обучаться по новой методике. Валя ждала, что будут неуспевающие школьники, ищущие способ срочно подготовиться к трудному экзамену в ВУЗ – там требовалось писать сочинение, и именно на нем абитуриенты особенно часто срезались. Но к ее удивлению слушателей такого рода она в аудитории не обнаружила, зато быстренько опознала в них профессиональных преподавателей, собиравшихся изучить и похитить ее эксклюзивную методологию и преподавать русский язык бывшим школьникам ВМЕСТО нее и, соответственно, красть у нее деньги. Валя немедленно свернула эти курсы. Теперь в полный рост перед ней встала проблема – как защитить свое авторское право от бессовестного разворовывания менее способными и еще менее щепетильными коллегами, ставшими хищными конкурентами на традиционно благородном просветительском поприще. Сделав еще несколько неудачных попыток обставить свое дело так, чтобы авторство ее бесспорно признавалось всеми, кто хотел за ее счет разбогатеть на русском языке, она, придя в отчая-

ние, как и прежде, обратилась за советом ко мне.

Я стал прикидывать дело так и этак, но везде в этой сфере царил беспросветный мрак. Поскольку сведения о наличии секретных знаний в Валиной голове уже распространились в профессиональной среде после выступления на конференции, где она удачно дискутировала с другими участниками, пытаться основать свою коммерческую школу обучения русскому языку под носом у бдительных жен было бессмысленно.

Немного помолчав, я ответил Вале:

– Вам надо, прежде всего, изложить свою систему в письменном виде, чтобы ее можно было издать.

– Но ведь...

– Подождите, дайте досказать. Как учебник вашу книгу никто не пропустит – слишком много экспертных инстанций, и каждая абсолютно эгоистична. Им дела нет до того, чтобы в стране не осталось безграмотных, если это пройдет без их участия и контроля. А если дать вашу работу им на экспертизу, они смогут многое позаимствовать из нее бесплатно. Так?

– Так, – подтвердила Валя.

– Значит, остается один доступный для вас способ – опубликовать работу не под названием «Учебник», а «Учебное пособие», если вы найдете деньги. Ваш сын сможет финансировать такую затею?

– Честно говоря, еще не знаю. Но он высказывался в том

духе, что хочет мне помочь, поскольку понял, что эта работа – для меня самое главное.

– Будем надеяться, – оборвал ее я, успев вспомнить, как часто убеждался уже в бессмысленности расчетов на помощь со стороны детей или на благодарность в чем-то обязанных посторонних, затем продолжил: – Сколько времени потребуется, чтобы письменно изложить вашу систему?

– Я думаю – полгода хватит. А что?

– Да лучше сразу начните, не откладывая. А там посмотрим.

Валя время от времени звонила мне и сообщала, как продвигается работа. Как я и ожидал, излагать систему на бумаге оказалось сложнее, чем представлялось в умозрительном плане. Тем не менее, энтузиазм у Вали не пропал. У нее было на редкость хорошее настроение. К тому же ему способствовало сообщение бывших коллег из спецотделения уже не антиповского Центра, что за двадцать лет использования Валиного рубрикатора в него не понадобилось вносить никаких изменений. Это действительно говорило о качестве работы моей подопечной, о которой мало кто думал так же хорошо, как я.

– Представляете, дорогой Михаил Николаевич! Двадцать лет уже прошло с тех пор, как мой рубрикатор был принят в работу! Да что я говорю, – спохватилась она, вспомнив вдруг, с кем говорит. – Да нет же, он не мой, а ваш!

– Зачем вы все время приплаете меня к тому, к чему

я прямо не причастен? Мало того, что я его ни разу не видел, я бы и взяться за него не хотел бы, зная, кто за этим стоит.

– Но вы же научили меня!

– Так это другое дело. Если, допустим, какой-то инструктор научил Чкалова летать, то это отнюдь не значит, что инструктор, а не Чкалов впервые перелетел из СССР через Северный Полюс в Америку. Не надо мне от полноты ваших чувств приписывать то, чем я не занимаюсь. Мне и без этого есть, что оставить после себя, сделанное мною самим.

– А что это, Михаил Николаевич, если это не секрет?

– Мои философские и литературные труды, в частности – достаточно большой роман.

– Ой, Михаил Николаевич, как бы я хотела его прочитать! Если вам нужно, я могла бы подключиться к его редактированию. Поверьте, я бы сделала это с удовольствием. Для вас!

– Ну уж нет, – подумал я. – Себя я не дам никому редактировать, в том числе и вам, – а вслух сказал: – Сейчас я сам правлю текст.

Валя унялась, но только на время. Приступы благодарности, как и прежде, продолжали захлестывать ее, и теперь впопору было возгласить: «За что?», но Вале все, чем она была мне обязана, представлялось буквально грандиозным.

Летом в деревне, защищенный от ее звонков, я, заканчивая работу над романом, временами вспоминал и о Валином деле жизни в пользу укрепления в народе знаний своего великого русского языка, и пытался найти какой-то путь до-

стижения успеха ее достойного предприятия. В конце концов в голове у меня созрела одна как будто подходящая мысль. В прессе не раз упоминалось, что Людмила Пути-на, жена президента Российской Федерации, будучи филоло-гом-испанистом по образованию, теперь является высочай-шей патронессой Фонда русского языка – по примеру того, как это случалось в других президентских семьях, например, во Франции, где, правда, патроном аналогичного фонда яв-лялся сам президент. Наперед сознавая, как невелики шан-сы на успех затеи, я все-таки написал письмо мадам Пути-ной с изложением своей оценки работы Валентины Иванов-ны Душкиной. Зная Валину честность, я с уверенностью го-ворил в письме о том, что если Валентина Ивановна утвер-ждает, что разработала собственный метод внедрения в умы обучающихся сложнейшей грамматики русского языка, то так оно и есть – тем более, что она уже произвела практическую апробацию своей системы на ста пятидесяти учащихся обыч-ной средней школы, где до нее у них была обычная безгра-мотность. Я просил жену президента как патронессу фонда разобраться с системой В. И. Душкиной, уже изложенной ав-тором в письменном виде, с помощью специалистов, кото-рых госпожа Путина пожелает привлечь к оценке, добавив, что Валентина Ивановна готова взяться за обучение любо-го экспериментального класса из неуспевающих по русскому языку, или, если это будет угодно госпоже Путиной, пореко-мендовать Валентину Ивановну своим знакомым, дети ко-

торых не в ладах с русской грамматикой. Главной же целью моего обращения было то, чтобы Фонд выделил В. И. Душкиной грант на подготовку и издание ее учебного пособия. Однако вслед за написанием письма вдруг обнаружилось два практических затруднения для его отправки. Я не знал отчества первой российской леди – пресса о нем совершенно умалчивала, и не имел представления, по какому адресу его посылать. Выяснить эти вещи, находясь в деревне, было невозможно, поэтому пришлось отложить отправку до возвращения в Москву. Это произошло уже в середине осени. Валя позвонила мне еще до того, как я начал что-то узнавать насчет отчества и адреса жены президента. Пользуясь случаем, я рассказал Вале о письме и его целях, а также о затруднениях, на которые наткнулся.

Она была растрогана до глубины души или даже еще больше. Волна чувств просто захлестывала ее. Она взялась сама узнать недостающие данные и без задержки отправилась в официальную приемную президента на Старой площади. Итоги проведенной ею «разведки боем» оказались следующими:

Первое – мадам Путина – Людмила Александровна.

Второе – адреса ее канцелярии как патронессы Фонда русского языка нет.

Третье – через своих старых знакомых Валя выяснила, что попечительский совет, возглавляемый женой президента, состоит исключительно из ее подруг, для которых работа

в нем служит средством для их лучшего знакомства с окружающим Россию миром и других целей перед собой не имеет.

Четвертое – письмо Людмиле Александровне можно отправить на адрес канцелярии самого президента.

Валя взялась лично отвезти письмо туда, чтобы сдать под расписку. Сведения, добытые ею, не убавляли и без того достаточно серьезного пессимизма. Но дело было в основном сделано. Оставалось довести его до конца. Валя приехала на встречу со мной в вестибюле метро, расцеловала меня горячее, чем родного, с тем, чтобы уже завтра отправиться с письмом в президентскую приемную. В ожидаемое время я получил от нее доклад о проделанной работе и полуожидаемое сообщение о том, что получив письмо с адресом «Супруге Президента Российской Федерации госпоже Путиной Л. А.», не удержалась и распечатала конверт, прочла своими глазами, не довольствуясь тем, что я уже зачитывал ей текст по телефону (или боялась, что в бумаге содержится нечто иное в сравнении с услышанным?), снова прочла, сняла себе ксерокопию и только после этого отвезла, куда следовало. Надо думать, теперь я занимал в пределах воображаемого ею доме значимых для нее людей такое положение, какое было уже «выше крыши». Она даже попыталась отделиться на свой манер, сказав, что хочет, чтобы я разделил с ней авторство ее системы обучения русскому языку.

Я, как и прежде, оборвал ее, напомнив против обыкнове-

ния резко, что ни в каких подачках не нуждаюсь, поскольку сам имею за душой нечто, чем не стыдно гордиться, и она заизвинялась и стала убеждать, что просто сознает себя настолько обязанной мне, что даже не представляет, какую пользу может принести мне в ответ.

– Принесите пользу усвоению русского языка нашему дивному народу, – возразил я. – Мне этого будет достаточно.

Потом потянулось ожидание, наверняка тяжкое для Вали и довольно безразличное для меня. Наконец, пришло уведомление из канцелярии президента, что мое письмо на имя Президента Российской Федерации (а не его супруги) отправлено для ответа по существу в министерство, ведающее вопросами образования, а затем после еще одной затянувшейся паузы я получил обещанный ответ «по существу» из упомянутого министерства. Я «с выражением» зачитал его Вале по телефону. Чиновник сочувственно отметил, что безграмотность выпускников школ действительно представляет серьезную проблему. А потому он рекомендует В. И. Душкиной издать свои материалы. Ни слова о том, чтобы где-то заслушать ее предложения официально под эгидой министерства, ни слова о выделении Вале гранта именно с целью опубликовать ее систему.

– Ничего неожиданного не случилось, – добавил я от себя, стараясь умерить Валину разочарованность. – После того, что вы узнали о фонде и о том, чем там занят попечительский совет, другого почти и не стоило ожидать. Моя ре-

комендация остается прежней – дорабатывайте текст своего учебного пособия и постарайтесь издать его на средства своего сына.

– Но ведь тогда уже ничто не защитит мой приоритет, – сказала Валя. – Я узнавала.

– Вы имеете в виду патентное право?

– Да.

– А я говорю просто об обычном праве собственности. И если у вас украдут текст, вы все равно сможете восстановить свое авторство через суд. Постарайтесь только так сцеплять слова и фразы в своем тексте, чтобы их было невозможно переиначить без потери смысла. Тогда обладателям слабых мозгов ничего не останется, кроме как воспроизводить ваш текст без ссылки на вас, а у вас уже будет в руках доказательство, что он уже был вами издан раньше, и что теперь с вашим трудом выступают плагиаторы. Другого пути я вообще не вижу. Официальным путем вы свое пособие, учебник или что-то еще через министерство образования не пробьете, ну, а издать за свой счет или на деньги спонсора сейчас можно что угодно.

– Да, я понимаю.

Несмотря на неудачу затеи привлечь к Валиным делам попечительницу интересов русского языка в лице жены президента России, Валя не переставала поддерживать частые телефонные контакты со мной – иногда по два-три раза на день. Это совершенно не нравилось моей Марине, а меня раздра-

жало пустопорожним отвлечением от дел. И все же грубо осаживать Валию из-за ее обращений по самым разным поводам мне не хотелось. Чтобы придать какую-то осмысленность нашим контактам, мне пришло в голову предложить ей прочесть мой уже законченный роман с целью контроля от ошибок и опечаток. Я помнил, что еще в самом начале нашей работы у Антипова она как раз и была полезна тем, что отлавливала, как она говорила, «глазные ошибки». Я уже не раз перечитал набранную на компьютере собственную книгу и каждый раз находил какие-то пропущенные ранее мелочи. Напомнив себе об этом, я решил, что будет не лишне пропустить роман через Валин корректорский фильтр. В ближайший же день, когда она позвонила мне (а долго ждать не пришлось), я сказал, что могу дать почитать свою вещь, попутно надеясь на грамматический контроль с ее стороны. Валя горячо заверила меня, что сделает для меня всё с большим удовольствием и охотой.

Через три дня она позвонила и сказала, что уже всё прочла. Я был немало удивлен такой скоростью прочтения книги объемом в семьсот страниц – вряд ли это можно было считать признаком особого воодушевления, вызванного образностью моего произведения, поскольку казалось, что ни тематика книги, ни образ мыслей и действий главного героя, мягко говоря, не соответствовали характеру внутреннего мира Вали и ее представлениям о морали. Правда, меня это ничуть не заботило – я дал ей читать свое произведе-

ние отнюдь не для того, чтобы еще больше понравиться ей. Но в данный момент меня настораживало другое – в Валином голосе послышались тоска и горечь.

– Скажите, – спросила она после паузы, – и теперь я уже явно различал трагические ноты в голосе, – зачем вы написали это?

– Что это? Всю книгу?

– Да.

– Затем, чтобы высказать многое из того, что я успел узнать в своей жизни, а заодно и показать, что сильнее всего меня в ней впечатлило.

– Не понимаю, зачем вам так понадобилось написать – ни о каких «дорогой Михаил Николаевич, любимый!» уже не было речи.

– Вы хотите сказать, что книга вам не понравилась? Ну, что ж, ваше право думать о ней, что хотите. Меня от этого не коробит.

Мой голос был спокоен и не вызывающ, и тем не менее Валя еще раз задала мне свой первый вопрос.

– А все-таки – зачем? – и это уже был голос вражды.

– Хорошо, если вам так хочется услышать всё от меня, то ЭТО мне понадобилось для самовыражения собственной сути и сути вещей, как я это понимаю. Такой ответ вас устраивает?

– Да. Когда я могу вернуть вашу рукопись?

– Да хоть завтра. Кстати, вы там сделали много поправок?

– Нет. Знаете, у меня от чтения так устали глаза – я их до этого испортила, работая на компьютере, что теперь просто ничего не в состоянии делать. И глаза болят, и голова.

– Сочувствую, – ответил я, думая о том, что уже произошел своего рода исторический переворот в наших отношениях, и ее огромное горячее желание изо всех сил служить мне всем, что в ее силах, за три дня чтения моего романа испарилось напрочь до дна. Хотя, возможно, и раньше, в первый же день и с первых страниц. И дочитать до конца ее скорей всего заставил не интерес, а данное мне обещание прочесть, от чего она как честный человек уже не могла отказаться. Дело приобрело до комизма неожиданный оборот. Валя, возможно, настроилась восхититься, но оказалось, что пришла к выводу, что лучше бы и не бралась читать. Многолетние клятвенные заверения насчет ее готовности сделать для меня всё, что угодно, потеряли вдруг всяческую силу – на ее готовность послужить мне больше и намечка не было. А как честный человек она могла бы помнить о своей хотя бы подневольной обязанности сдерживать добровольно данное ею слово. Значит, по всей видимости, я своим романом напрочь перечеркнул в ней то, что побуждало ее навязывать мне год за годом свою поддержку, в которой ни раньше, ни теперь я не нуждался.

Прояснить, до конца ли верно я понимаю новую ситуацию, можно было уже на следующий день. До времени встречи с Валей я об этом больше не думал.

Мы встретились на станции метро между моим и ее домом. Обычно она спешила поцеловать меня, демонстрируя радость от встречи, в этот же раз я заметил, что она едва заставила себя пройти свою половину пути, чтобы нам можно было соприкоснуться лицами. Следующим ее движением было передать мне пластиковую сумку с моим романом. Поверх нее я заметил свою книгу по специальности, которую подарил, когда она приехала ко мне консультироваться по поводу создания рубрикатора. По существу это было нотариально заверенное заявление о прекращении каких-либо отношений со мной. Она решила порвать их сразу, за один сеанс. А то вдруг пришлось бы вторично встречаться, чтобы избавиться от подарка, который, как она многократно напоминала, принес ей такую помощь. Ну, что ж. Можно было прощаться навсегда без всяких промедлений. Но все же она еще раз, видимо, в память о «нашем безоблачном прошлом», задала уже надоевший мне вопрос:

– Зачем вы это сделали?

– Зачем я решил погубить репутацию в ваших глазах? – переспросил я, но, не дожидаясь ответа, продолжил: – Затем, что я такой и никакой другой, что бы там раньше вы обо мне ни вообразили. У нас с вами, как я теперь вижу, весьма различающиеся взгляды на литературу. Для меня важно, чтобы там все по возможности соответствовало истине, а для вас, по-видимому, чтобы в ней все было правильно и хорошо даже вопреки реалиям бытия. Еще раз готов под-

твердить, что я не заказывал вам положительного суждения о своей книге. Мне жаль лишь, что вы на ней действительно сломали глаза, а этого не следовало делать. Могу вас уверить еще только в одном: я искренне желаю вам успехов в вашей работе на благо русского языка. Всего хорошего. И будьте здоровы.

– И вам того же, – сказала она, глядя мимо меня.

Мы еще раз соприкоснулись лицами. Больше Валя не звонила мне никогда. Впрочем, это вполне соответствовало моим ожиданиям и никакого огорчения не принесло, однако кое к каким мыслям всё-таки побудило. Это, что ни говори, был достаточно серьезный феномен, чтобы захотеть разобраться в его природе. Итак, практически в одночасье произошла серьезнейшая метаморфоза в настроениях и предпочтениях Вали Душкиной, касающихся меня. Сам я во все время нашего с ней знакомства относился к ней совершенно одинаково: уважительно, с долей жалости ко всеми гонимому существу; сочувственно ко всем проявлениям ее собственного творческого начала; с уверенностью в твердости ее характера во всем, что касалось ее убеждений и принципов, а также с уверенностью в том, что ее отношение ко мне останется неизменным. Вот в этом последнем я, оказывается, очень ошибался. Почему? Ответ надо было искать в потаенной натуре Валиной личности, которая у нее, как и у всех, очень редко проглядывала сквозь манеры поведения, принятые в обществе и заложенные в нас с детских лет.

Что же могло быть такое тайное, чего бы Валя страшилась или обычно не позволяла себе проявлять? Ведь она совсем не скрывала, что любит меня, судя по тому, как первая вешалась мне при встречах на шею, целовала – правда, не так, что это было тождественно любовным поцелуям, претендующим на такой же ответ – и очень часто усыпала свою речь словами – «Михаил Николаевич, любимый, дорогой!» Я никак не поощрял ее к подобному гейзерному излиянию чувств – но таковым все это оставалось на протяжении более тридцати пяти лет и тут – на тебе, всё как ножом отрезало! Будто я взял и в один момент смертельно ее оскорбил, хотя я за собой никакого греха так и не ощутил. Единственное, чего не было раньше, так это ее знакомства с моим литературным опусом. Значит, в нем она нашла оскорбительные для ее самолюбия признания о себе самом? Что же смогло ее задеть? Видимо, в первую очередь, романы с другими женщинами, не только с Мариной, любовь к которой она не смела порицать даже про себя. Чем она оказалась задета сильнее – тем, что они вообще у меня были (а героя романа она полностью отождествляла со мной) или тем, что о них было написано как в духовном, так и в плотском (как говорили предки) их воплощении? Пожалуй, все-таки в первую очередь тем, что они у меня были, особенно если принять во внимание, сколь высоко в этом грешном окружающем мире она расценивала собственные драгоценные качества: постоянную честность, истовое трудолюбие или трудоусердие,

верность всему и всем, что представляло в ее глазах действительную ценность.

А я, оказывается, позволял себе любить всяких женщин – и очень достойных, и не очень, а то и вообще недостойных с точки зрения ее принципиальной требовательности к любви. Какие выводы она из этого сделала? Мало того, что я часто выбирал не лучших (а, стало быть, и сам вел себя недостойно), главное же – что я предпочел пройти мимо ее любви – самой что ни на есть заслуживающей признания и ответа – вот в чем открылся мой главный грех. И уж если расценивать не меня и мое поведение, а собственно мой роман, то есть книгу, с позиций высокой нравственности (а иначе она, воспитанная на примерах из русской классики, вообще не умела), то мой роман никак не годился на роль литературного произведения, заслуживающего высокой оценки, еще и на том основании, что в нем НЕ БЫЛО ПОКАЯНИЯ, которым так ценна российская изящная словесность и которая так привлекала к ней ищущих понимания человеческой основы бытия читателей во всем мире. А я ведь действительно не каялся в грехах – просто говорил о них, описывал их и сам давал им свою оценку. На колени на площади не становился, чтобы в этой позе рвать рубаху на своей груди, как это было положено. Перед Богом я колени преклонял – это да, но только не в церкви, а там, где придется – ведь Он вездесущ – и не испытывал никакого желания каяться перед толпой современников, которые все, за ред-

кими исключениями, были ничуть не лучше меня. Но это в глазах Вали являлось грубым нарушением правил и жизни, и литературы, и ни там ни там никуда не годилось. А что же случилось с ее как будто бы несокрушимой уверенностью во мне как в человеке, постоянно и безотказно помогавшем ей прокладывать путь во враждебных общественных джунглях? А ничего особенного. Мало ли что я ее никогда не подводил, а иногда и выручал, а уж **МОРАЛЬНО** (уж позволю себе такое выражение из неподобающего моему поведению лексикона) поддерживал ее несчетное число раз? Ну и что, что поддерживал? Ведь было за что? – Было. Это следовало рассматривать все равно как исполнение элементарной обязанности, вроде как лицо умывать и зубы чистить, а это, кстати говоря, одинаково делают и праведники, и мерзавцы. Вывод – «дорогой и любимый Михаил Николаевич» оказался недостойным ее любви и вследствие этого стал автоматически недостойн благодарности, в том числе и в виде данных ею по неосмотрительности и неведению горячих заверений в своей постоянной готовности ему помочь. По скорости превращения Валина метаморфоза была сопоставима, пожалуй, только со скоростью троекратных словесных отречений апостола Петра от Иисуса Христа, о котором тот провозвестил на тайной вечери, реагируя на заверения Петра (он же Симон, он же Кива) в нескончаемой преданности Богочеловеку, за которым он пошел вместе с братом Андреем с берегов Генисаретского озера, что еще не успеет прокри-

чать поутру петух, как Петр уже трижды отречется от Него (и Петр действительно благополучно трижды отрекся, когда римские воины спрашивали, указывая на Христа, знает ли он этого человека). И если раньше библейский рассказ от Матфея казался мне несколько двусмысленным относительно слова «отречение» – мало ли, разве такое сплошь да рядом не случается в жизни и, в частности, в партизанской практике, когда оставшиеся на свободе отказываются признать арестованного знакомым, чтобы не провалиться самим и не вовлечь «в историю» еще каких-то людей, но после столкновения с феноменом преображения Вали Душкиной я перестал так уж сомневаться в однозначной природе отказа Петра. Правда, в дальнейшей жизни этот апостол доказал верность Христу своими деяниями до самой казни на кресте, перед которой он потребовал от мучителей, чтобы на кресте его распяли вниз головой – настолько он считал себя недостойным принять смерть в том же положении, в каком принял ее Иисус Христос, Спаситель. Меня, разумеется, нисколько не волновало, будет ли когда-нибудь Валя Душкина пересматривать свою новую позицию в пользу старой. Но и мне, поскольку это касалось меня, следовало извлечь из данной истории уроки для себя. Какие? Надо было всегда держать в уме, что предложенная тебе любовь женщины, которая захватила ее, с большой вероятностью может превратиться в ненависть или обернуться оскорбленностью, если ты не заметишь ее или сделаешь вид, что не заметил, но все

равно не воспользуешься высшим даром, который предлагают тебе в ожидании ответного чувства.

Такое ведь случилось и до Вали, и во время знакомства с ней. Одна сотрудница, не так давно во второй раз вышедшая замуж, вообще говоря, совсем недурная собой, притом достаточно образованная и умная, недовольная моим «непониманием», решила активизировать события, сообщив мне в конфиденциальной манере, что ее соседи по лестничной площадке надолго уехали из Москвы, а ключи от своей квартиры оставили ей. Но, поскольку мое «непонимание» продолжалось и после столь определенного целеуказующего маневра, оно было уже сочтено за оскорбительный отказ, который вынудил ее подпортить мое реноме в глазах начальства. Другая сотрудница, уже довольно много лет спустя после этого случая, приблизившаяся, как и я, к барьеру пенсионного возраста, вела себя много более сдержанно. И все же ее не совсем адекватно острые реакции на появление возле моего рабочего стола других женщин и еще кое-какие малозаметные штрихи в поведении подсказали, что она была отнюдь не равнодушна ко мне, и вход в ее строгоохраняемую интимность для меня не был наглухо заперт. Ее реакция на мой литературный роман была сходна с Валиной, Эта дама сама попросила дать его ей почитать, когда узнала, чем я занимаюсь после ухода на пенсию. Естественно, она узнала из моей книги ровно столько же, сколько и Валя Душкина, о мыслях, поведении и объектах страсти челове-

ка, к которому стала равнодушна по неизвестной никому прихоти обстоятельств. Однако после чтения она не подвергла меня полному изгнанию из своего астрально и ментально представляемого рая. Но роман ей, естественно, не понравился. Она нашла в нем даже хвастовство своими успехами женщин, что вряд ли было справедливо. Я понимал, конечно, что она, как и Валя, воспитана на в высшей степени положительных и нравственных примерах из традиционной русской семейной дворянской практики (не вдаваясь, разумеется, в такие ее подробности, как нередкие адюльтеры жен и довольно регулярные связи с дамами полусвета или с девицами из хоров или борделей у мужей) и классической русской литературы. Но мне казалось, что, говоря о примерах из литературы, лучше ориентироваться на те из них, когда авторы создавали свои и чужие образы по принципу максимальной и разносторонней откровенности, по возможности чураясь как приукрашивания собственной личности, так и умолчания о неблагоприятных поступках своего реального бытия. Так поступал и Лермонтов в ипостаси Печорина в «Княгине Лиговской» и «Герое нашего времени» и особенно великий американский автор, проломивший громадную брешь в стене маскирующей действительность вкусовой литературной морали – Генри Миллер. Вот они-то и создали прецеденты литературы высшего достоинства в том смысле, что стремились привести литературу в соответствие не неким социально-государственным эталонам, нормирую-

щим практику граждан, в том числе и сексуальную, удобным для «общества» образом, а в первую очередь к Истине, каковой бы она в жизни ни была – красивой или некрасивой, достойной или недостойной, заслуживающей поощрения или резкого порицания. И только зашоренным зрением в их творениях можно было не заметить, что раньше всех читателей своей откровенностью они обличают самих себя, поступая так совершенно сознательно, а не в припадках безудержного хвастовства. Проблемы жизни невозможно разрешать, пока они не станут очевидны во всех своих аспектах и образах максимально широкому кругу людей – там ведь всегда есть люди более сведущие и более проницательные, чем свойственно большинству. И социальная функция писателя, если таковая существует наряду с обязательной авторской индивидуальной честностью, как раз и состоит в том, чтобы представлять все явления жизни и сопутствующие им людские реакции самым откровенным и выпуклым **ПРОЯВЛЯЮЩИМ** образом. Менять свои глубинные представления на этот счет в угоду читателям или читательницам, которые на моем житейском материале хотели бы видеть, как говорил один мой начальник, «более другой документ», я не собирался. А потому и мог пребывать в совершенной уверенности, что неласковых критиков моего литературного творчества всегда будет хоть отбавляй.

Полагаю, в моем нынешнем возрасте мне уже не удастся вызывать у каких-либо новых знакомых дам нежных чувств

к моей персоне. А потому мой бескорыстный совет потомкам, как своим, так и чужим, не забывать, что неразделенная любовь, даже если она не была в явном виде предложена, способна превратить любящего и в ненавистника, и в человека, испытывающего презрение и мстительные желания с большой степенью вероятности, хоть и не всегда. Достаточно припомнить известный пример инверсии отношения Идалии Полетика к Александру Сергеевичу Пушкину, который сначала было соблазнился ее готовностью к близости, да на ходу передумал – и получил в ее лице законченного врага на всю свою жизнь, а то и дольше. Случается, правда, и иначе. Например, та дама, которой не понравился мой роман, меньше года спустя поинтересовалась, каково я мнения о последней крупной вещи одной весьма известной и неоднократно премированной романистки, которая была удостоена крупной литературной награды. Я сказал, что этой вещи не читал, но одну из предыдущих считаю удачной. Что-то в голосе собеседницы подсказало мне, что сама-то она разочарована последним романом. Спустя несколько секунд так и оказалось, я услышал именно ту оценку, которую ожидал, но и после этого в разговоре чувствовалась какая-то недоговоренность, оставшаяся неозвученной. Подумав, я пришел к выводу, что после сравнения премированной книги с моим романом моя собеседница не без удивления пришла к выводу, что мой все-таки лучше, однако решила мне этого не сообщать.

Глава 2

Конечно, не во всех случаях, когда дама посылает мужчине приглашающий импульс, говорящий о ее желании открыть особую страницу в их отношениях, а он остается все-таки глух или неотзывчив, события развиваются по схеме от любви к ненависти или презрению, а то и к желанию отомстить за оскорбительное безразличие к ее особе. Вполне вероятно встретить и другую реальность, достичь дружеского расположения, чуткого внимания и одновременно ощутить надо всем прозрачный флер грусти оттого, что нельзя осуществить желаемое.

Впервые я увидел Аллу, когда она отпирала дверь квартиры напротив нашей. Она подняла голову, и мы встретились глазами. Я понял, что это «новая жиличка», о которой нам с Мариной говорил старый наш сосед Юрка из той же квартиры, которую она открывала, и поздоровался первый. Она ответила. Лицо было спокойным, приятным. Она даже слегка улыбнулась. Потом я сбежал с площадки по лестнице вниз, думая о том, что новая соседка очень хороша, но вскоре переключился на другое.

Потом она встретилась мне возле подъезда, и судя по улыбке, радостно просиявшей на лице, сразу меня узнала. Мы тепло поздоровались и снова разминулись, но в этот раз я уже знал – всё от того же Юрки – что ее зовут Алла, Алла

Львовна, и что у нее дочь в каком-то из старших классов. По виду новой соседки этого я не ожидал. Она выглядела очень молодо. Кроме дочери у нее еще оказалась и собака – большая восточно-европейская овчарка Лорд. Пес был очень хороший, серьезный. Но наших двух девочек-колли он не задевал, даже в какой-то степени слушался их, как и подобало воспитанному джентльмену собачьего рода. Иногда мы с Аллой встречались на прогулке, хотя обычно наши выходы с собаками по времени не совпадали, тем более, что Юрка очень быстро взял заботу о Лорде на себя, причем не совсем бескорыстно, поскольку Алла ему за это платила какие-то деньги, но вскоре Юрка и сам уже души не чаял в Лорде. Они вместе ходили не только на прогулки, но и в магазины за продуктами и водкой. Юрка и до развода со своей Тамаркой пил достаточно много (она, кстати, тоже была подвержена этой страсти, но не так сильно), но когда Тамарка, забрав дочь, куда-то ушла и продала оставшуюся за ней после раздела квартиры комнату Алле, стал пить еще больше. У него уже была инвалидность и небольшая пенсия, которой ему, разумеется, не хватало, и поэтому Аллина плата за гуляние с Лордом и подкормка, которая доставалась ему «от жилички», когда ему самому уже нечего было есть, как нельзя кстати поддерживала его на плаву, не вынуждая работать. Во хмелю Юрка совсем не был буйным, и когда напивался, то просто спал. То есть для Аллы и ее дочери и собаки он был соседом не из худших.

Однажды при встрече на прогулке с собаками Алла слегка удивила меня тем, что стала без каких-либо расспросов с моей стороны объяснять, почему к ней так часто ходят разные молодые парни. На самом деле к ней действительно часто навевывались, но не одни только парни – девушки тоже, но о последних она предпочла не упоминать, и я понял, что ей не хочется дать мне повода думать о ней, как о женщине средних лет, которая разнообразит личную жизнь одновременно с многими юнцами. Оказалось, она была тренером по легкой атлетике, мастером спорта международного класса, а молодые люди обоего пола, часто посещавшие ее на дому, являлись ее воспитанниками. Узнав об этом, я не удержался и обозрел всю ее фигуру с головы до ног. Алла засмеялась, хотя и не без смущения. – «Что, не похожа?» – спросила она. – «Нет, что вы? Сложение у вас просто великолепное, всем бы спортсменкам так! Замечательно сочетаются и сила, и женственность. Это не так часто встречается у мастеров, вы, небось, и сами знаете! Так что поздравляю вас!» Алла подтверждающе кивнула и засмеялась уже более свободно. Я почувствовал, что сексуальный лед сломан, и она перестала беспокоиться об угрозе своему реноме в моих глазах. Почему-то для нее это было важно, скорее даже очень важно. Ее дочь Лена обещала стать красивой женщиной, но пока еще никак не затмевала мать. Я знал, что Алла родом из Подмосковья, кажется, из района Коломны, и, видимо, у неё еще в юности произошел бурный роман

на одном из спортивных сборов с каким-то здоровым и красивым молодым человеком внешне под стать ей. Родилась Лена. Алла, чтобы перебраться в Москву, решила не только сражаться на легкоатлетической арене, но и завоевать положение в науке о спорте. Она даже защитила диссертацию по методам тренировки легкоатлетов и стала кандидатом педагогических наук. А муж? О нем я не спрашивал, она не говорила. Наверное, растворился где-то в обществе оказывающихся рядом с ним спортивных и околоспортивных женщин, раз уж Алла обустроивала жизнь свою и дочери без него. Надо думать, ей пришлось с этим делом совсем не просто. Полторократная или даже двойная нагрузка на тренерской работе и по работе над диссертацией, наверно, еще и частые приставания мужчин, которые далеко не сплошь ей нравились, но которых не всегда удобно было отшивать, потому как от них нередко многое зависело в ее будущем.

А теперь Алла хотела стать уже доктором наук. Я пожелал ей в этом деле всяческих успехов и жалел вслух, если при встречах она выглядела слишком утомленной и озабоченной. В ответ она подтверждала, что дел у нее по-прежнему очень много, поскольку она вынуждена зарабатывать деньги на новую квартиру, потому что здесь ее окно выходит на Садовое кольцо и нескончаемый шум от движения машин не дает ей спать по ночам. Это действительно никуда не годилось. Не иметь покоя ни днем, ни ночью значило жечь свечу своей жизни сразу с обоих концов. Это я хорошо пред-

ставлял себе еще с той поры, когда днем работал на службе, а вечером и ночью – над своей первой повестью. Алла видела, что я сочувствую ей совершенно искренне и участливо, и, видимо, это был для нее не пустой звук. Я не могу точно припомнить, когда начал целовать ее при встречах как старую, добрую и приятную знакомую. Она никогда от этого не уклонялась, будь то во дворе, на улице или на лестнице в доме. Я внимательно заглядывал в ее лицо и глаза, и, чем дальше, тем больше замечал тонкие морщинки во внешних уголках, где смыкаются веки. Что-то все же ей не давалось в жизни, хотя она уже заведовала кафедрой физкультуры в одном гуманитарном университете, ректор которого покровительствовал спорту, и докторская диссертация была совсем на выходе, и не оставалось никаких сомнений, что она в ближайшее время ее защитит. А ее дочь росла и хорошела. Оказалось, что Алла тоже готовила из нее легкоатлетку, и Лена стала мастером спорта. Вскоре выяснилось, что это было сделано совсем не случайно и не зря. Когда понадобилось выбирать институт и поступать в него, а выбор пал на ставшую остро модной Академию Народного хозяйства имени Плеханова (во время моего студенчества отнюдь не престижную «Плешку»), Алла прежде всего отправилась туда сама, выловила на кафедре физкультуры своего парня из спорта и представила ему свою дочь как готового мастера, а в них престижные ВУЗы всегда нуждались с советских времен, чтобы было кому достойно представлять их в межвузов-

ских и даже национального масштаба соревнованиях. И Лена была благополучно принята в академию почти без конкурса. Но сама Алла к этому времени уже переехала в новую квартиру, оставив комнату в нашем доме дочери, и встречалась мне либо когда заглядывала к Лене в гости, либо просто на улице, поскольку ее университет обитал поблизости. В одну из встреч она сообщила мне, что Лена вышла замуж за армянина (мне показалось, что здесь послышался вздох сожаления, хотя и не очень заметный) и что сама уже стала бабушкой. Я поздравил Аллу с рождением внука и сказал, что очень за нее рад, поскольку теперь она сможет больше принадлежать себе, раз уж дочь уже закончила академию и стала мамой. В ответ Алла с сомнением покачала головой. Я никогда не смел спрашивать ее о личных интимных делах, считая это бестактным и, хоть и не наверняка, угрожающим нарушить нейтральность наших отношений взаимной симпатии и перевести их в русло сексуальных.

Но однажды, приближаясь к дому по площади, я еще издали заметил Аллу по достаточно редкого охристого цвета ее длинного кожаного пальто и цилиндрической черной шапочке в сопровождении молодого человека. Он был действительно моложе ее, хотя и не так юн, как ее прежние воспитанники из легкой атлетики, и уже лыс. Тротуар в этом месте был особенно широк, и я пошел по нему таким образом, чтобы оказаться как можно дальше в стороне от встреченной пары. На всякий случай я устремил свой взгляд мимо,

наблюдая за нею только боковым зрением. Внезапно я понял, что Алла узнала меня. Она резко наклонилась вперед, будто переломилась в поясе, делая вид, что ей надо застегнуть пуговицу где-то внизу пальто. Я спокойно прошел мимо и не стал оглядываться назад. Должно быть, во мне автоматом сработало правило из какого-то английского регламента поведения хорошего тона, которое мне еще в отрочестве дал прочитать отец. В нем говорилось: если вам (имеется в виду мужчина) встретилась знакомая дама в сопровождении джентльмена, то первой узнать и поздороваться должна она. Я еще тогда логически вывел, что так надо поступать, чтобы дама не чувствовала себя попавшей в щекотливое положение. Но о том, что я с тех пор был верен данному правилу, Алла никак не могла знать. Поэтому она мгновенно в наклоне спрятала свое лицо – тут уж и дурак должен был бы догадаться о неуместности узнавания в момент встречи.

Но мне ее глубокий наклон подсказал и другую версию – она хотела, чтобы я ее действительно не узнал, а не сделал вид, что не заметил. Неужели ей уж столько лет было так важно показывать, что для меня не закрыты двери ни в старую квартиру, ни в новую, и хотелось уберечься от того, чтобы я мог подумать, будто место возле нее уже занято другим человеком, хотя, по здравому рассуждению – разве я мог думать, что такая видная, привлекательная и красивая лицом женщина может долго оставаться без мужского внимания и без необходимости удовлетворять собственную

потребность – особенно такую, какая мне казалась обычной у спортсменов, то есть достаточно большой? Конечно, я мог и ошибаться. Вдруг она просто испугалась, что я при встрече полезу к ней со своим обычным поцелуем, тогда как в данный момент он уж точно был ей ни к чему? Какие бы варианты ответов ни приходили мне в голову, я не могу сделать выбор в пользу какого-то одного. Знаю, что Алла была не против меня полюбить. Знаю, что для реализации ее мечты требовалось мое деятельное участие, мой отклик. Но она его не дождалась, потому что я любил Марину и делать «ход конем», даже в пределах одной лестничной площадки не мог и не хотел себе позволять. Юрка, пока он был жив (кстати, не очень долго) не мог считаться препятствием: достаточно было подставить ему бутылку водки, чтобы полностью «вырубить» часов на двенадцать. Нет, тормозило не Юркино присутствие в Аллиной квартире, тормоз сидел в моей голове, и я ему очень обязан. Хочешь – не хочешь, но два женских образа, на словах описываемых почти одинаковым набором слов: красивая, стройная, ладная, привлекательная, грациозная и многое еще в том же роде, оставались совершенно несопоставимыми по силе воздействия на мою психику, на силу моего влечения и интереса, на цельность всего комплекса моих чувств (не побоюсь этого неуместного в художественной литературе понятия), который только и способен свидетельствовать изо дня в день, год за годом о том, что ты нашел свою счастливую судьбу, своего любимого че-

ловека, свою дивную женщину, способную заменить собой – или затмить собой – всех остальных женщин, тоже прекрасных и достойных любви, но столь определенно ее не вызывающих.

А потом и Аллина дочь Лена со своим ребенком и мужем переехала из квартиры напротив нашей куда-то еще, и с какого-то момента Алла перестала встречаться мне даже на улице. Вопросы о том, случайно ли прекратились случайные встречи с ней, я себе больше не задавал, но о ней самой все-таки помнил, и было, за что.

С другой молодой женщиной, тоже из нашего дома, но из другого подъезда, меня связывало еще меньше воспоминаний, чем с Аллой. Мы с ней встречались только во время прогулок с собаками. Как принято среди собачников, когда собаки обеих сторон уже знакомы друг другу, правила хорошего тона обязывают здороваться и их владельцев. Не помню уже, какой породы был ее пес, но с ним по очереди гуляли то ее сын-десятиклассник, то она, изящная блондинка, и больше никто. Я сразу подумал, что она в разводе, живет с сыном одна, и, возможно, не имеет даже более или менее регулярно приходящего к ней мужчины. Забегая вперед, скажу, что я так и не узнал о ней ничего определенного, в том числе и ее имени, за исключением двух вещей. Во-первых, она ждала в скором времени переезда в отдельную квартиру где-то в Нагатино, а, во-вторых, ее все больше беспокоило, что сын вырастет и вскоре его заинтересованности в матери

придет конец. Это было высказано откровенно, умно и справедливо. Подкрепляя свою мысль, она привела слова великого Николая Константиновича Рериха насчет того, что родители полагают, что дети даны им навеки, тогда как на самом деле только займы. Сам я на эту мысль у Рериха не наткнулся, но не имел никаких оснований сомневаться в том, что моя собеседница придумала ее за Рериха. А уж в справедливости того, что говорили и она, и Рерих, сомневаться не приходилось. Достаточно было вспомнить мою взрослую дочь Аню и Марининого взрослого сына Колю. Ссылка на Рериха прошла бы без последствий, если бы я буквально на днях не кончил читать данную мне на короткое время полукриминальную по тому брежневскому и андроповскому времени ксерокопию книги Николая Константиновича о его центрально-азиатской экспедиции. Именно оттуда я впервые узнал о Шамбале, легендарной стране, в существование которой верил весь буддийский восток и которую хотел посетить Рерих. Под впечатлением от только что прочитанного и будучи уверенным, что молодая дама знает и уважает Николая Константиновича и всю его семью, а, стало быть, и с интересом выслушает то, о чем и я совсем недавно ничего не знал, хотя все это было по-настоящему важно для любого, кого волнуют пути развития не только тела, но и духа. Я говорил, а она внимала, почти не переспрашивая, и обрисовывал, как умел, и сложности экспедиции, и опасности пути, и то, что она с самого начала находилась под покро-

вительством и водительством тибетских лам, благодаря чему она только и смогла достичь, как написал сам Рерих, границ Шамбалы. И я уже от себя добавил, что Рерих был допущен в запретную для непросветленных обитель, но не сообщает в книге об этом, потому что на это был наложен запрет властями данной страны. Иначе как бы он мог узнать, что люди Белого Братства, населяющие Шамбалу и неустанно трудящиеся над тем, чтобы развитие человечества было продолжено по благому пути, а не по тому, по которому оно из-за безволия, неверия и незнания идет к собственной гибели. Их труд столь напряжен и тяжок, что со лбов у них часто стекает кровавый пот. Они владеют всеми знаниями Мироздания, им послушны могучие энергии, они в силах воздействовать на целые страны и народы, но обычные люди сами должны действовать в том направлении, которое указывает Белое Братство, а не вести себя так эгоистично, недалёковидно и глупо, как они себя ведут. Ведь погибли же уже четыре предшествующие расы людей, из них две последних уже очень высоко духовно и материально развитые – лемурийцев и атлантов, которые питали свой ум непосредственно из Вселенского Разума. Мы живем в пятой расе Землян, нам за грехи предшественников, наверное, уже закрыт свободный доступ к высшим знаниям, и мы вынуждены по крохам, притом очень медленно, открывать их для себя одно за другим. Всего на Земле будут существовать семь рас, и каждая новая как приходила, так и будет приходиться после

страшного планетарного катаклизма, пангеокатастрофы, когда в живых останутся и перейдут в состав следующей расы только действительно праведники, не использовавшие своего ментального и духовного потенциала вопреки его высшему предназначению. Мы-то думаем, что истории цивилизации на Земле от силы пять-семь тысяч лет. А в духовных ашрамах Индии и Тибета есть письменные памятники о том, что ей сотни тысяч лет, только в других местах этого не знают и не помнят. Рерих утверждает, что у древних шумеров имелись точные астрономические наблюдения за четыреста тысяч лет, что возраст египетских пирамид не пять тысяч лет, как считает наша наука – а в десять раз больше – пятьдесят тысяч лет! И если бы математик академик Фоменко и иже с ним – это я уже говорил от себя – имели бы в виду этот факт, то при определении возраста нашей цивилизации пятой расы, который они бессовестно уменьшали примерно на целое тысячелетие на том основании, будто расположение созвездий, изображенных на стене одного из древних египетских храмов таково, что оно могло бы наблюдаться в гораздо более позднюю эпоху, чем та, в которую согласно нынешним представлениям историков был построен сам этот храм. Мне попытка академика Фоменко и Ко опровергнуть всю письменную историю древнего мира и медиэвистику (якобы насквозь перенасыщенную ложью) показалась весьма показательной и характерной для людей, пытающихся на основании единичного факта переустроить целую

и, вообще говоря, чуждую им научную дисциплину, уклоняясь от использования сопоставительного анализа со всеми прочими фактами, известными людям – их прочие факты совсем не интересуют. Да и сам академик Фоменко, авторитетный специалист в области теории групп, начало которой положил Эварист Галуа, в юном возрасте погибший на дуэли, из осторожности предпочел объявить, что он не ниспровергатель истории, что он констатировал некое несоответствие фактов астрономического и исторического плана, а уж дело историков разбираться, как там на самом деле обстоит дело. Но адепты Фоменко развернули грандиозную саморекламную деятельность. Как поганые грибы после дождя на унавоженной авторитетом академика-математика почве разом выросли многочисленные толстенные тома «фоменковской» истории. Что было показательно, они тоже не вступали в открытые научные диспуты с историками-традиционалистами. Они, наверное, руководствовались верным принципом «подальше от драки – целее будешь». Но лично меня именно в связи с информацией, сообщенной Западу через Рерихов, больше заинтересовало другое – почему Фоменко со своими молодцами исследовал картину звездного неба только в одном направлении хода времени – от известной письменной египетской древности вперед, то есть к нам, а не назад – в сторону еще большей, доисторической древности. А что если палеоастрономы определили бы эпоху именно в ней, в этой доисторической древности, когда расположе-

ние созвездий в небе было точно таким, как показано на стене египетского храма? Может, факт, на который они опирались, чтобы опровергнуть известную нам сейчас историю цивилизации, на самом деле должен был не столько во всем опровергнуть, сколько повернуть в неведомую науке, но известную эзотерикам глубь тысячелетий, тем самым подтверждая сведения из тайных доктрин? Однако столь сложная задача не заинтересовала коллектив Фоменко. Им куда сподручней было идти легким путем. Ниспровергателям всегда достается больше шумной известности, чем тем, кто добросовестно зарывается в неведомые глубины.

– Честно говоря, – поделился я со своей заинтересованной слушательницей, – довольно ободранный вид поверхности великих пирамид Гизы лично у меня вызывал сомнение, что это дело ветра и погоды всего лишь за четыре тысячи лет. Мне казалось, что так скорее случилось за период, соизмеримый по длительности с целой геологической эпохой. Конечно, я не могу этого доказать, но хотелось бы удостовериться в этом, отправляясь от сообщения Рерихов.

А от властителей Шамбалы – Рерих этого не скрывал – он получил послание Советскому правительству и доставил его в Москву. Видимо, в нем было предложено покровительство Белого Братства советскому государству, если оно будет развиваться по конструктивному, а не репрессивному пути. Никаких известных нам последствий данное послание Шамбалы не имело. А вот зато в Монголии авторитет Белого

Братства всегда был столь велик, что там пропаганда идей коммунизма, чтобы она доходила до сердца и сознания народных масс, как раз и облекалась в форму привычного образа: построение коммунистического общества на Земле – это просто осуществление идеи Шамбалы. Кстати, сам Рерих отмечал – достаточно вам упомянуть о Шамбале на востоке – и вы будете выслушаны собеседниками с величайшим вниманием и уважением. Но большевикам линия Шамбалы была не указ, и это лишь их монгольские единомышленники использовали веру народа в светлое будущее, уготованное бескорыстными мудрецами тайного царства, а у нас даже слова такого – Шамбала – никто, кроме востоковедов, не знал, хотя в Монголии и Тибете оно было известно всем от мала до велика.

Дама, перед которой я с воодушевлением раскрывал тайны, обнародованные Рерихом, все это время слушала меня с несомненным интересом. Было заметно, что она не только ловит каждое слово, но и волнуется, глубоко переживая и за себя, и за все цивилизованное человечество, столь нищенски наделенное крупинками Истин, которые так важно знать любому человеку, чтобы понимать, к чему надо стремиться и как следовало бы сознательно вести жизнь к лучшему. Возможно, со стороны наша беседа (или мой монолог) напоминала сцену из великолепной экранизации потрясающей повести Бориса Лавренева «Сорок первый», где Говоруха-Отрок (актер Олег Стриженов) рассказывает молодой

рыбачке Марютке (актриса Изольда Извицкая) историю Робинзона Крузо. Разумеется, моя добровольная слушательница была куда образованней Марютки, а я, хоть и тоже синеглазый, как Говоруха-Отрок (да и Стриженов тоже), но никак не напоминающий белого офицера, как показало ближайшее будущее, все же произвел на нее сходное впечатление, как в кино. – «Рыбья холера! – думал я про себя словами Марютки, глядя на стоящую рядом и наблюдающую вместе со мной за нашими собаками женщину, казавшуюся после разговора о Шамбале еще более милой, хрупкой и уязвимой для злодейского вторжения с моей стороны в ее интимный мир, которого она уже хотела. – Что же ты наделал? Ведь ничего же не хотел от нее добиваться – просто, как «лектор по распространению» советской эпохи (когда к этому титулу даже не добавляли слов «научных знаний», как это было вполне реалистично показано в комедии Эльдара Рязанова «Карнавальная ночь») изливал из себя распирающие впечатления после чтения книги великого человека – и вот тебе! Она же уже лишилась покоя и ловит твои слова, так, как будто это ты видел Шамбалу и шел через перевалы Каракорума, Кунь-Луны, Алтая и всяких других хребтов по пространствам, разделяющим СССР и Индию, будто это благодаря мне западная часть человечества сможет узнать о пути, от которого никому не сто́ит уклоняться! Ничего себе «лектор по распространению»! Ты бы хоть прежде подумал, стоит ли говорить, перед тем, как начал!

Но следом какой-то другой – не сочувственный, а отрезвляющий голос изнутри меня возразил моим же запоздалым самообвинениям: – «Нет, все равно было поздно, и стал бы ты говорить или нет, это уже ничего бы не изменило. Вспомни – она сама тебе сказала о том, что сын уже вскоре отлетит от нее в самостоятельную жизнь и процитировала мысль Рериха о «детях взаймы» у судьбы. Ей уже в тот момент хотелось, опережая наступление разрушительного для своей маленькой неполной семьи будущего, найти вне этой семьи какую-то опору для себя, какую-то защиту от надвигающегося темно-серого одиночества, и вот она почувствовала, что это можешь быть ты, рыба холера, еще до того, как ты развернулся с рассказами о Рерихах и Шамбале. И вот наступил день, которого она, как любой человек, недовольный своими жилищными условиями, жаждала всеми силами души – день получения ордера на новую отдельную квартиру. Но она, сообщая мне эту новость, выглядела не столько счастливой, сколько потерянной. В ее взглядах сквозила мольба – мольба о том, чтобы я спросил у нее новый адрес и оставил надежду на поддержание знакомства в будущем. Только что я мог на это сказать? Что она мне симпатична? Но она-то мечтала о большем, чем симпатия и совместные прогулки с собаками, а на большее я бы не мог пойти, даже если бы она нравилась мне больше, чем сейчас. Развлекаться с ней время от времени – она бы на это не согласилась, да и на моем месте хотели бы оказаться очень многие – еще бы! Милая,

ненавязчивая, любящая и тактичная любовница – прекрасный вариант на случай хождения налево!

Но! Во-первых, эту женщину нельзя было сравнить с Мариной практически ни в чем. Марине я принадлежал по любви и по доброй воле. Ну, а если бы этого и не было, то я все равно задумался бы, не слишком ли много вреда принесла бы ей – нежной, хрупкой и уже, как минимум, однажды крупно обманутой женщине связь, которая не дала бы ей постоянного счастья? А поиграть с ней и оставить ее вновь одну, было бы слишком жестоко. Я возвращался домой сдержанным и хмурым. А каким еще можно быть в ситуациях подобного рода? Хвастать нечем: помочь не можешь, зла не желаешь, добра не принесешь. О довольстве собой тут и речи быть не могло. И даже сама симпатия к этой даме вдруг самому стала казаться без вины криминальной. Нет – неразделенная любовь уже одним фактом своего существования способна внести дискомфорт в жизнь всех задеваемых ею лиц, особенно когда не ожидаешь вызвать ее.

Право слово, не для самолюбования вызываются из памяти подобные случаи. Они приходят и высвечиваются на головном экране как-то сами по себе. Их могло бы высветиться и больше, но разве «в этом дело, Михаил Николаевич?» – как говорил мне мой давний сотрудник по ОКБ стандартизации авиационной техники Александр Никитович Свицунов. Да, дело заключалось действительно «не в этом». Оно заставляло задумываться о другом – что побудило ко-

го-то из малознакомых женщин отдать мне больше чувств, чем я мог ожидать, и чем это могло быть вызвано? По всему выходило, что я сам плохо знаю себя и какие-то исходящие из меня или от меня действующие начала. Я почти никогда не пускал их в ход с бухты-барахты, но, тем не менее, что-то сквозило и вырывалось помимо моего желания. Это-то и беспокоило – значит, не всем во мне управляла моя собственная воля – я уж не говорю о сознательности. И в связи с этим на ум пришел в принципе давно знакомый ответ, проверенный на других делах, начиная от явления на свет и кончая его покиданием: НАС НЕ СПРАШИВАЮТ, а просто заставляют выступать в сложившейся обстановке в определенной роли и зорко следят за тем, как мы поступили и как будем выбираться из положения. Но, как бы в конце концов ни получилось, лучшее из этих как будто бы безрезультатных встреч оставалось с тобой и нигде не исчезало, будто и в самом деле стало родным, пусть и не на сто процентов.

А вот места, где проходили походы, становились родными на все сто. К ним уже нельзя было оставаться равнодушным, когда бы о них ни заходила речь – об экспедициях, отправившихся туда, о фильмах из коллекции «Клуба путешествий» и даже о тамошней погоде.

Долгое время, пока метро не провели поближе к моему дому, я ходил на работу пешком на ближайшую станцию «Краснопресненская» мимо Центрального института прогнозов. Там на стене рядом с подъездом был стенд, на ко-

тором вывешивались карты погоды, и меня, как магнитом, влекло туда посмотреть, какая температура во всех дорогих мне краях – на Приполярном Урале, в дельте Волги, в Западных Саянах, в Баргузинском хребте и на Байкале, на Витимском плоскогорье, в Карелии и на Кольском полуострове – в Кандалакше, Апатитах и Слюдянке.

Это еще в первом моем походе по Кольскому именно Слюдянка была мне особенно дорогá. К ней привел довольно долгий малохоженный маршрут, хотя первая его часть посещалась туристами-водниками часто. Однако по реке Стрельне в Московском клубе туристов сведений не нашлось. Во время командировки в Ленинград я отыскал тамошний клуб туристов. Он находился в здании, которое называлось «Дворец труда» (от него так и веяло модой на пышные названия, всегда даваемые любой победившей революцией), и там в библиотеке нашелся один отчет двух байдарочников, прошедших по Стрельне. Попасть на нее можно было двумя путями – либо волоком из верховьев Варзуги с запада на восток, либо волоком из Поноя с севера на юг. Наша компания выбрала путь через Варзугу. Но и к ней предстояло добираться не прямо. Мы морским рейсовым катером отправились из Кандалакши в поселок Лесной по Кандалакшской губе Белого моря. Погода была великолепной – светило солнце, дул свежий ветер, раскачавший волнение. Слева по борту простирался высоченный берег Колвицких тундр. Это было красивейшее место всего Беломорья. С ним

могли сравниться разве что окрестности Сонострова и Шаропова мыса на южном берегу той же Кандалакшской губы, но туда я попал значительно позднее – через шестнадцать лет. Я прямо упивался великолепным зрелищем и все больше радовался тому, невзирая на все препятствия, мне с огромным напряжением сил удалось вырваться с работы в этот поход. Прямо по курсу катера открывался голубой простор неба и синего моря, справа появлялись и уходили за корму небольшие скальные острова – прямо как на картине Аркадия Рылова «В голубом просторе», только без летящих лебедей, и все шло хорошо, пока катер не изменил курс следом за поворотом берега влево, и волна пошла нам не в нос, а в борт. Вот тут я и заметил, что на палубе мне стало как-то скучнее, но в салоне, где уже находилось много людей, от духоты сделалось еще хуже, и тогда я, наконец, догадался, что подступающая тошнота и начавшаяся головная боль – это симптомы морской болезни. С ней в салоне было делать нечего, и я снова отправился на палубу. Кое-как мне удалось удержаться от рвоты, благо мы, очень рано высадившись с поезда и переехав в морской порт, не успели как следует перекусить. А потом, уже при подходе катера к поселку Лесному, когда качка снова стала килевой, мне сразу полегчало. Взяв в леспромхозе грузовик «ГАЗ-49», мы по галечной дороге поехали в Вельмежку на Вялозере, и там, наконец, я до конца, буквально всеми фибрами души, ощутил себя вполне на долгожданной воле, как только мы постави-

ли лагерь на хорошо обдуваемом мыске – здесь меня не могло бы достать никакое начальство. Отсюда, собственно, и начался наш водный маршрут. После пересечения плеса Вялозера мы вошли в речку Вельмежку, вытекающую из Вильма-ламбины, а оттуда перешли в озеро Индель, водам которого не давала сливаться естественным образом в реку Пану плотина, перегораживающая реку Индель. До сих пор серьезных препятствий не встречалось, если не считать молевого сплава и нескольких запаней, которые мы не без труда, но прошли. Сплав вниз по течению Индели, а потом и Паны был уже сплошным удовольствием. В порогах Паны было несложно крутить слалом между камнями, и мы достаточно быстро дошли до ее впадения в большую Кольскую реку Варзугу, текущую отсюда на юг, тогда как нам надо было продвигаться на север. И здесь нам на время пришлось стать бурлаками и вести байдарки вверх бечевой. К вечеру мы достигли места, на котором хотели устроить дневку, и разбили лагерь прямо ниже последней ступени Котельного порога. Пару лет назад тайгу на нашем берегу выжег пожар, но сейчас эта местность уже не выглядела мертвым местом, хотя обгоревшие стволы северных елей хвойной зеленью так и не покрылись, но продолжали стоять, а вся земля была покрыта рослым цветущим иван-чаем, внесшим оживляющий элемент в погибший было пейзаж. Мои спутники, да и я тоже, пытались поймать под порогом на блесну семгу, но блеснили спиннингами напрасно – семга не брала,

несмотря на «уловистую» репутацию этого места.

А потом, после дневки у Котельного, мы три дня шли бечевой, изредка на веслах к тому резкому перелому русла Варзуги с востока на север, откуда согласно нашей карте – семи с половиной километровке было ближе всего к верхнему течению Стрельны – километров шесть пешего хода вдоль границы тайги. К северу, в направлении к Поною, простиралась тундра. Поскольку расстояние между Варзугой и Стрельной не шло ни в какое сравнение с длиной волока между Подчерьем и Щугором через Тельпосский хребет Приполярного Урала, который наша компания сделала в прошлом году, байдарки здесь решили переносить не разбирая. Мы уже почти завершили челночные рейсы к Стрельне, когда нам неожиданно встретилась другая туристская компания. Это была команда спортивного туристского клуба «Вольный ветер», объединяющего туристов, горнолыжников и альпинистов одного закрытого предприятия в Кунцеве. Во главе команды был Наум Томашпольский. Они шли в свой маршрут от Поноя к верховьям Варзуги через болотистую местность и порядком изнурились на этом волоке. Предполагая трудность пути, в команду из восьми человек не включили ни одной женщины. У нас же их было трое – моя жена Лена, Вера Соколик и Наташа Фюрстенберг. Обе компании радовались встрече – после двухнедельного отсутствия встречных кратковременный контакт со свежими людьми, тем более с единомышленниками, увлеченными од-

ним и тем же видом спорта. Мы им описали предстоящий спуск по Варзуге до порога Падун, в верхнюю ступень которого можно было попасть незаметно для себя, а там через сотню метров и в стремнину собственно к шестиметровому Падуну, в который лучше было бы совсем не попадать. Рассказали и о своей дневке у Падуна, когда ходили на охоту и подстрелили лося. Мы тогда разделали тушу на четыре части, освободив от внутренностей, и закоптили их для сохранности на костре. Мы с удовольствием предложили им четверть своей добычи, а они с радостью приняли ее. Перед расставанием ребята пригласили нас на осенний слет своего клуба в окрестностях Москвы, где у них обычно проводились соревнования по спортивному ориентированию, преодолению препятствий и по «играм лесорубов», о которых среди нас никто не слыхал. Они обещали, что если мы придем на слет, то увидим интересное зрелище. Обменявшись московскими телефонами и пожеланиями удачного прохождения пути, мы разошлись. Выйдя на берег Стрельны, мы убедились, что ленинградские туристы говорили правду о том, что на этом участке в реке еще очень мало воды. Однако проводить байдарки вброд за собой было все-таки можно, и мы с облегчением перевели дух, убедившись, что самая сложная часть маршрута уже оказалась позади. Сразу стало ясно, что на Стрельне гораздо больше дичи, чем на Варзуге, но в связи с изобилием мяса на дальнейшую охоту был наложен запрет после того, как я подстрелил,

не удержавшись, гуся-гуменника. Одновременно мы ощутили, что и гнуса здесь гораздо больше, чем на Варзуге, особенно мокреца. Он проникал сквозь марлевую сетку на окне палатки, и когда я это заметил, мы уже были изрядно покусаны даже внутри своего дома. Лена срочно зашила окно носовым платком. Это сразу принесло облегчение. Спуск по Стрельне был бы куда интересней, если бы сплав то и дело не приходилось заменять проводкой в тощих струях воды. И все же местами он очень радовал и видами, и порогами, и новыми встречами с живностью и новыми людьми. Долина Стрельны все больше углублялась в высокие берега. Дойдя до небольшого круто спускающегося по узкой долине правого притока большого ручья, мы решили подняться вдоль него пешком вверх до его истока из довольно крупного озера Черного, откуда после небольшого волока можно было бы попасть в целую систему Ондомских озер, из которых открывался спуск к Белому морю по реке Чáваньге. Нам хотелось представить себе, каковы там особенности местности и возможности продвижения – просто, на всякий случай, раз уж мы забрались сюда.

Мы шли гуськом уже по верхней части притока Стрельны. Чувствовалось, что озеро уже недалеко, да и тайга, как и предсказывала карта, уже осталась позади – теперь вдоль русла везде росли только кусты. И вдруг не далее, чем в пятидесяти метрах от нас, один из кустов буквально взлетел на воздух. В первый миг мы не поняли, в чем дело,

но тут же все разъяснилось. В воздух взлетел не куст, а ветвистые рога на голове крупного северного оленя. Секунду он с не меньшим удивлением смотрел на нас, чем мы на него, затем повернулся и картинными прыжками, прерывистым полетом помчался вдаль, в тундру. Это был первый случай, когда я в действительности увидел оленя, летящего точно так же, как олень на крышке коробки шоколадного набора, знакомый с детских лет.

Вскоре мы действительно вышли на скальный берег озера, которое, казалось, было лишено почти всякой прелести, поскольку другие берега его были уже совершенно голыми и таким же плоскими, как тот, на котором мы стояли, если бы не одно впечатляющее качество, которым оно буквально дышало. Это было дыхание пустынности серой низкой ровной скалы, обрамляющей пустынные же и невозмущенные темно-серые воды. От них так сильно веяло абсолютным безлюдьем, что мы долго молча смотрели перед собой и по сторонам, стараясь понять, в какой мир мы попали. По крайней мере, о себе я определенно могу так сказать. Потом мы немного продвинулись дальше вдоль берега, надеясь зацепиться взглядом за что-то еще, но кроме очень отдаленных невысоких возвышенностей не заметили ничего. С тем мы и повернули обратно. Возвращение в таежную зону принесло облегчение. Каким удовольствием казалось здесь проходить по широким тропам, пробитым кочующими северными оленями или, немного удалившись от них, под-

нимать на крыло со страшным пугающим грохотом взлетающих почти из-под ног громадных глухарей! Нет, Стрельна положительно давала нам совершенно новые впечатления помимо тех, которые уже было привычно получать от тайги! А потом мы продолжили сплав. Следующим заметным притоком справа была река Слюдянка. Должно быть, прежде там действительно был рудник, где добывали слюду, но теперь над местом впадения Слюдянки в Стредльну довольно высоко осталась стоять только метеорологическая станция. Мы были первыми людьми, которых пятеро обитателей-метеорологов увидели после своей заброски сюда по воздуху в том году. Начальником метеостанции был молодой парень Жора Дубровка. Его сотрудниками, которые посменно шестичасовыми вахтами вели наблюдения за погодой и во время жестко установленных сеансов связи передавали результаты наблюдений в свой региональный центр по радио, отстукивая сообщения телеграфным ключом, были еще один парень моложе Жоры и три особы женского пола: одна была уже заметно беременной женой Жоры, а две другие девушки, только что закончившие соответствующее училище где-то на Кубани, в первый раз ожидали свою заполярную зимовку.

Несложно было представить себе их жизнь – сплошь из непрерывных шестичасовых вахт, перемежаемых коротким сном и бытовыми заботами по заготовке дров, доставке воды из реки (чаще всего из проруби во льду), приго-

товлению обедов – и все это на фоне одних и тех же постоянных впечатлений от своих коллег – от их лиц и разговоров, привычек и плохо совместимых с вашим в тесном пространстве характеров. Мы сразу подарили хозяевам еще одну четверть нашей добычи и предложили приготовить из неё совместный парадный обед, а потому что на следующий день решили устроить на Слюдянке дневку. Мы переночевали в своих палатках, хотя хозяева приглашали нас к себе в дом, а утром принялись осматривать окрестности станции. Оказалось, что это самый отдаленный из всех пунктов метеонаблюдений на Кольском – от всех других было ближе до постоянно населенных мест. Мы с Леной, посмотрев на берега Слюдянки, спустились к Стрельне и перебрали через нее на другой берег, а затем поднялись на возвышенность, где уже не было леса, зато росла такая крупная черника и голубика, какой я больше не встречал почти никогда. Вид отсюда тоже был необычайным, но все-таки без такого ощущения пустынности и отрешенности от всего людского, какой мы видели накануне. Потом состоялся запланированный обед, украшением которого были сотни пельменей, сделанных общими силами из теста хозяев и лосиного мяса. Мы выставили немного спирта из своих запасов. За столом шел оживленный дружеский разговор, однако бросалось в глаза, что одна из молоденьких девушек с Кубани не вышла к общей трапезе. Как-то само собой, без расспросов, стало понятно, что она осталась оплакивать в одиночестве

свою даром пропадающую в этом безлюдье (не считая коллег) жизнь, потому что мы своим появлением напомнили, что на свете есть другая жизнь и другие люди, существующие нормально, по-другому – не то что она. Ведь здесь даже нельзя было без специального разрешения начальника, то есть Дубровки, шагнуть за пределы метеостанции. А что это была за территория? Дом, радиоантенны с «противовесами», метеоплощадка с приборами – и всё! Даже если бы эту девушку тянуло в тайгу (а ее навряд ли тянуло), она и на это не имела бы права. И все, что ей оставалось, это отбывать постылые вахты одну за другой без перерыва в течение трех лет, покуда не истекнут ее обязательства перед Службой погоды и она не заслужит сразу полугодовой оплачиваемый отпуск, который сможет провести дома, как все люди, и уже не вернуться сюда. Этот невидимый и неслышимый плач вырванной из привычной обстановки души, каким-то образом действовал мне на нервы, хотя я, как все, участвовал в разговоре, закусывал и выпивал и даже чувствовал себя именно здесь и в такой жизни вполне на месте, но внутри меня что-то нет-нет, да скребло. – «Все люди разные, – думал я. – Ей нравится то, что не нравится мне, а от того, к чему тянет меня, ее с души воротит, тем более, что она как каторжный арестант на галере напрочь прикована к круглосуточной постылой работе, в то время как ты к своей (тоже постылой) все ж таки прикован не на все время суток и можешь относительно свободно распоряжаться несколькими часами,

правда, лишь двумя-тремя в сутки, по своему усмотрению, не говоря уже о выходных днях. Да если бы у нее и были бы здесь выходные, куда бы она могла деть себя? В тайгу, где можно нарваться на медведя-шатуна, ватагу голодных волков или злющую росомаху? Нет, куда ни кинь, все равно выйдет клин. А у нас в жизни такого явного клина не было. Наутро мы попрощались с невольниками службы погоды и продолжили сплав. Теперь в Стрельне хватало воды и глубины, и потому река и препятствия на ней все больше завладевали нашим вниманием. На последнем приустьевом участке Стрельна срывалась со скального плато к морю целым каскадом мощных порогов, большая часть которых была водопадного типа. Они следовали один за другим, и я лишь малую часть рискнул проскочить на своем «Луче», а другие не стали делать и этого. А потом мы благополучно прибыли в небольшую деревню Стрельну, где оставшееся население жило рыболовным и зверобойным промыслом. Вадим и я посетили факторию, на которой обрабатывали пойманную в устье Стрельны и на других соседних тонях семгу. Не знаю, что подумали о нас женщины, разделявавшие рыбу и прикомандированная из какого-то научного института женщина-москвичка, которая измеряла длину каждой рыбины сантиметром и брала от каждой по чешуйке для определения возраста по кольцам на ней, а мы с Вадимом, услышав данные о длине рыбы, называли ее вес еще до того, как ее клали на весы и редко ошибались, причем не боль-

ше, чем на сто-двести граммов. Вероятно, по их представлениям, такой опыт могли иметь только завзятые браконьеры, но мы были отнюдь не завзатыми. Это в нас говорил опыт добычи на Подчерях и Щугоре, где в общей сложности мы выловили двадцать рыбин, из них больше половины один Вадим. В устье Стрельны мы разобрали байдарки и стали ждать дору. К вечеру она пришла. Это была большая беспалубная деревянная моторная лодка грузоподъемностью в несколько тонн с рубкой для рулевого. На ней мы отправились в ближайшую к востоку большую деревню Ча́пому в устье одноименной реки. Она была очень плотно и тесно заставлена деревянными домами, соединенными сетью дощатых тротуаров. Ночь мы провели в какой-то избе, а где-то в полусвете занявшегося дня в пять часов утра мы уже вышли на берег встречать теплоход «Акоп Акопян». Как я узнал много позже от Марины, это судно носило имя реабилитированного посмертно друга Анастаса Микояна, который худо-бедно (скорей даже худо, но совсем не бедно) пережил все чистки и репрессии, без малого подчистую сметавших правых и виноватых, если они вызывали подозрения у Сталина. Сделать что-то в защиту друга Акопа Микоян либо не смог, либо побоялся, но вот имя его присвоить каботажному судну все-таки сумел. Оно было не ахти какое, предназначенное в основном для перевозки грузов, но в кормовой надстройке оно имело несколько общих пассажирских кают. Нас переправили к остановившемуся на рейде «Акопу» на рыбацком кáр-

басе – судостроительном шедевре поморов – оно было пригодно и для плавания в суровом и бурном море, и для протаскивания его по льду от разводий к разводьям силами одной бурсы, то есть артели промысловиков, ходивших на нем на добычу тюленей. Через день спокойного плавания мы благополучно пришвартовались к пирсу в городе Архангельске. Там еще только сооружался первый мост с центральным подъемным пролетом через Северную Двину, а потому мы переехали на левый берег, где был железнодорожный вокзал, на городском теплоходе.

Где-то вскоре после возвращения с Кольского я в книжном магазине обратил внимание на небольшую книгу в отделе географической литературы. Ее название показалось странным – «Зажгите костры в океане», а имя автора – Олег Куваев – мне ни о чем не говорило, однако что-то заставило проявить к ней интерес и взять в руки. Сначала я ее полистал в разных местах, и какие-то фразы автора сразу легли в сознание как семена в подготовленную почву, затем ознакомился с аннотацией. Там говорилось, что Олег Михайлович Куваев, молодой геолог и геофизик, несколько лет проработал на Чукотке и острове Врангеля и что это его первая книга, включающая повести и рассказы. Узнанного было достаточно, чтобы приобрести ее.

Повести мне понравились, хотя я нашел, что для автора с таким суровым экспедиционным опытом в них было несколько больше романтизма (упаси Бог – я никогда не был

против него), чем позволяла действительность, исходя именно из моего фактического опыта, и я заподозрил, что это было сделано специально, чтобы увеличить шансы произведений на публикацию. Рассказы же, особенно два из них: «Где-то возле Гринвича» и «Чуть-чуть невеселый рассказ» меня просто потрясли. Они были настолько великолепны, что я отдал свои симпатии Олегу Куваеву на всю жизнь. Это было именно то, что должен был видеть в людях и окружающем мире человек с его опытом – и ничего наносного. Принудительная сила бытия, которую он столь мастерски описал, равно как и деятельность людей, занятых повседневным трудом в почти предельных условиях выживания и проявляющих в них упрямое от внешних глаз свое неизменное внутреннее благородство – вот чем просто веяло со страниц этой книги, изданной в Магадане.

В рассказе «Где-то возле Гринвича», где описывалась жизнь и работа четырех людей, заброшенных на крошечный остров Шалаурова в Ледовитом океане, на выносной метеорологический пост во время летней морской навигации – меня буквально все заставило видеть происходящее там своими глазами, хотя в действительности я видел совсем другую и более капитальную полярку в Слюдянке, а не на этом острове. Но в мелочах всё их устройство и быт были в них похожи и даже идентичны, что бы ни взять: такой же телеграфный ключ Морзе, а рядом с ним самодельная «дрыга», позволяющая передавать сообщения чуть ли не вдвое быстрее,

чем ключом, и карабин системы Мосина с расхлестанным за время долгой эксплуатации при плохом уходе стволом, и антенны на деревянных мачтах, которые ураганный ветер вполне способен сломать и которые надо вновь ставить своими силами – ведь никого на помощь не пришлют, а главное – все те же стандартные вахты и сеансы связи с метеорологическим центром, которому в высшей степени наплевать, у кого какие настроения в тесноте и однообразии быта на брошенной всеми людьми в полную изоляцию станции. Этот центр одно беспокоит – чтобы сводки поступали регулярно, а в ряде случаев даже чаще, чем обычно, если этого требует морская и аэронавигация или буйствующая погода. В начальнике поста Гешке Видмеденко я почти узнал слюдянского Жору Дубровку. Если можно сроднить читателя с героями литературного произведения и реалиями их жизни больше, чем это удалось Куваеву, то я этого просто не в силах вообразить. Подобное же оказалось по плечу только еще одному великому писателю-биологу-охотоведу Андрею Скалону, а еще несколько отличных писателей к такому уровню лишь приближались. С выходом в свет каждой новой книги Олега расширялся мой полярный кругозор, да и человеческий тоже. Прочитав его второй сборник, я не удержался и написал ему письмо, в котором высказал то, что думаю о его творчестве, указав вещи, которые особенно впечатлили меня. Письмо я послал в редакцию журнала «Вокруг света», где временами появлялись рассказы и очерки Куваева,

с просьбой переслать его автору. Благодарю даму-редактора, которая это сделала. Олег откликнулся на мое письмо довольно неожиданным признанием, что я его здорово поддержал в собственной уверенности в том, что лучшие его вещи – именно те, о которых говорил я, а не те, которые выделяют и превозносят окружающие. Я никак не мог понять, что же это за люди-критики, литработники, друзья, наконец, если они не могут отличить алмазов – пусть и не от пустой породы, то хотя бы от золота и серебра? Ведь все истинные достоинства Куваевских произведений просто сами бросались в глаза и не требовали, чтобы кто-то кричал о них, а тем более чтобы они еще больше побуждали хвалить что-то другое. Однако уж если Олег поделился со мной этой читательской и критической аберрацией, невнимательностью и желанием «поправить» направленность писаний превосходного творца, значит, такое явление действительно имело место, и мне следовало запомнить и записать это не только на счет Олега, но и на мой собственный счет тоже. Я еще не раз и не два открывал у Куваева то, что уже сам наблюдал в разных отдалённых или труднодоступных местах. Тишина, «от которой ломило уши», как о том писал Олег в нескольких рассказах и очерках о севере острова Врангеля, была одним из признаков того же абсолютного отсутствия людей, с каким я столкнулся в первый раз на озере Черном в верховьях притока Стрельны, а затем уже в другом, но не менее выразительном варианте в верховьях реки Дол-

сы в самом сердце Баргузинского хребта, там, где она вытекала из подпертого древней мореной горного озера, по берегу которого бродила громадная медведица с двумя медвежатами, ворочая камни в поисках ручейников или иной пищи, пока не учуяла нас и не помчалась как скаковая лошадь наверх выяснять, что там такое, предварительно угнав медвежат куда-то в русло Долсы. Это было зрелище – как карьером неслась вверх по крутому склону сквозь заросли ерника, в котором люди бредут со скоростью от силы полтора километра в час, зрелище прекрасное и пугающее. Она остановилась на нашем уровне в пятидесяти метрах по ровной поверхности, где уже не было никакого ерника. Эту дистанцию она могла проскочить в три-четыре секунды. Мы – то есть я, Ваня и его жена Лариса, стояли неподвижно, я с ружьем, Ваня с топором, Лариса без ничего – и ждали. Некоторое время и медведица неотрывно смотрела на нас – громадина с большую корову, только с когтями, зубами и ловкостью, с которыми лучше было не связываться. Затем, что-то решив про себя, медведица крутанулась на месте и устремилась вниз с той же скоростью, с какой она поднималась к нам. Напряжение, возникшее в ожидании схватки с непредсказуемым концом, отпустило не сразу. Действительно ли она впервые столкнулась с людьми, но не захотела знакомиться с ними поближе, или, наоборот, очень хорошо понимала, что они могут собой представлять, но она выбрала лучший вариант из двух возможных – не нападать, а мы – то есть я –

не стрелять раньше времени, пока агрессия не станет фактом. Нам всем было предельно ясно, что хозяйка положения здесь она, а не мы, и в ее воле поступать с нами так, как ей заблагорассудится, но отнюдь не нам. Слава Богу, рассудила она хорошо сразу за обе заинтересованные стороны. А мы, еще недолго полюбовавшись замыкающими долину хребтами с озером на ее дне, снимав фотоаппаратом и набросав кроки, поднялись к перевалу на ручей Разбой и ушли из медвежьего дома. Кто-кто в теремочке живет?.. Конечно, в пограничном слое между жизнью и смертью вполне можно было оказаться и там, в сплошных зарослях кедрового стланика, где наша подвижность была бы ограничена еще в большей степени, но и без того свое превосходство мать-медведица из ущелья Долсы, в котором мы не встретили никаких следов человека, доказала нам в полной степени. Так выяснилось, что столкнуться с безлюдьем лицом к лицу – это совсем не просто для выросших в обществе людей. Только единицы из них были как будто созданы для того, чтобы жить анахоретами, отшельниками (мне даже пришло в голову, что само слово «отшельник» произошло от слова «отсельник» – в смысле человека, отселившегося от людей). Какой-то процент населения Земли существенно ощущает необходимость бывать в дикой природе, в ненаселенке, хотя и не приспособлен к тому, чтобы постоянно находиться в ней (видимо, к этому типу принадлежу, в частности, и я). А основная масса людей подобной тяги не испытывает, а если

и выезжает любоваться природой, то желает и требует, чтобы там был обеспечен полный комфорт в жилье и все удобства для неустойчивого обозрения экзотического окружения, должно быть, в последнем случае в поведении людей обнаруживается наивысшая тяга к ощущению устойчивости бытия, которого при подлинно полном общении с природой и стихией просто не бывает и даже не может быть. Им хочется исключить для себя пребывание в пограничном слое, где возможны любые проявления неустойчивости жизни, хотя и там, куда они стремятся, по большому счету абсолютных гарантий защиты от любых неприятных случайностей тоже не может быть. И все же во время комфортабельного «отдыха душой» их нет-нет (а то и постоянно) гнетёт мысль о какой-то иной неустойчивости – на работе, в семье, в любви, беспокойство или сомнения по поводу оставшихся дома детей или предков – словом по поводу кучи проблем, среди которых вынужден постоянно жить и действовать человек со всеми своими устремлениями, бомбардирующими его череп изнутри сомнениями, тревогами, неосуществленными желаниями – независимо от того, чем и как он занят, где находится и чем увлечен. И если кому-то удастся не попадать в какой-то один пограничный слой с не очень приятными или неподходящими свойствами пребывания в нем, то он, тем не менее, окажется в каком-то другом, где ему тоже не всё будет приятно и легко. Куда ни кинь – всё клин! А это значит, что проблема выбора для всех живущих на Земле

не в том, чтобы достичь «ламинарного успокоения», уйдя из слоя вихревых блуждающих и неустойчивых струй, а только в том, чтобы найти в этом мире наиболее подходящие для себя области турбулентности близ поверхности любимой и родной планеты, где можешь совершенствовать умения обитать в нем, подвергаясь всему, что Господь ни пошлет, и именно там исполнить свое высшее призвание, которое сперва еще надо познать и обрести.

Глава 3

В разных слоях общества вихревые процессы проходили по-разному. В постсоциалистическом российском государстве появился более чем любопытный и достаточно многочисленный разряд людей, которых прежде практически не было заметно. Его образовали новые сверхбогачи и просто скоробогачи. Их денежные состояния сделались вдруг столь велики, что их обладатели похоже, вообразили, что оторвались от грешной Земли и даже поднялись над пограничным слоем. Им уже мерещилось, что вихри, которые их вознесли на недостижимую рядовым соотечественником высоту, будут возносить их только выше и дальше от Родины, весьма обнищавшей России, если только они того пожелают.

Как и надлежит всем «нормальным» нуворишам, им захотелось всего много и сразу, в особенности того, что не было доступно прежде. У них, как в сказке, начали «по шучьему велению, по моему хотению» появляться дворцового типа многоэтажные особняки в России и замки за границей – в основном близ престижных курортных мест. Они летали на личных самолетах, транжирили деньги дома и за рубежом, чтобы все знали, как на них работают другие люди, будь то клерки, менеджеры, охранники, политики, высокопоставленные представители правоохранительных и судебных органов, журналисты и проститутки. Им было просто

противно делать из всего этого тайну – наоборот, их прямо распирало от удовольствия демонстрировать обществу от самого верха до самых низов, что они могут позволить себе всё! Это упоительное чувство явилось едва ли не главной наградой за их труд – сначала труд по присвоению возможно большего куска от бывшего «общего» национального богатства, которым прежде в основном распоряжалось политбюро ЦК КПСС, а остатками – система партийных органов и министерств, то есть партхозноменклатура. Главное, что теперь всё для них стало законно! Не надо прятаться от прессы и от органов партийного контроля, от жен, готовых жаловаться на измену мужей в низовые парторганизации, в которых они состояли, от органов внутренних дел и даже от органов государственной безопасности, деятельностью которых они научились управлять с помощью всё тех же денег. Они получили в весьма короткие сроки право в полный голос исполнять как свой гимн знаменитый «Марш энтузиастов» из довоенного советского фильма «Светлый путь» – оказывается, по смыслу он куда больше подходил новоявленным капиталистам, чем выдвиженцам советской власти и передовикам социалистического соревнования, систематически перевыполняющим нормы и планы:

«Нам нет преград ни в море, ни на суше,

Нам не страшны ни льды, ни облака!..»

потому что, в отличие от прежних времен, теперь каждое слово для них было чистой правдой: в морях они прокла-

дывали курс, куда хотели, в любую страну (раньше это было просто невысказано!), да притом еще на собственных роскошных яхтах; на суше они перемещались в дорогущих роскошных автомобилях; отдыхать ездили в зону вечных снегов и льдов на великолепно обставленные горнолыжные курорты, сквозь облака и над облаками они летали на своих турбореактивных самолетах. Развлечения, какие хочешь – пусть о них и не пелось в «марше энтузиастов» – были тоже ИХ, и именно они особенно подогревали присущее господам жизни хорошее настроение, но сильнее всего – их иное самоощущение относительно всех прочих, уверенность в том, что если еще не все им служат, то они кого захотят заставят служить, даже не испрашивая согласия. Потому как именно в их руках находится **ВСЕОБЩИЙ ЭКВИВАЛЕНТ**, как его называли Маркс-Энгельс, или башли, тугрики, зелень, капуста, бабки, бабло, условные единицы, как он и стал и именоваться в советские и постсоветские времена. «Люди гибнут за металл!» – пел в своих куплетах Мефистофель в «Фаусте», это было действительно так, но **ОНИ-ТО НЕ ПОГИБЛИ** и гибнуть не собирались, вполне сознавая, как много в их распоряжении средств и способов не допустить для себя такого конца. А для этого-то, по их разумению, только и требовалось впредь оставаться хозяевами жизни – как собственной, так и всех, кем им захочется управлять. И если капиталисты Запада, действительные хозяева почти всего мира, когда-то так же «борзевшие», как они – «новые русские», уже

почти как целое столетие научились показывать обществу, что они главные радетели его интересов (а научила их этому не кто-нибудь, а именно Великая Октябрьская социалистическая революции в России), что они не воры, не жулики, не паразиты, а просто самые изобретательные, находчивые и инициативные создатели системы, которая под их руководством реально делает богатыми всех. Именно со страху после «всемирно-исторической победы Великого Октября» они вполне разумно предпочли не кичиться, то есть держать себя в обществе, на людях, псевдо-скромниками, и хотя позволяли себе делать все, что хотели в бизнесе и в развлечениях, но делали это в достаточной степени конспиративно, отсекая для своих классовых врагов возможность обвинять их в грабительстве и аморальности.

Вот именно этой социально-ориентированной псевдо-скромности и сдержанности меньше всего хватало нуворишам постсоветской эпохи. Никто из них не завладел своими состояниями по закону и справедливости, сколько бы они ни уверяли в обратном. Просто они либо крали, либо обманывали, либо сами для себя устанавливали правила игры, которым придавали вид прогрессивных законов, либо нелегально унаследовали с советских времен то, что крали и присваивали себе тайно тогда. Других способов у них практически не имелось, и об ассортименте всех использованных ими средств личного обогащения можно больше не говорить, поскольку с этой частью их деятельности все и так абсолютно

ясно

Зато остался смысл вникнуть в то, как они распоряжаются своим внезапно обретенным богатством не в абстрактном смысле, а на примере «наиболее ярких и интересных», то есть наиболее одиозных представителей российского бизнес-сообщества. Всем этим крупнейшим богачам, лишь в недавнем прошлом обычным советским малоимущим гражданам, вдруг стало казаться очень тесно в мире, где они более чем успешно оперировали на фондовых рынках, в банках и множестве предприятий, которые достались им просто по дешевке, поскольку они знали, кому, сколько и за что надо заплатить, лишь бы это досталось им, а не пошло в кассу министерства финансов. А начальные, несоизмеримо малые суммы в сравнении со стоимостью приобретений у них нашлись – кто открыл пополам с бандитами фирму торговли автомобилями или импортными персональными компьютерами, кто придумал схему сдачи в лизинг или толинг успешно работающих предприятий иностранцам, кто-то вообще выступил отечественным агентом иностранных компаний – все это прилично, но все-таки скромно оплачивалось. Однако для успешного старта им всего этого хватало, а уж затем-то они развернулись на всю катушку без дураков, поскольку создали для себя вполне тепличную политико-экономическую атмосферу. И вот тогда-то им стало нестерпимо тесно в убогой обстановке на Родине, потому как атмосфера атмосферой, но ведь нужна еще и поч-

ва под ногами, а над почвой наполовину формально, наполовину по существу командирами являлись не они, а номинальные политики и штатные госчиновники, которые тоже хотели жить как можно лучше, во всяком случае не хуже явных олигархов, нужды которых они исправно обслуживали, но за это требовали всё бóльшую мзду. Аппетиты этой публики росли безгранично. Олигархи даже стали подозревать, что чиновники и политики вот-вот сравняются с ними по деньгам, а, учитывая, что у них была еще и реальная светская законодательная и исполнительная власть, это было для олигархов уже не просто неприятно, но и опасно – их могли в любой будущий момент «прижать к ногтю» и запросто отобрать в свою пользу то, что олигархи считали «честно заработанным» своим пóтом и чужой кровью. Кто именно первый в узком олигархическом кругу ударил по этому поводу в набат и огласил конспиративный конференц-зал воплем, заимствованным из «Марсельезы» – «К оружию, граждане-олигархи!», – осталось неизвестным, но в том, что это случилось, нет никаких сомнений, равно как и в том, что ведущими закоперщиками были двое из этого круга или клуба – Борис Березовский и Михаил Ходорковский. Первый уже имел не вполне понятный в смысле полномочий, однако важный, действительно важный государственный пост заместителя секретаря совета безопасности России, которым, однако, не был доволен как юноша, выросший из своей отроческой – «камер-юнкерской» –

одежды – ему надо было занимать несравненно более крупную должность. Точно так же был настроен и Ходорковский. Будучи президентом нефтяной компании «Юкос», крупнейшей в России, он считал, что ему сразу надо получить один из высших официальных постов в государстве, не мелочась, не размениваясь на промежуточные должности.

Эта приватная конференция была, разумеется, не первой в их олигархической жизни. Одна из предыдущих, на которой решался вопрос о поддержке кандидатуры президента России Ельцина на второй срок (считая от вступления в действие Новой конституции Российской Федерации), была ознаменована полным единогласием. Вероятно, ожидалось единодушное одобрение концепции развития России под высшим олигархическим руководством и на этот раз. Казалось бы, общие интересы должны были бы привести к единому решению. Но с этим немного не заладилось. Нет, конечно, подавляющее большинство было за то, чтобы брать политическую власть в стране в свои незапятнанные честные руки, отбив ее у ничтожных паразитов, пребывающих на ключевых чиновных постах, но один-то от них все ж таки откололся. Он измыслил, как ему пройти к успеху своим путем. И если большинство отправилось в мечтах к заветным постам на основе примитивного арифметического расчета, то Роман Абрамович нашел куда более подходящим для реализации своих интересов не целиться так высоко, как его олигархические коллеги, ибо его-то как раз не за-

несло, и крыша у него не поехала. Остальные члены клуба прикинули, в какие деньги им обойдется приобретение официальной власти почти легальным образом. Практика выборов в государственную думу Российской Федерации, с которой они были прекрасно знакомы, поскольку давали деньги на избрание депутатов для лоббирования своих проектов в думе уже не раз, показывала, что для гарантированного прохождения кандидата в депутаты требовалось затратить один миллион долларов. Для того, чтобы иметь конституционное большинство в триста депутатских мандатов в свою пользу в четырехсотпятидесяти местном парламенте требовалось всего-то триста миллионов долларов, то есть сущие пустяки, учитывая то, что за год каждый из них богател как минимум на несколько миллиардов долларов. Для полной уверенности в успехе можно было пойти и на удвоение сметы для создания необходимого большинства в думе и положить еще столько же на формирование верхней палаты законодательного собрания страны – Совета Федерации. В общей сложности – один миллиард двести миллионов долларов. Нет проблем. Найти желающих стать депутатами на условиях честного служения финансовой олигархии совсем не представлялось сложным. А там уже все пойдет по легальному официальному алгоритму. Большинство в нижней палате выдвигает кандидатом главы правительства, допустим Березовского или Ходорковского. Президента России, если не будет перечить главе правительства, до следу-

ющего срока можно будет и потерпеть, а если попытается помешать, устроить ему импичмент по всей форме – ведь у них в руках будет не только конституционное большинство, у них УЖЕ в кармане практически вся пресса, все органы массовой информации. Под таким напором не устоит ни один президент. И тогда ничто не мешает в следующий раз избрать новым президентом Ходорковского или Березовского. Перспективы успеха операции просматривались как будто насквозь – более того, большинству олигархов – и «смельчакам» вроде Березовского и Ходорковского, и трусоватым – таким как Гусинский и Смоленский – она представлялась совершенно «железной», но Роман Абрамович думал иначе. Все было гладко на бумаге, это так. Но в действительности все могло идти и не по плану. Где взять гарантии, что чиновники, премьер-министр, в конце концов, даже президент не поймут всю глубину затеи? Если многие из них – идиоты и даже нам в подметки не годятся, то это не значит, что они ничего «не просекут» – уж на дела, которые угрожают прочности их положения, у них первоклассный звериный нюх, и провести их, как дурачков, не получится. А тогда все пойдет наперекосяк. Мы будем вкладывать средства в кандидатов в депутаты, а они нас же будут убирать: кого скомпрометируют так, что уже не отмоешь, кого посадят, по крайней мере, на время избирательной кампании, а кого и вовсе уберут, чтобы после этого свободно пройти в думу самим, избавившись от своих «патронов». Вряд ли

можно было представить, что у них не хватит сил и решимости поступить таким образом, как бы холуйски они себя прежде ни вели.

– Их сопротивление можно дезорганизовать, – возразил Березовский (Ходорковский),

– Суды и избирательные комиссии несложно купить, – возразил Ходорковский (Березовский).

– Какие вы наивные! – ответил Абрамович. – Неужели думаете, что у них на это не хватит и денег, и власти?

– Хорошо, а что тогда предлагается делать?

– Поискать иной путь к власти. Скажем, более постепенный и не столь категоричный, как ваш – типа «либо пан, либо пропал». Чтобы в случае срыва плана все-таки остался путь к отступлению без катастрофического разгрома.

– Молодец, Рома, – покровительственно по старой памяти похвалил Березовский. – А что у тебя значит «постепенно»?

Роме уже давно не нравилось, что Березовский продолжает считать его младшим партнером.

– У меня более простая задача. Стать губернатором.

– Губернатором? – иронически повторил Березовский. – Рома, ты что?! Видно, он в одно мгновение успел представить себе, насколько это мелко и бесперспективно для деятеля такого масштаба, каким он считал и себя, и Абрамовича.

– Я-то ничего. Просто не представляю себе, как строить дом с крыши, а не с фундамента.

– В том-то и уникальность нынешней ситуации, что сейчас такое возможно, – назидательно заметил Березовский, а Ходорковский добавил:

– Кто не рискует, тот не пьет шампанское!

Абрамович повернулся к нему и спросил, не скрывая сарказма:

– А что, губернаторы у нас не пьют шампанское?

– Ладно, – примирительно сказал Березовский. – Пусть он пьет шампанское губернского розлива, если не желает действовать с нами заодно. Потом только локти себе не кусай, Рома.

– Да уж постараюсь, – ответил Абрамович и с тем отбыл с места проведения тайного совета.

Именно так, возможно, слегка заблуждаясь в деталях, я представил себе замысел-заговор-план (можно назвать, как угодно) финансовых нобилей России, наиболее радикально настроенных на достижение полной, исчерпывающей власти всех типов в «этой стране», как на англо-американский манер модничающие либералы стали именовать Россию, не замечая, что как раз им было бы уместней, чем кому бы то ни было еще, называть ее по-старому: «в нашей стране».

Жизнь в скором времени показала, кто был прав.

Замахнувшиеся на среду обитания чиновников и политиканов, на их кормовые уголья, на их роль в решении вопросов будущности государства немедленно встретили мощное

непреодолимое сопротивление. Более того, вместо вязкого оно оказалось ударным. И план обретения полной власти не просто затрещал, а закончился катастрофическим провалом. Часть из них попала в следственный изолятор, откуда их выпустили только после того, как их заставили заплатить за освобождение всеми авуарами, которые еще не были переведены за границу. Березовский, Гусинский и Смоленский, Невзлин бросились бежать из России в безопасные места. А наиболее наглomu претенденту на высшую власть Ходорковскому так и не дали покинуть родину. Он настолько кричаще цинично обворовал страну, утверждая, что его «Юкос» самая легально действующая транспарентная из всех корпораций в стране, особо процветающая благодаря наиболее эффективному менеджменту, что его в назидание другим лишили не только капиталов, но и возможности спастись за рубежом. Когда человек, неправоммерно завладевший солидной частью национального богатства, начинает публично утверждать, что он ведет себя честно, соблюдая законы, это не может быть ничем иным, кроме заведомой лжи – можно сказать – по определению. Когда богатейшее жульё дома и за границей кричит о незаконности преследования таких фигур, как Ходорковский, которые, по их мнению, должны быть неприкосновенными и неподсудными всегда и везде, справедливость обвинений в их адрес приобретает уже вполне доказательный смысл. «Честный» российский мультимиллиардер Ходорковский делал лишь вид, что платит на-

логи и как физическое лицо (гражданин), и как президент, отвечающий за законопослушание своей корпорации. Он заигрался в беспардонной уверенности в том, что ему все позволено – и проиграл. Березовский на самом деле заигрался еще больше. Его налоговая декларация сообщала обществу, что у него нет ни квартир, ни особняков, ни замков, ни машин, ни самолетов, ни земельных участков – словом, ничего такого, с чего он обязан был бы платить какие-то налоги в качестве собственника. Читая этот восхитительный документ, можно было себе представить, что даже бомж, владеющий ручной тележкой, на самом деле богаче его. Березовский настолько не сомневался в своей силе (а как сомневаться, если он реально управлял всем течением дел в первой чеченской кампании именно так, чтобы она вместо побед постоянно заканчивалась конфузами и позорными поражениями, хотя и генеральский вклад в такие итоги боев тоже был немаленьким, однако даже им, генералам, до Березовского было далеко). Но в итоге ошибся в расчетах и он, самый мудрый и волевой стратег олигархического воинства, который уже само мятежное чеченское воинство, которое всячески опекал и вооружал, рассматривал как собственную боевую опору.

В итоге Гусинский и Невзлин укрылись в Израиле, откуда своих по крови никуда не выдают. Березовский обосновался в Британии, показавшейся ему не менее надежной, чем Израиль, но много более подходящей страной для веде-

ния из нее крупных политических игр против непобежденного чиновного истеблишмента России. Смоленский на время сбежал в Австрию, но после неоглашаемых сделок с российской властью был допущен вернуться в Россию и занялся тем же, чем был занят до бегства – привилегированным обслуживанием членов государственной думы и других господ в том же роде. Ходорковского осудили на восемь лет и возбудили против него уголовные дела по новым обвинениям, что было чревато назначением ему новых сроков. Практически один Березовский продолжал плести политические интриги и разрабатывать способы их реализации, в чем крупных успехов добиться не смог. Во-первых, на Западе, в отличие от России, он уже не являлся перворазрядной персоной ни как политик, ни как богач, тем более, что его уже хорошо пощипали дома российские, так сказать, «домушники». Во-вторых, политические силы и слои, которые он брался решительно финансировать в своих интересах, расходовали эти деньги исключительно в своих целях и фактически «кидали на деньги» своего доброхота и благодетеля, выступающего под маской борца за либеральные ценности – кстати, убедившего себя в том, что он и есть истинный либерал и демократ.

Прочие олигархи-миллиардеры несколько присмирели и от политических претензий явно отказались. Они делились доходами с представителями официальной власти и даже с государством, что прежде в их кругу считалось недопустимо дурным тоном. Да, теперь они платили налоги и ак-

цизы, крали, конечно, когда и где могли, но такого нескрываемого грабежа исключительно в собственную пользу больше себе не разрешали, поскольку и власть уже не позволяла им этого.

В выигрыше оказался один Роман Абрамович – причем сразу по всем статьям, доказав, таким образом, что он самый мудрый, самый дальновидный и расчетливый из всех олигархов и единственный заслуживающий звания, придуманного революционным демократом Чернышевским – а именно звания «разумный эгоист». Олигарх Роман Аркадьевич Абрамович остался на политическом поприще России. Он взял под опеку один из самых малонаселенных и безусловно наиболее отдаленный от столицы Чукотский национальный округ, вложив туда довольно скромные деньги и сделавшись за это губернатором одного из субъектов Российской Федерации. Теперь у него имелись большие полномочия главы исполнительной власти округа и желание сделать для жителей округа большое доброе дело за небольшие для его продолжающего успешно развиваться бизнеса деньги. Что для него могли значить два-три-четыре-пять десятков миллионов долларов в год из своего кармана, затрачиваемых на благо Чукотки в год? Практически ничего, а заметное благо для Чукотки и населяющих ее людей от этих денег было.

«Рома» начал с того, что ввел в узкие рамки разлитое море спиртного, истребляющего тела и души древнего

народа, научившегося устойчиво выживать в условиях, в каких, кроме него, могли существовать лишь немногие малые этносы: эскимосы, коряки, эвены, юкагиры, нганасаны, ненцы, саами. Перво-наперво он пресек вымогательский «бартер» между работниками горно-добывающей промышленности и аборигенами-алкоголиками, согласными за бутылку спирта отдавать целого оленя. Сделано это было очень просто – согласно его губернаторскому постановлению спирт отпускали только по скромной норме по заборным картам. За наличные деньги, «просто так» спирт вообще нельзя было купить. Но и горнякам самим требовалось немало «горючего». Так что отрывать спирт от себя они не могли. Одновременно губернатор установил высокие приемные цены на оленьей, а вырученные от продажи деньги поступали на кредитные карточки. Население быстро усекло, что таким образом получает свободный доступ к любым дорогостоящим товарам: снегоходам, телевизорам и прочему, и прочему, к чему уже давно привыкли соседние американские аборигены-эскимосы и индейцы на Аляске. Их жизнь круто пошла в гору. А губернатор Абрамович потрудились еще существенно расширить на окраине империи и материка возможности культурного времяпрепровождения. Он построил великолепный ультрасовременный кинотеатр в Анадыре, каких кроме него было всего два в России. Позаботился он и о горняках – вложил деньги в разработку золотых месторождений и обеспечил невиданно комфортные условия труда в условиях по-

лярных зим. Все это сделало его всенародно любимым губернатором. На выборах он получал такой процент голосов, какой получали кандидаты «нерушимого блока коммунистов и беспартийных» в советское время, но только без принуждения, подтасовок и фальсификаций. И жители Чукотки плевать хотели на то, что Абрамович за гораздо большие деньги купил и содержит футбольный клуб «Челси» в Англии (это ему постоянно вменяли в вину все политики и население остальной России). Свою любовь к Чукотке и лояльность центральным властям Роман Абрамович доказал поддержкой всех проектов социальной направленности как в своем подопечном округе, так и в масштабах всей страны. В итоге это привело к небывалому, прямо-таки феноменальному результату. Когда после по меньшей мере двух побед на выборах губернатор Абрамович, возможно, несколько утомленный заботами о процветании Чукотского округа и больше заинтересованный в том, чтобы постоянно заниматься делами клуба «Челси» (он и так проводил в Англии больше времени, чем на Чукотке), обратился к президенту Путину с Просьбой больше не предлагать ему губернаторский пост, Путин подвергся такому мощному нажиму чукотских избирателей, что сам попросил Абрамовича согласиться продолжать работу на своем посту, хотя тот и обещал, что даже удалившись с Чукотки, не оставит ее без своих средств. Столь уникальной ситуации больше не было нигде в России. В других субъектах федерации их главы выпраши-

вали себе продление полномочий, в то время как Абрамович просил о прямо противоположном, а потому уступил лишь настойчивым просьбам президента, которые нашел для себя полезным уважить.

А уж в бизнесе он достиг и вовсе невозможного. Если раньше он уступал в деньгах Березовскому и Ходорковскому с их корпорациями «Сибнефть» и «Юкос», то теперь он просто включил их в состав своей «Роснефти» и вышел на абсолютно первое место в ряду долларовых миллиардеров страны. Вот что значило догадаться, что лучше идти рука об руку с властью, чем воевать с ней. Рома лучше других осознал, насколько нестабильны вихревые процессы в пограничном слое как в политической, так и в финансовой сферах, а потому вполне разумно позаботился о том, чтобы не завихрять потоки еще сильнее – тогда чаще удастся использовать попутные течения и струи.

Был ли Абрамович действительно очень щедр по натуре, умел ли сочувствовать бедолагам, поскольку в детстве сам был сиротой, или все от него в пользу людей направлялось исключительно соображениями разумного эгоизма, глядя со стороны, трудно было понять. Одно только представлялось вполне определенно – он действовал правильней, а потому и успешней своих олигархических коллег. За ним не тянулся шлейф обвинений в жадности. В отличие от владельца «Альфа-банка» и «Альфа-капитала» миллиардера Петра Авена, во всеуслышание заявившего, что его обязатель-

ства перед социумом исчерпываются уплатой налогов (а это означало, что он и копейки не даст на то, в чем сам корыстно не заинтересован), Абрамович делал движения гуманитарно-благотворительного характера и, наверное, в точности так, как Сомс Форсайт – герой знаменитой саги Голсуорси – с удивлением открывал для себя, что благотворительность – это очень выгодная сфера вложения капитала.

Впервые я услышал о существовании Абрамовича от одного полуродственника, если допустимо использовать такое слово для описания соотношения между мной и Василием, так сказать, в семейном плане. Он был зятем, то есть мужем дочери, единокровной Марининой сестры Галины. Галя родилась много раньше Маринушки и жила отдельно от второй семьи своего отца, но довольно часто бывала там и любила младшую сестренку. Вот этот самый Василий однажды в застолье обронил несколько слов о некоем Роме, который ногой открывает двери в аппарате правительства и администрации президента. Ему ничего не стоило войти в приемную первого заместителя премьер-министра Олега Сосковца и запанибрата спросить: «Олежка у себя?»

А в ту пору Сосковец находился на самом виду. Ему без конца поручались разнообразные финансово очень значимые дела, в том числе и по управлению собственностью громадных промышленных и горно-добывающих предприятий. Из этого можно было заключить, что он весьма важная персона, и от его решений действительно многое зависит,

а только что без фамилии названный Рома входит к нему, как к себе домой. Этим Ромой, как мне стало ясно позднее, мог быть только Абрамович.

Надо полагать, что близость Абрамовича к Сосковцу была весьма выгодна им обоим. И у меня нет сомнений, что если один из этой пары достоверно стал миллиардером, то миллиардером, пусть негласным, стал и второй. И таких «неразрекламированных» было едва ли меньше, а скорее даже больше, чем явных.

Василий, зять Мариной сестры, тоже не был простым советским человеком, вдруг превратившимся волею родной коммунистической партии в капиталиста больше чем средней руки. Успешным человеком как в советское, так и в постсоветское время его сделала любезная теща. Это ее силами уроженец западно-сибирского города, женившийся на студентке своего же собственного философского факультета МГУ, был направлен после окончания курса и аспирантуры в нужное место, в нужном качестве, в подходящее время. Как именно? Об этом я узнал от Марины – сам-то я видел Галину Георгиевну всего несколько раз, и наше с ней общение бывало недолгим. Однажды в летний сезон, когда Марина была уже на пенсии, а я продолжал работать, Галя пригласила ее пожить у себя на подмосковной даче вместе с нашей внучкой Светой. Сама она тоже жила с внучкой Ренатой, которая была на год моложе Светланы. Дочь Галины Виктория со своим мужем Васей появлялась на даче лишь

в выходные дни, да и то не каждый раз. Сестры как никогда плотно общались друг с другом, и Галю почему-то особенно сильно тянуло откровенничать с Маринушкой – уже не как с родной и симпатичной девочкой-ребенком довоенного времени, а как со взрослой женщиной, к которой продолжаешь испытывать нежные чувства с детских лет. Галя понимала, что не во всем может рассчитывать на понимание сестры, но, подумав, она решила особенно не утаивать от нее подробности своей жизни. Иногда, правда, она немного жалела об этом. Взять хотя бы тот случай, когда она обмолвилась, что на последних президентских выборах голосовала за Зюганова. Реакция Марины оказалась мгновенной и не больно-таки приятной:

– Да ты что, Галка, совсем сдурела? Голосовать за Зюганова! Ты хоть на рожу его посмотри! Я уж не говорю – послушай, что он там обещает!

В первый миг Галина Георгиевна опешила, но, набрав побольше воздуха в легкие, чтобы сразу не ответить чем-нибудь обидным для сестры, предпочла признаться, что сам Зюганов ей никогда не нравился. Не только грубым лицом, голосом и манерами, но и тем, что он делает и говорит. Здесь Марина была безусловно права, а то, что она с такой легкостью и бесцеремонностью высказала несогласие со старшей сестрой – ну так она всегда была такой: искренней, непосредственной, безо всякого притворства, к тому же она так сильно напоминала отца, сгинувшего в московском ополче-

нии, что сердиться на нее не было никакой возможности. Сама Галина Георгиевна всю свою жизнь с полным основанием считала себя красивой женщиной и могла бы представить кому угодно убедительные доказательства этому, если б хотела, и все же Марину она считала самой красивой среди всех четырех сестер. Ей, конечно, было прости- тельней критиковать нынешнее руководство КПРФ. Мари- на, как и многие другие бывшие члены КПСС, больше не ви- дела смысла связывать свою будущность с КПРФ – парти- ей-преемницей после того, как рухнула в одночасье ее геге- мония и монополия на руководство политической жизнью страны. Зато у Галины не было серьезных оснований отказы- ваться от той системы со всей ее идеологией, благодаря ко- торой и она сама, и ее семья вполне достойно жили и устра- ивались на зависть многим. Она и сейчас не считала себя обычным рядовым членом коммунистической партии (у нее сохранились знакомства даже с членами нового ЦК КПРФ), а уж в прежние времена она и подавно ощущала себя мно- го выше среднего. Галина Георгиевна знала, что не только она одна не верит Зюганову – её высокопоставленные кон- фиденты тоже не прощали этому своему новому «вождю» в равной степени ни ту чушь, которую, отступясь от орто- доксального марксизма-ленинизма, тот нес в предвыборных интересах, создавая впечатление, что теперь он настоящий социал-демократ, ни фальшивые заверения, даваемые руко- водству партии в конспиративной обстановке, будто ника-

кой он не отступник от коммунистических целей и идеалов, а просто вынужден делать вид, что партия готова изменить свой курс в новых исторических условиях, чтобы избежать разгрома и запрета, а главное – чтобы иметь возможность снова получить власть над страной в результате всенародных выборов. У Галины Георгиевны не было сомнений, что в нынешнем ЦК компартии преобладают товарищи, считающие тактику Зюганова не просто ошибочной, но и преступной, чреватой всамделишным ее перерождением в какое-то жалкое подобие западной социал-демократии, и она была с ними совершенно согласна. Но Ельцин уже не раз доказал, что силового захвата высшей власти (что было бы лучше всего) он не допустит, и потому, скрепя сердце, члены руководства, даже самые стойкие в убеждениях, вынуждены были признать, что не обеспеченный должным образом вооруженный переворот, в отличие от октябрьского в 1917 году, приведет не только к разгрому боевых дружин компартии и «Трудовой России», но и к уничтожению собственно партии как законно функционирующей политической силы, а тогда снова легально возродить ее окажется почти невозможно. Оставалось делать вид, что компартия действительно идеологически обновилась и готова сотрудничать с другими патриотически настроенными политическими силами на благо народа и государства, хотя именно в этом и заключался главный порок избранной тактики, поскольку делить власть над страной компартия ни с кем не должна и не спо-

собна, ибо она только тогда может по-настоящему править, когда вся власть принадлежит ей целиком, монопольно, постоянно и безраздельно. Пока такая власть у нее сохранялась, страна становилась всё сильнее и заставляла себя уважать. И только когда последыш и выдвигенец Андропова Горбачев, бездарный предатель коренных интересов партии, отступился в своих шкурных интересах от партийной монополии на власть, всё покатилося-поехало и загремело в тартарары. Собственно Андропова Галина Георгиевна не перестала уважать – как-никак он был многолетним главой или шефом КГБ от ЦК КПСС, при котором его ведомство достигло небывалой, можно сказать – неограниченной мощи, способной сметать любые препятствия на пути достижения целей, поставленных перед партией ее ленинским руководством вообще, а в частности – на пути карьерного продвижения самой Галины Георгиевны – ей ли того не знать! Нет, Юрий Владимирович шел верным путем и страну тоже пытался после Брежневской немощи вести куда надо, но вот не получилось у него – слишком плох стал здоровьем, когда, наконец, добрался до руля. Но вот как его угораздило завещать ключи от власти насквозь провравшемуся первому секретарю Ставропольского обкома, которого он поставил было начальником главного управления КГБ ПО ДЕЗ-ИНФОРМАЦИИ? Это же шестерка, которой велят: ври так-то и так-то в интересах партии и государства, а ему только и остается распространять эту ложь. Какую умственную

работу он мог там научиться делать? И вот это ничтожество, руководимое его Райкой, привело к краху мощнейшей в Мире управляющей системы – слава Богу, не к полному, но все же тяжелейшему и трагичному. Сколько всяких ценностей и кадров было потеряно из-за эгоистического предательства, которое и самому главному предателю несколько не помогло! Кем бы он мог остаться, если б не стал отступником? Больше, чем царем крупнейшей мировой империи! А кем стал? Отставной козы барабанщиком – все равно, конечно, при деньгах (об этом наверняка успел позаботиться), но зато без власти, авторитета и привилегий – то есть без главного, чем соблазнился его малограмотный ум и к чему настойчиво устремляла его ограниченная во всем, кроме амбиций, жена, которую вся страна иначе, как Райкой, не зовет – и по справедливости. А уж как они ликовали, когда добрались до главной партийной кассы, а если говорить откровенно и прямо – до кассы всей страны! Райка так прямо заявила, отправившись инспектировать строительство своего нового дворца: «Настало наше время!» Это ж надо, до чего ее распирало! Ох, и жадность у таких провинциальных мечтательниц насчет богатства! Сразу до всего охота дорваться! И вот – на тебе, дорвалась! Ну, ничего, с ними еще обязательно разберутся, когда партия вернет себе полноценную власть! Скрыться им будет некуда. Обязательно обнаружат. Найдут и накажут в назидание всем другим желающим процветать отдельно от партии. Только вот Зюганова ради этой

великой цели обязательно надо заменить. Кто вообще кроме дисциплинированных партийцев за такого проголосует? Физиономия топорная, отталкивающая – как теперь говорят – никакой харизмы. Голос грубый, громкий, неубедительный. Говорит, как дрова рубит. Думает, что если у него череп лысый и лоб высокий, так он с этим своим голосом будет напоминать Эрнста Тельмана – не иначе! Только ведь Тельмана теперь мало кто помнит, и никаких выгод от сходства с ним, даже если бы оно было, уже не получишь. Но вот Тельман-то был совсем другое дело – он идеей коммунизма горел, это даже враги его чувствовали. Он был настоящий человек, настоящая глыба, а Зюганов что? Просто карикатура на подлинного революционного вождя. Ему никто не верил и верить не будет. Жаль только, никак не могут его убрать, видно, держит ключ от партийной кассы в своих руках и никак не хочет с ним расставаться. Больше думая о желании дожидаться справедливости, чем веря в ее осуществимость, Галина сказала Марине: – После выборов его снимут, – сказала так, как будто делилась с ней партийной тайной, хотя сестра давно уже в партии не состояла, что, впрочем, не означало ничего, кроме разочарования в идее коммунизма. Другое дело их отец, Георгий Иванович – тот вышел из партии еще в конце двадцатых, и каким-то чудом ему за это ни тогда, ни потом «ничего не было», если не считать того, что послали на убой в ополчение. Последнее, о чем он смог сообщить домой – это что у них одна вин-

товка на пятерых, и завтра они пойдут в бой. Записку принес в Москву пятнадцатилетний парнишка, которого из сочувствия взрослые ополченцы отправили домой. Какой смысл был губить во имя великой идеи и любимой страны еще одну – и совсем не лишнюю для нее – безоружную молодую жизнь?

Но Марина по поводу будущего «снятия Зюганова» только всплеснула руками:

– Господи! о чем ты говоришь! Снимут! Для того, чтобы на его место поставить еще худшего, совсем уж неприличного, вроде Купцова, Варенникова или Макашова! На черта тебе вообще за таких голосовать? Или твоей партии нужен такой «твердокаменный коммунист» в качестве вождя, как Ампилов?

От «твоей партии» Галину Георгиевну все-таки передернуло. – «Она и твоя была!» – подумала она, но вслух сестре ничего не сказала. Горлопан Ампилов ей самой был крайне неприятен несмотря на его верность настоящим коммунистическим идеалам – уж слишком пещерным демагогом он выглядел на фоне демонстраций из хорошо оплачиваемых старух с напыленными на головы пустыми кастрюлями, по которым они вдобавок старательно колотили ложками, если, конечно, не пели советские и революционные песни. Удивительное дело – партия вроде бы каждому своему функционеру обеспечивала достаточную образованность для того, чтобы он хоть как-то мог выглядеть приличным трибу-

ном, тем более, если он действительно журналист, но нет, по нему было незаметно: либо он деградировал, либо свое учебное заведение, как раньше говорили, фуксом проскочил. О Макашове и, тем более, о Варенникове она раньше была лучшего мнения. Однако оказалось, что положительные сведения о них все-таки надо было самой проверять. А то с Варенниковым вот что получилось – казалось бы, видный военный, стратег, ответственная личность, в недавнем прошлом – командующий всеми сухопутными силами страны, но не нашел ничего лучше, чем брякнуть перед тележурналистами, будто социал-демократическая болтовня Зюганова – это не более, чем прикрытие, так сказать – программа-минимум, в то время, как подлинная программа-максимум состоит совершенно в другом, а именно в том, что под ней всегда понимали настоящие коммунисты. Хоть стой, хоть падай! Как такого умника сделали генералом армии? Уму непостижимо! А Макашов? С целью совершения военного переворота вместе с кучкой офицеров пошел «овладевать» центром вооруженных сил Варшавского договора, который уже приказал долго жить. Они убили милиционера и случайно оказавшуюся у своего окна пенсионерку. А центр связи, оказывается, уже не работал, и возбудить вооруженные силы приказом заговорщиков не получилось. Такие вот решительные и мудрые генералы взялись спасти себя, партию и отечество. У одного из них недержание речи, у другого – импульсивность без разума – хоть бы выяснил

для начала, работает ли оборудование центра. Ну, в сей верхушке партии вообще не понять, зачем они обещают в случае своей победы на выборах вообще ликвидировать пост президента? Дикость какая-то! С боем овладеть господствующей высотой с цитаделью наверху, откуда можно контролировать всё окружающее пространство, и самим же ее взорвать! Кому мешало президентство? Брежневу, Андропову, Черненко? Мало ли что Горбачев использовал свою должность неподобающим образом – на то и партия, чтобы вовремя поправить. А если партия этого не сделала, то причем тут президентский пост? Словом, восторгаться нечем и некем. Всем давно известно, что за лидерство в партии и за тот же президентский пост идет постоянная драчка. Купцов слишком прост, Селезнев слишком амбициозен и ненадежен. Генералы вообще не пригодны для решения проблем экономики и мирной жизни – не ракетами же и танками их решать! Им только дай распорядиться всем хозяйством – в два счета развалят все, что можно!

Эту мысль в голову Галины Георгиевны вложил ее милый. Он ей подробно разъяснил, почему военный способ мыслить не годится для управления экономикой. А милым она даже про себя называла самого важного для ее судьбы человека. Так было безопаснее – даже про себя не произносить его имя. До встречи с ним она и представить себе не могла, что у нее может быть такой любовник, да еще столько лет, до самой его смерти.

Галине Георгиевне едва исполнился двадцать один год, когда началась война, и она в один миг оказалась в военной форме, но не потому, что в числе других идейных комсомолок осаждала райвоенкомат – этого не потребовалось, потому, что она служила телефонисткой в одном из центральных узлов связи в столице, где весь штат сразу перевели на военное положение. Единственным серьезным неудобством для нее явилось отсутствие сапог по размеру ноги. В те, что выдали, Галя свободно влезала, не снимая своих туфель на каблуке, причем и после этого ноге там было слишком просторно. Юбочку же и гимнастерочку она живо подогнала по фигуре сама. А уж фигурка-то, да и вся внешность в целом, у неё в то время была ох как хороша! Галя со смехом вспоминала случай накануне войны, когда зашла в гости в новую семью отца, а там оказался племянник его второй жены Жора – пылкий и красивый молодой человек, полуармянин-полурусский. Увидев ее оживленную, уверенно державшуюся, прекрасную, он просто обалдел от ее высокой груди и ладных ног, да так и оставался сидеть с опавшей вниз челюстью, пока одна из присутствующих дам не подошла и не захлопнула ему рот точным движением руки. Короче, смотреть на нее тогда, да и многие годы потом было одно удовольствие. И немало мужчин хотели владеть ею не только вприглядку. Но она умела управлять их страстями, Верне – направлять их в удобное для себя русло. Поскольку Галя была по собственному хотению активной ком-

сомолкой, ее быстро выдвинули в партию. Там она тоже была не на последних ролях, тем более, что вскоре ей поручили сообщать содержание разговоров определенных лиц, которые ее обязали прослушивать, и это обеспечивало ей начальный взлет, как будто совсем небольшой – вроде подскока в воздух первого самолета братьев Райт, но на самом деле не менее важный по своим последствиям. Она уже являлась тайным сотрудником органов, перед которым, в зависимости от государственной надобности, могла открыться любая дверь. Еще не закончилась война, когда ее направили на партийную работу в Литву. Конечно, это тогда была не синекура, да и вообще не подарок. Литва, присоединенная к СССР перед самым началом Второй Мировой войны и только «чуть-чуть» приведенная к «нормам» советского общества, после оккупации немцами вновь вернулась к привычному буржуазному строю, который показался жителям особенно милым после сравнения с большевистским. Когда немцев через четыре года кое-как выбили из Литвы, большинство ее населения отнюдь не горело желанием возобновить брак с Россией по-советски. Дождаться, когда владельцев собственности отправят в Сибирь, расстреляют на месте или загонят в колхоз, уже никто не хотел. Тем более, что после ухода немцев в Литве повсюду осталось много оружия. Попытки в полном объеме и повсеместно установить в республике советскую власть, особенно в сельской местности, терпели провал за провалом. Назначенные республи-

канскими партийными властями функционеры местных низовых советских и партийных органов систематически отлавливались или отстреливались. В зависимости от этого одним из них доставалась тяжкая смерть, а другим – относительно легкая. Было совершенно очевидно, что партизаны – «лесные братья», укрывающиеся в лесах – пользуются полной поддержкой большинства сельского и части городского населения, прекрасно осведомлены о всех запланированных действиях властей и очень быстро принимают эффективные ответные меры. Войска госбезопасности и армейские части, истребительные отряды из местных коммунистов и комсомольцев, направляемые против партизан, чаще всего наносили удары впустую. Это означало, что в советских штабах у «лесных братьев» имелись свои люди. В помощь одному из районных литовских партийных руководителей и была направлена Галина. Он ей сразу понравился – еще до того, как она проверила и убедилась, что он не работает на два фронта, а потому заслуживает полного доверия республиканских властей – в этом состояла одна из поставленных перед нею задач. Но уверенность в полной благонадежности Виктора пришла в Гале достаточно скоро, потому что он сходу влюбился в нее. Она была заранее подготовлена к подобному обороту событий, но предпочла не остаться у Виктора в долгу не по инструкции или совету своего начальства, а потому что он сам ее очень к себе расположил, и их любовь быстро переросла в счастливый брак. Его даже можно бы-

ло считать сверх-счастливым, поскольку он мог оборваться буквально в самом начале. Виктор и Галя не питали сомнений в том, что «лесным братьям» будет известно время и место их свадьбы. А ведь это была их излюбленная ситуация для осуществления мщения. Что может доставить лесным молодцам бóльшее удовольствие, чем совершить нападение во время свадебного торжества, изнасиловать всем скопом советскую невесту на глазах жениха, а затем убить их обоих вместе со всеми из гостей, кто им не понравился. Такой сюжет они разыгрывали привычно и профессионально.

По какой причине Виктора не было за свадебным столом в тот момент, когда к дому, где шло торжество, подкатили «лесные братья», Гале тогда некогда было выяснять. Она успела только бросить взгляд за окно и выскочить из-за стола к двери. Когда первый распахнувший ее высокий мужик шагнул за порог, в его живот уперся уже взведенный Галинин «Вальтер». Все и вся замерли по обе стороны стены. Немая сцена растянулась на невообразимо долгие секунды. Первому мужику из нападавших было ясно одно – он ничего не успеет сделать до того, как молодая красивая темноволосая женщина в белом подвенечном платье, которую он хотел использовать себе на потеху еще до того, как увидел, всадит ему пулю в кишки и обречет его на долгую мучительную смерть, что бы потом с ней ни сделали. И все-таки ему потребовалось несколько дьявольски долгих мгновений прежде чем уступить этому знанию, а еще – ее взгля-

ду – яркому, неиспуганному, непримиримому, но не ненавидящему – просто готовому к бою за себя, за свою честь и любовь. Наконец, не проронив ни звука, мужик отступил на шаг и закрыл дверь. Галина мгновенно решила, что теперь он прошьет ее очередью из автомата сквозь дверь и отпрыгнула вбок за стену, но нет – очереди не последовало. Снаружи донесся возглас, в ответ раздался какой-то нестройный ропот. Первый голос вновь решительно выкрикнул что-то, затем послышался топот запряженных в повозки лошадей. Банда оставила поле боя, так и не начав его. Это было так непохоже на обычный исход подобных столкновений, что Галина сначала даже не поверила в свою победу. Только когда спустя какое-то время Виктор оказался рядом, она вдруг обмякла в его объятиях совсем без сил.

Может быть, они именно в эту ночь зачали свою Викторю. Жаль, но с Галей давно уже не осталось ни того «Вальтера», ни той пылкой молодой любви к молодому красивому смелому – и притом так многим ей обязанному мужу, ни самого этого мужа. Время героической борьбы, в какой-то степени романтической, несмотря на то, что творилось вокруг, через несколько лет все-таки закончилось и уступило поре спокойных однообразных буден и новой работы, которая не сразу, но увлекла ее. Из райкома партии она была направлена на учебу в ВПШ. Это был для нее самый легкий и подходящий способ получения образования – до сих пор у нее за плечами была только десятилетка, а она чувствовала –

для карьеры этого мало.

Выпускников ВПШ принимал и поздравлял с окончанием учебы сам первый секретарь республиканского ЦК. Он с особенным удовольствием пожал руку Галине, и у нее от предчувствия тоже успело сладко защемить сердце. Видимо, он ощутил это во встречном пожатии руки. Первый секретарь был не молод, но и не стар, в его глазах светились энергия и ум, и Галине захотелось произвести на него возможно более сильное впечатление. Вскоре выяснилось – действительно произвела, потому что ее вдруг направили с каким-то срочным, хотя и маловажным документом в Вильнюс именно к первому секретарю.

У них состоялась первая долгая беседа в его цековском кабинете. Он узнал от нее то, что хотел, хотя всего до конца все-таки не выведал – Галя догадалась немного сдерживаться, а затем он предложил по-товарищески (а как же иначе!) отобедать в его персональной столовой, зная, что она здесь одна, не дома, и уж лучше он ее накормит, чем общепит. За обедом они выпили бутылку прекрасного грузинского вина. Такого вкусного она не пила за всю жизнь. А потом они без слов перешли в комнату отдыха, где горел мягкий приглушенный свет и стояла широкая тахта, на которую она и присела, успев ощутить упругую мягкость верхнего слоя и подумать, что на нем заниматься любовью будет хорошо. И он занимался с ней этим упоительным делом довольно долго, и ей с ним сразу понравилось как с мужчиной,

а не просто как с первым секретарем. Вскоре при новых поездках в Вильнюс она убедилась, что он проявляет в постели не меньше знаний и инициатив, чем Виктор. И он ей действительно был постоянно мил, поскольку никогда не принуждал ее делать то, чего ей не хотелось, и при этом отдавал ей столько нежности и внимания, сколько мог. И потому Галина сама с удовольствием шла навстречу ему и его желаниям, как это было раньше у нее с Виктором, особенно после того, как они в постели разглядывали конфискованные у задержанных порнографические открытки и фото чьего-то домашнего изготовления. После немцев такого добра находилось в обращении очень много. В гостях же у своего цековского Милого она могла уже просматривать с ним хорошо изданные цветные порнографические журналы. Эти, конечно, возбуждали сильнее. Милый переводил ей на русский короткие тексты при фотографиях, хотя в основном и без них все было довольно ясно, поскольку изображение говорило само за себя. Жаль было лишь одного – что виделись они достаточно редко – раз в месяц, от силы – два. В этом, конечно, тоже скрывалась своя прелесть – каждое очередное свидание, ожидаемое с нетерпением, служило им праздником и запоминалось надолго, но все же им обоим хотелось бывать вместе и почаще, и подольше. Но у него была должность, оставляющая не так много времени для собственных удовольствий, как того бы хотелось, да и у Галины в Шауляе оставалась семья, от которой нельзя было часто отры-

ваться. Короче, жизнь в разных городах несла на себе явную тень ущербности. Милый предложил ей перевести Виктора на работу поближе к себе – в Вильнюс или его окрестности, но, подумав о муже, Галина попросила оставить его там, где он есть, где все его знают, потому что он там родился, и там ему лучше всего. Попросила только чаще вызывать ее на инструктажи, конференции и семинары, на лекции по международному положению, хотя он и так не забывал о всех этих способах заполучить ее. А потом он предложил ей провести вместе с ним отпуск в Крыму в санатории ЦК КПСС, и она всё очень удачно устроила. Оставив Виктора решать неотложные дела по службе в Литве, она завезла дочь к тете в Москву, а оттуда перелетела к Милому в Крым. После первого опыта такая схема отдыха стала у них постоянной. Плохо было не то, что Галине каждый раз приходилось отчитываться перед ее шефом из органов и даже не то, что надо было как-то объяснять мужу причину отдыха без него, а то, что Виктор стал пить. Сначала без нее, а потом уже и при ней. Явно зная о том, с кем у нее связь, он не перестал любить ее. Она, конечно со своей стороны от него не уклонялась – даже больше того – своей усиленной нежностью и готовностью к сближениям старалась возместить нанесенный мужу ущерб. Ей и впрямь было хорошо с обоими, и она не хотела терять ни того, ни другого. И все-таки она их потеряла: сначала любимого тайно, затем любимого явно. У обоих не выдержало сердце. Ненормированная работа,

нервные стрессы, отчасти алкоголь и, конечно, не в последнюю очередь она, Галина. Все же Милый был совсем не молод, но всегда старался быть с ней молодцом. То же можно было сказать и о Викторе. После его смерти она попросила начальника от конторы перевести ее работать в Москву. Это было необходимо в любом случае, потому что она собиралась устроить дочь учиться в московский ВУЗ, а не в литовский, хотя Виктория, как и Галина, знала литовский язык вполне хорошо. Ей без разговоров пошли навстречу, тем самым подчеркнув, насколько всегда были довольны ее работой. Новая работа оказалась непыльной. Ее ввели в состав парткома МГУ (он функционировал на правах райкома КПСС), получила хорошую квартиру в преподавательском доме на Ломоносовском проспекте недалеко от самого университета, и поэтому она уже сама патронировала процесс поступления Виктории на философский факультет. Галине ее пост члена парткома, который на самом деле был постом наблюдателя из органов, позволял ей делать для дочери очень многое. Вика без проблем закончила курс факультета и сразу же без труда поступила в очную аспирантуру. Она не была глупенькой, отнюдь нет, но таких, как она – и неглупеньких, и притом очень хороших – было хоть пруд пруди, а ведь вакантных мест что в аспирантуре, что на хороших работах в выгодной организации по распределению хватает далеко не на всех претендентов – и вот здесь-то Галина Георгиевна делала за кулисами сценических площадок,

на которых подвизалась Вика, все, что гарантированно обеспечивало ей успех. И дочь за ней действительно горя не знала. Незадолго до окончания основного курса Вика вышла замуж за Василия, который тоже заканчивал тот же факультет по кафедре научного коммунизма. Василий ей понравился – скромный, но умеющий соблюдать достоинство, достаточно старательный и упорный, каким и должен быть уроженец провинции, который поставил себе задачу закрепиться и сделать карьеру в Москве. Еще до близкого знакомства и ухаживания за Викой он стал членом партии, что тоже весьма определенно характеризовало серьезность его замысла. Вику он, насколько можно было судить со стороны, любил саму по себе, и она ему ответила тем же, а потому Галина Георгиевна не видела смысла препятствовать их браку. Для неё, правда, это означало, что придется заботиться о карьере не одного родного человека, а двоих. Могло, конечно, немного осложнить и подпортить перспективу дальнейшего продвижения Василия то, что он был полуеврей, но тут уж Галина Георгиевна приложила все силы, чтобы этому факту не придавали преувеличенного значения там, где определялось, кому открыть льготную дорогу к успеху, кому нет. Более того, она сделала Василия «своим человеком» именно там, где надо. Он сразу осознал всю выгоду от служения родине на невидимом фронте. После защиты кандидатской диссертации по тематике научного коммунизма его посвятили в нужные детали «специальной» деятельности, и после этого он сразу по-

лучил назначение в одну из непрестижных западно-африканских стран на должность третьего секретаря советского посольства. Галине Георгиевне обещали, что если он хорошо справится с работой в этой стране, то следующее его назначение будет более престижным и выгодным. И Василий справился, а любезная теща не дремала и делала все, чтобы о данном ТАМ обещании не позабыли. Дочь Вики и Василия жила пока с ней – не отпускать же маленькую девочку в Африку гулять ведь «в Африке, большие злые крокодилы» и вообще это слишком жаркая и притом мусульманская страна, в которой какой только заразы не встречается. Но знакомые покровители из «всевидящего ока» партии не подвели, и через три года Василий стал уже первым секретарем в Советском посольстве во вполне приличной восточно-африканской стране. С этих пор Галина Георгиевна просто вела себя как гарант успеха и самостоятельного процветания детей, которые были обязаны таким своим положением главным образом ей, если не сказать, что целиком и полностью. Внучка Рената, Рена, жила за границей вместе с родителями. Время от времени, когда по делам, когда в отпуск они приезжали в Москву и всякий раз привозили много весьма ценного и дефицитного добра, которое порой еще присылали с оказиями. Одна из комнат в квартире Галины Георгиевны была почти целиком заполнена коробками с домашней электронной и разнообразной бытовой техникой, пользоваться которой было здесь пока никому – сама Галина Георгиев-

на обходилась минимумом – японским телевизором, видеомагнитофоном и пылесосом, а там еще было много всякой всячины, да еще и не в одном экземпляре – и это не считая меховых шуб (это из Африки!), платьев, костюмов, белья, обуви, сумочек и других «мелочей» столь необходимых людям из «света». Несмотря на временную не востребо­ванность этих запасов, Галина Георгиевна испытывала гордость при виде таких предметных подтверждений действенности своих стараний в пользу детей. Теперь ей не доставало одного – чтобы дети вернулись в Союз и жили здесь вместе с ней. Особенно она скучала без внучки. И ребята вернулись в соответствии с регламентом МИД и планами Галины Георгиевны. Но тут началась перестройка, внесшая сумятицу во все сферы жизни, и Василий все никак не получал новое дипломатическое назначение, а числиться в резерве МИДа с ничтожной зарплатой не было никакой возможности и смысла. Василий было ушел из дипломатии и вернулся в университет на преподавательскую работу. Однако за время его отсутствия на родном идеологическом философском факультете многое изменилось в самом неожиданном аспекте: теперь студенты, оказывается, сами могли выбирать себе курс, который хотели прослушать, и это был не научный коммунизм. Если преподаватель хотел остаться в штате, он должен был без промедления предложить такой курс, на который студенты пожелали бы записаться. Василий с этой задачей справился, но после вынужденного отказа от идеологическо-

го стереотипа к новой тематике энтузиазма не ощутил. Однако, к счастью, долго унывать ему не пришлось. Воистину, нет худа без добра! Партия, прежде всемогущая партия, под давлением обстоятельств отступилась от своего монопольного положения и, предчувствуя дальнейшее ухудшение условий своего существования, решила в этот особый период (вроде Ленинского НЭПа, только в худшем смысле) делегировать свои надежные кадры в сферу оживляющей экономику капитализма и снабдить их для начала партийными деньгами, как было принято называть почти всё финансовое достояние страны. С этой целью ЦК учредил институт доверенных лиц партии, которые были обязаны расписаться в том, что по первому требованию партии они не только вернут в партийную кассу те деньги, которые должны были от своего имени пустить в легальный капиталистический оборот, но и основную часть прибыли, полученную за время превращения в капиталистов, чтобы в дальнейшем идти уже вполне коммунистическим путем, опираясь на мощь оживившейся экономики. Василий в числе многих проверенных партийными органами и органами госбезопасности кандидатур был привлечен к этой грандиозной афере КПСС перед ее распадом. Однако на сей раз дело обошлось без всякого участия Галины Георгиевны, и это довольно сильно насторожило ее. По-видимому, ситуация изменилась настолько, что в ее протекции уже не было никакой нужды, раз уж репутация зятя оказалась сама по себе настолько прочной, что ему довери-

ли весьма крупные суммы без ее заверений и хлопот. Вскоре обнаружилось, что Василию и еще двоим таким же «доверенным лицам партии» было поручено учредить в Москве российский коммерческий банк. Даже если бы он продал все, что привез из-за границы, по спекулятивным ценам, на его долю для учреждения банка денег никак бы не хватило, а он, кстати, ничего и не подумал продавать. Значит, никаких личных средств в дело вкладывать не пришлось. И вскоре этому пришло прямое подтверждение – банковский бизнес Василия стал приносить более чем приличный доход. Обстановка в доме сразу изменилась к лучшему. Виктория с согласия матери организовала обмен ее квартиры на гораздо бóльшую, из пяти комнат, провела в ней капитальный (как позднее его стали называть – европейский) ремонт и обставила ее совершенно новой модной мебелью. И при этом все привезенное ими из восточно-африканской страны добро даже не было использовано! Нет, разумеется, теперь все это было продано, но заменено еще более совершенными предметами быта и, разумеется, намного более дорогими. Ни Василий, ни Вика больше ни о чем не спрашивали мнения матери. Они обставляли свою жизнь, как полагалось людям их уровня и полета, вполне отдавая себе отчет в том, что они-то знают, что надо делать, гораздо лучше Галины Георгиевны, тем более, что никаких денег ни на серьезные приобретения, ни на прожитие они у нее не просили, а когда она предложила их от себя сама, так просто отмахнулись, как от ничего не значащей

мелочи. И все в прошлом столь важные знакомства и связи Галины Георгиевны теперь стали совершенно ни к чему. Дефицит кончился, теперь всё можно было без проблем и почти без задержки приобрести за старый добрый марксов «всеобщий эквивалент». А с этим «эквивалентом» у Василия был полный порядок – в рублях ли, в долларах – на выбор, но все больше – не в рублях. Даже после того, как Вася оставил место в правлении банка, что сперва было сильно озадачило тещу, он продолжал получать доходы со своей доли капитала. А сверх того – он открыл и свое собственное (уже без партнеров) торговое дело, оказавшееся очень выгодным. В двух своих магазинах он продавал новым русским богачам снаряжение для экзотических видов спорта, туризма и охоты, и объемы продаж у него все время возрастали, поскольку нуворишейросло как поганых грибов после дождя. Василий в этом бизнесе оказался одним из удачливых пионеров, и теперь он подумывал об организации элитарных бальнеологических курортов в средней полосе. Он-то хорошо представлял, что милее русскому сердцу после пребывания за границей. Сколько ни отдыхай на Канарах, Багамах, Карибах, на Мальте, в Италии, Франции или на Мальдивах, там обязательно быстро наскучит и потянет к родной природе, где только и можно вновь обрести душевное равновесие после всякой деловой круговерти.

Галина Георгиевна одобрительно отреагировала на данный план. Это означало, что все потомки предпочтут отды-

хоть в России рядом с ней, то есть на ее двухэтажной деревянной даче не так далеко от озера Сенеж, которой немало гордилась. Но Виктория заявила, что в таком доме жить не может – ей уже нужен был большой трехэтажный особняк и парковый участок площадью в несколько гектаров – и не где-нибудь, а в районе Рублевки. Сначала Галина Георгиевна не могла взять в толк, откуда у дочери такие непомерные претензии, однако вскоре уяснила, правда не со слов Вики, а из средств массовой информации – там то и дело печатали или демонстрировали по телевизору материалы о загородных стройках новой буржуазии и высшего чиновничества, которые рука об руку «осваивали» в недавнем прошлом заповедные правительственные загородные зоны. Одни давали взятки, другие за них отводили и продавали землю, а в результате и у тех, и у других, как по мановению волшебной палочки, среди леса вырастали особняки и дворцы. Галина Георгиевна, наконец, начала представлять, в какой круг со своими деньгами вошли ее дочь и зять. И если они все богатели и богатели, то Галина Георгиевна становилась все бедней и бедней. Если раньше ее персональная пенсия была заметно выше обычной, то потом стала меньше. Не без труда она переоформила ее на обычную трудовую, но серьезного изменения ее благосостоянию это не принесло. Правда, на свои нужды («на булавки») ей хватало, на содержание же дети действительно не позволяли ей что-то от себя ассигновать, но она-то понимала, что ее состояние действи-

тельно ничтожно и в общем семейном балансе не значит почти ничего. Тем более неприятно ей было теперь получать от зятя крупные денежные подарки к праздникам, превышающие в несколько раз ее пенсионные доходы, тем более, что ясно представляла – для него они сущие пустяки, хотя Вика теперь решительно нигде не работала. Чем занимается дочь целыми днями дома и вне дома, особенно находясь с внучкой на своей даче, Галина Георгиевна не очень представляла (план по строительству нового особняка уже начал осуществляться, и все же в один момент по Викиному велению он возникнуть не мог). Даже пока у Рены продолжался учебный год, мать виделась с дочерью очень мало, потому что Вика предпочитала жить не в квартире на Ломоносовском, а в загородном пансионате. Ренату в школу отвозил шофер Андрей – точнее, он завозил ее в школу по дороге из пансионата от дома Галины Георгиевны, затем доставлял Василия к месту работы, а далее возвращался в пансионат и поступал уже в полное распоряжение Вики. Она разъезжала на машине мужа по магазинам, ателье, салонам, выставкам, но отнюдь не за продуктами, поскольку они питались в ресторанах, а готовить домашнюю еду ей было лень.

Галину Георгиевну долго удивляло, что дочь использует машину делового человека гораздо интенсивнее, чем сам деловой человек. Но это как будто всех устраивало – и самого Виктора, и Вику, и даже шофера Андрея, которому щедро платили за классный драйв и ненормированный рабочий

день, хотя он прежде был не профессиональным шофером, а инженером-специалистом по ракетным двигателям. Просто в свое время его дед, бывший оперативник КГБ, обеспечил ему водительскую подготовку на спецкурсах в органах (что ни в коем случае нельзя было сравнить с тем уровнем, которого могли достичь обучаемые в обычных водительских школах), а в нынешние времена личный шофер новоявленного буржуа получал во много раз больше, чем любой инженер. Галина Георгиевна уже не первый год считала Андрея не только шофером, но и неким доверенным лицом – почти что членом семьи – он и ее, если надо, возил куда угодно безоговорочно – пока вдруг мелкие наблюдения за Викторией, за ее поведением в отношении Андрея, не сложились воедино и не заставили ее открыть глаза, а затем признаться самой себе в истине – уверенное обращение Виктории с шофером и его готовность состоять при ней чуть ли не круглые сутки объяснялось только одним – постельной связью скучающей богатой хозяйки с небогатым и во всех отношениях приятным семейным молодым интеллигентным человеком, вынужденным обслуживать ее и ее прихоти, чтобы содержать свою жену и ребенка. Ну не мог же он, в конце-то концов, быть зависимым от нее и не сделать ее зависимой от себя, да притом и не получать от Вики свое удовольствие! Боже, как это она столько времени не понимала, что дочь и Андрей давным-давно стали любовниками! В душе Галины Георгиевны сразу вслед за прозрением под-

нялась волна возмущения. Как?! Ее дочь живет со своим, то есть мужним шофером! Это было столь же неприлично, как в старые годы барыне-дворянке жить со своим кучером или лакеем! Неужели нельзя было взять в любовники человека из своего круга? Отчасти Вику, конечно, можно было понять: Василий непристойно растолстел, распустил пузо, которое стало у него как у бабы на седьмом месяце, пешком, естественно, не ходил, трусдой не бегал, на тренажерах, как теперь стало модно, тоже не занимался – сидел себе в офисе у себя или у коллег в креслах, в кресла же погружался в ресторанах, где ел куда больше, чем следовало бы, чтобы сохранять приличную форму и вид. А Андрей, в противоположность ему, был строен, подвижен, хорош лицом, начитан и всё такое – к тому же всегда под рукою. Конечно, и Виктория пока еще отнюдь не подурнела, постоянно следила за собой, регулярно делала массаж, не забывала о косметике, так что заинтересовать собой охочего мужчину для нее была не сверхзадача. Только вот комбинировать семейную и любовную жизнь следовало бы поаккуратней. Вот даже ей при всей их взаимной конспирации с Милым Виктор догадался об их отношениях, хотя прямых доказательств он не искал и не имел. Да уж если на то пошло, то как сравнивать ее тогдашнее положение с Милым и мужем с тем, которое сочла для себя на этот счет приятным и полезным Виктория? У матери при муже была, раз уж на то пошло, связь с владетельным герцогом, в то время как у дочери – с куче-

ром. Есть ведь разница? Есть, и с этим не поспоришь. К тому же Галине Георгиевне было и немного жаль Василия – все же он не обхамел, перестав зависеть от тещи и исключив ее из числа своих наставников и советников. Хотя в этом он все-таки заблуждался – не так уж принципиально все изменилось под Луной. Люди есть люди, как при социализме, так и при капитализме, тем более, что многие, в том числе и сам Вася, выступают в обеих ипостасях: банкир, хозяин торговой фирмы и он же – «научный коммунист». В человеческой природе больших изменений не бывает – они просто не происходят, внутреннее психическое устройство не даёт. Тоже мне фокусники – будто взяли и сразу совсем переделались! Щас! Просто над прежней кладкой отпал (или отбили) слой штукатурки – и вот вам пожалуйста – новый человек, новое лицо! А, черт с ними! Пусть сами живут и разбираются со всем этим. Не видят ущербности нового бытия – и ладно! Все равно в нынешней жизни существует то, что и в прежней. Всё старо, как мир. Вон – Виктория балует в мужниной постели с Андреем и в то же время стремится не упустить из виду Василия, чтобы он не спутался с какой-нибудь аппетитной бабой, которая, чем черт не шутит – вдруг корысти ради попытается его увести. С чем тогда останется Вика, не имея ни собственных средств, ни работы, ни желания работать – с дипломом кандидата философских наук? Только с отступными деньгами, с которыми она вряд ли сумеет хорошо управляться. Алименты на Ренату – это уже ненадол-

го. Скоро вырастет, школу закончит. Если Виктория думает, что в случае разрыва с Василием тут же подцепит другого состоятельного мужа, то на ее месте лучше было бы не исходить из такой уверенности – вон сколько вокруг куда более молодых, красивых и охочих до богатых содержателей и мужей девок, готовых сразу на все услуги! В общем, устроиться в новой жизни с сексом ему будет совсем не трудно – проще, чем Вике, которой уже не из чего станет платить зарплату своему любовнику-шоферу, если Василий не заберет его в другую семью с собой. Не исключено, что он и новой бабе приглянется. Как теперь говорят – такова се ля ви!

Галину Георгиевну даже передернуло после представления в образах этой картины. Она говорила с сестрой не обо всем, что на самом деле думала, но догадывалась, что Марина понимает много больше того, чем узнаёт от нее. И про Виду с Андреем она прекрасно знала, и про то, что Галя позвала сестру жить с внучкой на ее даче потому, что уже боялась жить с Ренатой одна. Это раньше она вела себя бесстрашно, а потом это куда-то ушло. Всех надо было беречь – и Виктора, и Милого, и семью, и дочку с ее семьей, ну, и себя в конце-то концов! Так вот оно и обернулось – была девушкой и молодой женщиной хоть куда – и смелой, и красивой, и решительной, и удачливой, и рискованной, а стала осторожной, осмотрительной, больше полагающейся на систему, в которой удачно работала, чем на свои способности – опять-таки для того, чтобы и себе, и своим близким обеспечить хоро-

шую жизнь, которая мало кому доставалась в нашей несказанной родной стране. И была она со своими качествами нужной, да потом в ней перестали нуждаться.

Что ж, оглядываясь назад, Галина Георгиевна понимала, что жаловаться на то, как прошла ее жизнь, было бы просто грешно. И все-таки она ощущала обиду – как флер, покрывающую все хорошее, что было, да ушло – она приглушала яркие краски успешных свершений, которые ей отнюдь не давались даром. А как было бы славно перед уходом с этого света в конце достаточно долгой жизни сознавать, что она одарила ее светлым счастьем, яркими событиями и впечатлениями, которым вовек не дано потускнеть. Галине Георгиевне было понятно, что ни у дочери, ни у внучки таких красочных ощущений полноты бытия, по всей вероятности, не будет. Деньги – да, комфорт – да, заграничные поездки – разумеется, тоже будут. А принесет ли такая жизнь счастье, даст ли ощущение полноты и насыщенности бытия чем-то имеющим непреходящую ценность – в это она не верила, глядя на избалованных в новых условиях потомков. Не верила совсем. И, наверное, именно помня об этом, в знак протеста голосовала за совсем неуважаемого и неприятного ей Зюганова. Вихри в ее пограничном слое тянули сознание главным образом назад. И хотя Галина Георгиевна изучала догмы марксизма-ленинизма куда как менее тщательно и последовательно, чем это волей-неволей должен был делать ее зять Василий как дипломированный «науч-

ный коммунист», с него этот «культурный слой» научного коммунизма был смыт новыми реалиями общественного бытия почти без всякого остатка. Уцелела, пожалуй, лишь одна из основополагающих догм диалектического материализма насчет того, что «Бытие определяет сознание». В этом у Василия действительно не должно было возникнуть сомнений. Он и по своему опыту достаточно определенно знал, что бытие при «развитом социализме» порождало в мозгах одни схемы своего преуспевания в обществе, а при возрождающемся и пока еще диком капитализме – совсем другие. А его любезная и заботливая теща осталась на прежних позициях своего карьерного и житейского успеха, и теперь ей не было дела до философских умствований нового времени, которыми должны наполняться мозги у новых буржуа, родившихся в советское время. Раньше-то они тоже знали, как поступать, чтобы не расставаться ни с жизнью, ни с относительной свободой из-за отказа принимать в себя идеологическую жвачку в социуме, где не допускалось мыслить самостоятельно, отправляясь от того, что видишь и чувствуешь в себе самом и лично наблюдаешь вокруг в ходе жизни. Вот в этом власть и усматривала главную опасность для себя. И ради того, чтобы пресекать эту опасность в самом зародыше, реальные (а не «научные») коммунисты высшего уровня издавали собрания догм, в истинность которых обязывали всех поданных верить абсолютно, чтобы, отравившись ими до состояния «привычного естества», смотреть на мир и приме-

рять наблюдаемые явления только к догмам, а не к собственным представлениям, и если примерка не получалась, а результаты соотнесения порождали сомнения, с ними надлежало обращаться к марксистствующим авгурам, которые с помощью подходящих трюизмов обязательно разъясняли, почему верна догма, а не то, что следует из действительности.

И откуда у человека, привыкшего ко всем стереотипным догмам из скудного арсенала диалектического материализма, почти начисто отсекающего, как заразные метастазы, действительно основополагающие понятия из мира идей, могло бы возникнуть сомнение в истинности основополагающей сентенции, будто «Бытие определяет сознание»? Ведь для этого пришлось бы прежде всего докопаться до причин собственного поведения и свойств собственных глубинных побуждений. Человек ленив и ничего не делает без причин и без цели. Больше того, всякий раз, когда он не испытывает на себе какого-то принуждения извне, он поступает так, как хочет, делает то, к чему склонен. Если бы он постоянно помнил о таких вещах, то без труда пришел бы к истинности противоположного суждения, что именно «Сознание определяет Бытие». А как же иначе? Ты, «бытуя» в «развитом социалистическом обществе» разве не хотел процветать, богатеть, иметь комфорт, по возможности не перегружаться работой, но получать как можно больше удовольствий, а попав вдруг волей обстоятельств в ситуацию реставрируемого капитализма, разве пожелал бы достичь чего-то другого? От-

нюдь нет – внутренние устремления остались абсолютно теми же самыми, прежними – достичь процветания, богатства, комфорта, удовольствий и при этом поменьше расходовать физических и всяких иных сил. Изменилось не сознание человеческой особи, какой бы она ни была по своему воспитанию (советской, постсоветской, переходно-капиталистической или рафинированно-капиталистической) – изменялась лишь социальная обстановка, правила игры, и при них тех же постоянных целях стало возможно достигать постоянно желаемое в более полном виде, результативней, эффективней, чем в прежней обстановке и по прежним правилам игры. Эгоистическая сущность устремлений при этом не претерпела никаких изменений, не привела ни к каким преобразованиям внутри личности данной человеческой особи, бездумно повторяющей за большевистскими учителями (да и любыми другими, рекрутируемыми любой властью) «бытие определяет сознание», что бы при этом ни говорили идеологические наставники, как бы они ни силились опровергать догмы идеологических противников, имеющих в виду достижение тех же целей – господства паразитирующей элиты, но другой элиты и другим путем – глубинные представления о собственной выгоде у подавляющего большинства людей не задевались и не вымывались – тем более не заменялись такими, которые вели бы к принципиальному улучшению человеческой породы, без чего невозможно провозглашаемое любой властью – что светской, что духовной – пришествие

Царства Божия на эту грешную Землю. Извращение Истины, когда меняют местами причину и следствие, способно ровным счетом никого не тревожить, если только каким-то неведомым образом вдруг не даст знать о себе такая вроде бы совершенно эфемерная вещь, как Совесть. Кого же и чем она должна смутить или возмутить или как-то лишить покоя, а также сознания своей неизменной правоты во всех делах? Для начала, скорей всего, она смущает человека, хоть сколько-то интересующегося познанием своего предназначения в жизни и мыслью о том, почему он вслед за всеми постоянно врал себе – конечно, в разумных целях – насчет содержания Главных Истин, которые должны определять в итоге правильный безгрешный вектор его развития? В итоге это должно вызвать стыд за себя, за свою веру, пусть действительно внушенную сторонними силами, за ложь – короче – стыд за общество, которое довольствуется тем, что его кормят ложью и требуют от каждого убежденно повторять ее. Потом совесть может настоятельно потребовать изменить свое личное поведение в соответствии с познанной Истиной. У одних людей она вызывает сугубо внутренние изменения, не очень заметные со стороны. Других она заставляет изменяться не только в глубине души и своего умственного сознания, но и зримом поведении в обществе, а вот на это способны уже очень немногие. В глазах окружающих они предстают людьми, одержимыми глупым стремлением причинить своими действиями вред всем, но в первую очередь – себе, хо-

тя на самом деле это следствие не сумасшествия, а желания сохранить себя и свою обязанность (она же способность) изменить себя и судьбу своей вечной души и своего вечного духа в лучшую сторону.

Людям со спокойной совестью, а тем более – вовсе бессовестным – даже и понять нельзя, чего эти ненормальные пробауют добиться для себя и других. И действительно – некоторым усилием воли можно заставить себя отвернуться от Истины, а путем еще большего напряжения можно приучить себя не видеть ее в упор. Может ли это причинить вред? Может, и даже не просто может, а просто-напросто ДОЛЖНО – неизвестно только, когда – немедленно или потом, в этой жизни или в следующей. Ведь Истина, как и Совесть, сколько бы их ни изгоняли из себя, имеют свойство обязательно возвращаться к тем, кому они, якобы, были совсем не нужны. Надо думать, именно таким способом наш Всевышний Создатель и Вседержитель Судеб прямо напоминает неверующим и мало- (или лишь формально) верующим, что ОН ЕСТЬ, что ОН ВСЁ ЗНАЕТ и что шутки с НИМ плохи. Остальное, то есть производное от этого факта, каждый должен додумать для себя сам. Тем, кто считает предупреждения подобного рода блефом, полезно помнить, что уклониться от прямого воздействия Господа Бога, как и от любого проявления Его Верховной Воли, невозможно, и никакие ухищрения, непризнания и неверия никому не помогут.

Не надо быть пророком и гадать о чьей-то судьбе, пред-

ставляя себе, чем и когда будет Воздано тому или иному известному лицу. Сие дело Божие. А вот о себе любимом надо судить построже – в этом не ошибешься, опасно лишь с этим опоздать.

Глава 4

Всякий раз, когда заходит речь о совершенствовании духа и души человека, в голову приходит мысль – а как же тело? Разве оно может исключаться из работы над тем, что считается высшим достоянием личности – ее «духовностью»? Ведь хочешь не хочешь, а заниматься совершенствованием этой самой духовности приходится человеку во плоти, от которой, пока он живет, ему некуда деться. Преодолевая себя во имя какой-либо ценности духа, он поневоле преодолевает привычное, а потому уже переносимое состояние тела и вводит его в другое состояние, в другие обстоятельства, где ему приходится туго или совсем почти непереносимо, а он – этот человек – все-таки обрекает себя на муки преодоления сам. Конечно, цели самопреодоления, обрекающие тело на всяческие испытания, бывают очень разными. Одни из них относятся к совершенствованию тела, развитию его способностей – конечно же – за счет привлечения силы воли, то есть духовной составляющей личности. Другие же касаются совершенствования духа, развития умственных, эмоциональных и всех остальных психических способностей путем использования напряжения физического тела или отдельных его частей. Но в обоих случаях одно без участия другого не достигается. Занявшийся своим совершенствованием человек обречен использовать одновременно все

составляющие своей индивидуальности: тело, чувства, волю и ум. Это не так уж маловажно себе представлять, поскольку слишком часто человек мечтает сильно продвинуться в чем-то одном, не думая о том, что не сможет добиться успехов, нажимая только на одну педаль. Уж коль скоро Творец наделил нас способностью к гармоничному сочетанию физического и разного рода психических начал, об этом приходится помнить. А иначе жизнь напомнит о себе сама, чем бы человек в ней ни занимался, и даже в том случае, когда он до поры до времени не делал ничего, вовсе не подозревая, что тем самым он ставит себя в наиболее трудное положение.

Итак, развитие тела человека с минимумом привлекаемого к этому духовного участия вряд ли даст ему ощущение счастья и сознание ненапрасно прожитых лет. А духовный мир человека не станет обширней и значимей, если он сознательно не напрягал свое тело в поддержку старания укрепить свой дух.

Я пришел к этим выводам не из книг и не вывел из примеров известных замечательных жизней, хотя со временем убедился, что в этом убеждении отнюдь не одинок, находя подтверждения и в книгах мудрецов, и в жизнеописаниях духовно продвинутых личностей.

К этим выводам я пришел в ходе своих спортивных путешествий – горных, пеших, лыжных и, главным образом, комбинированных водных, когда вместе со своим судном надо было сперва добраться до воды через горы или ровные про-

странства или сделать волок из одной водной системы в другую через водораздел.

С детства и до начала студенчества я был достаточно хилым в смысле физического развития. Но мечта о путешествиях никогда не оставляла меня в покое. И вот после окончания первого курса института во мне произошел сдвиг. Все, что в виде мечтаний накапливалось внутри в течение десятка лет, вдруг прорвалось наружу, в реальный мир, как только я на практике окунулся в атмосферу настоящего трудового похода. С первого же раза я осознал, что это нельзя описать только как путь из пункта А в пункт В или из пункта А в пункт А по кольцу. Поход постоянно взыскивал с меня, изнемогающего от непривычных нагрузок, то, что проще всего назвать волей к самопреодолению ради высокой цели. Из этого первого похода я вернулся уже другим, прежде самому себе неизвестным. Упрямство, которого у меня всегда хватало, начало перерастать в упорство, и хотя в дальнейших походах мне все так же приходилось преодолевать себя, доходя до своих предельных на тот момент возможностей, я уже мог переносить, был способен переносить бóльшие, чем прежде, перегрузки, постоянно убеждаясь в том, что тело мое, уже гораздо более выносливое и тренированное, чем прежде, получает основную поддержку от моей воли и привычки долго терпеть – этих основных факторов и начал, которым я был обязан своему спортивному продвижению. А оно мне требовалось не само по себе, а в первую

очередь как средство для познания красоты и постижения божественной мудрости Мироустройства. Мое наполнение этими высшими ценностями раз от раза возрастало. Я чувствовал и сознавал, насколько богаче становлюсь на своем жизненном – особенно на походном – пути, и какие возможности благодаря этому богатству открываются во мне для собственного главного в жизни творчества, для любви и для преодоления разных препятствий в быту и на работе, которой я занимался исключительно с целью заработка и содержания себя и семьи в «цивилизованном обществе».

Первую свою значительную творческую отдачу (небольшие бывали и раньше) я добился от себя через двенадцать лет после начала своей походной одиссеи (правда, прерывистой, «дискретной» в отличие от странствий Гомеровского героя, хотя и не менее продолжительной), а основные свершения, которые мне удалось реализовать, напрягая свой мозг, волю и выносливость (ничуть не меньше, чем в самых взыскующих походах), пришлось уже на ту пору, когда мне было аж за пятьдесят, а за плечами – свыше тридцати лет походной практики. Много раз у меня на глазах сдавались и уходили из туризма или альпинизма люди, физически куда более сильные, чем я, и я убедился, что это не случайно. И хоть груз в рюкзаке у меня с годами не убывал, я все-таки с бóльшим успехом справлялся с задачами и трудностями пути. Слов нет – я сам очень часто доходил до предела, но он почему-то оказывался выше, чем у доста-

точно тренированных и далеко не всегда слабовольных здоровяков. Поддержка моему по-прежнему довольно субтильному телу приходила от духа – больше это нечем было бы объяснить. Походы дали мне не только множество наблюдений за природой, за собой и людьми в напрягающей, порою на грани выживания, обстановке, они привели меня действительно к важнейшему результату – к выяснению моего, если так можно выразиться (а я думаю – можно) двойного или двойственного творческого призвания: первое – я ощутил его сразу же после первого похода – к литературной работе; второе – мне оно сперва показалось даже несколько неожиданным и удивительным – в районе пятидесяти лет – к занятиям философией. По зрелому размышлению мне стало понятно, что и тем и другим открывшимся призваниям мне Было Воздано Небесными Силами за истовые старания стать кем-то большим, чем я был, и как путешественнику, и как работнику умственного труда.

Судьбы многих других – достаточно известных и даже знаменитых – людей, подтверждали, что подобный путь к достижению высших целей не так уж редок и не случаен. Кого бы ни взять из близких мне по духу, а тем более – по-настоящему образцовых людей: Христа, Старца Федора Кузьмича (бывшего императора России Александра Первого), Александра фон Гумбольдта, семью Рерихов, Елену Петровну Блаватскую, Александру Давид-Неель, Георгия Ивановича Гурджиева, академика Владимира Афанасьевича Обру-

чева, Фритьофа Нансена, Рокуэлла Кента, Андрея Скалона, Олега Куваева, Александра Городницкого, Юрия Сбитнева, не говоря еще о многих других, – все они пришли к вершинам духа и мастерства, к основным творческим свершениям именно благодаря тому, что они учились и познавали Божественную Мудрость устройства и красоты естества в странствиях и путешествиях.

Из этой плеяды поименованных СОСТОЯВШИХСЯ в качестве крупных личностей людей я позже всех познакомился с жизнью и некоторыми идеями Георгия Ивановича Гурджиева. А созданию его системы развития человека по «Четвертому пути» предшествовали двадцать шесть лет экспедиций, в том числе и сложнейших, в поисках смысла жизни и определения истинного вектора совершенствования людской породы. Я далек от того, чтобы считать себя человеком, знающим учение Гурджиева, но очень часто убеждался в том, что по многим поводам самостоятельно приходил к таким же выводам, как и мой старший современник Георгий Иванович – и это добавляло мне радости за результат проделанной работы.

А вот другой человек, чрезвычайно интересный для меня и уважаемый мной, оказался не только моим современником, но, скорее всего, просто сверстником. Я имею в виду Александра Моисеевича Городницкого. Случается, хотя и не часто, задать себе какой-нибудь трудный вопрос – и тут же, вопреки ожиданиям, без долгих размышлений на-

ходить на него вполне подходящий ответ. Вот так я однажды спросил себя, кого бы мог считать образцом для подражания (в условном, конечно, смысле) всем тем молодым людям, которые хотели бы знать, встречались ли в том же неопределенном положении, в каком находятся они, другие люди, которые доказали, что им под силу сделаться успешными, продвинутыми, известными и не разменявшими своего достоинства людьми – и сразу нашел своего рода высокий эталон – да вот он – Александр Моисеевич Городницкий! Это было даже немного удивительно – не потому, что я сомневался в достоинствах данного человека, а потому что я не был с ним лично знаком, да и вспоминал о нем далеко не каждый Божий день, но вот ведь сложился у меня в голове его образ, как будто бы сам собой собрался яркий мозаичный портрет из разрозненных кусочков смальты. Так каким представился мне этот человек? Веселым, умным, самоироничным, хорошо владеющим своим стройным подтянутым телом? Да, конечно! Он действительно открытый всем добрым людям благожелательный человек (а не тот, кто старается только выглядеть таким), безусловно наблюдательный, искренний (это ясно из стихотворного и песенного творчества), хорошо и глубоко мыслящий человек и видный ученый. Жития его и обыкновенны, и экзотичны. Полуслучайно поступил в Ленинградский Горный институт и стал геологом. Работал в Вилуйской тайге, где во время алмазного бума искали кимберлитовые трубки сотни, а то и тыся-

чи специалистов и где во время страшного таежного пожара, в дыму, без видимых ориентиров, выбрался в безопасное место, хотя имел все шансы погибнуть. Когда стал морским геологом (им он остался навсегда), острые ситуации нередко возникали тогда, когда он давал волю своей пионерской любознательности. Например, в одном из глубоководных аппаратов, бравших пробы грунта с помощью бурильной машины с морского дна (а Городницкий не был штатным членом экипажа, находясь на борту) бур заклинило, и он не пожелал выниматься из скважины и по сути дела превратился в мертвый якорь в буквальном смысле слова. Жить «подводникам» оставалось несколько часов. Никакие предусмотренные регламентом способы вырваться хотя бы ценой потери инструмента не помогали. Городницкий предложил нечто, показавшееся командиру экипажа вовсе несуразным – забуриться еще глубже, но в конце концов, с отчаяния – все равно терять уже было нечего – тот использовал совет Городницкого. Они всплыли.

Не сомневаюсь, что ему всегда был свойствен здоровый скепсис – как ко всему окружающему, так и к себе. Он не принимал ничего, в чем не мог или не успел разобраться сам, просто на веру, тем более, что занимался достаточно новым делом – морской геологией, главное будущее которой еще впереди. Он был одним из первых людей, наблюдавших образование месторождений полезных ископаемых, выносимых «черными курильщиками» из магматического

слоя под океанским дном через трещины в срединно-океанических разломах Атлантики. Нет сомнений, что он хлебнул свою долю штормов и ураганов, которые любого храбрца на любом корабле заставят ощутить хрупкость бытия. Но это не приводило ни к притуплению любознательности, ни к отказу от оптимизма. Тем более, что он всегда параллельно с работой делал свое любимое дело – писал стихи и песни и ими стал знаменит в бóльшей степени, чем научными трудами, хотя слава высокого профессионала его все равно не обошла. Но как он относился к собственной славе, которая испортила так много репутаций и людей? А очень просто – зная о ней, он сознательно вел себя так, словно ее и нет, то есть самым достойным образом. Слава не позволила ему ни заноситься над другими людьми, даже если они по своим свойствам были значительно ниже, ни допускать, чтобы кто-то заносился над ним, особенно при отсутствии оснований для этого. Остроумцу его калибра последнее не составляло труда. Ну, а его умение создавать или воспроизводить виртуальными средствами видимую реальность образов вообще никто не сумел превзойти – вспомнить хотя бы «Всё перекаты, всё перекаты...», «Снег, снег, снег, снег, снег над палаткой кружится...» или «Жену французского посла». На меня эти песни, даже если их просто читать как стихи, действуют, как лучи Рентгена, пронизывая до глубины души, и вызывают в ней резонансные колебания, напоминая о тех чувствах и мыслях, которые имели место

во мне в аналогичных ситуациях. Подлинность изложенного Городницким подтверждаю. Если у этого человека есть отрицательные свойства, то мне представляется, что они существенно меньше, чем у подавляющего числа наших сограждан, да и вообще у подавляющего числа жителей Земли. Это личность воистину высокого достоинства и честного ума, к тому же еще и творческая личность, справляющаяся с любой работой, которую ей доводится делать, по принципу: «все, что имеет смысл делать, имеет смысл делать хорошо».

Определенные аналогии с впечатлениями от личности Городницкого у меня вызвал гораздо менее известный человек, тоже скромный и очень достойный, любознательный, умный, деятельный и авторитетный в сфере своей известности. Познакомились мы с ним как попутчики, едущие в одном вагоне поезда из Москвы в город Весьегонск на самом северо-востоке Тверской области. Этот человек, явно моих лет, уже разговаривал с более молодым своим знакомым. В какой-то момент к их беседе впопад присоединился я, и она продолжалась уже в направлении взаимного выяснения позиций по ряду вопросов, считавшихся особенно важными в то время для страны. Позиции всех троих собеседников оказались практически одинаковыми. Наутро после сна тройственный разговор продолжался. Сначала я и эти двое старых знакомцев высказывались, используя при обращении друг к другу только местоимения «вы», «ваше», «вами», но потом оставили церемонии и представились друг

другу. Мой пожилой подтянутый с суховатым лицом и внимательными живыми умными глазами собеседник назвался Маратом Михайловичем. Он полвека проработал преподавателем географии и астрономии в средней школе Вёсьегонска. Второй его спутник выглядел человеком не старше сорока лет, он был подтянут и рационально разумен (не боюсь этого словосочетания) и после знакомства стало ясно, почему. Михаил Аркадьевич оказался инженером, окончившим МВТУ имени Баумана, как и я, только лет через двадцать пять – тридцать после моего выпуска. Он был уроженцем Вёсьегонска и ехал проведать отца, но жил теперь в подмосковном Королеве. Стало примерно понятно, в какой области он работал, живя в этом городе.

На вопрос Марата Михайловича, чем занимался и занимаюсь я, я ответил, что по образованию стал инженером-механиком и сравнительно недолго работал по этой профессии, что большую часть жизни проработал над созданием информационно-поисковых языков, а по внутренней тяге основные силы посвятил литературной и философской деятельности, и если в чем преуспел, то сделал это практически только для себя и своих близких. Марат Михайлович оживился и сразу спросил, почему я ничего не публикую. – «А кто возьмет? – ответил я вопросом на вопрос. – Теперь все можно издавать за свой счет, но у меня на это денег нет и покуда не предвидится.» И тогда он попросил совета, сказав, что обладает интереснейшими материалами

о событиях и людях, некоторые из которых очень известны, но не знает, кому их предложить для литературной обработки – не могу ли я порекомендовать ему подходящих к подобному случаю людей. – «Вы сами подробно знаете эти материалы?» – уточнил я, прежде чем ответить по существу. – «Да, конечно, » – подтвердил Марат Михайлович. – «Тогда никому не отдавайте. Обо всем напишите сами. Ведь вы ближе к истине, чем кто-либо другой». – «Да, но у меня не получается сделать так, чтобы это было интересно. Я попробовал. Ничего не выходит», – возразил он. В ответ я только пожал плечами. Марат Михайлович во время наших бесед уже убедительно продемонстрировал, что свободно владеет культурной речью и способен, как то и подобает настоящему учителю, аргументировано и доходчиво излагать любой предмет, о котором знает достаточно много, а в том, что он хороший преподаватель, у меня уже не было сомнений. – «Вы, наверно, недостаточно настойчиво преодолевали свой ступор. Не стесняйтесь, забраковав один свой вариант изложения, одну композицию, попробовать выработать другую. Уверен, что у вас обязательно получится», – сказал я. Однако Марат Михайлович отрицательно замотал головой. – «То, что мне известно, нуждается в увлекательном представлении». – «Что вы понимаете под этим? – возразил уже я. – Гладко излагаются только выглаженные истории, к тому же обильно сдобренные выдумкой или злонамеренной ложью. Жизнь в реальности не такова, чтобы под-

даваться «красивости» однотонного стиля. Представьте себе известного вам литератора, претендующего на честное изложение и анализ истории, а также то, что он сделает с вашими материалами, если им окажется, например, Эдвард Радзинский. Вы останетесь довольны его работой «в увлекательной манере», рассчитанной на неискушенный и слишком доверчивый интеллект?» – «Нет!» – быстро согласился Марат Михайлович. – «Что я и имел в виду, особенно, если признать, что Радзинский – это еще не худший случай из борзописцев исторического плана. Ведь он действительно одаренный рассказчик, хотя с чужими истинами церемониться не привык.» – «Да, это так. Но мне-то что делать?» – «Делайте то, что велят ваши знания, анализ и совесть – и все получится. Уверяю вас. Только не отступайте после начальных проб, если сочтете их неудачными. И старайтесь быть ближе к той манере, в какой вы говорите. Вас интересно слушать. Учтите, что зря бы я этого вам не сказал.»

Марат Михайлович с сомнением покачал головой. Мне было довольно досадно, что я не сумел переубедить его. Но в конце-то концов, какое мне было дело, послушает он меня или нет? Да и кем я был в его глазах? Случайный попутчик и самозванец – философ, видите ли, и литератор, который ни строчки сам не опубликовал. Так что какие к нему могли быть претензии, к учителю из Весьегонска, который хотел бы поведать миру то, о чем знает, да все не может сказать? Расстались мы по прибытии в Весьегонск все же доста-

точно сердечно. Оттуда я отправился в деревню, где у нас с Мариной был свой дом. А через день мне уже надо было возвращаться в Москву, и при посадке в вагон меня увидел Михаил Аркадьевич. Он тоже завершил свои дела в городе и ехал обратно. Во время долгих, а иногда и сверхдолгих стоянок поезда, который именно из-за них преодолевал расстояние в триста пятьдесят километров за двенадцать часов, мы беседовали с ним на самые разные темы. Выяснилось, что он работал в коллективе изготовителей космических объектов. Технология была необычно сложной по точности – Михаил Аркадьевич сообщил, что допуски и посадки соблюдались в соответствии со вторым качеством ИСО, что в переводе на нормальный язык означало, что точность размеров сопрягаемых поверхностей была на два порядка выше, чем у высшего первого класса точности, принятого в советском машиностроении. На станции Сонково мы долго, глядя на шведский Эриксоновский паровоз, поставленный на отдельном пути как памятник первому поезду, проведенному в Ленинград после локального прорыва блокады, когда коридор был всего двадцать километров шириной, и немцы простреливали железнодорожное полотно с обеих сторон, и обсуждали огромные достоинства машины этого типа, вытянувшей все транспортные нагрузки во время индустриализации всего мира, несмотря на крайне низкий коэффициент полезного действия. За исключением этого кпд у паровоза были такие достоинства, которые до сих пор

и не снились современным машинам. Он был многотопливным, то есть его котел мог обогреваться и нефтью, и углем, и дровами; он был способен длительное время выдерживать четырехкратные механические перегрузки – лишь бы хватало паропроизводительности у котла, его можно было эксплуатировать многие десятки лет при соответствующем уходе, а о такой «паровозной» безотказности вообще можно было только мечтать. Не зря же великий наш писатель – соотечественник Андрей Платонов посвятил столько похвал паровозу в замечательной повести «Происхождение мастера» – было чем восхищаться, было, и виделось ему в образе паровоза не чудовище, а настоящее чудо. А еще мы с Михаилом Аркадьевичем говорили о Марате Михайловиче, с которым тот был хорошо знаком не только как с учителем, но и как с главой дружественной семьи. Оказалось, что Марата Михайловича связывало с Весъегонском не рождение, а горькая судьба. Его отец с редкой фамилией Зюка, в тридцатые годы командовавший Чапаевской дивизией, был арестован и расстрелян вместе с множеством других представителей военного командования, в которых одержимый паранойей Сталин видел заговорщиков, замышляющих против его особы. Его жену после ареста мужа немедленно выслали из Ленинграда с Маратом в Весъегонск как членов семьи «врага народа». Мать Марата, Нина Васильевна, художница, преподавала в школе рисование, а когда требовалось – и литературу. Марат Михайлович, став учителем, тоже стал за-

метной фигурой в культурном обществе города, куда, по-видимому, выслали из столичных мест далеко не одну семью врагов народа. Я сказал, что Марат Михайлович сразу показался мне интересной личностью, и Михаил Аркадьевич сразу назвал его адрес, который не составляло труда запомнить. улица Карла Маркса и номер дома. Но фамилия была у него не Зюка – по отцу, а по матери Верхованцев. Это было понятно. Чем меньше «знаков» тебя связывало с репрессированными родственниками, тем легче было жить. Младшему брату Марата Михаилу повезло больше – ему не потребовалось менять фамилию, он сразу стал Верхованцевым и в смысле анкетной чистоты получил явное преимущество перед старшим братом, поскольку в анкетах имелся стандартный вопрос: «Изменяли ли вы вашу фамилию и, если изменяли, то почему?» Михаил Михайлович пошел по стопам матери, став художником. Теперь он постоянно жил в Москве, а в Весегонске бывал только наездами. Он приобрел известность как график, специализирующийся на экслибрисах, но живописью тоже не пренебрегал.

Многие коренные жители нашей деревни знали Марата Михайловича, поскольку либо они сами, либо их дети в старших классах учились у него. В соседней с нами деревне школа была неполной средней, и потому ребят в большой лодке летом перевозили через залив водохранилища шириной в два километра (зимой они переходили по льду), а дальше шли лесом и шоссе еще километ-

ров пять или шесть до школьного здания. Школьных автобусов в ту пору не то что не было – о них никто даже и слыхом не слышал. Впервые я зашел в гости к Марату Михайловичу, когда по какой-то надобности должен был на пару дней вернуться из деревни в Москву. До отправления поезда по расписанию оставалось еще много времени. Он меня узнал, встретил с искренней радостью, и мы проговорили с взаимным удовольствием до той поры, когда надо было идти на станцию. Прощаясь, я пригласил его к нам с Мариной в деревню, и он обещал. На станции меня ожидал большой конфуз. Без всякого шума железнодорожное начальство изменило расписание и перенесло отправление поезда на час вперед. Следующий поезд отправлялся в Москву через день. Как я выяснил, единственным способом добраться до Москвы поскорее был автобус Весьегонск – Тверь с пересадкой на другой автобус или электричку до столицы. Автобус уходил в пять часов утра. Я прикинул, что делать. Возвращаться в деревню ради того, чтобы в два часа ночи отправляться из нее обратно, не имело смысла. Да если бы я и вернулся на берег, то кто бы меня перевез? Надеяться на случайную лодку, в которой кто-то поедет на тот берег, было глупо, а кричать и размахивать руками еще глупее – за два километра зова никто не услышит, да и маханий не увидит, перед деревенскими домами там были заросли или лес. Вторая проблема заключалась в том, что денег на два автобуса у меня с собой не было. И я решил идти обратно к Марату Ми-

хайловичу в надежде, что он меня выручит деньгами и ночью. И он действительно принял во мне участие, без разговоров одолжил мне нужную сумму и сказал, что я могу переночевать в доме, который его жене Нине Ефремовне достался от ее родителей. Это было дальше от станции, но выбирать не приходилось. В тот день Марат Михайлович чувствовал себя неважно – болело сердце, и Нина Ефремовна, не слишком довольная тем, что на их головы свалился незваный гость, проводила меня к своему наследственному двухэтажному дому, который перед наполнением Рыбинского водохранилища был перенесен из поймы Мологи на запад, вверх, и показала, где я могу лечь спать, согреть воду на чай и в какое место спрятать ключи перед уходом. С тем она и отбыла. А я остался на втором этаже у стеллажей с книгами, в которых Марат Михайлович сам разрешил мне брать и смотреть все, что понравится – и все это перед громадной, соборного размера, иконой Тихвинской Божьей Матери, не спускающей с меня глаз. Исходя из того, что я увидел в этом доме – двухэтажность и впечатляющего размера икону, можно было с высокой степенью вероятности предположить, что отцом Нины Ефремовны был купец. Я не пренебрег возможностью порыться в той части библиотеки Марата Михайловича, которая находилась здесь, и остановил свой выбор на «Лесной газете» Виталия Валентиновича Бианки. Самого его я несколько раз в детстве видел в писательских дачах на станции «Заветы Ильича», когда гостил у те-

ти, а вот «Лесной газеты» никогда не держал в руках, хотя какие-то отрывки из нее часто слышал в радиопередачах военных и первых послевоенных лет.

Как и можно было ожидать, я на несколько часов погрузился если не совсем в пору детства, то куда-то на полпути к нему, поскольку все время сравнивал наблюдения и выводы Бианки с собственными представлениями о тех же предметах, которые сложились у меня в ходе путешествий в зрелые годы, но в целом чтение «Лесной газеты» не разочаровало и даже заставило пожалеть, что нынешнему поколению людей она недоступна и, вполне вероятно, даже неинтересна. Марат Михайлович явно старался не допустить, по крайней мере, «в собственном радиусе деятельности», чтобы у его воспитанников-учеников жажда общения с природой и познания ее тайн никуда не пропадала. Он мне еще при первом знакомстве сказал, что является инструктором туризма и водил ребят из Вельегонска в пешие, велосипедные и лыжные походы, в том числе и до Череповца по лесам и по льду водохранилища. Когда он услышал, что и я – ярый турист, и заинтересовался моими маршрутами, нам стало совсем легко разговаривать. Я уснул с мыслями о нем, о походе, о Марине, но автобуса, к счастью, не проспал. Вернувшись из Москвы в Вельегонск, я сразу отправился к Марату Михайловичу, чтобы поблагодарить еще раз и вернуть взятые взаймы деньги, но застал одну Нину Ефремовну. Она сказала, что муж уехал к приятелю в его деревню на велосипеде. На душе у ме-

ня отлегло – значит, человеку стало лучше. Я передал Нине Ефремовне одолженную сумму и еще раз поблагодарил за все. В этот раз она была гораздо ласковей, хотя и не скрыла удивления насчет того, что Марат Михайлович о деньгах ей ничего не говорил. А я подумал, как хорошо, что постарался оставить все в доме Нины Ефремовны точно в том виде, в каком он был до моего прихода – это мне явно было поставлено в плюс.

В последующие годы я виделся с Маратом Михайловичем только когда сам бывал в Весьегонске – а это случилось редко, однако к нам в деревню он так и не собрался. С каждой новой встречей он нравился мне все больше и больше, обнаруживая вместе с уже известными новые стороны обаяния его души, отзывчивости и вечно жаждущего новых знаний ума. Он был учён не только, а, может быть, даже не столько книжной мудростью, хотя был очень начитан, а своим буквальным знанием сотен, а то и тысяч человеческих личностей и судеб, попадавших в его кругозор, не говоря уж о собственно его учениках. Марат Михайлович показал мне фотографию своего отца, возможно, единственную уцелевшую после его ареста. Он был очень красив одушевленной мужской красотой, чем-то роднящейся с красотой в полной мере отведавшего сталинскую опалу маршала Рокоссовского. Пока я изучал фотографию, Марат Михайлович обронил фразу о том, что его младший брат – художник не считает отца пострадавшим «ни за что» – ведь

и ему в Гражданскую войну случалось расстреливать. Довод был серьезен, однако, с другой стороны, не опровергал довода, что для победившей людоедской власти было бы лучше не истреблять своих же компетентных военных, особенно при том, что усилиями этой власти остались живы, невредимы и смогли процветать до самой смерти виновные в гораздо более крупномасштабных расстрелах и репрессиях, чем такие командиры, как комдив Зюка.

Короче, в отличие от брата Марата Михайловича, мне было жаль, что ему воздалось и пытками, и расстрелом, в то время как стопроцентные изверги вроде Щаденко и Мехлиса и их хозяев остались при своих высших чинах и всем том, что к ним прилагалось.

А примерно лет через пять после начала нашего знакомства по деревне прошел слух, что Марат Михайлович в городе умер. Чувство личной утраты как-то разом охватило меня. Я сел за стол и написал Нине Ефремовне о том, как близок мне по духу был ее муж, но, к счастью, письма с соболезнованием не отправил – почта как таковая практически на селе не работала, а в город я попал раньше, чем мог бы с кем-то передать его. На улице недалеко от своей квартиры меня окликнул сам считавшийся умершим Марат Михайлович. Оказалось, что не умер он лишь едва-едва. С ним случился тяжелейший инсульт, он лежал без сознания в палате под капельницей, не контролируя себя ни в каких отправлениях, а Нина Ефремовна то ухаживала за ним, то мо-

лила Бога и Пресвятую Богородицу о выздоровлении мужа и все плакала, плакала, плакала. И вот ведь – воздалось! Воздалось Марату Михайловичу за его достойную жизнь, а Нине Ефремовне за ее любовь и преданность любимому. Он не только встал на ноги, обрел прежнюю силу и энергию в теле – к нему в полном объеме вернулись и речь, и память, и знания, а ведь его младшему брату в Москву уже сообщили, что Марат при смерти, но Миша так и не приехал, чем причинил боль Марату, который, видимо, рассчитывал на другую реакцию своего самого близкого по крови человека. Я недостаточно знаком с творчеством младшего Верховланцева – Михаила Михайловича, чтобы выносить свое суждение о нем на публику. Книжное издание его экслибрисов не произвело на меня большого впечатления. Но к своему семидесятилетию Михаил Михайлович выпустил свой собственный итоговый материал на DVD, где были бегло показаны живописные работы, и где сам маэстро вкратце описал свои жития. О том, как арест и расстрел отца повлияли на судьбу всей семьи, он остановился особо, а затем отметил горькую судьбу старшего брата, который сперва носил фамилию врага народа, тогда как ему, младшему на этом формальном фронте повезло гораздо больше, и он благодаря случайной улыбке судьбы не подвергся ряду ограничений, не позволившим брату Марату реализоваться в полной мере. Вот это мне сразу не понравилось. Я спросил Марата Михайловича, точнее – не спросил, а произнес вполне утверди-

тельным тоном: «Михаил Михайлович, разумеется, считает себя самым далеко продвинутым в творческом отношении членом из всей вашей семьи,» – «Да, конечно,» – подтвердил Марат Михайлович. – «Рядом с вами ему стоило бы держаться поскромнее,» – заметил я. – «Почему?» – «Творческие способности человека предрасполагают, на мой взгляд, да и не только на мой, к двум типам подлинно творческой деятельности: к созданию всевозможных произведений, будь то в области науки, разных искусств, литературы, или к развитию собственной личности, устремленной к благородным целям и создающей тем самым пример для других людей. Для меня несомненно, что вы на этом втором из названных поприщ продвинулись гораздо дальше, чем ваш брат на первом, да и реализовались гораздо полней, чем он.»

Кстати, к моменту этого разговора обнаружился чрезвычайно обрадовавший меня сдвиг в сознании Марата Михайловича, столько лет противопоставлявшего моему напору тезис о том, что у него нет литературных способностей, с чем я никогда не соглашался – и как выяснилось, не зря.

В Весьегонске появился человек, проникшийся особым очарованием этого города, которое можно почувствовать только в сравнении с другими городами – районными центрами, у которых тоже нет денег на развитие и благоустройство, но нет и способности производить впечатления духовной родственной близости, даже если ты появился на свет совсем в другом месте, потому как понимаешь – здесь мне тоже

было бы приятно родиться. Так вот, нашелся пожилой мужчина, отец богатого сына или детей, который опознал в Весеьгонске нечто столь близкое своей натуре или своим корням, что решил не просто обосноваться в нем, но узнать ЕГО корни, его историю, судьбы его жителей и сделать эти сведения доступными большому кругу людей. Он быстро нашел среди весеьгонцев людей, в которых нуждался для выполнения осознанной миссии. Марат Михайлович, естественно, оказался одним из главных историографов, культурологов и мемуаристов – пионеров нового дела. И он стал писать! И вполне оправдал мои прогнозы! Барьер оказался взят – и не столько из-за моих настояний, сколько благодаря инициативе и деньгам пожилого мецената, но Марат Михайлович и моей настойчивости не позабыл, потому что и она помогла ему взяться за это дело. В книге с дарственной надписью об этом говорилось прямо, и хоть невелика была моя заслуга в становлении нового автора, которому «без дураков» было о чем сказать ценное и интересное людям, мне было хорошо сознавать это, даже если мое участие сводилось к роли всего лишь последней капли.

Да, с точки зрения масштабов известности пример Марата Михайловича Верховланцева кажется слишком скромным на фоне множества намеренно (в том числе и злонамеренно) разрекламированных фигур. Но вот как раз достоинства Марата Михайловича ни в какой степени не являются плодом чьих-то рекламирующих усилий. Он обладает ими сам по се-

бе, он таков, каким только может и должен быть человек, стремящийся становиться совершеннее сам и помогать другим добиваться той же цели. А что еще может требоваться от человека, с которого имеет смысл брать пример? Странно, но слишком часто под примером высоконравственного поведения какого-либо человека понимают совокупность его сознательных действий, соответствующих требованиям какой-то определенной морали, выработанной кем-то ВНЕ круговращения его собственных мыслей. По моим наблюдениям на самом деле все обстояло не так. Примеры последовательно достойного и благородного поведения рождались у «образцовых» людей иначе: они в своих критических случаях просто заглядывали внутрь себя, дабы узнать, соответствуют ли те или иные возможные действия собственным представлениям о плохом и хорошем. И только тогда у них получалось вести себя так, что на них оглядывались другие люди и начинали думать, правильно ли они себя сами ведут, о том ли мечтают, имеют ли представления об истинных причинах своего появления на свет и об истинных целях своего земного бытия, раз уж они появились на Земле.

Нет, такие личности, как Александр Городницкий и Марат Верхоланцев, никак не плясали под дудку и под мерку чужого эталона. Просто они постоянно помнили, что у них есть свой, и сверяли себя с ним, подобно тому, как моряк непрерывно выдерживает курс по компасу, имели полное право считать, что действуют правильно, и уверенность

в этом никогда их не подводила. То же самое с полным правом можно было перенести на моих коллег Михаила Петровича Данилова и Делира Гасемовича Лахути. Практически всем, кого я глубоко уважал, было чуждо стремление к назидательности, хотя они по существу имели право назидать. Но что могла для них значить проповедь от собственного лица в адрес посторонних, если сами имели уверенность в том, что в каждого внедрен Кантовский категорический императив – у кого глубоко, так что еле докопаешься, у кого совсем близко к распоряжающемуся практической деятельностью уму – и только от этой близости или дальности расположения данного императива от прагматического разума зависело, как будет вести себя в жизненных ситуациях тот или иной человек?

Но и с послушанием своему нравственному императиву у достойных подражания людей все далеко не просто. Надо много думать, узнавать, самостоятельно анализировать для того, чтобы собственное разумно формируемое кредо срослось с заложенным от роду императивом в единое целое, а это все – тяжелый, долгий, порой изнуряющий труд – прежде чем удастся избавиться от ложных представлений, равно как и от сомнений в истинности или ошибочности правил, которыми сам мыслящий человек руководствовался до кристаллизации окончательных убеждений.

Людям свойственно стремиться оградить себя от всяких трудов, в особенности – от изнуряющих. Собственно,

именно это стремление явилось основой развития цивилизации по западному типу. Надо делать все больше разных устройств, машин, аппаратов, автоматов, чтобы можно было с большей легкостью выпускать массу товаров, перемещаться с ними по свету и, разумеется, более эффективно и безопасно для себя убивать своих врагов. Но и это было не все, к чему стремилась и на что оказалась нацелена цивилизация прогресса технологий. Как в прошедшие времена господствующая церковь со всем рвением добивалась послушания верующих Богу в лице церковного института по единому образцу, не допуская никаких уклонений от оно́го, так и цивилизация прогрессирующих технологий ради роста потребления старалась не допускать людей до индивидуальной мыслительной работы, направленной на понимание своего места и смысла жизни. Оказалось, что добиться этого гораздо проще, чем научить человечество соблюдать десять заповедей, для этого более чем достаточно заставить людей мечтать о поступлении в их собственность новых товаров, посвящать свое время если не работе, то разным увлекательным и необременительным видам досуга и в первую очередь заботиться о том, чтобы все это доставалось им максимально легко. Где уж тут будет людям задавать себе сложные, да и вообще вряд ли разрешимые философские вопросы?! Им, во-первых, некогда, а, во-вторых, все равно не перебороть в себе глубоко угнездившуюся привычку жаждать новых товаров и новых услуг и трудиться ради них возмож-

но меньше. И подобного рода испорченности нормальному человеку уже в себе не преодолеть. А вот это гарантирует неизменность хода цивилизации до истощения ее товарно-производительных способностей, хотя до этого еще далеко, и потому о посторонних вещах можно столь же долго не думать. Безразличие к тому, что так украшает быт в соответствии с модой, сделалось, пожалуй, одним из главных стимулов для совершения умственной работы, которую на самом деле нельзя ни передоверять посторонним, ни каким-либо образом отставить от себя, если понимать, что игнорировать ее по легкомыслию или вообще по полному безмыслию в кармическом смысле дело напрасное и безнадежное. Но это в первую очередь касалось мужчин. То ли женщины по природе своей органично воспринимали свое предназначение в этом мире в качестве продолжательниц рода (а что может быть важнее этого в неэгоистическом представлении людей?), то ли выполнение функций по воспитанию детей и поддержанию семейного очага требовало от них столько времени и сил, что не то что философствовать – продохнуть им часто не удавалось – всё было некогда, но они реже, гораздо реже мужчин ставили перед собой вопрос, зачем они здесь. Для них было важно другое – как облегчить себе существование, как вырваться из непрерывно требующих их участия всевозможных и отнюдь не окрыляющих дел, чтобы просто почувствовать себя женщиной, носительницей несравненной красоты, которая должна покорять се-

бе всех на свете, а не существовать заезженной ломовой лошастью, которой никакого роздыха не дают, покуда она жива. Есть, конечно, всегда есть какая-то доля женщин, непримиримо настроенных против такой участи, бунтующих, встающих против домашнего и семейного рабства – и в пылу борьбы совершенно забывающих, что бороться надо не только против чего-то, но и за что-то другое и притом более важное. А в результате к чему приходит подавляющее большинство воинствующих феминисток? К тому, чтобы добиться возможности делать то же самое, что позволяют себе «свободные» мужчины, то есть открыто вести несемейную половую жизнь, публично, причем вызывающе и кричаще, курить и употреблять спиртное, выражаться нецензурными словами и вводить в открытый общественный оборот прежде недопускавшиеся в него разглагольствования на сексуальные темы во всех подробностях. Сравняться с мужчинами было их главной целью, а на остальное, о чем женщинам стоило бы думать как существам, не по своей воле появившимся на свет, уже не было ни охоты, ни энергии. В итоге их усилиями горячо пропагандируемое ими «гендерное равенство» все чаще превращалось в карикатуру на сущность естества и объективно даже работало против их желания вести половую жизнь в свое полное удовольствие (а оно, если вдуматься хорошенько, возможно только при достаточно резко выраженной разности потенциалов женской энергии Инь и мужской энергии Ян, но отнюдь не при их равенстве, вследствие

которого и член не смог бы стоять), а так воплощается у них только в возможность беззастенчиво покупать мужчин-проститутов. И если ЭТО признать их подлинным высшим достижением, то вряд ли даже женщинам сто́ит соглашаться, что ради только такого успеха не стоило бы и город городить – уж лучше просто «по-старому» соблазнять, кого желают, своими прелестями и самим получать за ЭТО деньги, чем платить их заведомо не насмерть покоренным ихними прелестями мужикам. Конечно, в подобном случае желающие могут использовать и другой – тоже беззастенчивый – выход из положения в виде лесбийской любви, и он действительно всем хорош для взаимоубежденных в своем превосходстве над мужчинами женщин, кроме все той же биологически неприсущей им значительной их разности потенциалов Инь и Ян, предопределяемой, в частности, их сходным гормональным статусом, тогда как для полноценного оргазма и по меньшей мере для нормального, беспробирного деторождения требуется именно взаимодополняющее гормональное различие в том, что изливают при соитии Он и Она.

Искания подлинного счастья в творчестве женщин-писательниц мне чаще всего представлялось сводящимся просто к жизнеописанию героинь и превратностей их судьб, но не к раскрытию их способов поиска своего духовного пути к высшей цели, которую они хотели бы отыскать для себя. Даже уход от безобразий мира в монастырь либо в сознании безнадеги бытия, либо ради отмаливания гре-

хов передавался в большинстве книг исключительно с помощью номинации: «ушла в монастырь», «постриглась в монахини», «посвятила свою жизнь Иисусу Христу» или чего-то еще в том же роде. И если о предшествующих уходу в обитель смирения причинах в литературе еще кое-что вразумительно говорилось, то о том, как шло искание высших Истин на духовном пути за монастырскими стенами не сообщалось практически ничего – то ли по неведению, то ли из-за сложностей проникновений в суть мыслей и чувствообмена между монашествующими и Вседержителем судеб, то ли потому, в конце-то концов, что в такого рода самопосвящениях жизни молитвам и умерщвлению плоти значительных успехов так не достигалось.

Первый свет из дальних пределов женской вселенной, объясняющий мужчинам, что там происходит, если сами они не способны догадаться, пролила знаменитая французская писательница Сидони-Габриэль Колетт. Впервые мне на нее указал как на мастера литературного стиля уважаемый мной после прочтения его книги «Подводя Итоги» Уильям Сомерсет Моэм, англичанин (но по матери – француз). Я запомнил названное им имя и ждал без малого пятьдесят лет, прежде чем произведения этой дамы издали в постсоветской России. Я с интересом взялся за чтение. Стиль Колетт не показался главным отличительным достоинством ее произведений, хотя он и был хорош. Но вот чем она была действительно сильна, так это искренней откровенностью. В этом смысле

ее даже можно было считать предтечей главного глашателя правды жизни в литературе и великого мастера Генри Миллера. Конечно, она ступила на литературную арену раньше Миллера и, тем более, будучи женщиной, в то время не могла говорить абсолютно прямым языком о тех вещах, которых не то что женщины, но и мужчины не смели касаться публично, называя своими именами. Но она таки сдвинула машину с мертвой точки! И она была самостоятельна не только в выборе сексуальных партнеров (что вовсе не было ново), но и в том, что сама во всех деталях решала свою судьбу и дела. Она без крикливости утверждала свое достоинство и как творческая личность, и как женщина во плоти. И у нее были свои впервые покоренные вершины мастерства в создании характеров героинь и своего собственного характера независимой, ответственной и достойной женщины, уважаемой мужчинами.

Но еще прежде, чем с произведениями Колетт, я познакомился с несколькими рассказами Анаис Нин, которую по месту рождения, местам жизни и по замужеству можно было бы назвать испано-франко-американкой. В то время мне еще не было ведомо что Анаис продолжительное время была любовницей Генри Миллера в Парижский период его жизни, но, что еще важнее, что он был ее литературным наставником, по всей видимости – внимательным, добросовестным и серьезным. И по мере прочтения все новых появляющихся в России произведений Анаис Нин, я убеждался в том,

как росла и содержательность, и выразительность ее вещей, пока на примере ее повести «Шпионка в доме любви» не убедился, что она сумела убедительно доказать очень важную вещь. То, что с легкой руки многих авторов, не только женщин, представлялось сумбурными, немотивированными метаниями, легкомысленными поступками, безответственными бравадами или обезьяничаниями в соответствии с модой, когда на этом фоне происходит постоянная смена сексуальных партнеров без любви к чему и кому бы то ни было, кроме любви к внесению разнообразия в личную жизнь, Анаис Нин показала другую, причем более глубокую мотивацию. Героиня повести Сабина кажется ненасытной искательницей приключений без малого с кем ни попадя ради самих приключений, но только сперва. А по ходу «пьесы» начинаешь проникаться уверенностью в том, что это закономерный поиск женщины, ждущей, нет – прямо-таки жаждущей обретения полноты бытия с человеком, устраивающим ее и по доброте, и по великодушию, и по уму, и по любви к музыке, и в любви в сочетании с сексом, которого и она могла бы приобщить к счастью и добру и как жена-любовница, и как мать, если мужчина оказался обездолен или нуждается в ее опеке, но такого в лице одного человека она не находит, будучи не лучше, но и не хуже своих партнеров. И уже мысль возникает не о взбалмошности неуравновешенной шальной женщины, а о непроходящей драме думающего индивида, не находящего цельного смысла жизни

и любви и пытающегося собирать его из мозаичных осколков. Повесть Нин вышла в 1954 году. А вот русская женщина, уроженка России, но жившая во Франции, издала свой роман «Любовь к шестерым» много раньше, видимо, вскоре после Второй Мировой войны. Просто в руки мне он попал позже, чем несколько книг Анаис. По откровенности, по осознанию и претворению на бумаге своих движущих сил, будь то мысли или чувства, да и по мастерству она, на мой взгляд, превзошла Анаис Нин, как и многих ярких прозаиков-мужчин, поднявшись на уровень сильнейших из них. Проблема, которой она занялась, была у героини по существу той же самой, что и у Ниновской Сабины. Только Мавра (так ее звали) была определенной, аналитичней и не столь склонной к жонглированию понятиями, которые занимали ее. «Любовь к шестерым» не есть любовь к шести мужчинам-партнерам. Из шести персонажей, кому героиня одновременно отдавала любовь от себя в той или иной мере, мужчин было всего трое, из них сексуальными партнерами только два – муж, которого она отнюдь не боготворила, и пожилой, даже очень пожилой любовник, с которым она искренне радовалась, в свою очередь радуя его, в постели. Третьим был некто Р. интеллеktуал, физический урод, гомосексуалист – и тем не менее «неосуществимая любовь» Мавры. Она задает себе вопросы, на которые старается ответить с абсолютной точностью и откровенностью, что она чувствует, что она хочет и чего ждет или не может дожидаться от каждо-

го из этих мужчин, в каком бы качестве она ни выступала сама в связи с тем, другим и третьим. Она ищет правду о себе, не прячась за не совсем определенные слова, ей важно быть абсолютно цельной. А кроме этих трех объектов ее мыслей и чувств у нее еще и трое детей, которых она любит в соответствии с законом природы, а потому, разумеется, есть и заботы о доме и о постоянной нехватке денег на прожитие. Она поневоле строже к себе, чем безбедно живущая и свободно при необходимости врущая Сабина. Мавра кое-что утаивает, но не врет. Она даже рассказала мужу о том, что ею овладел их близкий знакомый, репетитор сына по математике, находившийся на излечении во время войны после контузии и выписки из госпиталя и приглашенный Маврой погостить на время отпуска. Она, чуткая хозяйка дома, заметила, что гость – грек Панатис – не может спать. Он всю ночь бродил по соседней комнате и этим не давал спать и ей. Наконец, она не выдержала и вошла к нему в комнату, чтобы узнать, в чем дело. Муж в это время находился в отъезде, и Панатис сразу решил, для чего она пришла. Он мгновенно швырнул ее на диван, и, будучи очень силен, овладел во все не слабой женщиной, которая искренне сопротивлялась, но не могла позволить себе закричать. А когда она ощутила себя взятой, ей стало вдруг необыкновенно хорошо, и о насилии до самого конца акта уже не было речи, но потом Мавра вернула себя на сцену действительных обстоятельств и назвала Панатиса подлецом и мерзавцем, хотя он оправдывал-

ся тем, что ее появление в комнате принял за приглашающий сигнал. Рано утром он ушел из ее дома и, как вскоре выяснилось, застрелился, зайдя в еще пустой трамвайный вагон. Этот акт не прошел бесследно. Мавра забеременела и обо всем рассказала мужу, а тот понял ее и велел рожать и появившуюся на свет «дочь греха» любил, как и двух собственных старших детей. Так что даже такое событие не изменило привычного хода ее жизни, не вырвало целиком из плена одних гнетущих или в основном безрадостных обстоятельств, но и не перебросило в другие. А инцидент с Панатисом так и провел в ее жизни две памятные борозды с очень тоненькой – прямо-таки тонюсенькой перегородкой между ними: одна – секс против воли, другая – секс с удовлетворением, однако без исчезновения непримиримости к поступку этого вообще-то выдержанного и порядочного человека. Насилие-ненасилие, удовольствие и отвращение – к какому классу отнести реакции Мавры? Снова налицо ситуация пограничного слоя – чуть качнешь в какую-то сторону хрупкое равновесие – можно будет сказать одно, а в другую – совсем противоположное, тогда как жить-то в душе приходится и с тем, и с другим в одно время, лишь памятью чувств под влиянием настроения подаваясь то к одному полюсу в собственных оценках случившегося, то к его антиподу. И только продолжающаяся несмотря ни на что жизнь когда-то усредняет, стабилизирует оценки в районе экватора. Итак, из разделенных на части ощущений от желаемо-

го ЕДИНОГО неразрушимого бытия, рождается стремление собирать, агрегатировать в меру умений и испорченности, достижимую для данного человека многоаспектную составную реальность, которая действительно делает существование переносимым, однако, увы, не приносит чувства полноценности бытия и гармонии между тем, чего хочешь достичь, и тем, чем можешь обладать.

Недовольство жизнью и самим собой может приводить разных людей к самым разным последствиям. Их ассортимент настолько велик, что нет смысла заниматься перечислением и полным перебором. В данном же случае для меня важно отметить, что оно может стать действительной силой в развитии личности. Дух, сознающий, что он угнетен, ищет свой путь к свободе. Погружение в творческую работу позволяет обретать уверенность во внутренней свободе. И тут уже стираются различия в ощущениях мужчин и женщин, стоит им только перейти за границу этой страны – творческой свободы. Они делаются неуязвимы к чужим мнениям. Людская и социальная мерзость, разумеется, напоминает им о себе, пытается вернуть и присоединить их обратно к массе тех, кто «ничего подобного себе не позволяет» – и таким образом действительно губит многих людей, занявшихся служением своему найденному творческому призванию, осознанному в ранге своего высшего духовного долга. Но всех погубить все равно никогда не удастся. Городские растения умеют пробиваться даже сквозь каменные плиты и асфальт.

Питающая всех существ жизненная энергия в конце концов проявляет себя в качестве высшего деятельного начала, которому можно временно навредить, но которое все равно одержит победу. И первым, кто обязывает нас признать эту истину, является сам Творец, царящий во всем Мироздании и скрытно обитающий в то же время внутри каждого из нас.

Глава 5

Книга еще одной писательницы – Ольги Ивановны Грейгъ привлекла моё внимание в силу давнего интереса к крайне скудно освещаемой в открытых публикациях теме, а название книги было само по себе достаточно интригующим и красноречивым: «Секретная Антарктида или Русская разведка на Южном Полюсе». А чтобы потенциальному читателю было ясно, что речь в книге пойдет не только о происках советской и русской разведок, на обложке рядом с картой Антарктиды в циркумполярной проекции был помещен портрет товарища Сталина, беседующего с германским фюрером Адольфом Гитлером. Твердый знак на конце фамилии автора – Ольги Грейгъ – показался мне более явным признаком моветона в сравнении с совместным портретом двух величайших планетарных злодеев – от него так и веяло откровенной претенциозностью в попытке присоединить свою персону к древней и достаточно знатной шотландско-русской семье. О множестве совместных дел у Сталина и Гитлера я знал давно. Факты такого рода выскакивали из целого ряда воспоминаний серьезных людей. Их было столько, что начатая еще в раннее советское время оголтелая антигитлеровская (она же и антифашистская) пропаганда, продолжающаяся в общих чертах и в постсоветский период, не могла перекрыть их полностью и даже как-то объ-

яснить в наиболее одиозных случаях.

Так что я знал о тесном сотрудничестве Сталина и Гитлера, СССР и Германии помимо «Пакта Молотова – Риббентропа», в соответствии с которым стороны поделили сферы своего влияния и господства в Восточной Европе в канун Великой Отечественной войны? Сам по себе факт заключения пакта и договора о ненападении с «фашистской нечестью и чумой» был безусловно и абсолютно позорным на фоне лучезарной невинности и беспорочности родного советского коммунистического строя и государства, и не мог не забрызгать заразной грязью этот самый фон. Никакому сколько-нибудь умеющему думать человеку, даже ребенку, в канун войны нельзя было убедительно разъяснить, что мы-то от своих высоких принципов борьбы за торжество коммунизма (не фашизма же!) отнюдь отступились!

А уж когда началась война, глаза сразу раскрылись на многое. И на то, что немцы куда лучше подготовились к войне, чем Советский Союз во главе с «величайшим вождем и учителем всех времен и народов», хотя именно в соответствии с его «гениальными» указаниями громадная страна (куда как больше Германии) и весь советский народ уже больше десятка лет только и делала, что в ущерб всем остальным делам готовились к войне; и на то, что при фашистах немцам жилось куда лучше, чем нашему народу при родной советской власти. Обнаружилось, что при людоедском гитлеровском режиме в «фа-

шистских застенках» (а он был действительно людоедским режимом) содержалась куда меньшая доля немецкого населения, включая евреев и цыган, чем при родном коммунистическом строе, хотя и об особой роли евреев в СССР тоже старались не забывать.

А уж после войны стало и вовсе очевидно, что фашисты куда старательней заботились о немецком народе, чем вожди советской власти о своем. Гитлер и его полководцы руководили своими войсками так, что их потери в разных случаях бывали в четыре-пять-шесть раз меньше наших. И это притом, что они владели почти половиной территории Европейской части СССР в течение трех лет, тогда как к границе Германии мы вышли меньше чем за год до своей победы – только в 1944 году. А какая чудная была песня «Если завтра война, если завтра в поход, будь сегодня к походу готов!» – и пели ее все от детского сада и школ до институтов и военных училищ и, разумеется, постоянно «в нерушимом воинском строю». И другая песня была ничуть не хуже первой: «Чужой земли мы не хотим ни пяди, но и своей вершка не отдадим!» И ее опять-таки пели от детского сада и далее по всем слоям общества, со всеми остановками. Конечно, «дорогой товарищ Сталин» никогда не позволял оглашать величину наших потерь ни в абсолютном размере, ни в сравнении с немецкими. Но фронтовики-то в разговорах с людьми своих оценок не скрывали – им-то было видно, сколько после каждого боя полегло «ихних и наших». После

смерти Сталина, случившейся в марте 1953 года, и в последующий период стало появляться довольно много воспоминаний, в рамках которых, несмотря на старания цензуры, появлялось все больше любопытных и честных фрагментов – и не только насчет наших потерь. Ряд военных специалистов разного профиля сообщали о своих командировках в Германию в предвоенное время – и все, в один голос, утверждали, что по распоряжению Гитлера им «показывали всё» относившееся к новейшим немецким достижениям в соответствии с профилем делегации. Немецкие военные несколько изумлялись приказу, обязывающему к полной откровенности, но, получив подтверждение от своего начальства, честно раскрывали все, будь то самолеты, артиллерия, надводные корабли и подводные лодки, и стрелковая техника. А уж о танках, что они испытывались немцами на наших полигонах, я знал буквально из первых рук – от своего тестя – полковника-инженера танковых войск, отца первой жены Лены. Уж наши инженеры на Кубинке, в их числе и он, исследовали немецкие машины досконально. Образцы различного вида новинок немцы часто продавали нам вместе с технологиями их изготовления. Принимали заказы и на уникальные изделия, например, на орудие главного калибра для строящихся советских линкоров. А уж много позже, после развала Союза, стало поступать разных сведений и вовсе без счета. Величайший ас советского времени – величайший по заслугам, но в качестве Первого так официально и принародно не при-

знанный – Иван Федоров – рассказал и вовсе удивительную вещь. Он был в составе советской авиационной делегации приглашен на немецкую авиабазу. Принимал их лично рейсмаршал Геринг, сам в прошлом истребитель-ас. Нашим летчикам предложили на выбор, на каком самолете они хотели бы сейчас полетать. Иван Федоров выбрал новейший турбореактивный самолет профессора Хейнкеля. Таких машин он не мог до той поры даже видеть – их не было нигде ни у кого. За полетами наблюдал не только Геринг, но и сам Гитлер. А Федоров отлетал так, что потрясенный Геринг сказал: «Мой фюрер! У Германии нет таких пилотов!» Феноменальное мастерство советского летчика было оценено по самой высокой шкале: Гитлер наградил Федорова редчайшей воинской наградой – Рыцарским Крестом с бриллиантами. Так что близость двух якобы «полярно противоположных» политических фигур – Сталина и Гитлера – для меня никакой новости не представляла. Более того, я внутренне не сомневался, что оба диктатора лично встречались не раз и не два, хотя официальная пропаганда это старательно опровергала. Ну не могло быть подобного военного и политического сближения без прямых контактов двух главных лиц – и всё!

А вот с информацией насчет Антарктиды дело обстояло куда как хуже. Сведений о том, что там делалось перед войной, во время и сразу после войны не было почти никаких. Поэтому первой большой неожиданностью стала для меня опубликованная в газете «Неделя» статья о гитле-

ровских военных базах в Антарктиде и о послевоенной попытке американцев покончить с этими гнездами гитлеризма еще в 1947 году, когда туда была направлена военная эскадра под командой известного летчика-полярника адмирала Ричарда Бэрда. Строго говоря, мне на глаза попала только вторая заключительная часть статьи, помещенной в двух номерах «Недели». Но и прочитанного с избытком хватило на то, чтобы хорошо огорошить. Во-первых, впечатлял масштаб гитлеровских усилий внедриться в ледяную пустыню и под нее, но, во-вторых, еще более сногшибательным, чем такое экзотическое занятие как размещение кучи народа – минимум тысяч человек – в месте, где жить невозможно без каждодневных героических усилий, да еще во время борьбы не на жизнь, а на смерть с сильнейшими странами мира, выглядел тот отпор, который получила от ледовой колонии Рейха эскадра адмирала Бэрда. Она была атакована вылетевшими из-под воды летающими тарелками, которые двигались с невероятной скоростью, притом маневрировали удивительно резко и поражали буквально напоказ взлетевшие с американского авианосца самолеты каким-то лучевым оружием. В несколько минут картина полного разгрома военных кораблей и самолетов стала казаться неизбежной перспективой – был потоплен эсминец, сбито несколько самолетов, а от новых атак защищаться было явно нечем. К счастью, атаки прекратились столь же внезапно, как и начались. Летающие тарелки нырнули себе под воду, а ошелом-

ленным американцам предложили обратиться от берегов Земли Королевы Мод куда подальше, пока целы. Это было изложено Бэрду на английском языке человеком, говорившим с немецким акцентом во время встречи на берегу ледяного континента, куда Бэрда пригласили прилететь на переговоры. Американцы благоразумно вняли ультиматуму и вернулись восвояси. Но вопросов после этого осталось только больше, чем до этого было касательно немецких баз на самой Антарктиде. Если гитлеровцы действительно располагали таким чудо-оружием (кстати, Гитлер громогласно его обещал!), то почему они не попытались с его помощью изменить ход проигрываемой глобальной войны? Ведь не на Антарктическом же континенте были сделаны эти невиданные летательные аппараты, где не было ни добывающей, ни перерабатывающей, ни машиностроительной промышленности? Да и с чего вдруг у «последышей» разгромленного Рейха вдруг проснулся такой гуманизм – уничтожили всего один корабль из четырнадцати и несколько самолетов из сотни – когда могли бы свободно всех перетопить, так что и следа бы не осталось? Последующие годы почти ничего нового не добавили к начальной информации, хотя она подтверждалась несколькими новыми публикациями, не содержащими почти ничего нового по существу. Разве что названия немецко-фашистских колоний на седьмом континенте: «Новая Швабия», «Новая Бавария». А еще поступали сведения, что летающие тарелки в Германии действительно были сде-

ланы и действительно летали, о чем даже, по утверждению заслуживающих доверия лиц, например, профессора Эрнста Мулдашева, имелся виденный ими вполне документальный фильм. В общем, загадочность геополитической реальности, сложившейся после Второй Мировой войны, с ходом времени становилась не меньшей, а большей. Вот в таком положении – с точки зрения информированности – и находился я, покуда в 2008 году не купил только что вышедшую из печати книгу Ольги Грейг с чертовым твердым знаком на «фамильном конце».

Знакомство с книгой оказалось более чем занимательным. В процессе чтения сразу, причем с полной определенностью, выяснилось следующие вещи.

– Книга документальна **ПО СУЩЕСТВУ**, поскольку основой для нее были откровения ныне покойного ее мужа Олега Грейга, не нуждавшегося ни в каких фантазиях и приукрашиваниях, поскольку он был доверенным лицом и подчиненным секретаря ЦК КПСС, возглавлявшего личную, так называемую «партийную» разведку Сталина, существование которой отрицалось во все советские времена и не подтверждалось в постсоветские.

– Факты, приведенные в книге, принципиально не могут быть подтверждены ни бумагами, ни фотографиями, ни живыми свидетельствами – это автор сообщает совершенно прямо, отчего, однако, убедительность фактов не страдает.

– Ольга Ивановна Грейг, так же, как и ее покойный муж

и конфиденгент, не скрывает своего негативного отношения к евреям и еврейству вообще и имеет для этого серьезные основания.

– Муж и жена Грейгъ, не одобряя гитлеризма и его идеологии (что несомненно), считают необходимым воздать должное немецким ученым, инженерам и другим специалистам, создавшим в недрах закрытых научных гитлеровских учреждений, находившихся под контролем СС и лично рейхсфюрера Гиммлера, нечто такое, что предопределило крупнейшие достижения всех стран-победителей Германии в области научно-технического прогресса на десятки лет вперед.

– Сообщения Грейгов подтверждали и прежде встречавшуюся в литературе информацию о том, что гитлеровские специалисты вступили в контакт с представителями некоей высшей цивилизации и свои исключительные знания получали с помощью мистиков и оккультистов Рейха именно от них.

Этим беглым перечислением основное содержание книги отнюдь не исчерпывалось. Я привел его в первую очередь для того, чтобы подчеркнуть – относящиеся к этим тезисам вопросы, а также то, как они освещались в книге, послужили мне важной основой для того, чтобы доверять сообщениям Грейгов, как бы невероятно они ни выглядели, ибо именно по данным вопросам я мог их проверять. А дальше открылось широкое поприще для анализа весьма разнообразных сведений, причем проводить его мне в достаточной степе-

ни помогало сходство (при противоположности) стремлений к истине как у меня, так и у Грейгов. Противоположность направленности сторон была предопределена тем, что Грейги, располагающие исчерпывающей информацией, стремились ее частично обезличить и зашифровать (Олег Грейгь наверняка был обязан вообще ни о чем не рассказывать, к счастью, в конце концов в чем-то изменились сами времена), а я, наоборот, желал по возможности расшифровать тайны, восстановить имена и наполнить лакуны содержанием – естественно, по мере сил и собственных возможностей ассоциировать информацию из разных источников и синтезировать на их основе более полное представление о том, на что Олег Грейгь только слегка намекал, когда и вовсе боялся даже пикнуть.

Именно в этой связи, пожалуй, имеет смысл начать работу «по дешифровке» с того, чем была личная разведка генерального секретаря ВКП (б), затем КПСС Сталина. Единственным до-Грейговским источником информации о ней был роман бывшего агента ГРУ Владимира Резуна, бежавшего в Англию и ставшего там отличным писателем Виктором Суворовым, имевший название «Контроль». Согласно Суворову, таково было неофициальное название главного тайного инструмента вождя партии и всего советского народа в работе по поддержанию, укреплению и распространению его личной власти как внутри страны, так и во всем мире, то есть в планетарном масштабе, если даже не еще шире.

Чем занимался «Контроль» у Сталина, было показано Виктором Суворовым с достаточной полнотой:

– первое – контроль за работой официальных разведывательных и карательных органов СССР независимо от их ведомственной принадлежности, дабы не зависеть от позиции лишь одной службы и пресечь возможность организации путча их честолюбивыми лидерами, развратившимися от сознания своей силы и возможностей конспиративно осуществлять тайновластие;

– второе – выполнение карательных функций, диверсий, похищений, переворотов, мятежей и революций, внедрение своих агентов во все слои общества и политические партии за рубежом, вербовка действующих официальных партийных функционеров и крупных государственных чиновников, не гнушаясь никакими методами, особенно шантажом;

– третье – установление прямых контактов с людьми и фирмами-изготовителями нужной Сталину продукции, заключение с ними контрактов и заказов, минуя официальные государственные органы;

– четвертое – проведение постоянной аналитической обработки информации по широчайшему кругу данных с целью прогнозирования обстановки в мире и поведения различных лиц, которые могут влиять на ее изменение;

– пятое – проводить или курировать научные исследования и опытно-конструкторские работы по особо важной тематике с точки зрения самого генерального секретаря.

Все функции личного конспиративного разведывательно-управляющего комплекса вождя под названием «Контроль» в романе Суворова полностью совпали с тем, о чем говорилось со слов Олега Грейга в книге Ольги Грейг о сталинской «партийной» разведке. О чем это свидетельствовало? А о том, что за границей, в частности – в Великобритании – знали о сталинской личной «партийной» разведке достаточно много для того, чтобы числить за ней вполне конкретную деятельность – ведь не в Советском же Союзе офицеру ГРУ Резуну – Суворову рассказали о «Контроле» – такие сведения он мог получить только в стране, где он живет до сих пор – Великобритании. Нет сомнений – Суворов блестящий аналитик, в работе которого почти не видно изъянов и уж точно нет крупных промахов. И раз уж его информация верна в отношении «Контроля» в общих чертах, то можно продолжить исследование истинности его романа и в более конкретных деталях.

В «Контроле» главным его функционером у Суворова назван «товарищ Холованов». Выдуманный персонаж? Отнюдь нет. В книге Ольги Грейг со слов ее мужа Олега прямо сказано, что человек, стоявший у самого истока образования «партийной» разведки Сталина – бывший агент личной «имперской» разведки царя Николая II Владимир Забрежнев – был в начале 20х годов XX века назначен Сталиным заведующим международным отделом ЦК ВКП (б), курировавшим международный сектор Исполнительного Комитета Комму-

нистического Интернационала – ИККИ. Именно Забрежнев в июле 1922 представил Сталину двух своих «уникальных» (выражение Олега Грейга) сотрудников, чьими силами, собственно, и была организована вся последующая многогранная деятельность «партийной» разведки вождя СССР. Ими были: названный в книге своим реальным собственным именем, отчеством и фамилией Александр Евгеньевич Голованов, будущий главный маршал авиации, и подчеркнуто названный псевдонимом Митрополитов, о котором сказано, что он в дальнейшем стал секретарем ЦК ВКП (б) и КПСС. Итак, помощник Сталина Голованов у Суворова и помощник Сталина Голованов у Олега Грейга – несомненно одно и то же лицо, действительная историческая личность, красавец-великан, смелый летчик, агент, диверсант, организатор, руководитель, прямой исполнитель воли вождя. И в том, и в другом источнике насчет этой фигуры всё сходится. А вот Митрополитов возник лишь у Грейга, причем явной загадкой. О нем сказано прямо совсем немного: верный помощник Сталина. Секретарь ЦК ВКП (б), руководитель «партийной» разведки, шеф самого Олега Грейга, который в звании капитана 2го ранга служил у него в аппарате референтом и был доверенным лицом. Кроме этого, было упомянуто и о том, что Митрополитов прошел обучение на востоке, в частности, у тамошних мистиков и оккультистов в начале своей карьеры. Вот, собственно, и все, что можно было положить в основу анализа с целью определения ис-

тинного имени и фамилии лица, которого Грейгъ запрятал под придуманным им псевдонимом Митрополитов. Первой мыслью насчет причины использования именно такого псевдонима явилось предположение, что в совершенно ненатуральной для русского обихода фамилии Митрополитов спрятан ключ к решению загадки. Кто такой митрополит? – высокопоставленное духовное лицо. А кто из членов ЦК и секретарей ЦК ВКП (б) мог ассоциироваться с духовным сословием хотя бы фонетически или быть выходцем из него? Председатель Госплана Вознесенский явно происходил от отца или деда настоятеля какого-то храма Вознесения Господня. Но на роль Митрополитова он никак не годился. Во-первых, был занят экономикой, а не разведкой, а, во-вторых, Сталин его расстрелял после войны, тогда как, судя по Грейгам, Митрополитов вполне благополучно пережил товарища Сталина.

Членами ЦК были и другие носящие «духовные» фамилии товарищи Попов и Попков. Но и они были уничтожены по воле советского фюрера после войны. Похоже, с фамилией, которая могла принадлежать человеку с происхождением из состава церковного клира можно было считать только товарища Пономарева Бориса Николаевича. Он родился в 1905 году и в двадцать втором году или чуть позже мог быть определен Забрежневым в качестве перспективной фигуры для обучения и выдвижения. Удивительно ли, что уже в возрасте семнадцати лет он был признан годным служить

в секретнейшей личной разведке вождя? Пожалуй – и удивительно, и сомнительно. Однако по официальным данным Борис Пономарев стал членом ВКП (б) – КПСС в 1919 году, то есть в четырнадцать лет, что, согласитесь, еще более удивительно и способно вызвать сомнения. С 1920 года, по официальным же данным, он находится на комсомольской, партийной (то есть руководящей) и педагогической работе. И уж не в том ли состояли занятия «педагогикой», что он проходил учебу в каком-то из тибетских монастырей? А далее – уже совсем то, что нужно: в 1937–1943 годах он работает в ИККИ (помните? Исполнительный комитет Коммунистического интернационала – у товарища Забрежнева!), а с 1944 на ответственных партийных и государственных постах, в том числе с 1953 года (Сталин помер) – заведующим отделом ЦК КПСС (это много больше, чем министр). Членом ЦК он стал в 1956 году (а кандидатом в члены ЦК – в 1952); секретарем ЦК КПСС и одновременно заведующим отделом ЦК КПСС он был с 1961 по 1968 год, а кандидатом в члены политбюро ЦК КПСС он был с 1972 по 1986 год. По пути, этак между делом, он стал в 1962 году (то есть при Хрущеве) академиком Академии Наук СССР, а лауреатом Ленинской премии в 1982 году. И если несмотря на все эти официальные данные еще можно сомневаться в том, что товарищ Пономарев именно тот самый Митрополитов, который возглавлял по свидетельству Олега Грейга личную сталинскую разведку, побывал на самом деле в Ти-

бете, могут добавить в пользу данного вывода пару доводов уже от себя. Портрет товарища Б. Н. Пономарева бессчётно попадался мне на глаза среди портретов других членов сталинского, потом (вопреки хронологическому принципу) ленинского центрального комитета, его секретарей, членов и кандидатов в члены ЦК КПСС при приближении к каждому очередному «революционному» празднику, то есть к первому мая и седьмому ноября. Я запомнил его облик – слегка калмыковатое лицо сдержанного человека. С таким лицом при элементарных стараниях свободно можно было попасть в Тибет в качестве верующего буддиста-калмыка или алтайца. А вот о том, что он был научен владению своей психикой, свидетельствовали журналисты, проникшие в здание ЦК КПСС на Старой площади, покинутое всеми работниками этого заведения после провала коммунистического путча ГКЧП в августе 1991 года. Везде было полно изрезанных в лапшу бумаг, спешно уничтожавшихся партийными чиновниками перед бегством. И только один служебный кабинет не был пуст – его, как всегда, занимал товарищ Пономарев собственной персоной. По поводу его поступка можно было думать всякое: то ли это была его демонстрация смелости, готовности встретиться с яростной революционной толпой, то ли он выражал таким образом свое презрение к черни и вообще ко всем непосвященным, в то время как ему, Высокопосвященному, просто не страшен был никто и ничто.

Как за этими фактами не усмотреть невозмутимого адеп-

та тайных мистических знаний, каким и должен быть настоящий выпускник школы эзотерического буддизма? К этому можно прибавить и еще одну деталь. Обычно о секретарях ЦК бывало известно что-то насчет того, какие дела находятся в их ведении. Например, все знали, что Устинов руководит оборонными отраслями, Суслов – идеологией, Горбачев до того, как стал генсеком, курировал сельскохозяйственное производство, а про Пономарева и его сферу деятельности не слышно было ничего. Тем ценнее в этой связи откровения Олега Грейга, который, скорей всего, хорошо сознавал, как опасно затрагивать известные ему секретные темы, дела и сведения даже после того, как распался Советский Союз, исчезла монополия коммунистической партии на власть в стране, а политику стали делать совсем другие люди. Видимо, жена его, Ольга Грейгъ, узнала о наиболее удивительных вещах, с которыми имел дело ее муж, только тогда, когда тот понял, что жить ему осталось совсем недолго. Надо полагать, ему очень не хотелось уносить это с собой, не передав никому из остающихся на этом свете. Что ж, его жена выполнила его пожелание и свой долг перед любимым человеком, в свою очередь, проявив при этом немалую решимость и мужество. Честь ей за это и хвала.

Благодаря трудам супругов Грейгъ – он рассказывал, а она запоминала, записывала, писала и в конце концов издала книгу, содержащую множество взрывных поразительных, почти необъяснимых и все-таки реальных подтверждающей

значимости сведений, какие вряд ли еще когда-нибудь можно встретить у других авторов внутри одного переплета и всего каких-то двухсот восьмидесяти шести страниц – по крайней мере, среди открытых публикаций. О многих аспектах содержания данной книги можно говорить очень долго. Она действительно многослойна, причем многие слои информации существенно связаны между собой. Вместе с тем она не выдержана строго в системном порядке – как информация, проходящая переработку в разных слоях времени и общественной жизни, а, главное, она содержит столь странные факты, что они просто не лезут сходу в обычное представление людей об исторических процессах, да и об истории как таковой вообще. Ведь что представляет собой история? Мысленно – это некоторым образом зафиксированное зеркальное отражение событий, реально произошедших в какие-то минувшие времена. Зеркальное отражение – это, к сожалению, не значит, что точное – в зеркале общечеловеческого предназначения по всей его площади ровной, способной с одинаковой яркостью и четкостью отражать происходящее, поверхности нет: вся она в той или иной части изуродована бóльшей или меньшей кривизной, где выпуклой, где вогнутой, где волнистой, на ней то и дело встречаются участки с облезшей амальгамой или грубо наляпанной неотражающей краской. Поэтому разные заинтересованные, причем по-разному заинтересованные стороны в оценке качества отражения, до хрипоты спорят о том, у кого

зеркальная поверхность хуже – и почему. Однако в данном случае исключительной особенностью книги Ольги Грейгъ является другое. Да, она представляет собой в принципе такое же зеркало с неровной и негладкой поверхностью, но она имеет особенность, которая позволяет по крайней мере на время забыть об этом, потому что она представила обозрению читателей одновременно два разительно отличающихся друг от друга изображения – то, что отражалось от всем известных в той или иной степени исторических событий и процессов и соответствовало, так сказать, состоянию в предзеркалье, а также то, что на первый взгляд не могло соответствовать происходившему в предзеркалье вообще и представляло собой зазеркальную картину совсем другого рода действительности. В ней, конечно, тоже были прорисованы некоторые фигуры и некоторые вещи, узнаваемые по предзеркалью, но они выступали в несопоставимо иной форме, в ином качестве, нередко с чудовищным (или чудесным – смотря как считать!) сдвигом во времени, казалось бы, незабываемых реперных точек, которые в любых исторических разрезах должны были бы совпадать, однако, настолько не совпадали, что их следовало бы считать отражением другой истории, другой реальности в сравнении с той, которая произошла в Предзеркалье. Без преувеличения экзотическая ценность книги Ольги Грейгъ заключается в том, что она явила миру правду о том, как два супермонстра двадцатого века – Сталин и Гитлер (да и не только они) –

каждый управляли двумя разными своими странами с двумя разными созданными каждым из них правительствами, причем у каждого в одной этой паре стран была налажена такая деятельность, которой они управляли дружно и совместно, в то время как деятельность другой была обособлена от совместного управления и могла находиться в отношениях нетерпимости и антагонизма, абсолютной, якобы принципиальной, непримиримости и бескомпромиссной смертельной вражды с вождем и его страной, с которой в другом плане бытия продолжалось дружественное сотрудничество. Плохо верится, что такое возможно? Естественно, что не верится. Как в старину говорилось: «Скорей верблюд пройдет через игольное ушко, чем поверишь». Но верблюд оказался на самом деле очень странным и удивительным животным, если несмотря на свои внушительные габариты порой проходит через игольное ушко. Судите сами...

В полном распоряжении Сталина еще до прихода Гитлера к власти была огромная бывшая Российская империя или Советский Союз, а в полном распоряжении Гитлера после его победы на выборах при решающей поддержке Сталина находилась его любимая фашистская Германия. Эти две страны еще с самого начала двадцатого века в соответствии с соглашением императоров Николая II и Вильгельма II сотрудничали в деле исследования и освоения Антарктиды в секретном порядке. Сталин и Гитлер, ставшие преемниками своих бывших императоров, договорились продол-

жить сотрудничество в Антарктиде и даже серьезно расширить его, в том числе и за счет его распространения на Арктику. Что подогревало интерес двух властителей к отдаленным, суровым и почти непригодным для жизни полярным областям планеты? В первую очередь – таинственность – причем не просто такая, какая присуща всем неисследованным местам, а таинственность определенно многообещающая, уже давшая им намеки и даже доказательства того, что может одарить своих верных и преданных не то сторонников, не то поклонников или вассалов такими возможностями и способностями, благодаря которым весь остальной мир окажется у их ног. Мистика в сознании и самооценке играла первостепенную роль как у Сталина, так и Гитлера. Оба считали себя Избранниками высших Сил, повелевающих судьбами планеты и всех, кто ее населяет. Присутствие же Высших Сил и Высшего Разума испытывали на себе буквально все побывавшие в Антарктиде и видевшие там множество проявлений Чего-то Могущественного и Необъяснимого. Гитлеру к тому же было особенно важно установить контакт с этими неведомыми силами, поскольку он был убежден, что высшая раса людей, к коим он причислял себя и чистокровных германцев, произошла именно от предков, обитавших в стране льда, то есть в Арктике, а, может, и в Антарктике (или и там, и там), только в Арктике Земля предков не уцелела, погибнув во время пангеокаатастрофы, а в Антарктике материк как был, так и есть.

Это полярники-предки разнесли цивилизацию по всем странам и континентам. Это их силе, воле и знаниям все человечество обязано тем, что оно все более и более удаляется от уровня животных и недочеловеков. А потому их прямым потомкам должна по праву принадлежать вся власть в населенном мире над всеми низшими народами Земли. Мистикой и оккультизмом как средствами осуществления власти у Сталина до 1937 года заведовал его бывший товарищ еще по борьбе в «революционном подполье» Глеб Иванович Бокий – начальник Спецотдела ОГПУ-НКВД со своим обширным штатом; у Гитлера аналогичными делами занималось много видных мистиков, магов, ясновидящих и пророков (о них речь впереди), которые имели огромное влияние на своего фюрера и формировали его сознание, одновременно расчищая ему своими откровениями дорогу в народные массы, которых он, по советской пропагандистской теории, «успешно оболванил», заставив поверить в свою человеконенавистническую теорию о превосходстве арийской расы, а на деле сумел превратить в нацию воодушевленных пассивных нацистов (если говорить в терминах Льва Николаевича Гумилева), всего за двенадцать лет существования Третьего Рейха совершивших чудеса в науке, технике, в мистике, оккультизме – и на полях сражений. В соответствии с немецкой склонностью наведения порядка во всем, все вопросы идеологического, мистического, оккультного плана, а также все принципиальные научные и технические проблемы для получе-

ния власти и обеспечения выживания высшей германской расы исследовались и решались в рамках громадной тайной организации «Аненербе» («Наследие предков»), имеющей в своем составе пятьдесят научно-исследовательских институтов по всему универсуму знаний и по существу представляющую собой секретную академию наук Германского Рейха со своим общим руководителем-куратором рейхсфюрером СС Генрихом Гиммлером во главе. Надо сказать, что Спецотдел ОГПУ – НКВД Глеба Бокия тоже не был лишь административной структурой. При нем было достаточно много секретных научных институтов и лабораторий, в том числе исследовавших мистические и магические способности и феномены и, разумеется, также «способы оболванивания масс» и оккультные методы обретения могущества теми, кто имеет право повелевать людьми. После ареста и расстрела Бокия в 1937 году его аппарат и уцелевшие после чистки кадры вместе с новыми сотрудниками и организациями поступили в подчинение товарища Митрополитова-Пономарева. Именно он стал «президентом советского «Аненербе», а товарищ Голованов – главным руководителем исполнительных сил этой системы, а когда надо, то и собственно исполнителем самых разных дел, в том числе и по авиационной тематике, что его и привело в 1942 году к командованию дальней авиацией (это очень понадобится им с Митрополитовым – особенно ДАЛЬНОСТЬ), а в 1944 году – к званию Главного Маршала авиации.

Сталин еще в 1922 году поручил этой паре продвигать перспективного немецкого национал-социалиста Гитлера, избранного, как и сам Сталин, на роль Вершителя Судеб Мира, и подготовить с ним сугубо конспиративную встречу в Крыму, которую обеспечивал с немецкой стороны главный закордонный резидент политической разведки Сталина в Германии Дитрих, он же Алексей Алексеевич Грейг, которого Сталин именовал не иначе как Лингом. Первая встреча Сталина с Гитлером состоялась в Магарыче близ Ялты в Крыму в августе 1933 года, вторая – в апреле 1934 года, затем до начала 1937 года было еще четыре встречи – все это сведения от Олега Грейга, приведенные в книге его жены Ольги. Сам же Грейг явно знал все это от «Митрополитова», обеспечивавшего синхронный перевод при разговоре двух вождей. Гитлер благодарил Сталина за оказание решающей поддержки в легальной его борьбе за власть и говорил о необходимости освободить Германию от еврейского гнета, чтобы немецкий народ смог развиваться так, как ему предназначено Свыше. Сталин заметил, что долг платежом красен и предложил Гитлеру дать согласие на то, чтобы на немецкой земле, немецкой промышленностью развивались новые советские технологии. Гитлер согласился, и за этот короткий период (1933–1937 гг.) в Германии была создана база для получения оружейного плутония и налажены технологические линии по производству атомных бомб (цитата из Ольги Грейг, курсив ее). – «Ерунда! – скажите вы. – Плутоний

был открыт в США в 1940 году, а атомная бомба впервые сделана там же в 1944 году. Ольга Грейгъ либо больная, либо сознательно врёт!» Однако не стоит спешить с выводами. Ольге Грейгъ известно то же самое, что и вам, господа оппоненты, но известно и нечто большее. А именно: что отцом атомной бомбы был великий русский и советский ученый Владимир Иванович Вернадский, основатель геохимии, биогеохимии, радиогеологии и теории о ноосфере. Именно он еще в 1891 году представил техническому совету Санкт-Петербургской Академии Наук (действительным членом которой он станет в 1912 году) материалы своих теоретических изысканий о том, как можно извлечь из атомного ядра скрытую в нем энергию. Сразу в дело идеи Вернадского не пошли. Но в 1900 году материалы Вернадского попали в руки графа Канкрин, который познакомил с ними и Д. И. Менделеева. С тех пор профессор Вернадский стал научным консультантом императорской разведки. Ему предоставили возможность с участием Менделеева открыть лабораторию, где в ходе исследований Вернадский пришел к идее цепной реакции и ядерного синтеза. Работы были прерваны революцией. Вернадский уехал в Париж, стал профессором Сорбонны, читал лекции по экологии, решал теоретические проблемы биосферы и проводил экспериментальные исследования в лаборатории Марии Кюри.

В 1922 году в Петрограде была создана Радиевая лаборатория, которую предложили Вернадскому. Он взялся

за дело. Вскоре лабораторию преобразовали в Радиевый институт – центр, зародыш будущей советской системы военно-промышленного комплекса (курсив Ольги Грейг). Работы, прерванные революцией, продолжились. Потребовалась добыча урановой руды, найденной Вернадским во время его работы в поисковых геологических партиях до революции. Под руководством Вернадского работал и создал теорию цепных реакций Николай Николаевич Семенов, Нобелевский лауреат 1956 года. Предсказанные Вернадским спонтанные деления тяжелых ядер были открыты Флёрковым и Петржаком в Ленинграде в 1940 году. В 1930 году Вернадский доложил Сталину, что мы способны создать атомную бомбу и представил план, как это сделать в 1932 году, что и было осуществлено. Во второй половине 1932 года в Арктике было произведено несколько испытаний атомного оружия. После этого успеха В. И. Вернадский получил особый протект против Кремля и звание Героя Советского Союза по закрытым спискам. Вместе с ним были награждены и те, кого все в СССР знали как врагов советской власти. А в книге Ольги Грейг неоднократно упоминается о том, что при гигантских работах по прокладке скальных и ледовых тоннелей в Антарктиде, да и вообще для обеспечения существования колоний с тех же пор использовалась атомная энергия. Из СССР в помощь Германии был направлен в 1926 году выдающийся ученый и инженер Аполлон Аркадьевич Цимлянский, который стал работать в лаборатории ядерной физики

концерна Круппа. Он изобрел также лазерную пушку, участвовал в конструировании ракет, причем Вернер фон Браун назвал его своим учителем и выразил ему свою благодарность и признательность за полученные знания. Есть сведения, что в 1936 году в Саксонии был проведен в шахте испытательный взрыв ядерного заряда. В 1938 году Цимлянский был отравлен на приеме в Советском посольстве.

Разработка ракетной техники шла параллельно в СССР и Германии. Обе страны, по свидетельству Олега Грейга, отличились ракетно-космическими запусками и полетами задолго до послевоенной поры и полета Гагарина. Сам Олег Грейг – твердо назвал своей жене дату первого полета Советского человека в Космос – 16 марта 1934 года. Кроме того, он сообщил, что зимой 1938 года из пусковой шахты на космодроме в 140 км южнее Саратова была запущена ракета конструктора Федора Федоровича Супруна с «космолётчиком» капитаном Иваном Сергеевичем Харламовым. Ракета с грохотом вылетела из шахты, теряя часть обшивки, с человеком в тяжелом скафандре. Члены Госкомиссии посчитали полет провальным, а пилота погибшим. Однако в августе 1939 года, то есть через полтора года, в Советскую воинскую часть в районе Халхин-Гола в Монголии к командиру привели истощенного человека, назвавшегося Иваном Харламовым, капитаном из отряда в / ч 16450. Потом он попал в Зий спецотдел НКВД, откуда через год исчез, так же, как и конструктор Супрун. Через многие годы их следы на-

шлись в Италии – стране, с чьим фашистским вождем социалистом (когда-то очень понравившимся Ленину) Муссолини у Сталина тоже были прекрасные дружеские и деловые отношения, помогавшие нам пользоваться итальянскими достижениями в кораблестроении и авиастроении, а итальянцам, по-видимому, обогащаться от нас. Еще одним учителем Вернера фон Брауна, от которого тот получил первые познания о реактивном движении и ракетостроении, был русский профессор Николай Николаевич Скориков (умер в 1923 году), у которого учился и Н. Е. Жуковский. Скориков работал в спецотделе НКВД Бокия.

Однако было еще одно направление в деятельности тружеников из «Анекэрбе», где решающих успехов в реализации фантастических проектов нельзя было добиться даже объединением лучших интеллектуальных сил СССР и Германии и где потребовалось привлечение магии и оккультных наук для того, чтобы воспользоваться достижениями внеземного интеллекта. Речь идет в первую очередь о конструировании и строительстве принципиально новых аппаратов «тяжелее воздуха» и действующих с использованием эффекта антигравитации. В книге Ольги Грейгъ названо девять имен германских специалистов, каждый из которых разрабатывал и реализовывал проекты разных типов «летающих тарелок». Это Виктор Шаубергер (1885–1958 гг.), доктор В. О. Шум, Джузеппе Беллонца (1876–1952 гг.), Рудольф Шривер, Рихард Мите, Циммерманн (из Пенемюнде), Ан-

дреас Эпп, Отто Хабермоль, Курт Танк. В прежних изданиях других авторов уже сообщалось, что чертежи «летающих тарелок» были переданы немцам через оккультистов-медиумов, что не помешало им летать с необычными скоростями на необычные высоты. По этой причине одна Глава книги Ольги Грейгъ названа «Техномагическая реальность». Точно так же, как она имела место в делах по созданию небывалого «чудо-оружия», обеспечивая сказачные возможности для своих обладателей, эта самая «техномагическая реальность» являлась средой осуществления фантастических антарктических проектов. Немецкие, Советские и совместные немецко-советские базы на Антарктическом континенте были превращены в невидимые многолюдные процветающие колонии, где в тепле, уюте, в достатке и безопасности со своей эффективно работающей промышленностью и сельским хозяйством бок о бок с высшими существами, у которых на зеленых лугах даже паслись динозавры, состоялось воистину осуществление высокой мечты вопреки всем катаклизмам, творящимся на обычном плане людского планетарного бытия. Там – мировая война, бомбежки, пожары, голод, массовое и беспощадное взаимное истребление, жизнь, устремленная каждой из воюющих сторон, как будто бы к одной цели: «Всё для фронта, всё для победы!» Как бы не так... Далеко не всё для фронта – и даже далеко не все «для победы».

Содружество советской и немецкой воюющих сторон в делах по освоению и развитию Антарктических колоний

не омрачилось ничем в течение всех лет войны. Об этом Митрополитов-Пономарев не раз говорил своему референту и, по-видимому, любимому помощнику Олегу Грейгу. Среди близко знакомых ему людей был один в высшей степени интересный человек, названный в книге якобы не своим подлинным именем – Ефим Георгиевич Бессмертных (лично у меня остались, несмотря на авторскую ремарку Ольги Грейгъ, большие сомнения в том, что это – псевдоним). Революция застала его горным инженером-геологом в Сибири в геологической партии, откуда он попал в секретный Радиевый институт Вернадского. В 1937 году он был начальником режима в почтовом ящике, полковником. И тогда же на одном из «спец» – лесовозов был доставлен в Антарктиду. По его словам, с помощью уникальных технологий при его участии были пройдены в мерзлых грунтах тысячи километров тоннелей в атмосфере искренней дружбы и сотрудничества немцев и советских людей, одинаково воодушевленных близостью и доверительностью космической цивилизации и ее высшего разума. Ефим Бессмертных стал генерал-лейтенантом (и вице-адмиралом, поскольку работал на нужды флота). Не знал он только об одном – что Иосиф Сталин и Адольф Гитлер условились так крепко дружить и сотрудничать не в последнюю очередь ради того, чтобы как тот, так и другой имели возможность куда-то исчезнуть в случае неблагоприятного исхода событий. Этой договоренности они действительно остались верны в полной мере.

Но пока немного отвлечемся для того, чтобы осветить весьма интересный факт – насколько было сильно информационное взаимодействие между еще не воюющими, но уже ставшими бороться насмерть советской и немецкой сторонами на поприще политики и разведки. Миф о том, что Сталин якобы не знал о готовящемся немецком вторжении на территорию СССР, давно уже изобличен как липа. И все же, в книге Ольги Грейгъ есть немало страниц посвященных тому, кто служил в осведомителях у Сталина по немецким делам. Насчет того, что Мартин Борман, заместитель Гитлера по партии и его личный секретарь, мимо которого к фюреру не был вхож никто, являлся агентом СССР, было известно и до Грейгов. Абсолютный конфидент Гитлера исправно работал и для другого фюрера – советского. Он был эмиссаром Гесса и Гитлера в Антарктической экспедиции из четырех кораблей, в том числе и авианосца, в 1938 году. Два заместителя Германа Геринга по Люфтваффе – начальник генерального штаба Люфтваффе Эрнст Удет – выдающийся ас Первой Мировой войны (63 победы в воздухе) и его преемник на этом посту Эрхард Мильх ничтоже сумняшеся работали и на Сталина, первый – через Пономарева, второй – через Голованова. После инсценировки своей гибели в 1941 году Удет оказался в Антарктиде. Именно он в феврале 1947 года встретил адмирала Ричарда Бэрда в колонии «Новая Швабия», куда последний был приглашен для предъявления ультиматума американской флоти-

лии и правительству США (Генерал-полковник Люфтваффе Удет прибыл на Антарктиду на советском дальнем бомбардировщике ТБ-7 (Пе-8) в 1941 году, который пилотировал Голованов). Ультиматум, объявленный Бэрду, содержал требование «... прекратить атомные испытания и попытки проникновения в Антарктиду. В противном случае мы атакуем атомными бомбами территорию США и уничтожим их!» После чего Удет пригласил Бэрда в тайную антарктическую колонию на ознакомительную экскурсию, произведшую невероятно сильное впечатление. В заключение памятной экскурсии Бэрд получил еще одно ценное знание. Возле немецкой колонии находился мощный советский флот под командованием знаменитого контр-адмирала и полярника Ивана Дмитриевича Папанина, корабли которого немцы и не думали атаковать! С Папаниным были и двое его товарищей по дрейфу на льдине от Северного Полюса к Гренландскому морю: Евгений Константинович Федоров, академик, геофизик, и Эрнст Теодорович Кренкель – знаменитый полярный радист, а также начальник всех полярных станций Главсевморпути. Если Ричарду Бэрду хотя бы отчасти показали то, что еще в начале 1942 года показали Митрополитову – Пономареву и Голованову, то и это впечатлило бы его на всю оставшуюся жизнь как масштабами освоения «Ледового» континента, так и космическими сооружениями и летательными аппаратами гигантских размеров, которые улетали оттуда и прилетали из глубин Вселенной. При этом ка-

кие-то внешние силы в невероятной степени активизировали мозг людей-землян и обогащали личность отсутствием страха перед чем-либо и пробуждая желание служить высшим ценностям во благо всего человечества, а не в угоду отдельным государствам и партиям. В этом поразительном мире у закаленных циников и расчетливых интеллектуалов Пономарева и Голованова едва хватало сил и выдержки не выказывать растерянности перед лицом таких открытий. Мозг начинался новыми знаниями с невероятной быстротой. Им было позволено находиться там Высшим Вселенским Разумом и получать громадные, но все же, по-видимому, дозированные знания, умения и чертежи.

О Пустотах внутри Земли как о местообитаниях существ Высшего Разума было известно и без Грейгов. Легендарная Шамбала, в которой существует Белое Братство высокопосвященных людей, спасающих своими трудами обычное человечество, в основном размещается под Землей в Тибете у северного склона Гималаев. Где-то неподалеку от Шамбалы размещается и Агарты, обитель высокоразвитых представителей Черных Сил. В США и Германии уже давно высказывалась теория полой Земли. И Гитлер в эту теорию верил свято. О ней еще придется вспомнить и дальше, когда речь пойдет о главном, о чем меня побудила рассуждать книга Ольги Грейгъ – о том, что такое Сталин и Гитлер как феномены, проявившиеся в XX веке одновременно как в Предзеркалье, так и в Зазеркалье.

Олег Грейгъ (видимо, он еще и Иван Грейгъ) в качестве эмиссара главы советского аналога «Анэнэрбе» товарища Пономарева, секретаря ЦК КПСС, в 1972 году возглавил в звании капитана 2 ранга экспедицию из трех атомных подводных лодок (АПЛ) в Южную Америку, в пролив Дрейка, и в Антарктиду. Напутствуя любимого сотрудника, патерналистски настроенный шеф, обронил фразу: что не все зависит от него и что он сам хотел бы знать, как далеко ПУСТЯТ Грейга. Почти отеческая улыбка Пономарева вызвала у Грейга чувство, что его таким образом благословляют на вполне возможную смерть. Грейгъ не погиб и его экспедиция, видимо, тоже, хотя о том, достигли ли они ледового континента и что именно там делали и узнавали, в книге Ольги Грейгъ прямо не говорится. Было сказано о прикосновении к Высшему Разуму и о провале флагманской АПЛ в «воронку Времени и Пространства» или в «червячный переход».

Не знаю, стремился ли Олег Грейгъ добиться в сознании своей жены Ольги полной ясности насчет всех представлений об Антарктиде и о всех тайнах секретной партийной разведки Сталина – Пономарева, которые знал как доверенное лицо Секретаря ЦК КПСС, но то ли исповедальные разговоры мужа не лучшим образом осваивались мозгами жены, то ли и он не был вполне откровенен даже с ней, однако мне показалось, что информация, которая была доведена до сведения мадам Ольги Грейгъ, могла бы и должна

была бы придти к форме некоторого определенного логического вывода. По моему впечатлению, в полной степени этого сделано не было... Тогда сто́ит ли об этом гадать? Полагаю, что сто́ит. Мне понятна позиция обычных людей, моих современников, многие из которых прошли дикие войны и пережили страшные социальные потрясения, которые особенно задели именно нашу родную несказанную Россию. Я в курсе того разброса знаний и оценок, которыми располагали и располагают мои современники. Я верю на слово Олегу Грейгу, когда он описывает умонастроение бывших нормальных земных современников, ощутивших на себе Воздействие Высшего Разума и последовавших его директивам (или Принципам, или Высшим Императивам), приняв их в себя в качестве Нового Высшего Кредо. Но до чтения книги Ольги Грейгъ я никогда не представлял себе, как говорится, ни в дурном сне, ни в хорошем, что мне придется задуматься о людях, имевших прямое отношение одновременно к обеим Реальностям: к той, о которой хорошо знают все обычные люди, поскольку они только в ней и живут — здесь, на грешной Земле, которую они же терзают, портят и за счет этого «развиваются», получая от нее в ответ полной мерой в виде Кары Небес, и к той, в которой к специально отобраным людям приходит Преображение, но которое так и не захватило, не **ВОБРАЛЮ** в себя целиком таких представителей так называемого рода «*Homo sapiens*», как Сталин, Гитлер, Пономарев, Голованов, Олег Грейгъ, так и остав-

шихся в ПОГРАНИЧНОМ СЛОЕ между мирами, о которых зашла речь. Кроме этих фигур, очевидно, придется упомянуть еще об одном человеке, представляющем в воспоминаниях Олега Грейга члена и агента так называемого Мирового правительства (или Мировой Закулисы), как Ольга Грейгъ именуется негласный, конспиративный совет главных мировых богачей, почти исключительно евреев, со штаб-квартирой в Нью-Йорке – это Аверелл Гарриман (1891-1986), работавший, в частности послом США в СССР в 1943–1946 гг. Со слов своего шефа Олег Грейгъ называет Гарримана «учителем, давним заокеанским другом-противником» Пономарева. По поводу экспедиции, возглавляемой Олегом Грейгом, Гарриман с ходу выразил Пономареву претензию: «Я полагал, что ты меня познакомишь с одним из своих важных проектов, но так и не дождался. Ты пытаешься восстановить контакты с внеземными цивилизациями в Антарктиде за моей спиной. Не нравится мне, что ты это делаешь без меня». Звонок Гарримана произошел в то самое время, когда АПЛ Грейга провалилась в «червячный переход». И он назвал координаты точки, в которой это случилось. Тон Гарримана вполне соответствовал тону старшего партнера и наставника, недовольного инициативой способного, но не имеющего всех прав и полномочий младшего партнера. На что Пономарев ответил: «Спасибо, что ты подсказал, что произошло. Быстро же ты узнал... впрочем, благодаря тому, что вы вытеснили нас и немцев из Антарктиды и за-

хватили все технологии наших друзей из Космоса, сделать это было не сложно. У вас уже кроме наших летающих невидимых аппаратов, которые вы удачно выдаете за НЛО, развита и спасательная индустрия. Нехорошо, что ты не позаботился о том, чтобы сделать хотя бы попытку спасти моих людей.» Пономарев положил трубку. О чем свидетельствовал данный диалог? По меньшей мере – о раздражении Гарримана, который считал себя вправе знать о советских секретных планах непосредственно от своего «коллеги» из ЦК КПСС всё в полном объеме. А еще о том, что позиции Германии и СССР в контактах с Высшим Разумом оказались подорванными (а это всего лишь 1972 год, до перестройки ох как далеко!) и замещенными американским присутствием. И, наконец, о том, что вопреки Америке или Мировой Закулисе ЦК КПСС пытается наладить особые, внеконтрольные для Америки, отношения с Неземной цивилизацией. Ставки в политической игре в борьбе за мировое господство со времен Сталина и Гитлера не стали меньше. Но все же вернемся к тем временам. И к необходимости постоянно сравнивать, сопоставлять Сталина и Гитлера. Два злодея наибольшего масштаба в XX столетии в явной, или Предзеркальной истории человечества, отнюдь не являются полярно противоположными политическими деятелями по своей направленности, хотя именно им, а точнее – их подданным пришлось сойтись в безжалостной войне на взаимное истребление. Один другого стóбил во многих мерзких проявлениях, но они от-

нюдь не были тождественны при наличии ряда одинаковых черт. Каких именно? Оба стремились к абсолютной власти в своей стране, а затем и в других тоже – по мере пробуждения интересов к захватам и роста возможностей их осуществления. Оба понимали, что ведут рискованную игру, в которой могут потерять не только с трудом достигнутое могущество, но и собственную жизнь, которую каждый из них, исходя из мистических представлений о мессианской роли своих персон для человечества, ценил по существу несравненно выше всех совокупных жизней своих подданных, вместе взятых. И все же – собственная жизнь в атмосфере собственной абсолютной власти над зависимыми и подчиненными для Сталина значила явно больше, чем то же самое для Гитлера. Правда, знаменитые слова «После нас – хоть потоп!» были сказаны не Сталиным и не Гитлером, а задолго до них другим абсолютным монархом – Людовиком XIV, но это выражение вполне соответствовало и их ментальности. Так в чем заключалась разница? А в том, что для Сталина буквально на каждом этапе завоевания и поддержания своего господства была безразлична величина жертв своих сторонников и вообще своего народа, в то время, как Гитлер заботился о том, чтобы приносимые на алтарь его победы жертвы были по возможности меньшими, что и подтвердилось в ходе истории. Треть «родной» для Сталина ВКП (б) была за Троцкого – он ее истребил. Сколько-то было «за» Каменева, Зиновьева, Бухарина, Рыкова – он и этих

«изъял из оборота» или «пустил в тираж». Гитлер в «ночь длинных ножей» истребил немало штурмовиков Рема из СА, но далеко не всех под корень, разумно полагая, что оставить в живых большинство членов этой массовой организации в его интересах – зачем рубить сук, на котором сидишь? Сталин же рубил, исходя из мысли, что монополярная гегемония его личности, основанная на внушении ужаса перед ним – более действенная движущая сила, чем сплоченность пусть не идеально однородно мыслящих, но все равно вооруженных и зараженных всеобщим энтузиазмом последователей, которых повел за собой Гитлер. Гитлер строил свою идеологию и пропаганду на действительном факте – он вел политику в интересах германской нации – «лучшей из всех» и единственной подходящей в качестве основы для формирования «людей будущего» с высшими свойствами в сравнении с ныне живущими. Именно поэтому он в меру своей любви к истинным немцам и ненависти к евреям делал все, что мог, для улучшения положения немецких трудящихся и для истребления и изгнания евреев. В этом смысле он вполне оправдывал свой статус главы национал-социалистической рабочей партии Германии (НСДАП).

Сталин в то же самое время обещал своему «трудящемуся и эксплуатируемому народу» (как говорилось большевиками на первых порах) главным образом только «светлое будущее» в неопределенной перспективе. Он был осмотрительнее Гитлера, занятого реальными делами по улучшению жиз-

ни немцев – такими, как «народное жилище», «народный автомобиль», «народный спорт» и многое другое в том же роде, когда речь советского вождя шла о декларативном отношении к другим народам, кроме собственно русского большинства. Слов о национальной нетерпимости и ненависти, о национальном превосходстве или национальной неполноценности любого этноса не произносилось вслух. А зачем это было делать, если ничто не мешало ему, объявившему себя социалистом-интернационалистом, когда надо, делать то же самое, что и Гитлер, только безо всяких громких и вредных достижению его целей деклараций? На этом номинальном различии при большом сходстве в реальной национальной политике Сталин больше выиграл, а Гитлер больше проиграл. Однако напоминаю – мысль о возможном проигрыше в неведомом будущем не покидала ни того, ни другого. Как тогда спасти себя, а вместе с собой и шансы на возрождение и грядущую победу? Ведь им обоим было сообщено Высшими Силами, что их появление на этом свете Предопределено Свыше именно ради того, чтобы они вершили судьбами народов и всей человеческой историей, и в этой связи нельзя не коснуться предыстории их становления в роли реальных мессианских фигур. Великий мистик XX века, российский подданный, полугрек-полуармянин Георгий Иванович Гурджиев, человек интереснейшей жизни и судьбы, огромных мистических и оккультных знаний и возможностей, оказался напрямую причастным к наделению Сталина-Джугашви-

ли способностью к осуществлению его миссии, а косвенно – к наделению аналогичными способностями и Гитлера. Это была долгая цепь событий, вместившая в себя и процесс духовно-умственного становления самого Георгия Ивановича Гурджиева, и процесс осуществления той миссии, к которой призвали его Высшие Силы, определив исполнителем своей непреложной воли для наделения особыми магическими способностями двух других личностей, которые были избраны Свыше в качестве вождей всего человечества... Интересующихся всеми перипетиями, случившимися в жизни Георгия Ивановича я отсылаю к книге И. А. Минутко «Георгий Гурджиев. Русский лама», М. Аст-пресс книга, 2005. Эта книга имеет в своей основе многие фрагменты воспоминаний самого Гурджиева с добавлением ряда материалов, позволяющих с большей полнотой проникаться всем, что было предопределено и в чем состояла жизнь этого необыкновенного мага и человека.

Но пока из житий благородного Георгия в контексте рассуждений о личностях планетарных вершителей зла на Земле я извлеку – в кратчайшей форме! – только то, во что вылилось выполнение Гурджиевым его, так сказать, особого функционального предназначения. В юности, еще не достигнув восемнадцатилетнего возраста (а родился он в 1879 году), он вместе со своим близким другом и сверстником Саркисом Погосяном, готовившимся стать священником, изучали древние книги, надеясь найти с их помощью свой путь

к истинному миропониманию, и однажды в случайно обнаруженной ими полузамурованной пещере нашли старую книгу, в которой был вложен обрывок карты с единственным поясняющим словом «Тибет» и обозначениями в конце пунктира пути какого-то объекта крестиком и цифрой V. Два юных искателя Высших Истин с энтузиазмом восприняли этот знак судьбы. Они уже знали о Шамбале и роли обитающего в ней Белого Братства, знали о том, что святилище человечества находится под землей и вход туда находится под одной из семи башен – а именно с номером V. Молодость не представляет себе реальных препятствий и берется за их преодоление ничтоже сумняшеся. Оба молодых человека с горящими глазами и сердцами решительно двинулись навстречу неизвестности – в Шамбалу. Можно только поражаться, как два небогатых юноши без опыта походов и знания реальной жизни, без серьезной подготовки отправились в экспедицию и с первого же раза достигли Тибета и оказались близ того места, которое было указано крестиком и цифрой V на обрывке карты. Увидав у ребят в руках эту карту, проводник бросил их, сказав: «Дальше идите сами». Они пошли. Достигнув селения Талым, они заночевали на постоялом дворе. Среди ночи Георгий проснулся и вышел из комнаты. Какой-то голос велел ему не будить Саркиса. Он пошел по коридору и вдруг в раскрытой двери увидел юную женщину с развитыми формами в прозрачном платье. Они схлестнулись в экстазе. В ее опытных и страстных объ-

ятиях он оставил свою невинность. Ему на днях стукнуло восемнадцать, а до этого возраста он обещал своему отцу и своему наставнику священнику отцу Бошу воздерживаться от близости с женщиной. Гурджиев не знал, была ли она профессионалкой, но с него она определенно денег не взяла. А потом он вышел в ночь от нее, сознавая себя мужчиной, и голос снова сказал ему: «Иди!» и он пошел по тропе, которая привела его к костру, у которого сидел бросивший их с Саркисом проводник и еще некто в красном одеянии с капюшоном. Они втроем при свете факелов вошли под своды пещеры и в конце концов оказались в огромном зале, где возле большого бесшумно горящего костра разместились несколько старцев в белых одеждах – один сидел в кресле черного дерева, остальные пятеро или шестеро располагались прямо на земле. Старец из кресла сказал: «Мы ждем тебя, Георгий Гурджиев. Вот твой гороскоп. Ты пришел точно в предписанную ночь.» – «Кто вы? – спросил Гурджиев. – Вы из Шамбалы?» После паузы, улыбнувшись старец ответил: «Да, я оттуда. Я один из Великих Посвященных.» Далее старец рассказал юноше историю-легенду о мальчике Темучине, сыне монгольского хана Есугея. У него с детства обнаружили магические способности. Взмахом руки он останавливал ветер или табун испуганных лошадей. Он понимал язык птиц и животных. Он умел врачевать руками без прикосновения к телу больного.

Однажды, отыскивая отбившихся овец, Темучин натолк-

нулся на тяжело раненого двумя стрелами снежного человека-йети. Он вынул стрелы из тела умирающего и руками заставил раны затянуться, затем кормил, поил и врачевал йети еще несколько дней, пока тот не выздоровел. В благодарность за спасение йети (оказывается, они осуществляют охрану Шамбалы) привел Темучина к своим хозяевам. – «В Шамбалу, к Великим Посвященным?» – вырвался вопрос у Гурджиева. Старец подтвердил и добавил: «Йети угадал в мальчике того, кто нам нужен. В дальнейшем он стал храбрым воином и получил имя Чангис.» Посвященным нужен был спаситель мира, наделенный могучей оккультной силой, который мог избавить людей от вражды, раздоров, ненависти и пороков. В пятой башне государства Посвященных хранился трон, который получил Темучин-Чангис, став Чангис-Ханом. В троне была сосредоточена невиданная космическая сила. Его обладатель мог спасти человечество, вывести его на путь благоденствия, всеобщего равенства, в котором царствует закон – один для всех – и где обеспечивалось бы гармоничное развитие человеческой личности. Двадцать лет Чингисхан делал предписанное, но затем втянулся в бесконечную череду захватнических войн. Терпение Великих Посвященных истощилось. У Чингисхана отобрали магический трон, и вскоре он умер. Старец велел Гурджиеву дать ему спрятанный под одеждой обрывок карты и присоединил его к листу большой карты с оторванным углом. Линии отрыва совпали, и карта тут же срослась с об-

рывком в единое целое. Старец вернул карту юноше, сказав: «Теперь она твоя. Мы данным нам могуществом не имеем права напрямую вмешиваться в судьбы людей, населяющих Землю. Иногда мы можем лишь их наставлять и указывать путь, а преодолевать препятствия они должны сами. Так вот – жребий пал на тебя. Тебе предстоит проделать долгий тяжкий путь к пятой башне и получить трон Чингисхана, точнее – силу трона. И знай: долгие годы уйдут только на подготовку к этому пути. Запомни, Георгий: найти трон Чингисхана – твоя высочайшая миссия, твое предназначение в этом земном воплощении. Но владеть им будет другой.» – «Другой?!» – в смятении воскликнул Гурджиев. – «Да, другой. На Земле родился, может быть, один из самых могущественных медиумов-магов, которых когда-либо знала эта грешная планета. Он твой ровесник, и ваши пути пересекутся. Для него, только для него ты призван Высшими силами найти трон Чингисхана. Но в дальний путь ты отправишься один. Ему заказан путь туда... А сейчас ты увидишь этого человека.» Огонь костра мгновенно погас, не оставив жара. Из темноты возник белый квадрат, на котором появилось движущееся изображение. На Гурджиева беззвучно двигались железные чудовища с длинными хоботами. Он понял, что эти железные чудовища – военная мощь. Затем на белом квадрате-экране появилась площадь, замкнутая причудливыми каменными строениями. И возникло сооружение, напоминавшее ступенчатую пирамиду. На ней бы-

ло нечто вроде балкона, и там стояли люди. Внезапно весь белый квадрат занял один из этих людей. На нём был странный сюртук, вроде тех, которые в сезон зимних дождей носят богатые индийские купцы. Продолговатое лицо, рябинки на щеках, гипнотизирующие глаза под густыми черными бровями, прямой заостренный нос, нависающий над усами – «Запомни его,» – властно прозвучал голос старца. Вспыхнул костер. – «А теперь иди!»

Это был 1897 год. В августе того же года Георгий Гурджиев поступил в Тифлисскую духовную семинарию, где тотчас был опознан семинаристом-третьекурсником, которому Георгий обязан был вручить космическую силу трона Чингисхана. Его звали Иосиф Джугашвили, и в нем Гурджиев узнал того, кто был ему показан в тибетской пещере. Знакомство не было приятным для Гурджиева. Однако с первого же знакомства с Иосифом до той поры политически пассивный Георгий вдруг оказался захвачен революционными страстями! К 1900 году Георгий изменился настолько, что отец, выяснив, что сейчас исповедует сын, сказал, что если он не изменится, то у него больше не будет ни отца, ни матери. После возвращения от отца из Карса в Тифлис Гурджиев впервые принял участие в спровоцированном молодчиками Иосифа Джугашвили (но без его присутствия в опасной зоне) побоище с полицией и казаками. Именно там Гурджиев вместе с «коллегами», видимо, насмерть забил стянутого им с седла казака, но потом сам получил копытом по голове. Его вы-

несли из боя. Память о казаке ужаснула его. – «Неужели это был я?» – неотвязно думал он. Георгия выходила и привела в приличное состояние незнакомая старуха, проводившая его со словами: «Храни тебя Бог, сынок!» Она перекрестила парня и добавила: «И заклинаю тебя: не проливай кровь – ни свою, ни врагов!» С огромной шишкой на лбу Гурджиев пришел к Иосифу, который пребывал в превосходном настроении. Квартира Джугашвили находилась при обсерватории на горе Давида. Иосиф познакомил Георгия с телескопом и дал ему посмотреть на Луну при трехсоткратном увеличении. Когда Иосиф спросил, что он там увидел, потрясенный Гурджиев просто ответил: «Бога». Это вызвало насмешки пламенного революционера-марксиста. И хотя Георгий уже оставил духовную семинарию, но и будущность профессионального революционера он для себя отверг, хотя, помня о своем призвании, скрывал это от Джугашвили. Зато примирился с отцом. Через полгода после кровавого инцидента Джугашвили объявил Гурджиеву, что ему предстоит дальняя дорога в Петербург, где его уже ждут, и поинтересовался, знакома ли ему личность Бадмаева. Петр Александрович Бадмаев, русский бурят, тибетский врач, генерал, лицо, близкое к царской семье, интересовал Джугашвили как человек, занятый подходящим лично для него делом – попыткой присоединения всей Монголии и Тибета, а также насколько возможно больших территорий Китая к Российской империи. У Иосифа возник план организовать посылку

экспедиции Гурджиева в Тибет за мощью трона Чингисхана за счет Бадмаева, собиравшегося действовать через настоятелей буддийских монастырей, разбросанных на громадных пространствах этого края и, в том числе, почти там, куда должен был попасть Георгий ради обретения трона. Кроме того, поскольку род Бадмаева происходил от Чингисхана, по мысли Иосифа необходимо было придумать соблазнительный для Бадмаева мотив принять деятельное (в первую очередь денежное) участие в поиске трона его великого предка.

Гурджиев выехал в Москву, где немедленно пересел в роскошный поезд на Петербург. На Московском вокзале в Питере его встретил Глеб Бокий – да-да, тот самый Глеб Иванович Бокий (кстати, тоже тифлисец), который в будущем возглавил Спецотдел ОГПУ НКВД. Именно этот Спецотдел после ареста и расстрела первого хозяина Бокия унаследовал босс Грейга товарищ Пономарев. Войдя в кружок революционеров, возглавляемый Бокием, Гурджиев среди болтунов и пустозвонов выделил человека с партийным псевдонимом Крот – Викентия Павловича Захаревского, служившего в ведомстве министра финансов С. Ю. Витте. Этот человек был серьезен, точен и хорошо информирован по делам, ради которых явился в Питер Гурджиев. На следующий день в интересах конспирации Бокий лично перевез Георгия на Карельский перешеек, в Куоккалу (ныне Репино) на дачу, в которой у вдовы известного генерала Миллера снимали помещение революционеры. Анна Карловна Миллер при-

няла на проживание Гурджиева под видом студента-географа, находящегося в академическом отпуске, Арсения Николаевича Болотова. Под этим именем он должен был выступать и перед Бадмаевым. На даче Анны Карловны Миллер Георгий Гурджиев провел едва ли не лучшие два месяца в своей становящейся взрослой жизни. Генерал Миллер, стратег и интеллектуал, собрал у себя на даче превосходную библиотеку по решительно всем отраслям военного дела. При виде этого книжного богатства Гурджиев погрузился в чтение книг, как в море, чем заслужил симпатию и уважение пожилой генеральши. А ночи и некоторые дни, когда Анна Карловна уезжала на собственном выезде в Питер с визитами, были целиком поглощены страстью к восемнадцатилетней горничной Даше Миловой, которую в качестве «безотказной» в день приезда порекомендовал Георгию Боккий. Даша сама попросилась к Гурджиеву на ночь – и после этого началось. Страстью, которой она была охвачена сама и которую непрестанно возбуждала в Георгии, она превосходила любое воображение. Она была совершенно открыта и безыскусна. Вся на виду, вся в естестве, ничего не стесняясь и готовая на все, она в своей искренности совершенно не воспринималась развратницей, но постельные занятия с ней были истинным украшением жизни «Арсения Николаевича Болотова». Это было первое и главное, чем ему запомнилась Даша Милова на всю жизнь. А вторым стало неприятное открытие – как сильно под личиной уважения к хозяйке

и стремления ей угодить Даша ненавидит свою госпожу Анну Карловну – отнюдь не скверную даму, которая своими поступками как будто вообще не могла пробудить к себе ненависть, а тем более – садистское стремление унижать ее и издеваться над ней. Однако проявление этого отвратительного чувства классовой ненависти даже к неугнетающему «угнетателю» была подмечена Гурджиевым не напрасно. Сексуальные связи с революционерами дали положенные всходы. С 1907 года Дарья Васильевна Милова состояла в партии большевиков, с 1918 года до смерти в 1954 году работала в ЧК-ОГПУ-НКВД-МГБ. Во время революции участвовала в создании структуры Частей Особого Назначения (ЧОН). Заочно выучилась на юрфаке МГУ и во время Отечественной войны была прокурором в контрразведке «Смерш». выступала прокурором по нескольким процессам «Ленинградского дела» в 1949–1950 гг. А в 1951-1953 являлась начальницей женского лагеря особого назначения на Колыме. После смещения Берии и верхушки МГБ в 1953 году была арестована, а в феврале 1954 года расстреляна за жесткое, даже зверское обращение с заключенными и расхищение социалистической собственности. Впечатляющие жития получились у бывшей горничной, изложенные в справке, которая приведена в книге Минутко.

12 мая 1901 года всему этому удовольствию от житья на даче генеральши Миллер пришел конец. Приехал Глеб Бокий и привез Иосифа Джугашвили. Тот хотел лично на-

путствовать кавказского земляка на подвиг, выполнение которого в случае удачи привело бы к обретению Иосифом космической мощи. Он дал Георгию фиктивное письмо от председателя совета Императорского географического общества академика Селиванова (бланк, правда, был подлинный), в котором излагалась просьба Петру Александровичу Бадмаеву финансировать студенческую экспедицию для обретения исторической и фамильной ценности (для Бадмаева) – трона Чингисхана. С этим письмом Арсений Болотов – Георгий Гурджиев выехал на забайкальскую базу Бадмаева в Читу. Там на перроне вокзала его встретил личный секретарь Петра Александровича. После беседы с «Болотовым» и рассмотрения его записки и карты Бадмаев дал на осуществление плана экспедиции двести тысяч золотых рублей. Тотчас началась подготовка к путешествию, причем не только в России, в Чите, но и Лондоне. Англичан сильно беспокоили экспансионистские действия России в Центральной Азии. Талантливый и смелый шпион и авантюрист Алистер Кроули получил правительственное задание отправиться в Читу и выяснить намерения Бадмаева. В Читу Алистер Кроули явился под видом немецкого коммерсанта и спортсмена-альпиниста Артура Кралайана, без труда познакомился со своим сверстником Болотовым-Гурджиевым и полностью расположил последнего в свою пользу после совместных многократных экскурсий по трем борделям города Читы, где гидом безусловно был крайне опытный Артур. Степень взаи-

морасположения молодых людей друг к другу была такова, что когда Артур попросился в экспедицию Арсения, чтобы с севера вместе с ним подойти к Гималаям и там совершить восхождения на Канченджангу и Чогори, Арсений согласился взять его с собой.

На первых порах экспедиция продвигалась очень быстро. Была пройдена Монголия, западные провинции Китая и часть Тибета. Проблема, беспокоившая Арсения, заключалась в том, что на карте, которую он показал Бадмаеву и на которую был нанесен пунктиром маршрут, ведущий якобы к трону Чингисхана, не соответствовал маршруту на подлиннике карты, который был дан старцем в пещере. Но именно на ложном маршруте Болотов-Гурджиев должен был посетить буддистские монастыри для передачи посланий Бадмаева их настоятелям. Три воина-монгола, которых Бадмаев приставил к Арсению, прекрасно знали заявленный маршрут, и нарушить его в их присутствии было невозможно. Когда Арсений поделился проблемой с Артуром, тот попросил не беспокоиться и взял ликвидацию трех монгольских воинов на себя, что и сделал, отправившись с ними на охоту на горных козлов. После этого в экспедиции стали происходить всевозможные неприятности. Возможно, они были прямым следствием убийства трех монголов Артуром фактически с согласия Арсения. Однако возможно это было следствием разоблачения неблагих целей экспедиции на несравненно более высоком мистическом уровне.

За несколько лет до этой экспедиции сам Бадмаев предпринял свою экспедицию с целью обнаружить и получить полный текст древней тибетской медицинской книги «Чжуд-ши» и однажды познакомился с примечательным ламой, смотрителем библиотеки одного пещерного монастыря. Его звали Ин Джей. Ради поддержания благородного стремления Бадмаева распространить тибетскую медицину за пределы Тибета, Ин Джей помог получить список полной книги «Чжуд-ши» в другом монастыре и пообещал всяческую помощь Бадмаеву, сказав, что прибудет к нему по зову его сердца. Бадмаев удостоверился, что Ин Джей способен выполнить обещанное. Когда у Бадмаева возникли непреодолимые трудности с переводом одной из зашифрованных глав «Чжуд-ши», он взмолился о помощи, и старый монах тотчас явился к нему в тонком теле и показал, как расшифровать текст. Но в то время, когда экспедиция Болотова уже достигла Тибета, Ин Джей в тонком теле сам явился к Бадмаеву с разоблачениями Болотова, который на самом деле Гурджиев, а главное, с разоблачением той явно неблагой цели, которую должна была достичь экспедиция. Бадмаев не знал, что делать, но Ин Джей заверил его, что у него есть возможности воспрепятствовать успеху экспедиции, однако предупредил, что на стороне экспедиции действуют могущественные силы, победить которые удастся не всегда. Тем не менее, усилия Ин Джея не были напрасны. Первыми после убийства трех монголов запросились домой два старых друга Гурджи-

ева по Закавказью, и он их отпустил. Затем сбежали китайские проводники. Затем исчезли еще три друга Гурджиева, и он лишь спустя годы узнал, что они сами с удивлением обнаружили себя в Закавказье, не помня, что именно с ними произошло. Затем исчезли прямо на марше из седел три тибетских проводника. Арсений и Артур продолжили путь вдвоем. Пока однажды с ночевки в хижине не исчез без вещей Артур. Это была работа Ин Джея, поскольку хижину наполнял аромат цветущей сирени, а именно он сопровождал появление Ин Джея, где бы он ни возникал как в плотном, так и тонком телах. Дальше Гурджиев путешествовал в сомнамбулическом состоянии, сознавая лишь, что какая-то сила отводит его прочь от цели и в конце концов оказался в доме у знакомого мудрого суфия шейха Ул Мохаммеда Дауда в Афганистане. В это время Артур Кралайн (он же Алистер Кроули) оказался перед теми же старцами в пещере, где Георгию Гурджиеву было объявлено старцем его высшее предназначение – передать космическую силу трона Чингисхана Иосифу Джугашвили. Главный старец сразу обратился к Алистеру Кроули, назвав его настоящим именем, сказал, что всё знает о нем и что он – один из очень немногих, кто может повелевать людьми, проникая в бездны их инстинктов. «Ты можешь владеть этим даром, но можешь и потерять его – это зависит только от тебя». Алистер сразу спросил, что надо сделать. Старец объяснил, что силу трона Чингисхана он должен доставить человеку, который из-

бран Провидением создать на погрязшей в грехах Земле общество свободных, сильных и счастливых людей, объединенных законами нового порядка. Однако найти трон дано только одному человеку – Арсению Болотову, и когда тот найдет и окажется совсем близко к своей цели, Алистер должен перехватить трон, и ему будет оказана помощь. Затем ему дали посмотреть, кому он должен будет вручить силу трона. Снова в темноте возник белый квадрат, на нем возник вид громадного стадиона, знамена со свастикой и лицо человека с узенькими усиками под носом и свисающей наискось по лбу челкой. На этих событиях экспедиция Болотова-Гурджиева и Кралайна-Кроули по сути закончилась. Трон остался пока там, где был.

В дальнейшие годы Гурджиев предпринял немало усилий для того, чтобы с помощью магии суфизма и собственных ухищрений избавиться от обязанности исполнить полученное в пещере поручение, но ничего не выходило. Призвание прямо-таки проклятием висело над его душой, и избавиться от него можно было только путем его исполнения в соответствии с Волей Высших Сил. Через пять лет после завершения неудачной экспедиции за тронем, в которой Гурджиев запятнал себя обманом честного и благородного человека Петра Александровича Бадмаева (что угнетало его), посланец Иосифа Джугашвили Давид Цхарели, нашел его в Афганистане и повез к Иосифу – Кобе. Позже Коба сказал, что Давид всю экспедицию следовал по стопам Георгия и потом то-

же нигде не упускал из вида. Иосиф сообщил, что отправляет Георгия в новую экспедицию в Тибет за тронем Чингисхана в качестве ее главы, а в компанию ему лично подобрал Давида Цхарели в качестве кассира и командира над десятком других боевиков. Денежным обеспечением были сто двадцать тысяч рублей «партийных» денег и сто тридцать тысяч, взятых при налете команды Семена Камо с участием Гурджиева в качестве вооруженного кучера на Кутаисский банк.

Вторая экспедиция за тронем Чингисхана выступила из Тифлиса 1 сентября 1906 года. Она на пароме перебралась из Баку через Каспий и спустя три недели (невероятно быстро!) была в Тибете всего в восьмидесяти километрах от Башни номер V. Именно на этом участке экспедиция почувствовала преследование. Гурджиев выбрал место для засады. Рано утром обнаружилось, что одиннадцать преследователей-европейцев во главе с Артуром Кралайном (Алистером Кроули) явно движутся к той же цели, что и команда «Кобы». В завязавшемся бою Гурджиев выбрал себе соперником именно Артура. Пулями они друг друга не задели (как видно, их кто-то «отводил»), но в конце концов Георгий сбросил Артура в пропасть. Все остальные люди из обеих команд оказались мертвы. Гурджиев один двинулся по тропе верхом на ослике пропавшего проводника и оказался перед скальной стеной, увенчанной выступом вроде башни. У подножия его ждал проводник, знакомый еще по первому посещению

Тибета с Саркисом Погосяном. Они вошли в пещеру и вышли к тем же старцам, что и в прошлый раз, только сейчас все они были не в белых одеждах, а в темно-красных. Удивленный Гурджиев спросил: – «Пятая Башня – и я в Шамбале?» – «Нет, ты в Агарты. Мы Посвященные Черного Воинства. У Белого Воинства в их стране Шамбале свои башни, » – ответил Великий Посвященный, сидевший в кресле. И Гурджиев вспомнил, наконец, где он прежде видел его вне пещеры. Это был примелькавшийся нищий из Александрополя, потом из Карса, и Георгий понял, что из Агарты за ним действительно наблюдали с самого рождения. Еще в одном старце Георгий признал Викентия Павловича Захаревского из кружка Бокия и министерства финансов Витте. О тех, кто подобно Иосифу Джугашвили ждал приношения энергии трона Чингисхана, старец сказал, что они рождаются людьми и одновременно Посвященными Черного Воинства, черными магами высших посвящений, но без основной силы, которую им предстоит получить от трона. Далее произошла церемония с пением старцев, в ходе которой на сцене появился аляповатого вида трон с пирамидкой над изголовьем. В спинку и подлокотники кресла были вделаны темно-фиолетовые крупные кристаллы, каких Гурджиев не видел нигде и никогда. В них переливалась, то вспыхивая, то угасая, искра ярко черного света. Некоторые места для драгоценных камней были на троне пусты. Главный старец ножом ловко выковырял крупный кристалл, переложил его в кيسет,

затянул шнурок и передал Гурджиеву, предупредив, чтобы он не трогал его, поскольку будет испепелен, а душа его превратится в вечного демона тьмы, и чтобы как можно скорей передал кристалл в упаковке в руки Джугашвили. Тогда он будет освобожден от своей участи служения данному призванию. С тем Георгия и выпроводили. Перед этим ему объяснили, что пустые гнезда в троне оставались после выдачи кристаллов очередным претендентам на роль Черного Мессии. Самый крупный камень достался в прошлом Наполеону Бонапарту. Интересно, что маги Черного Воинства из Агарты предпочли использовать Гурджиева «втемную», притворившись прежде Посвященными Белого Братства из Шамбалы. Видимо, знали, что усердие по воле Шамбалы будет проявлено более искреннее, чем по воле Агарты.

Артур Крайлан – Алистер Кроули, сброшенный в пропасть Гурджиевым, не долетел до дна глубокого ущелья горной реки. Он ударился о выступ и был отброшен на ствол корявой сосны и

зацепился ремнем за сук. Спас его снежный человек, йети, который стянул его с сосны потерявшим сознание от боли и вытащил наверх. Вскоре его подобрали двое известных Гурджиеву «привратников Агарты» и очень быстро избавили от боли и ран. Кроули предстал перед Посвященными Черного Воинства и по тому же самому обряду, который они совершили при Гурджиеве, вызвали трон Чингисхана, после чего Алистер получил второй темно-фиолетовый кристалл,

который он через восемнадцать лет должен был вручить другому «назначенному» Агарты – тому, который с «усиками и челкой».

Георгий Гурджиев передал кристалл из трона Чингисхана Иосифу Джугашвили 7 ноября 1906 года в Тифлисе. Кристалл, зажатый в кулаке Иосифа, вызвал серьезные изменения в состоянии получателя, но в течение примерно одной минуты кристалл из ладони исчез. Космическая энергия Черного царства перекочевала в мага Джугашвили. Алистер Кроули вручил полученный им в Агарты кристалл 22 января 1924 года адресату в Баварии, в комфортабельной камере тюремного замка в Ландсберге. Там были Адольф Гитлер и Рудольф Гесс. Первый диктовал, а второй за ним записывал будущий катехизис национал-социалистической рабочей партии Германии – «Майн Кампф».

Сжав кристалл в руке, Гитлер перекачал из него без остатка всю космическую энергию Черного царства в себя. Он с энтузиазмом принялся за свое творчество, не забыв уведомить Алистера Кроули о своем вечном покровительстве ему. В этом смысле он был приличней и благородней Иосифа Джугашвили, который после перекачки энергии из камня выставил Гурджиева из помещения словами: «Пошел вон!.. Убью!..» И Гурджиев понял, что непременно убьет либо сейчас, либо потом. И потому в империи Сталина он никогда не появлялся. Жалел только, что сам в интересах человечества не убил Иосифа, когда мог.

Алистер Кроули через несколько месяцев после первой встречи с Адольфом Гитлером получил экземпляр «Майн Кампф» с дарственной надписью автора: «Дорогой Алистер! Уверен, что моя борьба – это наша с тобой борьба за идеалы национал-социализма. Твой Адольф».

Алистер Кроули получил широкую известность на Западе как модный литератор, поэт, художник и практик черной магии в сочетании с необычной сексуальной распущенностью в своей собственной секте. Был двойным агентом, работавшим как в пользу родной Англии, так и в пользу Гитлеровского рейха. Кончил жизнь, вкатив себе слоновью дозу наркотика, без которого уже давно не мог жить, 1 декабря 1947 года.

Георгий Иванович Гурджиев, известный маг, мистик и оккультист, имеющий, по-видимому, еще большую славу, чем Кроули, умер во Франции, в Париже, в ноябре 1949 года в американском военном госпитале в окружении верных учеников, успев сказать им перед последним вздохом:

– Ну и вляпались же вы!..

Мечта Кроули разорвать Гурджиева на куски не сбылась. Черная магия оказалась бессильной против носителя магических способностей другого цвета и рода.

Я не случайно позволил себе экскурс в сторону Гурджиева при рассмотрении фигур Сталина и Гитлера, а также их отношений, о которых так много рассказано в книге Ольги Грейгъ со слов ее мужа Олега Грейга. Оккультное сход-

ство и родство между Иосифом и Адольфом, вообще говоря, было заметно и по многим другим источникам информации. И все же нигде, кроме как в воспоминаниях Гурджиева, не представлена с такой определенностью общность, даже единство природы этих двух криминальных вождей, вызванных к жизни одним и тем же синклитом Братства Черного Воинства, делегировавшим их обоих для «работы» с массами людей с целью сделать их совершенными, счастливыми, живущими по новому закону и практически по одинаковой схеме идеологии – один вождь, сплоченный народ, беспрекословно повинующийся ему, одна цель видимого плана – благоденствие человечества – и одна тайная, самая главная цель – вечное сохранение собственной власти над максимальным числом стран и народов. Я уже говорил, что различие между социалистом-интернационалистом Сталиным и национал-социалистом Гитлером по существу было лишь декларативным. Во всех главных чертах цели и методы обоих фюреров были одинаковыми. Сам собой по этой причине возникает вопрос: зачем Черным силам планетарного зла понадобились не только одновременно запустить в мир людей сразу двух монстров, да еще и позволить им сцепиться в войне на взаимное уничтожение? Или последняя странность – война – возникла не по воле Черного Братства, а по чьей-то незапланированной в Агартти воле или по прихоти двух мессианских претендентов на мировое господство двух чересчур амбициозных деятелей, каждый

из которых хотел быть главным и единственным по принципу «Боливар не вынесет двоих»? Сцепились ли два зверя из-за того, что им было тесно вдвоем в достаточной близости друг от друга?

В этом не так просто разобраться, как может представиться на первый взгляд – дескать да, это два нетерпимых друг к другу диктатора с претензиями каждого на абсолютное господство. Чего ж тут странного? В истории всегда случалось именно так. Однако не будем спешить с выводами, имея такой богатый материал, с каким познакомили нас супруги Грейгъ и жития Георгия Ивановича Гурджиева.

Начнем, пожалуй, с того, знал ли каждый из диктаторов о том, что и его оппонент, как и он сам, делегирован силами Агарты?

В этой связи вспомним одну деталь из тибетских событий, связанных с участием Георгия Гурджиева. В совете Высших Посвященных Черного Воинства он на второй встрече в одном из его членов узнал знакомого по Петербургу Викентия Павловича Захаревского, входившего в революционный кружок Глеба Бокия и служившего чиновником в Министерстве финансов при Витте. Для меня очевидно, что и Сталин (тогда еще Джугашвили) и Бокий имели полную возможность знать все, что касалось не только Гурджиева, работавшего на Сталина, но и об Алистере Кроули, работавшего на Гитлера. Мог ли Гитлер в свою очередь знать о Сталине и Гурджиеве? Да, мог. Во-первых, потому что он, как и Ста-

лин, был черным магом и располагал оккультными каналами информации. А, во-вторых, он наверняка знал от Алистера Кроули, что тот шел ради реализации предназначения Гитлера по стопам Гурджиева – и только так смог добраться до Агарти. Абсолютна ли моя уверенность в том, что Гитлер знал о Сталине как о таком же по рангу избраннике Черных Сил, как он сам? Нет, не абсолютна, хотя и близка к 100%. Но подтверждение этого факта, на мой взгляд, есть уже в откровениях Олега Грейга. Антарктида влекла к себе и Сталина, и Гитлера как страна мистических явлений и неразгаданных оккультных тайн – собственно, именно на этой основе они заключили свой научно-исследовательский и практический союз для совместного внедрения в глубину Ледяного континента и освоения его тайных богатств. Кстати, этому союзу они сохранили абсолютную верность даже в ходе жесточайшей истребительной войны друг против друга. Из этого следует, что оба «государя» признавали ранг партнера примерно равным своему. Почему только «примерно равным»? Да потому, что и гениям зла свойственны честолюбие и амбиции. Сталин получил свой кристалл из трона Чингисхана первым, причем раньше, чем Гитлер, на восемнадцать лет. Следовательно, он имел все основания считать себя магом с большим стажем и явным обладателем приоритета с точки зрения избранности. Он же, то есть Сталин, по свидетельству шефа Грейга Митрополитова-Пономарева, считал, что именно он расчистил Гитле-

ру путь к власти и сделал его реальным хозяином Германии – не потому ли, что велением из Агарты он был обязан поддержать своего аналога? Пономарев прямо говорил Грейгу о том, что его агент Дитрих-Аренс-Линг уговорил Гитлера перед самым нападением на СССР позвонить Сталину, и Гитлер не без труда, но согласился. Сталин не захотел с ним говорить, но переадресовал разговор на Молотова, а Молотов уже привлек к разговору вместо себя Бориса Николаевича Пономарева. Речь шла о том, через кого лично оба диктатора, находясь в состоянии войны, свободно и без промедлений могут сноситься друг с другом, то есть держать доверительную связь. Гитлеру был назван агент партийной разведки Сталина начальник VI управления главного имперского управления безопасности оберфюрера СС Хайц Йост (с 1924 два года учившийся в Спецотделе Бокция), на место которого Гитлер в 1942 году поставил Вальтера Шелленберга, бригаденфюрера СС, начальника внешней политической разведки рейха, знакомого всем советским телезрителям по фильму «Семнадцать мгновений весны». Была ли подобная откровенность со стороны Советского Союза по раскрытию своего агента в таком звании и должности шоком для Гитлера? Думаю, что была. Это было бы, к примеру, столь же ошарашивающим открытием, как если бы Андропов вдруг узнал, что начальник ПГУ КГБ – внешней политической разведки, будь то Шебаршин или Крючков – агент американской разведки. Гитлер задал Пономареву во-

прос: «Мы с вами знакомы?», на что Пономарев без ложной скромности ответил: «Да, уважаемый Адольф Гитлер, мы знакомы. Без меня вас бы не было.» – и положил трубку. Уважаемый фашистский изверг Адольф Гитлер, по-видимому, не сразу пришел в себя. Но все же гораздо быстрее, чем наш любимый вождь и учитель товарищ Сталин, ибо Гитлер после первых же сокрушительных ударов по советским войскам перешел в стремительное наступление по всему советско-германскому фронту, а Сталин впал в ступор, в оцепенение, на целых две недели прежде чем начал принимать какие-то меры в обстановке стремительно развивающейся военной катастрофы. Чем была вызвана такая глубокая психическая реакция, которая настолько травмировала Сталина, что он не мог не только принимать разумных решений, но даже просто воспринимать неожиданную информацию? Я полагаю, что данная реакция была не только и даже не столько следствием осознания реальности, в корне не соответствующей его планам, расчетам и прогнозам на разгром врага на его же собственной территории, как только он соберет все силы для своего нападения на Германию (как раз этого Гитлер не допустил, осуществив превентивное нападение). На мой взгляд, это было следствием в первую очередь страха перед тем, что Высшие Силы планетарного Зла отвернулись от него и лишили магической силы, оставив подобную силу только у Гитлера. По Сталинским понятиям, это был бы для него абсолютно полный крах. Две недели

он не приходил в себя, пока не получил какого-то подтверждения, что это все-таки не так или не совсем так. От кого могло придти успокаивающее уведомление и по каким каналам – агентурным или оккультным, сказать не берусь. На сей счет сведений у Грейгов не приводится. И все-таки кое-какие косвенные подтверждения тому, что Сталин в конце концов поверил, что и у Гитлера не все развивается так хорошо, как должно было идти по плану «Барбаросса», а, стало быть, вопрос о гегемонии Гитлера на Высшем Мистическом уровне силами планетарного Зла еще в категорической форме не решен. Сталин был прекрасно осведомлен об убежденности лучших гитлеровских стратегов, что в случае провала молниеносной войны и перехода ее в затяжную у Германии шансов на победу НЕТ НИКАКИХ, а гитлеровские войска даже при бездействии Сталина двигались заметно медленнее, чем планировалось, какими бы пугающими по скорости, эффективности и масштабам ни были их действия, направленные на подавление советской военной мощи. Сталин понял – еще не всё потеряно, прорванные фронты еще можно затыкать людьми, а сколько людей будет при этом ухлопано, его совсем не беспокоило – лишь бы удалось провалить блицкриг. В немецких источниках мне также встречались мнения, что поддержка оккультных сил Гитлеру, имевшая место во время захвата Западной Европы, после нападения на Советский Союз внезапно прекратилась. Сталин как маг мог узнать об этом с той же скоростью, что и Гитлер.

Сколько миллионов жизней Сталин с помощью Жукова бездарно бросил в костер войны в течение первых ее месяцев, в точности неизвестно до сих пор, но гитлеровцы подошли в непосредственную близость к Москве только поздней осенью. Как говорят в наши дни, «блицкриг накрылся медным тазом». Только на самом деле не тазом, а многослойными толщами трупов советских людей в местах немецких прорывов и советских контрударов. Война на фронтах приняла затяжной характер, и ее исход все больше определялся тем, у кого раньше истощатся резервы. В Предзеркалье шла почти непрерывная бойня от Баренцева моря до Черного и почти до Каспийского. В Сталинградской битве был положен конец гитлеровской экспансии в сторону Тибета, то есть Шамбалы и Агарты. Это было в начале 1943 года, а уже в его середине после курского сражения немцы покатались назад, к Фатерланду, хотя и не очень быстро. К началу 1944 года стало ясно всем, в том числе и самому Гитлеру, что фашистской Германии приходит конец. Олег и Ольга Грейгъ сообщают, что в конце 1943 года на выездном заседании представителей теневого Мирового правительства в Португалии было решено предъявить Гитлеру ультиматум: либо он уходит с политической арены и получает «вид на жительство», либо он будет уничтожен. Это решение одобрил и приглашенный после закрытия заседания представитель Сталина Пономарев-Митрополитов. Далее Грейги сообщают, что Гитлер, женившийся на Еве Браун еще в 1943 году (а не 30 ап-

реля 1945!), в январе 1944 года отбыл с женой на подводной лодке в Антарктиду, в «Новую Швабию», а через некоторое время переехал с ней в Патагонию, в местность, напоминающую их любимый Бергтехсгаден, и счастливо прожили там, наслаждаясь семейными чувствами, скорей всего, почти до конца XX века, о чем, наконец, начали появляться публикации в средствах массовой информации. Под этим местом находилась огромная тайная подземно-подводная военно-морская база СССР. Отправляя своего помощника Олега Грейга в 1972 году в Антарктический поход во главе отряда из трех атомных подводных лодок, Пономарев напутствовал его предупреждением: «Тебе придется остановиться в Патагонии в той самой гостинице. И не удивляйся, если где-то там встретишь тех людей, которые НЕ числятся среди живых. Только не вздумай в горячности убить того, кто многие годы живет в гостинице... А теперь иди.» Олег Грейг сообщил жене, что не только видел эту пару – Адольфа и Еву Гитлер – но и разговаривал с ними.

Вот тут мы и подошли к психологически самому загадочному и интересному пункту в поведении двух главных мировых монстров XX века, одновременно проявивших себя как на планетарной арене в Предзеркалье, так и в таинственном Зазеркалье. Я уже высказывал основанное на фактах из книги Ольги Грейг убеждение, что оба черных мага, оккультными методами зондировавшие свое будущее, как будущее коллеги и враги, понимали, что их обоих или ко-

го-то одного может постичь крах – и именно на ЭТОЙ основе они сошлись во мнении, что им надо ВМЕСТЕ подготовить себе базу для безопасного житья в тайной и хорошо укрепленной местности. Книга Грейгов просто изобилует фактами, что они никогда не нарушали свой тайный пакт о взаимной гарантии физического спасения и выживания того, кто будет сокрушен в Предзеркалье. Этот договор, вообще-то говоря, был совсем не в духе товарища Сталина, который вовсе не любил оставлять в живых своих врагов и бывших друзей. Однако в отношении Гитлера он проявил поразительную верность данному слову – почему? Ведь ему, абсолютно склонному к вероломству, и здесь как будто ничего не стоило сплясать дикарский канкан на труп Гитлера. Я склонен думать, что прочность этому соглашению придали Силы Черного Воинства из Агарты, предупредившие обоих монстров, что не в их компетенции решать земные судьбы друг друга, и что решение этого вопроса Высшие Посвященные, давшие им обоим мандат на вершение судьбоносных действий в Предзеркалье, оставляют исключительно за собой. Сталину пришлось покориться – шутки шутить с Черным Воинством магов, тем более – действовать им вопреки было бы чистым безумием, а он не был чистым безумцем – он был просто параноиком, психом, но благодаря этому особенно остро сознавал, чего ему надо страшиться в первую очередь. Вот Гитлер, сокрушенный Сталиным и его западными союзниками, прежде всего евреями из теневого МирОВО-

го правительства, «Мировой закулисы», и остался благополучно жить-поживать в прекрасной Патагонской цитадели. Сталин, разумеется, тоже имел возможность спокойно уйти с исторической сцены на заслуженный отдых либо туда же, в Патагонию, либо куда-то еще в Антарктической зоне (мест хватало), но он мертвой хваткой вцепился в земную власть в СССР и не выпускал ее из рук, пока не помер на полу перед своим диваном на даче либо из-за неоказания медицинской помощи, поскольку испытывал непреодолимый страх перед врачами и возможными заговорами с их стороны, либо потому, что был отравлен соратниками из своего политбюро ЦК КПСС.

К счастью, он не успел в полном масштабе совершить то, что давно уже сделал в своем хозяйстве Гитлер, и о чем Сталин только мечтал – депортировать всех советских евреев в концлагеря и там их планомерно уничтожить. Гитлер считал своим патриотическим долгом избавить Германию от еврейского владычества. А Сталин еще с предреволюционных годов, а тем более – после революции мечтал покончить со своей зависимостью от евреев и полуевреев в руководстве партии – таких, как Ленин-Бланк (здесь и далее пользуюсь Грейговскими методами передачи их внутреннего антисемитизма), Лейба Троцкий, Григорий Зиновьев-Радомысльский, Лев Каменев-Розенфельд и подобных им деятелей рангом пониже. Как же долго Сталин обуздывал себя, исподволь прибирая к рукам власть в партаппарате и государстве!

А потому он испытывал особое счастье, когда шаг за шагом, временно объединяясь с другими «вождями» против самого сильного, получал возможность морально растоптать, а потом и физически уничтожить каждого из своих врагов – особенно же тех, кто пренебрежительно относился к нему, считая себя умнее и могущественнее **ТОВАРИЩА СТАЛИНА!** Этого он до конца дней не мог простить ни им, ни евреям вообще. Тогда как Гитлер заразился особой нетерпимостью к евреям еще до того, как занялся политикой. Просто среди тех, кто раз за разом срезал его на приемных экзаменах сначала в Венскую, а потом и Мюнхенскую академию художеств решающее слово имели евреи. Гнев перехлестывал через разум обоих. Как? Когда Высшие Силы вручили именно им обоим ключи к судьбам мира, чтобы ОНИ осчастливили на свой манер этот самый мир, какие-то надутые еврейские самозванцы одного – Сталина – считают серым и туповатым, а другого даже неспособным прилично рисовать и вдобавок называли «бесноватым ефрейтором»! Простить такое было выше их сил – оно требовало возмездия! Шесть миллионов евреев уничтожил Гитлер. Сталин в своих лагерях и застенках вряд ли много меньше, просто их никто отдельно не считал среди десятков миллионов (тоже точно не подсчитанных), уничтоженных Сталинской репрессивной системой вождей, интеллигентов, рабочих, крестьян – короче: врагов партии и государства, поскольку Иосиф Виссарионович Сталин имел большее право, чем французский король Людовик

XIV, заявлять, что «партия и государство – это Я!»»

Мандаты от Агарты в виде драгоценных темно-фиолетовых кристаллов, наделяющих своих обладателей невиданным могуществом, избавили как Иосифа, так и Адольфа от мук морального плана. Если каждому из них представлялось целесообразным перейти от мирного к военному выяснению отношений друг с другом, они охотно шли на это, не страшась миллионов и миллионов людских потерь и невообразимого множества человеческих несчастий. Для них лично это не значило буквально ничего, лишь бы победить и САМИМ выжить. Не испытывали они никакого морального неудобства и по другому поводу – оттого что публично понося друг друга и призывая свои народы к сплочению и жертвенным подвигам во имя победы над гнусным коварным беспощадным врагом, они очень мило договаривались друг с другом о продолжении совместного строительства своих запасных убежищ и крепостей на богатейшем материке Антарктиды, где с помощью обладателей Высшего Разума готовили технику и развивали оккультные возможности для обеспечения грядущего господства над всем человечеством. Из книги откровений Грейгов выпирает еще одна трудно объяснимая странность. Почему, получив из рук инопланетян, основавших свою колонию в Антарктиде, небывалые конструкции и технологии – в первую очередь те, которые можно было применить на войне в Предзеркалье с целью добиться коренного перелома в свою пользу, ни Гитлер

(в первую очередь), ни Сталин не сделали этого? Сверхоружием в виде «летающих тарелок» и лучевых пушек, атомных бомб и межконтинентальных ракет, которыми, как явствует из книги, они бесспорно обладали, на полях решающих сражений второй Мировой войны они так и не воспользовались, хотя руки у обоих, безусловно, чесались.

Двойник Гитлера вместе со своим оставшимся у власти после отъезда собственно Гитлера в Антарктиду фашистским руководством, делавшим вид, что ничего не произошло, не раз грозил применить «чудо-оружие» или «уходя, так хлопнуть дверью», что мало не покажется – и всё в основном зря. Ни атомное, ни тяжелое ракетное оружие, ни супербыстрые и маневренные летательные аппараты, ни лазерные пушки немцы так и не применили (Сталин, правда, тоже). Почему? При их взаимном безразличии к числу своих, а тем более – чужих жертв, на мой взгляд, объяснение может быть только одно: им ЗАПРЕТИЛИ. Другой вопрос – Кто? Полагаю – одно из двух: либо им запретили это прямо из Братства Черного Воинства Агарти, либо запретили, вопреки разрешению Агарти, руководители Братства Белого Воинства Шамбалы, одержавшие победу над силами Черного воинства в этом вопросе. Других объяснений у меня нет. Но в любом случае факт остается фактом – настоящие сверхдостижения Инопланетного Разума до сих пор не пущены в ход для установления чьего-то господства в Предзеркалье. И у нас, и в Америке, и в Европе, и в Китае, и в Японии

мы лишь приближаемся к этим уже реализованным людьми достижениям маленькими шажками, ибо собственно реализаторы-исполнители этих супердостижений до сих пор скрыты от общечеловеческих взоров и средств массовой информации где-то в неведомых недрах Антарктиды. И вот о них-то мы до сих пор не знаем по существу НИЧЕГО, и книга Грейгов в этом плане – всего лишь указующий пальчик: дескать, пойди и попробуй узнать, что ТАМ!

Грейги не упоминают об одной особенности властителей, опирающихся на оккультные силы. Однако из других источников известно, что извергам рода человеческого необходимы кровавые жертвы, чтобы они чувствовали себя хорошо и имели уверенность в своем непроходящем могуществе.

Массовые казни практиковали как Сталин, так и Гитлер, и это тоже вполне определенно свидетельствовало о том, что оба они смотрели на народ как на навоз. Ждать от них адекватный отклик на нужды и беды масс было абсолютно бессмысленно и бесполезно. Все, что им требовалось от народа, это исполнять предписанные вождями функции, а во что это выльется и сколько будет стоить, им в эмоциональном смысле было совершенно безразлично. Правда, можно отметить, что, исходя из соображений разумной экономики, Гитлер жертвовал своими подданными существенно меньше, чем Сталин своими людьми.

И здесь раскрывается еще один немаловажный пласт, содержащийся в не очень явном виде в книге Грейгов. Это

когорта руководителей личной сталинской партийной разведки: Владимир Забрежнев, Глеб Бокий, Алексей Грейг (он же Дитрих-Аренс-Линг и Бог весть кто еще). Борис Пономарев, Александр Голованов, Ефим Бессмертных и сам Олег Грейгъ. Не все они до одного работали над обеспечением полной осведомленности о состоянии реальных дел как в Предзеркалье, так и в Зазеркалье, следили за своими штатными государственными разведывательными и карательными органами во избежание их чрезмерного усиления и превращения в угрозу для вождя, осуществляли руководство в проведении важнейших тайных исследований и технических разработок для снабжения Хозяина небывалым оружием и невиданными средствами психических воздействий на людей и управления их поведением.

Кем надо быть, чтобы успешно заниматься всеми такими делами? С уверенностью можно сказать – кем угодно: циниками, исследователями, любопытствующими без всяких моральных ограничений, глубокими аналитиками, ищущими острых ощущений, но только не гуманистами. Это были прежде всего исполнительные, хотя и инициативные прагматики, абсолютно верные хозяину – Сталину. Кстати, Сталин сам сделал так, чтобы исключительно привилегированное положение функционеров партийной разведки, демонстративно подчеркивающих неподчинение никому, кроме Сталина, заставляло этих современных опричников быть верными только ему одному, ибо обычно опричников никто в об-

ществе не оставляет в живых, когда умирает хозяин.

Из сталинских деятелей этому специфическому типу опричников времен Ивана Грозного, видимо, больше всех соответствовал Александр Евгеньевич Голованов, ставший впоследствии главным маршалом авиации. Он был универсален – и как суперагент, и как личный пилот вождя, и как человек, умеющий лично физически вычищать «контру» по указанию любимого товарища Сталина. Он ни в коем случае не мог считаться просто исполнителем, поскольку был умен, инициативен и смел. Ему были под силу любые, даже самые сложные поручения, которые он мог выполнить один от начала до конца. В конце концов именно Голованову Сталин доверил командование Антарктической авиацией, состоявшей из самолетов-истребителей американского производства «Кингкобра» П-63 и советских дальних бомбардировщиков Пе-8. Надо полагать, что при всех своих личных доблестях он был еще и хорошим организатором. Единственное, что ему вряд ли было присуще в полной мере – это качество дальновидности стратега.

Впрочем, при Сталине это от него и не требовалось. Тем более что этим сполна занимался в тайной разведке вождя товарищ Борис Николаевич Пономарев. Судя по сообщениям Олега Грейга, этот человек был по существу и главой советского аналога «Аненербе», включавшего тридцать секретных закрытых институтов (это не значит, что их было меньше, чем в составе собственно гитлеровского «Аненэр-

бе», где институтов было пятьдесят – Пономарев мог привлекать к решению своих задач еще кого угодно). Он обладал энциклопедическими знаниями и огромной памятью, владел по крайней мере несколькими иностранными языками. С Гитлером и Гарриманом он свободно общался на немецком и английском, а поскольку проходил учебу в буддийских храмах на Востоке, то знал, по-видимому, еще и тибетский язык, и санскрит. Он возвращал из людей своей агентуры настоящих действующих политиков в иностранных государствах, вел тайную (по преимуществу) и явную работу министерства иностранных дел – и постоянно следил за корреляцией связей и событий в Предзеркалье и Зазеркалье, что было совсем нелегко. Так что из всех лиц, входивших в состав высшего политического руководства страны и одновременно в состав действительных членов Академии Наук СССР он был, наверно, единственным, кто в полной мере отвечал понятию «академик» как по развитости своего интеллекта, так и по способности к организации научных работ в подведомственных ему институтах. Борис Николаевич Пономарев имел основания свысока смотреть на всех, кто состоял в центральном партаппарате, а они его боялись все, независимо от своего ранга. Он в ЦК чувствовал себя самым независимым человеком, хотя продолжал зависеть от Сталина, но с некоторым отличием от других, потому что Сталин явно зависел от него, но при всей своей нелюбви к зависимости от кого бы то ни было, не ликвидировал своего необходимей-

шего помощника – возможно, еще и потому, что тот тоже являлся могущественным магом. И при всем этом он еще был главой агентурной разведки, где не было места эмоциям и переживаниям по поводу судьбы своих провалившихся людей. Наверно, когда мог, Пономарев выручал их, но это не было важнейшим для него делом. Главное было вести свой корабль наивыгоднейшим для товарища Сталина и его страны курсом и в Предзеркалье, и особенно в Зазеркалье, плотью от плоти которого Пономарев уже давно себя представлял, глядя с легким презрением и большим чувством превосходства на тех, кто барахтался всеми мыслями и существом исключительно в болоте Предзеркалья. Впрочем, о спасении Гитлера и самых приближенных к фюреру лиц, являвшихся агентами партийной разведки, Пономарев заботился в первую очередь – возможно, не столько как о преданно служивших ему комбатантах, сколько из соображений конспирации – чтобы они не попали в чужие руки, где не дай Бог, рано или поздно разговорятся. В числе спасенных лично Пономаревым, либо с его ведома или благодаря его заботе помимо Гитлера и Евы Браун были Генрих Гиммлер, рейсхфюрер СС, группенфюрер СС Генрих Мюллер, начальник IV управления РСХА – Гестапо, Хайнц Йост, Мартин Борман, Рудольф Гесс – да-да, тот самый Рудольф Гесс, осужденный в Нюрнберге на пожизненное заключение, но подмененный в тюрьме Шпандау на двойника – скорей всего – во время дежурства советского коменданта и караула. Ведь

именно Рудольф Гесс был фюрером колонии «Новая Швабия» в Антарктиде в 1947 г., когда адмиралу Ричарду Бэрду и его эскадре там устроили «теплый прием». А посетивший тогда же Антарктиду партайгеноссе Мартин Борман позаботился о том, чтобы через специальное агентство «Глория» из разных стран завербовали порядка двадцати-тридцати тысяч женщин, чтобы истомившиеся обитатели антарктического подледья смогли обрести в их объятиях покой и семейное счастье – это тоже известно от Олега Грейга. А судьбой связного между Сталиным и Гитлером Хайнца Йоста во время войны (лишь для вида разжалованного фюрером из оберфюрера в рядового СС) Пономарев явно занимался с особым старанием. В последние дни войны Йост был принят Сталиным и получил задание оказаться в плену у американцев ради сохранения важных кадров Третьего рейха. Американцы предали его суду военного трибунала, приговорили к смертной казни и сообщили, что казнили, хотя на самом деле заменили казнь пожизненным заключением, но официально освободили уже в 1951 году. Видимо, по ходатайству Пономарева перед Гарриманом американские власти приказали доставить его в Америку. Затем Йост занялся организацией переправки высокопоставленных чинов, ученых, военных и специалистов спецслужб рейха в Южную Америку. У него была уже другая внешность и другое имя. Он занимался этим «благородным делом» до самой смерти. К этой работе был привлечен и агент Сталина-Пономарева Дитрих-Аренс-

Линг. Под его руководством были созданы конспиративные базы для эвакуации полезных гитлеровцев не только в Латинской Америке и Испании (куда укрылся настоящий Генрих Гиммлер), но и в Южно-Африканской республике, в Экваториальной Африке и Океании, не говоря уже об Антарктиде. Одних бывших членов СС было вывезено 20 000 человек, из них 5 000 в Антарктиду.

Спрашивается, чего ради было так стараться сохранять после войны «национал-социалистический» и большевистский «интернационал»? Те, кто во время пребывания в Антарктиде подверглись облагораживающему и просветляющему мозги воздействию со стороны инопланетян распри между национал-социализмом и советским большевизмом представлялись уже пустым делом, которому незачем было посвящать свою жизнь перед лицом невероятных открывшихся перед ними возможностей – так объяснил Грейгу сам Пономарев. Это были уже другие люди – бывшие русские и бывшие немцы, в головах которых поселилась уже совсем другая ментальность. Те же, кому не нашлось места в Антарктиде, стали жителями других стран, где колонии бывших немцев сделались оплотами сохранения немецкого влияния на местную жизнь и полезными резервами для агентуры, в том числе и советской.

И никого, а прежде всего товарищей Сталина и Пономарева, не заботил вопрос об ответственности спасаемых ими лиц за совершенные преступления против челове-

ства, в чем все советские средства пропаганды так страстно обвиняли фашизм, признавая его главным виновником гибели порядка 50-60 миллионов человек. Выходит, они их и виновными не считали. И по всему получается, что это именно так.

Стоит припомнить, с чего началось восхождение Сталина и Гитлера к высшей власти, о чем уже было сказано: правильно – с Агарты, с решения Высших Посвященных Братства Черного Воинства наделить обоих, родившихся магами высшего порядка, но еще не получивших должной силы от кристаллов из трона Чингисхана, переносящих космическую мощь Зла их, так сказать, законно predetermined владельцам. У меня нет ни малейших оснований не верить Георгию Ивановичу Гурджиеву – ложь людям его уровня и калибра совершенно чужда – прежде всего потому, что она им ни для чего не требуется. Они находятся в полной силе безо всяких обманов и надувательств. Гурджиев показал, что природа могущества Сталина и Гитлера просто идентична. Их предназначение в мире людей, которое определили Высшие Посвященные из Агарты, было тоже по сути одинаковым – осчастливить людей, погрязших в порочной жизни современной цивилизации, сделать их жизнь достойной, дать им благосостояние – и все в соответствии с новым законом, который они принесут своим и чужим народам – а именно с законом СОЦИАЛИЗМА. Не беда, что социализм в сталинском и гитлеровском исполнении несколь-

ко разнился: в одном провозглашался интернационализм, в другом национализм в интересах избранной расы. Все равно, как Гитлер внушал немцам, что они лучшая и избранная нация из всех людей на земле, так и Сталин внушал такую же мысль своим советским, по преимуществу русским людям, которых он за абсолютное повиновение себе назвал нежным и ласковым термином «сталинские винтики» в машине его планетарного зла, что именно они лучше всяких других людей. Эта мысль настолько пришлась по вкусу другому исчадию Ада в жизни человечества – «дорогому товарищу председателю Мао-Цзедуну», что он взял штамп насчет «винтиков» для его внедрения в сознание своих подданных-китайцев, предписав им: «Учиться у товарища Лэн-фея!» – который ощущал себя именно «винтиком» любимого вождя.

А кроме разницы в распространяемой демагогии, никакой другой между позициями Сталина, Гитлера (а потом и Мао) не существовало. И вся она предопределялась одной и той же мыслью, одним и тем же стремлением каждого из них: быть первым и главным среди властителей мира Предзеркалья. А на главенство в Зазеркалье они, разумеется, не стали претендовать, хотя, возможно, были бы не прочь, только уж больно хорошо понимали свое зависимое от Агартти положение по ТУ сторону бытия, синхронного с нашим привычным.

Так каков был товарищ Борис Николаевич Пономарев, секретарь ЦК КПСС до самого конца существования этой

партии? Только ли он крупнейший ответственный партийный функционер, бессменно остающийся на своем посту хозяина и главы тайной разведки генерального секретаря партии при семи лицах, занимавших этот высший пост – Сталина, Маленкова. Хрущева, Брежнева, Андропова, Черненко и Горбачева – до того, как он остался ОДИН из всех работников аппарата ЦК на своем рабочем месте в ожидании возможного погрома со стороны революционных масс, только что одержавших победу над коммунистической кликой ГКЧП, не проявляя при этом ни страха, ни смятения? Нет, скорее всего он чувствовал себя Сверхчеловеком как перед теми, кому по старой памяти или по призванию обязан был служить, так и перед теми, у кого глаза сейчас горели страстной надеждой на то, что теперь, с концом монопольной власти «родной коммунистической партии» начнется новая – счастливая и достойная жизнь с перспективой безграничного духовного развития и повышения благосостояния. Он-то знал, что мечты такого рода – всего лишь милый и привлекательный идиотизм, химера, даже если верящие в это не дураки по причине патологии. Да, органически они не дураки, и, попади они на место обитателей Антарктиды, прикоснувшихся уже к Мировому разуму, и они бы стали не хуже. Только кто же их туда пошлет? Без Бориса Николаевича Пономарева такие дела не делались – и делаться не будут. На кой ему стараться идти им навстречу в их мечтаниях и надеждах? Мир устроен СОВЕРШЕННО ИНАЧЕ, чем они

О том думали во все времена и по сию пору, и приходиться к осознанию того, что на самом деле ИСТИННО, можно лишь пройдя путь самосовершенствования, такой же, который довелось пройти ему не иначе, как по Воле Высших Сил, и благодаря тому, что он не жалел себя, стремясь выполнить свое Высокое Призвание. Жалел ли он ликующих и возрадовавшихся якобы «восставших» соотечественников? Очень сомневаюсь. В лучшем случае это была капля жалости к ним, растворенной в презрении. Он, посвященный адепт Высших Сил, видел их будущее, и оно было для него столь же отвратительно, как то, которое главные социалисты-интернационалисты и национал-социалисты уготовили своим последователям. Раньше ему было интересно продираться сквозь болота и дебри к некоей возвышенной цели, и он ОЧЕНЬ многого добился ради того, чтобы кое-кто – небольшая доля людей, избранных из бесчисленных масс – преодолела порог жизни в гнусности, скудости, алчности, вредности, дикости и сначала открыла для себя действительно по-настоящему достойную жизнь без страха перед рабовладельцем-хозяином и даже перед Смертью и после старательно пройденной стажировки перешла в иное бытие. А теперь он желал этого уже только для себя, а не для других немногих. Впрочем, у него уже все было готово. Ведь свою стажировку он уже давно успешно прошел. И мог переместиться в Антарктиду без помощи старого соратника – главного маршала авиации Александра Евгеньевича Голованова, который в начале

1942 года впервые доставил его туда на своем Пе-8. Голованов тогда еще и маршалом не был. Да и вообще он оставил этот свет давно – в 1975 году... Голованов обращался с большинством управляемых им людей как с плодородным словом, чтобы не употребить такое презрительное слово как «навоз», а потому и стал всего лишь маршалом, хоть и главным. Тогда как Борис Николаевич Пономарев сделался не только и не столько секретарем ЦК, сколько человеком, ВСЕГДА пребывающим ВЫШЕ ЭТОГО, то есть выше всей этой возни, которую лишь по недоразумению называют ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ жизнью – при всей ее мерзости, зверстве и несовершенстве. Ему восемьдесят шесть лет и он видит такие миры за цветными горизонтами, какие не открываются отсюда, из Предзеркалья, почти никому. Вот туда он и уйдет, когда в согласии с высшими Силами этого пожелает...

Олег Грейг, явно любимый референт и помощник Пономарева и более того – конфиденгент шефа, которого прямо-таки распирало от избытка тайн в его голове, оправдывал доверие и в меру способностей помогал Пономареву делать его сложные и суперсложные дела. Однако масштабом своей личности и знаний он несомненно уступал Пономареву, о чем, в общем-то, и не умолчал. Но, оставшись один после краха коммунистической монополярной системы, Олег Грейг без своего покровителя какое-то время вынужден был пребывать в бегах. Потом опасность лично для него миновала. И теперь он остался, как и Пономарев, в положении че-

ловека, которого распирает от исключительно ценной и тайной информации. Он прекрасно сознавал, что документов, в которых фиксировалась бы деятельность тайной партийной разведки, никогда не было, а потому они и не будут найдены никогда. И он ощутил себя последним живым носителем громадного пласта сведений, имеющих колоссальное значение для людей, стремящихся осмыслить, да и просто узнать, как делаются дела на уровне тех, кто правил и продолжает править ими, как именно правил и чего хотел достичь, что из обещанного пытался сделать для народа, а чего и вовсе не собрался, какие бы клятвенные заверения по данному поводу ни выдавал.

Для того, чтобы перестать быть быдлом по воле правителей, людям полезно знать, как именно их низводят до положения быдла, как водят за нос, к чему направляют и что при этом извлекают для себя. Книга Ольги Грейгъ, основанная на откровениях ее засекреченного мужа, в первую очередь тем и ценна, что она приоткрыла дверь в ту политическую кухню, где с немислимым для простых обывателей цинизмом беспринципно и гнусно, но очень нагло и умело обдывались мерзкие дела, касающиеся именно их – обывателей. Эта книга содержит и множество знаменательных сообщений, подтверждающих Истину, что нет худа без добра. Добро из деятельности тайной разведки партии и советского «Аненэрбе» (как и из немецкого оригинала) действительно проистекало. И Грейги неплохо показали, для кого дела-

лось это добро, кому оно досталось. Нет, не нам, не советским людям, которых эти получатели добра обещали привести к благоденствию и счастью. На самом же деле нас просто обязывали делать нечто в их пользу только для того, чтобы они владели всем добываемым добром, делиться которым они ни с кем не собирались.

Да, эту книгу стоило бы прочесть всем гражданам нашей страны и не одной только нашей, но особенно тем, кто до сих пор идеализирует наше советское сталинское прошлое, наш путь под руководством великого вождя и его «лучшего полководца Жукова» к всемирно исторической победе над «фашистским чудовищем» – то есть Гитлером, его «новым порядком», его методами подавления свободы и оболванивания масс. Мы привыкли оплевывать своего врага, думая, что он повержен и превращен в прах. Но оказалось, что «уважаемый Адольф Гитлер» (как назвал его Пономарев в телефонном разговоре накануне немецкого вторжения, о котором безусловно знал) был бережно сохранен теми же Сталиным и Пономаревым, как и множество других поделщиков Гитлера, потому что Сталин и Пономарев по существу оказались точно такими же поделщиками и создателями гитлеризма, как и гитлеровские эсесовцы и штурмовики, действительно виновные в преступлениях против человечества. В этом смысле Пономарев был точно таким же служителем Черного Братства, как и его хозяин. Равнодушный цинизм, безразличие к состоянию своего народа, от которого пра-

вители потребовали столько жертв, что их страшатся подсчитать и опубликовать в полном объеме все как один властители СССР и России – вот что получили за свои усилия, страдания и потери «сталинские винтики». А еще репрессии, кровавые репрессии, поддерживающие энергию мага, посланца Агарти, которому одной энергии, которую влил в него волшебный кристалл из трона Чингисхана, оказалось мало. Вот он и лил их кровь себе под ноги и лил.

А тем, кто сомневается в истинности Грейговских сообщений о давних полетах советских космоплателей в космос, о созданном задолго до войны под руководством Владимира Ивановича Вернадского атомного оружия, советую поразмыслить о причинах одного странного, но исторически и документально зафиксированного факта. На Потсдамской Конференции победителей во Второй Мировой войне Сталин, к откровенному изумлению Трумена и Эттли предложил подумать о разделе поверхности Луны между странами-союзницами. Понятно, что на подобное предложение президент США и премьер-министр Великобритании ничего вразумительного ответить не могли. А Сталин в данном случае не блефовал, хотя наверняка знал, что ответа по существу не получит. Это США получили ответ на свое недоумение по данному поводу в начале 1947 г. из уст адмирала Бэрда, который точно удостоверился, что никакого блефа не было. Из Зазеркалья уже летали не только на Луну. И не является ли еще одним доказательством правди-

вности Олега Грейга насчет тайного похода трех подводных АПЛ в Патагонию и Антарктиду в 1972 году, обнародованный у нас факт похода трех подводных лодок «вокруг света» в подводном положении, за который адмирал Эдуард Балтин получил звание Героя Советского Союза? Почему я только отчасти верю в этот поход? Мне кажется, что ради сохранения тайны этим лодкам было приказано во время выполнения особого задания не выходить на поверхность, дабы не засветиться. Выполнение задания требовало много времени, в которое им надлежало его выполнить в Патагонии и Антарктиде. Поэтому проще было объяснить длительность их плавания походом вокруг света, хотя на самом деле это был отряд Грейга, совершивший поход в Патагонию и обратно. Но о том, что привез Олег Грегъ из этого похода своему шефу товарищу Пономареву кроме приветов от уважаемого им Адольфа Гитлера и Евы Браун, нам по-прежнему не известно ничего.

Остается признать, что о великих делах партийной разведки Сталина-Пономарева мы знаем самую-самую малость. Нас, рядовых граждан России, как и прежде в СССР, тщательно оберегают от того, чтобы сведения о ее деятельности не пробудили бы в наших головах желания пересмотреть свое привычное кредо в отношении властей. Во-первых, мы тогда убедились бы, что на нашей планете существуют властители, которым подчиняются даже наши земные высшие официальные власти. Во-вторых, мы бы осозна-

ли, что наш прогресс (да и регресс тоже) давно уже регулируются поводком, находящимся в неведомых для нас руках. Наконец, в-третьих, мы бы поняли тогда, что и представления не имеем насчет того, к чему нас хотят устремить Высшие Силы, в чьих руках поводок, потому что никакой информации об этом до нас не доводят. Наши городские собаки – члены наших семей, которых мы водим гулять на сворке, и то знают о наших желаниях больше, чем мы о намерениях Высших Правящих Сил, которые, хочешь не хочешь, а существуют, и они намерены получить с нашим участием некий итоговый результат. Каков он в их представлении, стоило бы знать всем живущим на Земле, но мы этого так и не знаем. И потому слишком часто не ведаем, что творим и что происходит вокруг нас на самом деле. Нас всегда призывают работать ради пользы государства и общества – и притом указывают, как это делать и что при этом воображать. Мы никогда не бываем свободны от официальной демагогии и пропаганды. Более того – мы никогда не бываем свободны в мыслях сами по себе, находясь в тисках жизненных ситуаций – именно так складывается наша жизнь, и мы даже забываем о том, что ОНА нас постоянно «складывает». В сложенном виде мы обычно удобны властителям, в то время, как распрямленные, несдавленные, мы представляли бы собой проблему для них (хотя так почти никогда не случается). А что им прикажете с нами делать, если мы, узнав, например, что родной вождь и учитель товарищ Ста-

лин не только до гроба сохранял верность своему тайному другу партайгеноссе Адольфу Гитлеру, но и в прямом смысле лично утвердил его на политической арене, а потом, во время страшнейшей войны с его гитлеровским государством, которая обошлась нам в десятки миллионов человеческих жизней, оказывается, дружески сотрудничал с Гитлером в потаенных местах Земли, а в критический момент для судьбы Третьего Рейха спас Гитлера с женой, а также десятки тысяч его приближенных и верноподданных? Гордиться своей величайшей победой над фашизмом? Или признать победу абсурда над здравым смыслом, издевательского лицемерия над нашей искренней верой в свою правоту и историческую важность разгрома фашизма, потребовавшего от нас нескончаемых жертв? В какое положение был бы поставлен наш народ в своих собственных глазах, если бы он уяснил для себя правду? Если бы мир нуждался в получении бесспорного доказательства гнусности реальной политической практики, то лучшего примера, чем этот, не требовалось бы. Цинизм, доведенный до абсолюта благодаря обстановке господства тайновласти, будь то в Германии, в СССР или в Соединенных Штатах Америки, напрочь разуверил бы народы не то что в честности, порядочности, но даже в наличии благих намерений у их руководителей и вождей, которым они были вынуждены подчиняться в тисках диктатуры или которых сами избрали «демократическим образом». Сколько времени после этого понадобилось бы для обрете-

ния нового кредо, новой веры и попытки избавиться от подобного оборота событий против себя, против своих интересов с помощью каких-то новых общественных институтов, если такие вообще могут быть найдены? Годы, десятилетия, века? Или это все равно окажется «дурная бесконечность»?

Глава 6

Человеческую жизнь настолько часто сравнивают с потоком реки, что к этому образу вроде и не стоило бы возвращаться. Однако вряд он может исчезнуть из чьей-либо головы, а уж моей-то и подавно. Для меня река не просто мысленная картина, в которой жизненные перипетии представляются поворотами и всевозможными препятствиями в русле. Я слишком много раз отдавался прохождению рек на самом деле, чтобы они не стали для меня одновременно и реальностью, взыскующей от меня едва ли не все, на что я способен, и отвлеченным символом, в котором воплотилось желание осуществиться в схватках с Неведомым, заранее почти не представимым, чтобы иметь право на какое-то самоуважение, а в дальнейшем, как оказалось, даже на удивление самому себе – надо же, оказывается ты смог сделать нечто отличающее тебя от большинства других людей, хотя прямо к этому ты отнюдь не стремился.

Люди, выходящие на арену дикой природы, где им уготованы знакомства с неукротимыми силами разных стихий, всегда завладевали моим вниманием, особенно тогда, когда они выбирали для себя примерно те же пути, которые интересовали и меня, но совершали (или стремились совершить) нечто более важное, сложное, серьезное и опасное, чем мог позволить себе со своим опытом и оснащением я. Многие

из тех, кто бросается навстречу стихиям с целью достичь небывалого, до сих пор невозможного, лишены хоть какого-то тщеславия и желания доказать, что они действительно перешагнули за грань устоявшихся представлений о благоразумии, но несмотря на это, остались живы и ПОКАЗАЛИ, как можно выполнить невероятное; другие снимают фильмы, а потом демонстрируют всему миру в качестве доказательства своего свершения. То, что им удалось, все чаще называют (и даже объясняют) дурацким словом «адреналин». Да, без него не обходится, как и без страха, который необходимо преодолеть, но разве все сводится к одному обжигающему чувству, сопровождающему выброс адреналина в кровеносную сеть? Тут так много всего предшествующего: мечта, желание ее осуществить, решимость как следствие силы воли, заставляющей сделать шаг, после которого возвращение и отказ от собственного вызова уже не возможны, а главное – мобилизация всех имеющихся знаний, положенных в основу собственного расчета, позволяющего усматривать шансы на победу там, где другие их не видят. Уже давно в ходу поговорка: «Инструкции по полетам написаны кровью летчиков». Это истинная правда, но кровью пишутся правила хорошей практики и на любом другом рискованном поприще, будь то морские походы, сплав по бурной воде, путешествия под землей или прохождение каньонов всеми способами, известными у альпинистов, спортсменов-водников и бейс-джамперов.

Я с захватывающим интересом смотрю фильмы, героями которых являются вовсе не актеры, а собственно исполнители невероятного, в которых сюжет снят по ИХ сценарию под ИХ режиссурой. Да, иногда – не очень редко – там стремятся сгустить страсти, как-то особенно выпятить доблести героев, дабы заставить зрителей с содроганием понять, какой вызов они собрались бросить в лицо здравому смыслу по своей воле, по собственному желанию, когда явно видно, что пограничный слой между жизнью и смертью составляет «всего ничего».

Иногда именно такое «всего ничего» комкает фильм – для этого достаточно гибели кого-то из бросавших вызов. Такие фильмы возвращают к тому, что надо представлять себе с самого начала: от победы до трагедии дистанция пустякового размера. Кажется – зачем такое показывать, если так бездарно (скорей всего бездарно) погублена жизнь в погоне за химерой, ласкающей честолюбие, особенно не оправдавшееся в течение нескольких секунд или мгновений? Но нет – не бездарно. Готов свидетельствовать перед всеми, что это не так. Кто-то погиб ради того, чтобы другие вели себя поумнее – именно вели себя поумнее в тех же условиях, в схватке с той же стихией, а не отказались бы напрочь от своих «безумств».

Фильм о сплаве по Тибетской главной реке Цангпо (в пределах Индии она зовется Брахмапутрой) снимала американская команда. В ее составе находились очень

опытные каякеры, которые именно здесь столкнулись с препятствиями, превосходившими знакомые по прежним прохождениям. Коричневая мутная от взвешенных частиц вода. Нашпигованное крупными камнями русло. Большие перепады уровней. Сплошная сложная шивера из множества водопадных порогов при высокой общей скорости течения. Пластмассовые каяки с легким грузом имели вес двадцать килограммов. Этого груза было совершенно недостаточно для прохождения долгого маршрута, поскольку люди не решались пользоваться речной водой, и даже питьевую воду везли с собой в бутылках. Продуктов при таких весовых ограничениях тоже много не возьмешь, а о комфортном bivачном снаряжении и вовсе не может быть речи. И потому они совершали сплав в сопровождении береговой команды, двигавшейся где на автомобилях, а где и караваном, когда груз перекочевывал на плечи носильщиков. Хорошо ли это? И даже спортивно ли? Да, спортивно, и даже очень спортивно, поскольку сплавщики могли полностью сосредоточиться на техническом преодолении препятствий, не отягощая своих маленьких лодок – всего четырех метров длины и порядка семидесяти сантиметров ширины в миделе, чтобы не ухудшать маневренности судна, и не зарывать его глубоко в воду при прыжках на перепадах вниз, а, главное, не лишать себя возможности после опрокидывания (оверкиль) встать на «ровный киль» благодаря приему «эскимосский переворот». Чтобы он был возможен, тело каякера должно плот-

но прилегать к сидению и каркасу на всей длине ног, а фартук, герметично прикрывающий коммингс (ограждение люка) кокпита, где сидит человек, должен быть обтянут как вокруг талии гребца, так и вокруг коммингса. Первый обязательностью гребца перед началом прохождения очередного участка воды, является именно соединение надетого на тело фартука с коммингсом. Это совсем не простая задача. Каякер на своем судне один. Няньки, которая удерживала бы судно на месте, куда сплавщик не закончит герметизацию и не возьмется за весло, нет. На бурной реке таких мест, где можно было бы успеть без посторонней помощи разместиться и «упаковаться» в каяке, как надо, почти не бывает. Поэтому нормой является старт с сухого места на берегу, откуда каякер, оттолкнувшись от скальной полки или от более или менее плоского камня веслом, прыгает в воду с некоторой высоты, иногда и не очень шуточной. Ошибки при нырянии судна носом в воду возможны, но легко исправимы, если спортсмен имеет достаточно высокую технику управления каяком из любого положения, но все при том неизменном условии, что он успеет до этого обтянуть фартук вокруг коммингса. А один из американских каякеров не успел. Он собрался стартовать с наклонной в сторону воды поверхности камня, но не успел обтянуть фартук до того, как каяк самопроизвольно скользнул с камня вниз. Вода мгновенно залила весь внутренний объем судна, оно опрокинулось, человек выпал в воду и вскоре течение унесло его за пре-

дела видимости телеоператора. Его так нигде и не нашли. Экспедиция прекратила сплав и вернулась на родину без одного из своих корифеев и наверняка в раздумьях насчет того, какими мерами в будущем можно предотвращать самопроизвольный старт в аналогичных условиях. Был ли найден практический приемлемый ответ на этот вопрос обеспечения эксплуатационной безопасности при экстремальном сплаве – не знаю. Но вообще по многим признакам чувствовалось, что сплавщиков данный маршрут подвел к верхнему пределу их возможностей. Непрерывность сложных участков реки приводила к нервному переутомлению. В некоторых местах по зрелому размышлению они были вынуждены тащить за собой каяки полуволоком по камням или тропе. Вспомогатели не везде за ними поспевали по берегу, а собой у них был фактически только неприкосновенный запас.

Другой случай при экстремальном сплаве был еще трагичней. Команда из шести российских сплавщиков на катамаранах с надувными поплавками и жесткими мостиками из дюралевых труб (на одном – четыре человека, на другом – два) даже фильма о пройденной части маршрута привезти не смогла, даже если снимала. Она выбрала маршрут по еще не проходившейся спортивными сплавщиками реке Юрункаш в Китайском Туркестане, текущей под стеной одной из высочайших горных цепей мира Кунь-Лунь в глубоком крутостенном каньоне. К началу сплава их доставили на вертолете, а дальше все зависело от них одних – ника-

ких вспомогателей на данном маршруте не было, да и быть не могло. Поэтому все снабжение и снаряжение было у них с собой. Сплавщики в спортивном отношении были очень опытными, однако река Юрункаш быстро заставила их признать, что уровень их подготовленности все же не соответствует препятствиям невиданной доселе сложности. Прежде всего мощь препятствий определялась тем, что крутое падение реки комбинировалось с большим расходом воды. Чем глубже вода в буйствующей реке, тем вероятней столкновения с вихревыми течениями такой силы и скорости, что людям с помощью весел не удастся их перегрести или даже просто выскочить из них в более спокойную воду, причем наибольшую угрозу представляли для них так называемые «бочки». Это совсем не те «бочки», которые крутят летчики на самолетах. А образуются они там, где вода срывается вниз с какого-то уступа, разгоняясь до большой скорости в режиме свободного падения и ударяясь в более спокойную воду нижнего бьефа, которая ее тормозит. Вся вода из верхних слоев падающей реки при таком торможении резко отбрасывается вверх и назад, образуя водяную стену с нависающим навстречу новой водопадной воде пенным гребнем. Из-за постоянного подсоса воздуха под пласт тормозящего слоя воды водяная стена стоячей волны (она зовется «стоячей»), поскольку стоит на месте под водопадным сливом постоянно, лишь чуть-чуть дергаясь и перемещаясь взад-вперед – как собственный пульс реки) имеет белый цвет, а по-

тому так для краткости и зовется – «белая стена». Только самые глубинные слои падающей с гребня реки почти без торможения проскакивают вперед над дном русла под стоячей волной. А те слои, в которых по верху водной поверхности движется судно, валятся назад, под водопад, образуя водоворот с горизонтальной осью вращения, способный поднимать вместе с водой и отбрасывать назад любое судно, если у людей или механической установки на хватает мощности для того, чтобы столкнуть судно с гребня белой стены ниже от водопада по течению. Если побеждает поток, судно летит с белой стены назад и опрокидывается через нос или борт или сикось-накось (как получится). Люди, сидящие в данном случае поверх поплавок катамарана, обычно сыпятся в воду и либо попадают во власть «бочки», работающей как безостановочная стиральная машина, где в конце концов наглатываются воды и захлебываются или замерзают, либо если везет, как-то отплывают в сторону от слива и прибываются к берегу. Совет поднырнуть как можно ниже в слои воды, идущие без остановки под «бочкой», не всегда выполним, поскольку на людях – объемистый спасжилет, да и блуждающие струи столь сильны и непредсказуемы, что неизвестно, куда они приведут и где вынырнут на поверхность. Словом, бочки Юрункаша быстро показали, на что они способны, и далеко не всегда они быстро отдавали людей и катамараны из своих неодолимых объятий. Ситуация становилась все более напряженной. Река со все большей уверенностью по-

казывала команде, что на данных судах сплавщики ее не одолеют. Руководитель команды признал это вслух, сказав спутникам: «Надо отсюда уходить». Возражений не последовало. Все были согласны, что предел благополучному сплаву достигнут. Правда, слова «Надо отсюда уходить» отнюдь не вносили ясности в то, каким образом отсюда выбираться. Связь с внешним миром не работала, а выйти из каньона на его верхнюю бровку, на хребет, без альпинистского снаряжения, которого у них с собой не было, представлялось нелегким, а то и невозможным в данном месте делом. Вероятно, именно потому руководитель решил пройти по воде на катамаранах еще сколько-то вперед. И это решило судьбу большого катамарана и двух сплавщиков – руководителя похода и его взрослого сына. Двое других спаслись. Два тела прикрыли разломанным катамараном. Остальные двинулись дальше на двухместном судне. Теперь против них были не только вода Юрункаша и стены каньона, с которых было легче сорваться, чем их одолеть, но и психическая травма. «Адреналин» кончился, осталось голое выживание вместе с малым судном. Но и оно скоро попало в оборот, из которого экипаж уже не вырвался без потерь. Двое, однако, спаслись, оказавшись вне видимости друг от друга. Один погибший был много позднее найден, еще один пропал без следа. После полного разгрома амбициозной команды двое участников двадцать пять дней провели на дне каньона без еды, без теплых вещей и снаряжения. Они не потеряли силы ду-

ха и воли к жизни, но находились на пределе, пока российские и китайские спасатели на вертолетах китайских ВВС, обшарившие все ущелье Юрункаша, наконец, не обнаружили их. Им еще очень повезло, что взаимное разыгрывание великодушия между российскими и китайскими политиками благодаря их общей заинтересованности в демонстрации дружбы, была предпринята более чем дорогостоящая спасаловка – ее стоимость составила полтора миллиона долларов. Итог экспедиции все равно был страшный. Две трети команды погибло, одну треть едва успели спасти. Можно было уйти с Юрункаша с иным результатом? Скорей всего – да. Если бы они располагали надежной спутниковой связью, особенно затрудняемой тем, что они находились на дне глубокой щели, если бы аппаратура связи была бы надежно защищена от воды, если бы они смогли признаться себе в невозможности успешного прохождения маршрута до потери судов, продуктов, вещей. Если бы, в конце концов, остались ждать прилета спасателей в том месте, где руководитель признал поражение. Я сознаю, что это не очень прилично – упрекать людей в том, чего не сделали, или в том, что они сделали не так – тем более, что эти люди как сплавщики знали кое-что о сложнейших реках лучше меня. И все же некоторые вещи в поведении сплавщиков прямо-таки кричали об их легкомыслии, просто невероятном для поведения столь опытных людей. О связи я уже говорил. У них были мобильные телефоны, которые в этой местности не работали. Вы-

звать спасателей сами они не имели возможностей. Спасателей подняли на ноги только после того, как истек контрольный срок прохождения всего маршрута, да и то не сразу. Похоже, что сплав по реке с питанием водой от ледников они осуществляли без гидрокостюмов и теплых вещей на себе. На каждом не было какого-либо неприкосновенного запаса продуктов питания в поясной сумке или в маленьком рюкзаке – на случай разлуки с другими членами команды, а на такой воде, как Юрункаш, это было более чем вероятно. Могла быть у каждого и металлизированная накидка с серебряным и золотистым покрытием с разных сторон, которая могла бы помочь сохранить тепло тела в холодную или отражать солнечные лучи в жаркую погоду. Ничего этого на себе эти сплавщики не имели. Зная, что у них не просто водный, но и горный маршрут, они не взяли с собой ни веревок, ни карабинов, ни крюков, ни ледорубов, ни горной обуви – и это делало их совершенно беспомощными перед стенами каньона. Возможно, плохую шутку сыграл с ними даже командный коллективизм, к которому они давно привыкли и который рассматривали как самый надежный спасительный фактор – если кто-то попадет в беду, другие спасут и помогут. Это и избавило их от мысли держать какой-то индивидуальный запас еды и снаряжения на себе, а зря. Юрункаш не стал мелочиться и сразу всех ввергнул в бедственное положение. В момент борьбы с рекой за собственную жизнь очень сложно помочь при этом кому-нибудь еще – хо-

тя бы потому, что людей разбрасывает в стороны друг от друга и нет, почти никогда нет никого, кто бы оказался на расстоянии вытянутой руки, а без этого как поможешь?

Но особенно удручил меня выбор типа судов для сплава по Юрункашу. Да, российские сплавщики ухитрились настолько овладеть искусством прохождения бурных рек на легких катамаранах, что могли считать их возможности еще далеко не исчерпанными. И все же первопрохождение неизвестной буйной воды предрасполагало бы расчетливых людей (во всяком случае, должно было бы предрасполагать) к обеспечению каким-то минимумом дублирующих сплавных средств – например, они могли бы захватить и один рафт (надувную лодку) на всех. Не уверен, что это серьезно повысило бы их шансы на выживание в каньоне, но и исключать этого нельзя. А так – что стало на воде с катамаранами? Мостики ломались и повреждались, не выдерживая нагрузок, никаких средств для «самовытаскивания» из «бочек» этих судов у них не имелось. А могли ли быть? Над этим я думал довольно долго, потом в голову пришла вполне конструктивная мысль: а что если перед прыжком с водопадного гребня закидывать вперед за стоячую волну возможно дальше сложенный в комок водяной парашют, чтобы он силой давления несущейся ниже порога воды вытягивал за трос основное судно? Ведь давление на водяной парашют могло быть огромным – порядка нескольких сотен килограммов на квадратный метр. Такая тяга при работе с помощью весел лю-

дям и сниться бы не могла. Второе, чего на легких катамаранах они не могли эффективно использовать для проскакивания «белой стены» без остановки – это инерции судна после разгона при падении с водопада. Если бы они могли иметь в падающем судне дополнительную массу в несколько сотен килограммов на каждого гребца, возможно, этого было бы достаточно для силового протыкания гребня «белой стены» силой инерции разогнанных до высокой скорости тел. Конечно, искусственно нагружать свое судно таким тяжелым грузом дико, однако вполне возможно, если в качестве такого груза использовать заранее принятую на борт воду. Катамаран для этого, правда, не подходит, а вот надувная лодка, особенно без надувного пола – вполне. Когда надо, экипаж способен от нее отчерпаться. Комбинируя использование водяного балласта и водяного парашюта в ходе проверочных испытаний, в принципе можно было бы определить величину груза и площади водяного парашюта, чтобы их хватало для преодоления бочки с первого же «тыка». А для забрасывания парашюта возможно было бы использовать подводное ружье с лином при гарпуне или даже ракетницу. Помня, что в русле могут быть упавшие со склонов большие глыбы неотесанного и неоглаженного водой камня, во избежание прорыва оболочки рафта можно было бы предложить новый тип рафта – «лодка в лодке», все полости между надувными бортами которыми можно было бы постоянно держать заполненными водой – тут тебе будет достигну-

то и повышение непотопляемости и запас «инерциальной» балластной воды, который всегда можно повесить, заливая водой кокпит внутренней надувной лодки. Я даже набросал эскиз того, как все это должно выглядеть в натуре. Меньше всего мне хотелось нажиться на своей идее, хотя ее коммерческую ценность я себе вполне представлял. Помочь экстремалам преодолевать огромные стояки и бочки, конструктивно предотвращая обострение риска, который в любом случае на реках с белой водой будет и без этого достаточно велик – вот что двигало мной в рассуждениях и при поиске необходимых технических средств. Для себя самого мне уж поздно было стараться, – я не то, что на Юрункаш – и на реки попроще уже не больно гожусь. Конечно, если бы я мог без нагрузки попасть сразу к началу сплава, то, видимо, в свои семьдесят пять еще на что-то был бы пригоден. Воду я не перестал понимать, а если бы догадался, что чего-то еще или уже не понимаю, то постарался бы вникнуть в суть неизвестного явления или бы принял решение на какой-то обход, не ломясь очертя голову вперед в надежде только на авось. Но для таких вояжей нужны очень большие деньги, особенно теперь, а у меня их и раньше хватало только в обрез и далеко не на все, о чем мечталось. Так что это представлялось мне пустым делом – рассуждать на такие темы применительно к себе. Сложные походы (сложные для своего времени) я уже отходил. Конечно, они остались со мной в голове, в опыте и даже в памяти мускулов, но новых-то мне уже не увидеть

и не пройти. Дед он и есть дед, пусть еще и не дряхлый. А кому захочется брать такого с собой, если он в силу одного только возраста в любой момент может откинуть копыта? Так ты его еще и из дебрей тогда выволакивай, да опять же за свой счет. Нет, таких желающих не найдется, это определено. Да и самому грешно соглашаться на неразумное предложение доброхота-спонсора, – ты-то лучше способен представлять себе возможную ситуацию, нежели он. Только в мыслях я еще могу оказаться там, где до сих пор не был – это-то пока еще получается. Пока... Насмотревшись красот в разных диких или малоосвоенных людьми местах, я уже без труда переносусь в какие-то другие – в первую очередь туда, в такие края, где и раньше любил бывать: в горную тайгу или в альпийскую область, даже больше того – в Гималаи, хотя те вершины, на которые я восходил, приходились Гималайским гигантам только по пояс. И везде мне была желанна вода – реки, озера или даже океан как на Аляске, в Британской Колумбии или Гренландии, не говоря уже об Антарктиде. Даст ли Бог увидеть эти дивы дивные, когда Его Волей я покину привычный мир, в котором пока живу, или он сразу отправит меня мимо всего, что хотел бы еще повидать на этой Земле, а куда – не знаю?

Да, на старости лет мне уже непросто понять, многие ли люди, отдавшие дань путешествиям в романтическом возрасте, сохранили такую же страсть и интерес к походам, какие не оставляют меня? Этот вопрос не стоит путать с дру-

гим – даже не с вопросом, а заблуждением – дескать, работа ради странного и неоплачиваемого интереса куда-то залезть, куда-то проникнуть, что-то преодолеть на лоне природы и в самих себе, в основе своей такова, что она отбрасывает от себя людей нестоящих, ищущих славы главным образом на легких поприщах, во всяком случае – не приводящих к мучительным самоизнурениям, а оставляет для занятий собой только людей настоящего достоинства и верных лучшим устремлениям в самих себе. Из этого якобы «правила» я уже давным-давно видел так много исключений, что это привело к однозначному выводу – правила такого НЕТ. Просто есть интерес и потребности, которые у одних людей сохраняются навсегда, а у других замещаются совсем иными. И проявление стойкости, имевшее место в прошлом, не может служить доказательством того, что данный человек остался хорош со всех сторон во всех отношениях и теперь. Он может быть и порядочным, и далеко «не очень». Ему может быть свойственно постоянное просветление, внушенное осознанием мудрости и красоты устройства Мироздания, а может быть и не присуще. Он может быть нетерпим к любой фальши, а может и спокойно уживаться с ней или даже все повторять ее и повторять без стыда и совести. Он бывает взыскательным к себе в оценке собственного прошлого, а может свободно, как говорится, «ничтоже сумняшеся», отпускать самому себе грехи, исходя из соображений как прошлой, так и нынешней целесообразности устройства жизни.

ненно важных для себя дел. А в итоге тот или иной облагораживающий спорт одних облагораживает навсегда, других в лучшую сторону как-то не преобразует. Примеров – тьма. Тот же Алистер Кроули, черный маг и сатанист, был в свое время очень хорошим и известным страстным альпинистом. Геннадий Зюганов, человек с огромным лбом, к которому больше всего подошел бы эпитет, данный поэтом Эдуардом Багрицким, правда, не человеку, а волку – человек с булыжным лбом, который, оказывается, до сих пор не представляет жизни без горвосхождений и закаляющих холодных водных процедур. Но несмотря на это, в его громадном умовместилище так и не нашлось места мысли, что придерживаться полностью обанкротившейся коммунистической доктрины, кстати сказать – обанкротившей за время своей БЕЗРАЗДЕЛЬНОЙ семидесятилетней власти великую и богатейшую страну не только глупо, но и абсолютно аморально, потому что новых-то идей по сравнению со старыми в голове все равно нет, несмотря на освежающие воздействия восхождений. Нельзя же считать «новым» признание за членами компартии права верить в Бога вопреки воинствующему марксовому материализму – братья-поляки, например, не стали насиловать души членов своей компартии обязанностью к безбожию, могли бы поучиться у них лет пятьдесят-шестьдесят назад. Нет, не стали и, скрежеща зубами, признали это право только спустя девяносто лет после «великого Октября», да и то под угрозой потери половины своих членов, остав-

шихся верными своим взглядам, которые уже категорически поздно пересматривать после того, как с ними была прожита вся прошедшая жизнь, а возможности пожить по-другому дальше у них уже точно не будет.

Или признание ФАКТА массовых коммунистических репрессий против членов партии и всего народа – признание, но с весьма удобной для реабилитации истребительного отношения к собственной стране оговоркой – и даже не с одной, а с двумя: дескать, в основном репрессии были обоснованными, а масштаб их был вовсе не такой «дикий», как утверждают «проклятые демократы» – «ВСЕГО-ТО несколько СОТЕН ТЫСЯЧ человек» (цитата из телевизионного выступления Зюганова), это притом, что «кровавый царский режим» «доигравшийся» в своих репрессиях до революции, был виновен в гибели ВСЕГО (как сказал бы Зюганов) нескольких тысяч человек! Но разве такой математик, как он, поймет, что в таком случае большевики виновны перед народом минимум в сто раз больше, чем царизм?

Кто еще смолоду занимался альпинизмом? Ненавидимый тем же Зюгановым Анатолий Собчак, под крылышком которого вырос главный конкурент вождя коммунистов – будущий президент Путин. Возможно, Зюганов тем и объяснял переход бывшего однопартийца Собчака в стан «проклятых демократов» тем, что тот бросил заниматься альпинизмом, тогда как Зюганов – нет. Да и каков по его мнению оказался этот Собчак уже не в качестве политика, а сам по себе,

как семьянин и воспитатель собственной дочери – кто его дочь Ксения, как не «прости господи», подстилка под всяких там богачей и олигархов? Без стыда и совести девка, тогда как Зюгановские – в полном порядке: нормальные советские женщины, которых никому в голову не придет стыдиться.

Или вот любитель туристских походов до зрелых лет Гавриил Попов – прибавила ли ему достоинства увлеченность спортивными путешествиями? Тоже, как Собчак, заделался одним из ведущих «проклятых демократов», только не в Питере, а в Москве, и вдобавок еще и растолстел как свинья. И до чего дошел этот поборник народовластия, до какого позора? Объявил прямо по телевидению, что чиновник имеет право на поощрительный гонорар от заинтересованных в его решениях граждан, то есть на взятку – это надо же было до такого цинизма упасть! При родной советской власти такое было невозможно, если кто-то из коммунистов и брал взятки, то тайно, соблюдая правила конспирации, а если попадался, то сразу поступал в распоряжение Комитета партийного контроля, где им занимались уже без всякого снисхождения: могли заставить «положить билет на стол» и тогда уже перейти в распоряжение прокуратуры, хотя, конечно, могли и просто перевести на другую работу – с повышением или понижением на том же уровне – это кого как.

Или взять кинорежиссера Говорухина – тоже был альпинистом, второй спортивный разряд имел. Даже фильм снял относительно приличный об альпинистах. Сюжет, ко-

нечно, так себе – лажа, но виды гор, конечно, ничем не исказишь, а песни Высоцкого – кстати, патриотические и верные по характеру для благородного спорта – настоящее украшение картины. И на что господин режиссер Говорухин променял свое профессиональное занятие? – На политику! И кем он в ней сделался? Да все той же прослойкой – и прошлое ругает, и нынешнее поносит. И считает притом, что всегда прав. Ну, на этом основании такие и представляют себя интеллигентами. А интеллигентами кто на самом деле был? Те, кто реально будущее строил – настоящее светлое будущее для всех народов – коммунизм. Какие тут могут быть сомнения? Вперед, сплоченными рядами, с настоящим патриотическим подъемом в душе. А сейчас что они построят – эти прозападные либералы? Да ничего! Как разворовывали страну, так и будут разворовывать, что при Ельцине, что при Путине, что при Медведеве.

Альпинист Зюганов всегда считал себя правым, исходя из того, что ему как политику только так и можно себя держать, игнорируя все, что наносит ущерб интересам партии, и это ничуть не мешало ему ощущать себя «верным принципам». Он так уговаривал себя в последнем, что даже всем своим умом не мог придти к правильному выводу в оценке недавнего прошлого: имела коммунистическая партия возможность сделать народ если не счастливым, то хоть не бедным, а хорошо обеспеченным или нет? Имела! А что для этого надо было делать? А не тратить львиную долю бюдже-

та на военные расходы, да не содержать за счет советских людей всякие людоедские (в буквальном смысле!) режимы, объявившие о том, что якобы они строят социализм, – все ради установления коммунистической власти на всей планете, которая, как говорил Слоненок из сказки Киплингa «Настоятельно просила не беспокоиться» о подобном благодеянии – пусть оно распространяется не больше, чем на одну шестую часть, а лучше даже ни на какую. Россию, давно привыкшую к жертвенности ради торжества «светлого будущего», все-таки и Зюганову стало немного жаль, – «вроде не бездельники, и могли бы жить». Но ведь не давали – ваши, товарищ Зюганов, партийные предшественники – от Ленина и Троцкого до Горбачева с Лигачевым, и вы бы не дали, окажись в ваших руках высшая власть. Вам бы хотелось, чтобы родная страна во второй раз допустила подобную глупость, но она, к своему счастью, немного поумнела – и не вся, конечно, ведь ваш электорат на перемены так не поддался – но ведь максимум двадцать процентов от всех прочих избирателей – разве это «подавляюще большинство», каким ваши предшественники, господин товарищ Зюганов, настолько привыкли козырять, что и вы по этой привычке продолжаете делать вид, будто так оно и есть, что без вас все грабят народ, а вы никогда не грабили – наверно, именно потому нам всегда всего не доставало кроме призывов трудиться побольше и безвозмездно. Вот к такому очаровательному промыслу хотел бы вернуть нас образованный математик Зюга-

нов, доктор философских наук по совместительству.

Если начать рассуждать о Карме, которой нам воздается свыше за наши прижизненные прегрешения (а также за благополучно забытые нами и до сих пор неисккупленные грехи прошлых жизней в каких-то неведомых для нас прошлых земных воплощениях), то поневоле придешь к выводу, что мы очень мало о себе понимаем. А надо бы больше, много больше.

Трудно ли себе представить, что если ты кому-то желаешь нечто такое, с чем не хотел бы столкнуться сам, то это не только следствие порчи твоего характера в данной жизни, но и отголоски той скверны, которой ты реально, не только в мыслях, запятнал себя в прежних воплощениях? Много сил и времени, а то и жизней, наполненных тяжким трудом, уходит на то, чтобы отказаться от подобных мыслей, особенно после того, как образовалась привычка во всем оправдывать себя. В помощь самооправданию несложно подобрать себе некую подходящую философию, не заботясь сомнениями о ее несоответствии действительным Законам Бытия и целям Создателя. Вот и Зюганов готов всегда и везде говорить о своей твердокаменной принципиальности в борьбе за торжество идей Маркса, Энгельса, Ленина и Сталина. Это, кстати сказать, не является следствием личных изъязнов мышления одного только Зюганова, просто он вынужденно барахтается в последствиях очевидных смертных грехов, без счета совершенных его предшественниками и со-

зданной ими системы в пору их безраздельного монополистического господства.

Зюганов хотел бы уравнивать себя с ними. Он даже сделался доктором философских наук, однако сходство с Лениным и Сталиным исчерпывалось тем, что, как и у них, в его руках остался ключ от партийной кассы, но уже в другое время, когда в стране появилось уже множество других незаконных богатеев (главным образом из числа его бывших коммунистических «единомышленников»), у которых в своих частных кассах давно скопилось больше денег, чем в кассе КПРФ.

Продолжать думать о Зюганове значило бы оказать ему слишком много чести. Достаточно констатировать, что злодеем в мыслях и делах он как был, так и остается, но эпохальным злом, тем более планетарным, ему не стать.

Денежные же мешки и тузы новой России сеют вокруг себя зло и добро – уже каждый по-своему. Ошалеть от таких накоплений и таких текущих доходов действительно никакого труда не составляет. Выяснилась ранее не вполне известная вещь: деньги так и вопиют о том, что их надо использовать не для одного только расширения бизнеса, а в первую очередь с целью украсить все дни столь быстротекущей жизни и притом так, чтобы не просто обыватели, но и коллеги-богачи прямо-таки ахали от изумления и зависти: надо же, какой ловкач – изобрел-таки такую новую штуку! И впрямь – российские новобогачи вступили между собой

в фазу напряженнейшего социалистического соревнования. Я не оговорился – сейчас в пору настоящего ренессанса капитализма в России идет именно социалистическое соревнование в том смысле, в каком оно имело место при советском строе: в обществе свободно соревнуются люди, принимающие на себя повышенные обязательства (настолько повышенные, что о таких прежде и помыслить не могли), в этом самом увлекательном деле, тем более, что в нашем обществе никаких других соревнований уже давно нет. Среди распространенных состязаний нуворишей бытуют в основном достаточно банальные виды: кто кого обойдет по сумме приобретаемой престижной собственности, будь то городские особняки в Лондоне или на международных курортах, замки в стиле какого-нибудь Луи, фантастические морские суда под названием «яхт», самолеты престижных моделей, автомобили сказочно раздутой роскоши и стоимости, ну и конечно женщины, подбираемые для использования либо на длительный период, либо на короткое время – кому как понравится. Всему этому всегда должна соответствовать вывеска – лейбл, брэнд, этикетка – с указанием стоимости в долларах или евро, с одной стороны, а с другой стороны – некая витрина для демонстрации этой эксклюзивной собственности: акватория модной гавани, собственный остров в Эгейском море, на Адриатике или Карибах, горный кряж, падающий в воду, морской клуб, ресторан, вернисаж под прицелом множества папарацци.

Однако есть удовольствия и более тонкого состязательного плана – такие, как коллекционирование и восстановление ретроавтомобилей, боевых самолетов прошлых войн, древнего и современного боевого и охотничьего оружия (несколько более тусклое занятие – коллекционирование почтовых марок, кукол, механических игрушек и комнатных железных дорог, посуды из ценного фарфора и так далее). Здесь хотя бы проявляется не только кредитоспособность, но и хороший вкус, искренняя увлеченность предметами собирательства, побуждающая вникать в историю развития того или другого дела, вести целенаправленный поиск, решать инженерные и иные задачи – таким образом, все это с полным правом можно считать хотя и очень дорогостоящим, но развивающим хобби, тогда как банальные денежные соревнования удовлетворяют разве только тщеславие.

Ну, и наконец, особо взыскующими к кошелькам, а порой и к личным вкусам соревнующихся и устоявшихся богачей относятся такие виды денежного спорта, как коллекционирование картин и скульптур великих мастеров различных периодов: ренессанса, классики, импрессионизма и, прости Господи, модерна.

Чисто молодежные состязания богачей – такие как аквабайк на недоступно дорогих машинах, воздухоплавание на современных монгольфьерах и все подобное в том же духе – я не беру в расчет – это только кости, которые родители-богачи кидают своим детям для их эксклюзивного раз-

влечения и физико-психического развития лихости и устойчивости в испытаниях с перегрузками – ведь здесь, по крайней мере, существует дух некоего подобия средневековых рыцарских турниров, где на честном ристалище люди меряются силами, демонстрируя свое искусство и доблесть.

Однако все перечисленные поприща довольно узки. Нет такого числа престижных футбольных клубов, которых все желающие богачи готовы были бы взять на содержание. Уже раскуплены, за редкими исключениями, замки и острова у их прежних коренных владельцев. Нет возможности собрать новую обширную частную коллекцию или открыть большую галерею произведений великих мастеров – они уже давно расхвачаны богачами прошлых эпох и национальными музеями, а оттого новобогачам остается только ждать, когда обанкротится нынешний крупный коллекционер или, еще лучше, сам помрет, а наследники предпочтут завладеть чистоганом за счет продажи собрания своего предка.

Так что на исторических «площадках» трудно состязаться в полную силу и мощь набранного денежного капитала. Приходится выдумывать новые «ходы». Устанавливать в своих домах унитазы из чистого золота перестало быть оригинальным и престижным? Прекрасно! Золото может послужить конструкционным материалом для изделий совсем другого, нетрадиционного в этом смысле типа. Например, для чего делаются сейфы? Для хранения В НИХ золота и прочих ценностей. А что если сам сейф, собственно хранилище, сде-

лать из золота? И это действительно явится не только новаторством в смысле оригинальничания, причем куда более целесообразным, чем отливка золотых унитазов, но и одновременно целесообразным техническим решением: золотой сейф приличного размера будет весить в два с половиной раза тяжелее стального такого же объема – попробуй его вынести из внутреннего помещения без особых подъемно-транспортных средств! А еще золото имеет куда большую температуру плавления, чем сталь, а потому конструкция золотого сейфа обеспечит лучшую сохранность содержимого в огне (разумеется при хорошей внутренней термоизоляции). Вот это – действительно проявление прогрессивно мыслящего интеллекта, занятого не только подсчетом прибылей и поиском показательного способа дать знать своим конкурентам, что можешь не просто «для понта» бросать деньги на ветер, но и доказать, что ПРИ ЭТОМ умеешь действовать целесообразно, с очевидной пользой для дела.

Пожалуй, с демонстрацией обладаемых богачами женщин в состязательном плане дело обстоит сложнее всего. Во-первых, женская красота чрезвычайно многообразна. Нет таких критериев и даже признанных эталонов, которые позволяли бы всем доказать, что «у меня лучше, чем у кого бы то ни было».

Во-вторых, настоящему спортсмену-коллекционеру надлежит не просто занести даму в свой официальный реестр с указанием затраченной или договорной суммы,

но и **ПОЛЬЗОВАТЬСЯ** исключительными ее достоинствами – иначе тебя просто засмеют и будут правы! А мужская способность хорошо проявлять себя в половом акте – это совсем другое дело, чем женская. У мужчины **НЕТ** такого потенциала, который позволял бы ему крыть всех женщин, вызывающих вожделение – Бог не дал, и даже повышенная возбудимость дельцов типа Онассиса или магов типа Алистера Кроули не способна полностью удовлетворять любые дамские сексуальные аппетиты, несмотря на то, что деньги-то как раз и позволяют.

В-третьих, как продемонстрировать миру, что именно **ТВОЯ** женщина вызывает шквал невиданных сексуальных эмоций, каких не бывает во время близости с другими дамами? Ведь на словах этого не объяснишь – таланта не хватит, и порнофильм не вберет в себя главного чуда в полном виде, а другому, кого ты хотел бы убедить вполне доказательно, женщину не отдашь – она тогда будет уже далеко не только твоя, да и не всякая согласится на это.

А, в-четвертых, использование косвенных доказательств своих сексуальных побед в соцсоревновании с другими богачами иначе, чем извращенными по сути и убогими по форме не назовешь.

Вот и ускользает главная суть обретения эксклюзивного приобретения богача в лице и статях любой конкретной женщины вкупе с ее умениями в сексобслуживании и с воздействием ее собственных эмоций при соитиях со «сьемщи-

ком» или владельцем на НЕГО САМОГО. А ведь это едва ли не самое дивное и поразительное из всего, что способна вызвать, как говорили в позапрошлом веке, «плотская любовь».

И что остается на проверку в подобной ситуации? А только то, что имеет место банальный, пошлый коммерческий денежный аукцион, хотя и распределенный во времени, где женщина выступает сама и в качестве аукциониста и выставляемого лота. С кого она сорвет большую сумму, тот и прав? Вряд ли с таким выводом можно согласиться. Ведь в любом соревновании, и особенно коммерческом, имеет смысл победить соперников именно в окончательном обретении, а не во временном обладании переходящим призом (вроде «переходящего красного знамени»).

Так что в этом старом-престаром страстно-увлекательном виде спорта лучше всего было бы по-прежнему полагаться на любовь. Только ведь и с этим у богачей не все в порядке. Казалось бы – странно: у них столько дополнительных возможностей заводить знакомства с красивыми дамами. Да, с красивыми – определено. А вот с бескорыстными, пожалуй, особенно трудно. Тех из них, которые сами напрашиваются на знакомства с богатыми мужчинами, вряд ли можно априори счесть бескорыстными. Конечно, и среди них могут оказаться женщины, способные искренне полюбить богача, но вот как заранее удостовериться в том, что они любят самого человека, а не его деньги, особенно если мужчина

уже знает, как великолепно представительницы прекрасного пола способны «сыграть любовь»? Думай по этому поводу, с каким именно случаем столкнула тебя судьба? Только правильного ответа заранее получить не надейся. Тут можно лишь предполагать и рисковать ошибиться – пожалуй, даже сильней, чем рискуют ошибиться в своих ожиданиях обычные люди, обращающие свои чувства к женщинам из тех кругов, для которых понятие о любви значит больше, чем жажда денег.

В завершение остается констатировать одно отличие подлинно спортивного состязания в любом деле от деловой конкуренции. Если в честном спорте целью является доказательство своего превосходства без нанесения ущерба сопернику во время состязания, то в случае конкуренции – все равно какой: капиталистической или социалистической – своевременное нанесение ущерба сопернику является нормальным и логичным приемом для достижения победы в борьбе, где соперник уже не спортивный противник, а самый настоящий безжалостный враг, посягающий на самое святое – на твои прибыли и доходы.

Отношение к любви только как к сексу, низведение ее из сферы высшей духовности в плоскость одних постельных занятий на протяжении моей жизни становилось все более явно доминирующей тенденцией.

Люди даже в этом деле норовили обкрадывать себя. Легкодоступный секс действительно избавлял от многих преж-

них издержек – от гормонального неудовлетворения вследствие продолжительных воздержаний или слишком затянувшейся жизни без потери девственности – это так, но вместе с вполне рациональным с точки зрения гормонального баланса ранним прыжком в постель автоматически выплескивалась из заветного сосуда его главное содержание – чувство вознесения в волшебный мир. Любовь как проявление собственно высшей избирательности, как генератор величайшего душевного и физического подъема и непреодолимого устремления к единственному желанному объекту из множества людей, с которым только и можно представить себе полное счастье – вот что зачастую исчезает из практики успешного решения гормональных проблем.

Счастье, разбираемое по частям, в сумме, оказывается, не образует целого. А куда в этом случае деваться от мечты о нем? В разгул, в пьянство и тому подобное. Или в тоску, в серость неверия и уныния, сдобриваемого временами не слишком окрыляющей сексуальной работой с партнерами, которых без особых издержек (как и без особых всплесков чувств) можно заменить другими. Жить, конечно, и так можно не шибко плохо, по нынешним временам даже вполне хорошо, только вот на кого положиться и кому есть смысл отдаться без остатка – этого никто не сможет сказать. А старость и одиночество, либо старость и «договорной брак», как показывает практика, совсем не за горами – стоит пожить лет эдак до сорока – и сразу выяснится, до какой сте-

пени ускоряется в таком возрасте ход времени жизни, а вернее – темп безвозвратной утраты собственной будущности, которую можно обратить в любовно-сексуальные удовольствия от эпизода к эпизоду, всё менее разнящиеся своими особыми памятными чертами. И тогда всё реже оседают в голове желанные, бесценные крупницы счастья, и под конец всё труднее будет убеждать себя будто прожил свой век и ярко, и не напрасно.

К моему искреннему сожалению, и коммунистические вожди, и бизнес-магнаты всегда больше, чем о любви, беспокоились о том, как бы обмануть Господа Бога и самим обеспечить себе бессмертие – ведь именно это требовалось им на этой Земле, чтобы стать ее постоянными, полновластными хозяевами. Должно быть, всяк, кто ощутил свое безмерное могущество над любыми другими людьми, прежде всего стремится навечно закрепить свой статус в обществе. А без физического бессмертия как этого добьешься?

И вот, кто бы они ни были: Чингисхан ли, Джон Пирпойнт Морган, Ленин, Сталин, Гитлер, Мао – все как один призывали к себе лучших ученых, лучших врачей и поручали им сделать для них сверхъестественное в расчете на то, что от такого их поручения те побоятся отказаться. Прямлят, конечно, что не могут гарантировать успех, но деться-то им некуда – придется стараться изо всех сил! В конце концов, если бессмертия обеспечить не сумеют, то на «худой конец» продлят время жизни «лучших людей» раз этак

в пять или десять, а это тоже кое-что. Тем более, они сами, ученые, давно пришли к выводу, что потенциал физического существования нынешними людьми используется далеко не в полной степени. Вот пусть и трудятся ради того, чтобы использовать его на все сто – естественно, не для всех. На такое дело денег не жалко – перед лицом вечности любые затраты сущие пустяки. И вот льются рекой серебряные доллары и золотые рубли, чтобы без задержки создавались научные институты вне зависимости от финансового положения страны, отправлялись изыскательские экспедиции в отдаленные страны и части света, относительно которых в истории или легендах проскакивали хотя бы намеки на то, что там чем-то подобным уже занимались и даже чего-то достигали. А в лабораториях этих особой важности институтов ученые-генетики изошрялись в поиске молекулярных тайн поддержания жизни, а маги уже в других лабораториях на подопытных людях (уже не кроликах) вытягивали из них находящиеся под страшным запретом для непосвященных тайны управления психикой и передачи психической энергии от одних особей к другим, тогда как биологи-селекционеры скрещивали существ разных видов, чтобы узнать – может, таким путем что-то получится из заказанного «лучшими людьми», а хирурги с этой же целью подсаживают своим пациентам органы других существ, будь то люди, обезьяны или биологически близкие им свиньи, и все-то не перечесть, что только делается с целью выполне-

ния главнейшего задания помешавшихся на идее бессмертия заказчиков. Плохо только для них, для этих заказчиков, что не находят они среди своих зависимых исполнителей их воли ни одного, кто был бы способен объединить в логически безупречную и полную модель, включающую все исследованные компоненты, чтобы они в своем объединенном виде действительно обеспечили бы вожделенное бессмертие. На их беду нет и не может быть людей, равных по силе мысли Господу Богу, Всеобщему Творцу. По его Небесному Промыслу бессмертие осуществляется НЕ ТАК, как хотели бы вожди или финансовые воротилы, и во власти Создателя, если он того не желает, не допустить достижение бессмертия каким-либо иным путем. А уж вторгаться в Свою Небесную Компетенцию, нарушать установленные Им Табу Он не позволит ни земным мерзавцам и никаким другим. Для этого у него есть масса возможностей. А что есть у них, у заказчиков Сверхестественного? Кого безмерный эгоизм подвигнул на то, чтобы обойти Божественное Установление? На что они вообще пытались рассчитывать в позе несогласных со Всемогущим? Какая мысль «сдвинула» с позиций трезвой оценки реализуемости их желаний? Нормальны ли они?

На последний вопрос ответить проще простого – конечно же нет, не нормальны! А подвигнуло их к вызывающей наглости не одно только жгучее желание жить здесь, где им все доступно, всегда. А возможность достижения успеха своего замысла они усматривали еще и в другом. Они верили

в божественную силу огромных денег, даже и не думая о себе как о святотатцах. Тот концентрат власти и богатства, который они ощущали в своих руках и который буквально обжигал ладони невероятно мощной заключенной в них энергией, порождал в их мозгах образ уже не того Божественного Всемогущества, очевидного для всех, кто способен воспринимать действительность без нарочитых искажений, а своего собственного, будто совсем не уступающего Основополагающему, и в этом своем психозе и с этой своей надеждой они, видимо, существовали почти до самого своего конца, цепляясь за жизнь буквально до ее последнего мига. Они в самый крайний момент успевали понять, что «кина не будет», что выбиться их давным-давно пробитой колеи им НЕ ДАНО и НЕ ДАДУТ, что настоящих сверхчеловеков из них не вышло, а похищенное ими себе на потребу у тех, кем они повелевали и кого обобрали-ограбили, не есть та космическая мощь, которую они вообразили как собственное средство осуществления замысла вопреки Воле Бога и во всяком случае без спроса у Него.

И вот в этот на диво растянувшийся крайний миг картина их льготного преобладания и господства на глазах преобразуется в другую – власть испаряется, как летучая субстанция из открытой банки, а деньги, даже если это не пустые бумажки, никуда за прежними хозяевами из личных сейфов, из банковских хранилищ и даже из потаенных схронов за ними не идут, то есть не сопровождают – и всё! Они скандаль-

ным образом «остаются в отказе» от своих бывших владельцев и служат теперь кому угодно, но только не им!

А ведь чего только люди не делают ради обретения богатства! И чем больше величина вожаденной суммы, тем шире спектр аморальных и преступных средств, используемых либо для прогрессирующего поступления денег, либо для сохранения уже имеющихся потоков и источников средств. Криминальная детективная литература, кинофильмы и телепередачи изобилуют примерами изобретательной бессовестности, гнусного насилия, подкупа и коррупции для перехода с орбиты обыкновенной, жестко ограниченной в возможностях жизни, как им представляется, на куда более высокую и достойную, и главное – на изобилующую удобствами и ценностями орбиту. Рывок из нищеты или скудости к материальному раскрепощению и роскоши в глазах очень многих представителей так называемого рода *Homo sapiens* оправдывает использование для этой цели любых способов и любых жертв – разумеется, за счет числа посторонних.

Точной статистики насчет того, где творится больше гнусностей и преступлений ради хорошей наживы – в бедных странах или богатых – не существует, такие вещи распространены повсеместно, и не заражены этим злом только малые народы, живущие там, там где другие выживать не умеют, да и таких остается все меньше. Однако в бедных странах, в отличие от богатых, криминальными путями рвутся к финансовой обеспеченности и процветанию не только от-

дельные личности и криминальные группировки, но и официальные государственные организации, в том числе и очень крупные госструктуры, считающие, что слишком сильно «недополучают» из бюджета страны на проведение своей штатной деятельности. Примеры такого рода известны давно, однако из нашей советской прессы можно было почерпнуть сведения в основном о «чужестранных». В частности, о том, что в маоистском Китае в эпоху вражды с СССР резко расширились посевные площади опийного мака с целью производства героина для достижения одним махом двух целей – продавать наркотик на запад, ослабляя тем самым тамошнее народонаселение, а на вырученные деньги содержать там свою агентуру и учредить «параллельные» коммунистические партии, зависимые не от СССР, а от Китая. Судя по практическим ее результатам, крупномасштабная программа синхронного подрыва как коммунистического запада, так и «советского ревизионизма» была выполнена успешно. Мао мог быть доволен собой, а во что это обходилось человечеству как его в собственной стране, так и за ее рубежами, его ничуть не заботило – ведь цель оправдывает средства – и, разумеется, не только в Китае. История сходного типа, но уже имеющая отношение к постсоциалистической России, известна мне почти что из первых рук. Марина со студенческих времен сохранила близкие приятельские отношения со своими бывшими сокурсниками по институту международных отношений – МГИМО.

Одним из них был Виктор Ковалев – выходец из беднейшей крестьянской семьи, а другим – его тезка Виктор Дегтярев – сын заместителя министра. Виктор Ковалев женился на еще одной своей сокурснице Наташе. Отношения между парнями складывались таким образом, что Виктору Дегтяреву непременно хотелось добиваться того же, что удавалось сделать Ковалеву, хотя после окончания института пути у них существенно разошлись. Дегтярев, как это называется несколько странно для непрофессионального и непривычного уха, стал «карьерным дипломатом», что означает постепенное продвижение в дипломатической службе от незначительных должностей типа атташе ко все более значимым, а Ковалев, хоть и не сразу, но все же довольно скоро, занялся экономической наукой в аспекте международных отношений. В институте Мировой экономики Виктор Ковалев защитил сначала кандидатскую, а затем и докторскую диссертацию по экономике военно-промышленного комплекса стран НАТО. Крестьянское происхождение ему в этом не только не мешало, но способствовало успешному взятию препятствий на дистанции научной карьеры – так было заведено с самых первых шагов советской власти. Виктору, достаточно способному и притом порядочному человеку, не требовалось прибегать ни к каким сомнительным способам ведения дел, все у него шло вполне благопристойно, своим путем. Другой Виктор – Дегтярев – довольно долго не мог себе позволить роскошь занятий научной работой.

Будучи очень добросовестным человеком, он тратил массу времени на выполнение текущих поручений начальства, которых у него было тем больше, чем больше халтурщиков «из хороших семей» трудилось рядом с ним. То он сидел в управлении МИДса, то сопровождал заместителя министра в поездках на разные переговоры, где был занят не только в дневные часы, но и в ночное время, чтобы успеть подготовить для шефа материалы на следующий день. И все же и у него были заметные успехи и достижения – он выучил еще пару иностранных языков (и тем превзошел Ковалева), а также с немалым трудом и к вящему недовольству своего шефа – замминистра полутайком от него защитил кандидатскую диссертацию по дипломатической тематике. Шеф был против того, чтобы его работоспособные и дельные сотрудники отвлекались от основной работы. Звание дипломата он считал само по себе достаточно высоким, чтобы не было необходимости обзаводиться ничего не значащей в его представлении ученой степенью кандидата исторических наук. Так что, хотя в итоге Дегтяреву удалось сократить свой «научный» отрыв от Ковалева, сравняться с последним он все-таки не сумел. Отрицательно повлияла не только постоянная занятость текучкой и неодобрительное отношение начальства, но и профессиональные издержки иного рода – Виктор Дегтярев не уберегся от экзотических болезней, подстерегающих европейцев в южных азиатских странах. Тем не менее, он был бодр, настойчив, по-прежнему очень работоспо-

собен до самого конца обычного срока дипломатической карьеры. Ему уже в пору было думать о том, чтобы оставить службу, так и не приведшую к занятию высших должностей, когда он довольно неожиданно получил назначение послом в одну из самых беспокойных околоэкваториальных латиноамериканских стран. Там уже десятилетия шла практически нескончаемая гражданская война, причем единственным новшеством в ее ходе за последнее время стало фантастически разросшееся производство кокаина на мятежных территориях под руководством богатейших наркобаронов при ожесточенном противодействии этому центральных властей, поддерживаемых Соединенными Штатами Америки. Я сразу, как услышал об этом назначении, предположил, что в МИДсе не нашлось желающих стать послом в таком пекле. Однако Виктор Дегтярев не испугался. Во-первых, он как истый дипломат полагал, что находится под защитой Международной Женевской Конвенции, нарушать которую всегда было мало желающих (пример посла Грибоедова не в счет), а во-вторых, пусть и запоздалое, но получение ранга посла позволяло уйти на пенсию с куда более приличной пенсией, чем без него.

Я много слышал от Марины о Викторе Дегтяреве, но в отличие от четы Ковалевых лично не был с ним знаком, пока, наконец не столкнулся с ним воочию опять-таки в доме Ковалевых, причем уже незадолго до отъезда Дегтярева на службу послом. Он произвел на меня в высшей сте-

пени хорошее впечатление: скромный, сдержанный, тактичный и умный человек, обладающий всеми качествами, которые должны быть присущи настоящему дипломату, обязанному уметь слушать партнеров по переговорам, аргументировано и культурно отводить их доводы и без вызова, но настойчиво возвращать их к своим. Если ему чего-то и не доставало, то, пожалуй, лишь внешней импозантности и броскости – качеств, возможно, и очень полезных для его рода деятельности, но приносящих выгоду обычно только на первых порах. Впрочем, я отдавал себе отчет, что в таком впечатлении от его внешности просто виноват его костюм – свитер, под ним рубашка без галстука, простые брюки – все домашнему, в то время, как во фракной паре или в смокинге при сорочке с «бабочкой» он мог выглядеть гораздо презентабельней.

Это была моя единственная встреча с Виктором Дегтяревым. Вскоре он вместе со своей женой (на сей раз не с бывшей студенткой МГИМО, а совсем другого института, хотя и тоже исторического) отбыл по месту назначения. Через какой-то промежуток времени – месяца через полтора или два – при посредстве Ковалевых до нас с Мариной дошли известия, что посол Дегтярев с женой вынуждены были срочно оставить страну пребывания из-за сильнейшего отравления, которое получили после посещения одного из лучших ресторанов столицы.

– Это неспроста, – поделился я смутными подозрениями

с Мариной. – Как бы там не вмешалась в Витькины дела международная наркомафия.

Марина была того же мнения. Между собой она и другие сокурсники называли друг друга так же, как и в юные годы – Наташками, Маринками, Витьками и другими уменьшительно-пренебрежительными, однако ласковыми именами в том же духе, и я участвовал в разговорах, используя в основном именно их.

Из мировой литературы мне было известно, что самым ценным и надежным каналом для нелегальной транспортировки наркотиков считается дипломатический канал по вполне понятной причине – дипломатические грузы и почта не досматриваются и пересекают границу без задержек согласно все той же Женевской конвенции, нарушать которую и по этому поводу никому не с руки.

– Боюсь, – продолжал я разговор с Мариной, – кто-то из «полномочных представителей наркомафии» без долгих разговоров предложил нашему российскому Чрезвычайному и Полномочному Послу освятить использование возделенного канала транспортировки дипломатических грузов для перевозки партий кокаина своим посольским благословением за вполне впечатляющую мзду. Скорей всего, Виктор сразу же ответил вполне определенным отказом, на который международные наркоигроки совершенно не рассчитывали. Виктор-то стал послом уже на излете карьеры, до этого-то должности у него были куда как скром-

ные – секретарь посольства, советник посла, а тут, как они думали, ему сам Бог велел взяться за дело, которое бесспорно могло быстро озолотить его, что сам он при этом ничем не рискует, что везде все схвачено – и здесь, и в России, и что всё будет тип-топ.

Что им, я имею в виду наркобаронов и их партнеров с российской стороны, оставалось делать после того, как Виктор дал им афронт? Оставить его на месте означает заблокировать великолепно оборудованный канал и, следовательно, лишиться части запланированных прибылей. Убедить свои власти, чтобы они его объявили персоной нон-грата, не получится: официальная власть воюет с наркомафией, это во-первых, а во-вторых, он и пробыл-то в должности посла всего ничего и даже теоретически не мог успеть в чем-нибудь засветиться. Что тогда остается? Убить его, подослав киллеров? Там хоть с этим всегда было очень просто, но скандал будет не приведи Бог какой – того и гляди тогда рядом с американским спецназом в стране окажется еще и российский – ведь убийство посла равносильно объявлению войны. А вот добиться его удаления из страны в силу категорического нездоровья – это можно, это другое дело – особенно если пострадает не только сам посол, но и его жена. А как осуществить такое намерение? В помещении посольства или на дипломатическом приеме их не отравишь, а вот если они посетят шикарный частный ресторан – тогда пожалуйста: ни правительство, ни страна пребывания посла за это

не могут нести никакой ответственности – выразят сочувствие и сожаление – вот и все!

Однако я преждевременно решил, что выдворением посла если не де-юре, то де-факто, все и ограничится. Оказалось, что далеко нет. Я совершенно упустил из виду, что теперь экс-посол Дегтярев продолжал оставаться носителем секретов наркомафии: ведь ему же все объяснили, что он должен делать, на чье содействие должен полагаться, какой процент или гонорар должен будет получать. Но об этом мне пришлось вспомнить только после того, как Виктора Дегтярева не стало.

После отбытия из латинской Америки он продолжал трудиться в МИДе, выполнял какие-то поручения, на короткое время выезжал за рубеж. Но это продолжалось совсем недолго. После одной из командировок Виктор в выходной день заехал в свой офис в здании МИДа на Смоленской площади, чтобы закончить отчет.

Его нашли висящим на ремне в своем кабинете. Жену привезли на опознание, сказав, что Дегтярев покончил жизнь самоубийством. В доказательство показали на ремень, стягивающий шею. Но это был не его ремень. Оглушенная неожиданно свалившимся горем, Марианна все же сразу отметила это про себя, но вслух не сказала. И, должно быть, правильно сделала. Потому что ей сразу напомнили, что она осталась одна с двумя дочерьми и что с ними со всеми легко может произойти что-нибудь крайне нежелатель-

ное, если она поднимет шум и будет добиваться тщательного расследования. Мужа этим не вернешь, а сильно испортить жизнь оставшимся членам семьи очень несложно. Спрашивать у этой публики, по какой же причине Дегтярев «покончил с собой», не имело смысла – убийцы все равно наврут, если они вообще снизойдут до объяснений. А вот что шутить они совсем не собирались, было абсолютно ясно. Кто в выходной день может находиться в здании министерства? Только те, кто по должности обязан там присутствовать – дежурные чиновники, охрана и ее контролеры из органов, да еще какое-то ограниченное число лиц по списку, выполняющих срочное задание руководства. Этим последним незачем было умерщвлять коллегу, да они этого и не умели. Тогда кто за всем этим остается? Штатная охрана здания и «кураторы». Стало быть, система контрабандной наркоторговли нашла Виктора Дегтярева слишком знающим и опасным для себя потенциальным свидетелем обвинения, на молчание которого «системе» нельзя было полагаться. Отсюда проистекали еще и угрозы в адрес семьи. От того отравления в шикарном латиноамериканском ресторане Марианна пострадала еще сильнее, чем Виктор, а что теперь с ней и с детьми совсем не будут церемониться, сомнений не имелось. Ей оставалось только думать, как выживать дальше. И тут ей на помощь пришел Виктор Ковалев. По тем временам он как доктор наук и зав. сектором, можно сказать, «политического» академического института (его

директором долгое время был Примаков), зарабатывал весьма неплохо. Его жена Наташа была советником МИДа, жили они скромно, а сыновья успешно делали карьеру, при этом один из них не столько в России, сколько за рубежом, и оба не забывали помогать родителям. Поэтому Виктор и Наталья оказались в состоянии систематически помогать деньгами семье покойного друга, пока Марианна не нашла себе работу и самый острый период несчастья остался позади. Потом обе дочери Дегтяревых выросли, окончили институты, вышли замуж, родили внуков. Наркомафия к ним больше не приставала. Но все равно ни у семьи Дегтяревых, ни у их друзей не было никакой возможности о ней забыть.

А с самой Марианной я неожиданно познакомился после смерти Виктора, опять же у Ковалевых. Она показалась мне удивительно под стать покойному мужу: приятная, скромная, деликатная, тонкая, выдержанная. Их с Виктором, скорей всего, намеренно принесли в жертву, отправляя в проклятую Богом страну. Возможно даже, что заранее имея уверенность в честности и неподкупности Виктора Дегтярева, стратеги из заинтересованных органов устранили его после отказа сотрудничать в наркотрафике путем самоубийства, отчитались потом, что «изобличенный» ими дипломат, почувствовав себя припертым к стенке, вышел таким образом из игры, но все равно благодаря их бдительности и расторопности задействованный был канал транспортировки кокаина был пресечен. А что же на самом деле?

Одна официальная государственная система, ведающая международными отношениями КАК БУДТО наградила своего заслуженного работника под самый конец карьеры почетной и хлебной должностью своего посла, тогда как другая официальная государственная система, правда, с серьезными дополнительными неофициальными функциями, желала использовать его в своих деловых интересах, заставить его способствовать притеканию нелегальных средств для финансирования своей деятельности, а заодно и для пополнения личных карманов главных распорядителей, а когда это не получилось (хотя и не исключалось заранее), его очень живенько перевели из бытия в небытие.

Пограничный слой существования посла и на сей раз оказался паразитально тонок. И это только помогло пособникам наркомафии окончательно вывести его из дипломатической игры.

Глава 7

Жгучее желание прославиться или обрести известность, а вместе с этим и всякие жизненные блага обычно не оставляет сколько-нибудь деятельных натур, пока из-за преклонного возраста или по другим причинам у них не убывает жизненная энергия. Только тогда в глубину сознания может вкрасться сомнение в том, что есть смысл обеспечить известностью долговременную память о себе. Разумеется, многие видят в этом и мотив для оправдания своих не всегда безгрешных дел, и приятное душевное утешение. Как же! Ты сделал нечто гораздо более важное в сравнении со многими другими – их миллиарды, а ты вошел в тысячи или десятки тысяч отличившихся современников, чьи дела особо заметны на общем фоне, и именно они способствовали продвижению многих последователей в доселе плохо представляемые области знаний и разных искусств!

Однако я давно уже не обольщался подобной иллюзией. Проходят годы, десятилетия, иногда – пара-тройка веков – и в памяти человечества остаются считанные единицы из тех, кто был прежде прославлен. Уже сейчас многие молодые люди не читали главных произведений Льва Толстого. Еще, правда, читают кое-что из Пушкина, однако тенденция к затуханию общественного интереса к его творчеству тоже очевидна. И так со многими. Имя Шекспира еще помнят,

а Еврипида уже нет. Конечно, есть некоторые исключения из этой обычной житейской практики. Например, Пифагора, Аристотеля, Александра Македонского помнят уже тысячи лет, но все-таки лишь по именам: спроси, чего они достигли, чем обогатили человечество, чем именно прославились, тебе едва ли ответит больше, чем один человек из десяти, принадлежащих как будто к культурному слою. А что толку этим великим – я имею в виду – их бессмертному духу – от того, что какой-то потомок, услышав их имена, кивнет головой – да, дескать слышал, но ничего конкретного при этом не продемонстрирует, не признает, чем лично им он обязан, не воодушевится благодарным чувством, навеянным истинным осознанием огромной важности их достижений.

Так стоило ли обольщаться химерической надеждой продолжать вечно жить в благодарной памяти всего человечества? Я этим вовсе не собираюсь сказать, будто великим творцам великих побед следует пожалеть о том, что они сотворили (хотя некоторым из них, например, Александру Македонскому впору было бы кое о чем и пожалеть). То, что они сделали – это в основном великое благо и настоящая заслуга в глазах человечества, образ которого – я имею в виду благо – однако, слишком размыт. Человечество сохраняет память о великих в лице лишь некоторых выделенных специалистов, но кроме них-то величие давних свершений в живой истории не представляет почти никто.

Это лишь одна сторона медали, причем не лицевая, так

называемый аверс, а обратная – реверс.

На лицевой стороне вместе с профилем знаменитости, образно говоря, отчеканен перечень их действительных заслуг не перед ограниченно-благодарным (или вовсе неблагодарным) человечеством, а перед самим Всевышним Создателем, призвавшим их к какой-либо деятельности, а потом и отметившим, что именно из порученного они совершили Во Имя Его.

Разумеется, я не сразу пришел к подобному убеждению. Понимание значимости своих дел складывалось очень долго и постепенно, но у одного из истоков такого понимания в моей жизни определенно стояла личность одного малоизвестного (по крайней мере у нас) мексиканского писателя Альфонсо Шмидта. Я даже не очень уверен, правильно ли воспроизвожу его фамилию, но помню его роман, где одним из главных действующих лиц является президент Мексиканских Соединенных Штатов генерал Ласаро Карденас-и-иль-Рио, не побоявшийся поставить на место обнаглевшие и зарвавшиеся американские монополии. Возможно, на путях иммиграции его немецкий предок Шмидт стал просто Шмитом, как уже случалось с его однофамильцами в России, но дело не в этом. Я даже в большей степени благодарен Альфонсо Шмидту не как писателю, создавшему запоминающийся роман, а как человеку, явно принадлежащему по менталитету к великой когорте немецких идеалистов, который, насколько я помню, распорядился опубликовать свое

произведение только после его смерти, дабы никакие порожденные его появлением эффекты, будь то слава, известность, восхваление или хула не вызывали никаких изменений в его привычной частной жизни. Врать не буду – я не принял в себя концепцию Альфонсо Шмидта сразу как Истину в полном виде, однако она заставила меня, уже начавшего писательскую работу (а это произошло больше полувека назад), глубоко задуматься насчет того, так ли хороша сама по себе известность человека, как это представляется в случае достижения успеха, на который, конечно же, рассчитываешь? Потому что наряду с расширением житейских возможностей у успешного творца, если подумать и рассмотреть ситуацию более тщательно, появляются и властно заявляют о себе другие последствия. Ты известен? Так и бывай на людях, откликайся на всё, о чем тебя спрашивают, когда тебе надо и не надо. Публичность подобного рода и связывает, и отравляет. Она не только пожирает без спросу ТВОЕ время, но и, подобно наркотику, вызывает привыкание к себе. Ты будешь растрачиваться по-пустому, пока к тебе существует общественный интерес, который ты до сих пор специально не инспирировал, а потом он вдруг взял и иссяк или его заткнули по чьему-то распоряжению – и что тогда? Подвергаться квази-наркотической ломке без получения новых поклонений? Да если известность еще не иссякла, разве будут тебе досаждать охочие покрасоваться со знаменитостью модничающие красотки, делающие вид, что обожают тебя? Не сто-

ит думать, что их чарам легко будет не поддаваться – прелести, причем несомненные, – вот они – лица, фигуры, готовность к немедленному подтверждению хвалебных высказываний в постели! А на что они тебе, если, во-первых, это способно навредить твоей настоящей любви, а, во-вторых, само по себе неспособно в таком показном режиме породить настоящую взаимную любовь, или, если даже способна, то как ты заранее отличишь более вероятный неблагоприятный конечный исход «приключения» от гораздо менее вероятного благоприятного? Любовь будет разыграна с величайшей увлеченностью и мастерством, но это лишь способно усилить подозрение в обмане. Профессионализм искальниц приключений, равно как и слепая дурость захлестнутых модной волной поклонниц – слишком уж ненадежная и обременительная основа как для дальнейшего построения жизни по собственному плану, так и для формирования трезвого представления о себе и своей истинной ценности.

Нет, Альфонсо Шмидт дал мне великий пример, пусть и не для прямого подражания, но все-таки могущий служить эталоном ДОСТОЙНОГО поведения для любого творца, желающего оставаться самим собой, что собственно, и есть (или должно быть для него) самое главное. В моем представлении этот человек после серьезных размышлений нашел-таки способ уменьшения турбулентности в обтекающем его «прикасательном» пограничном слое или даже обеспечить обтекание своей персоны обычным ламинарным без-

различным потоком со стороны прилегающего общества. И за данный поступок его нельзя не уважать. Альфонсо Шмидт – это величина в человеческом измерении. Много ли было на свете таких?

Видимо, внутри человечества постоянно преобладают другие типы людей – именно те, кому непременно надо ощутить себя на какой-то социально значимой высоте. Быть начальником, стать объектом журналистского внимания, в конце концов даже просто учинить скандал с последующим резонансом. Или отличиться чем-нибудь от своих знакомых, из круга которых очень хочется перебраться в высший слой.

Секретарь ЦК КПСС и шеф КГБ товарищ Андропов безумно страдал от болезней – и от той, которая свела его в могилу по причине отказа почек, и от той, которая долгие годы угнетала его психику человека, управляющего главной разведывательно-карательной системой страны, угнетала психическая дисгармония от сознания своего служебного всемогущества и невозможности в полном виде воспользоваться им самому. Брежнева, Суслова, Подгорного, Черненко и иже с ними он наверняка презирал от души – за то, что они были глупее, ограниченнее и в подметки не годились ему. Ни у кого, кроме военного министра Устинова, не было в руках такой вооруженной силы, как у шефа КГБ. Однако Устинов не имел возможности управлять внутренними делами страны своим бронированным кулаком, тогда

как Андропов это мог. Но он год за годом вынужден был ценой огромного перерасхода нервной энергии подавлять жгучее желание самому оказаться на первом месте в партии и государстве. Наверняка этот чудовищный стресс ускорял развитие почечной болезни, если вообще не был основной ее причиной.

Впадающие во все более глубокий маразм Брежнев и Суслов, политические и умственные ничтожества вроде Подгорного и Черненко вызывали отравление его организма одним своим присутствием в высшей сфере управления страной и всем социалистическим лагерем, где все дела – и там, и там – давно уже шли наперекосяк. Но Брежнев и Суслов никак не помирали, и Устинов тоже никуда не собирался уходить. В этой обстановке оставалось только скрежетать зубами, потому что против всей этой политбюровской кодлы он один не мог выиграть ни открытый, ни подковерный бой. Он дождался своего вожделенного часа и стал генеральным секретарем КПСС, когда почки и нетерпение привели его почти совсем вплотную к последней грани жизни, когда без подключения к аппарату диализа крови он уже не мог существовать ни дня. Но даже в таком состоянии он не позволил себе отказаться от высшей власти – от поста главы партии и государства. Лишь один только год эти титулы Генсека и Председателя Президиума Верховного Совета СССР с большой буквы – атрибутировали его личность, пока он физически угасал, а его «верные» помощники, понимая

неизбежность скорой смерти хозяина, уже бегали со своими сообщниками к ничтожному Черненко, дабы заработать себе вид на жительство в аппарате этого будущего главы СССР.

Андропов достиг высшей власти, когда фактически уже не имел ресурсов реально воспользоваться ею. Успел ли он почувствовать себя счастливым в момент, когда он стал властителем горы? А внутри него, равно как и вокруг, все трещало и рвалось, предвещая и его агонию, и агонию коммунистического режима? Какое уж тут счастье! Он бы дорого отдал, если б мог за один год хоть как-то изменить ситуацию к лучшему (а лучшим в его представлении было «укрепление трудовой дисциплины» в стране с помощью уже хорошо известных населению методов – это говорилось для народа; а для аппарата ЦК и исполнительных органов было важно другое – конструктивная подготовка к срочному погружению в некое подобие недоделанного ленинского НЭПса). Но! Но в политбюро другие члены только делали вид, что слушают, хотя на деле не предпринимали ничего, поэтому технологию реализации идеи перехода к новому НЭПу он поручил разрабатывать своему выдвиженцу, совершенно не способному к углубленному аналитическому труду, равно как и к логическому объединению множества частных выводов из анализа ситуации – будущему Генеральному Секретарю и Президенту СССР Горбачеву. Просто диву даешься, по каким причинам был сделан данный выбор. Даже среди устремленных эгоистов-карьеристов было много

людей и культурней и умнее этого мелко плавающего функционера и грубого льстеца. Среди штатных помощников Андропова – далеко ходить не надо – и то имелись кандидатуры и добросовестнее, и талантливее.

Но что было, то было! И ключи от власти, правда, не сразу, а после Черненко, не способного ни на что дельное, кроме поставки хорошеньких женщин «дорогому Леониду Ильичу», получил по «завету Андропова» именно Горбачев, а как известно, он не стал ни советским Пиночетом, ни советским Дэн-Сяопином, и вообще не стал никем всего через шесть лет.

Думать о спасении души в последний год жизни Андропову было некогда. Предотвратить физический распад не удалось. Можно ли было уйти в Мир Иной в спокойном сознании и удовлетворенности от итогов своего властвования? Сомневаюсь. А уж как он того хотел!

Мэру Москвы Юрию Лужкову повезло гораздо сильнее, чем его тезке Юрию Андропову. Продукт того же самого советского времени, только с некоторым сдвигом на более поздний срок, Лужков достиг почти всего, что желал. Власти, особенно финансовой, у него стало больше, чем у его предшественников из советского периода – у первого секретаря МК КПСС Гришина и председателя Моссовета Промылова, вместе взятых. Он быстро и технично убрал с первого места и «демократического» главу города Гавриила Попова, у которого сначала ходил в заместителях, а дальше

фарт ему так и пошёл. Он стал хозяином города не только как управляющий, но и как крупнейший частный владелец собственности в городе. Правда, из «гигиенических» и страховочных соображений добытую им собственность Лужков записывал в основном (однако не полностью) на свою жену Батурину и ее родственников, но от этого суть дела не менялась. На одних земельных и строительных операциях клан Лужкова получал гигантские деньги. А ведь он со своим аппаратом управлял еще и разрешительным бизнесом, и ходом торговли, и иммиграцией рабочей силы. Но это песня не о деньгах, а «а любви» – если произносить эти слова в духе Аллы Пугачевой – знаменитой исполнительницы шлягера «Все могут короли». Так вот Лужков искал не только славы, власти и богатства – его еще одолевала жажда народной любви. С этой целью он организовал свой славословящий его же телевизионный канал, финансировал из городского бюджета расточительные «праздники города», участвовал в политических интригах и шоу и даже «щедро» подкармливал городских пенсионеров особыми добавками к пенсиям, которые, естественно, в быту назывались «лужковскими». Смысл этих городских пожертвований был двояким. С одной стороны, он позволял укреплять авторитет мэра в глазах половины избирательного корпуса столицы, причем не только собственно за счет денежной прибавки, но и за счет страха, что они (пенсионеры) могут ее потерять в случае, если Лужкова на посту мэра сменит другой человек. А с другой стороны эта прибав-

ка действительно помогала пенсионерам-москвичам просто кое-как существовать в атмосфере особо высокого роста цен именно в Москве, управляемой тем же Лужковым. Правда, злые, но компетентные знатоки положения дел утверждали, что при таких величинах денежных потоков, которые буквально наводнили и пронизывали капиталистическую Москву, мэр мог бы без особого ущерба для своих интересов «отстегивать» в пользу пенсионеров, о которых «денно и ночью пекся», гораздо больше, но это уже относилось к сфере характера градоначальника, а к официальной политике городских властей прямого отношения не имело. Если не считать одного – что в Москве, в том числе в ее законодательном органе – московской городской думе, так же, как и в судах города без инициативы и соизволения Лужкова не решалось ничего. Но в любви подведомственного народонаселения он действительно нуждался. Ну, не вышел внешне, как и ростом («метр с кепкой» – говорили о нем), лыс, и не очень складен, но ведь играет в футбол и бьет по мячу «будь здоров» – масса помогает, разводит пчел, кормит своим медом детдомовских детей, и неотступно, денно и ночью думает о благе москвичей, как и положено доброму отцу города.

Он тратил на генерацию любви и восторгов в собственный адрес очень большие деньги, тем более, что они составляли лишь очень малую долю от тех, которые протекали мимо города сквозь его пальцы. Но с ответной любовью получалось

не так хорошо, как он надеялся и рассчитывал. Большинству москвичей щедрость заботливого мэра не представлялась ни искренней, ни очень значительной. В городе нельзя было скрыть ни характера темных дел по поводу земли и выдачи разрешений на строительство. Учреждение торговых фирм и аренду офисных помещений – везде конечной инстанцией выходящих от просителей денежных потоков определенно возникала фигура градоначальника: метр с кепкой, но зато с какой! Лужков восстановил взорванный безбожными большевиками храм Христа, это правда, без него храм бы не поднялся вновь в пойме Москвы-реки. Что бы ни подвигло его на это благородное дело: желание заслужить себе прощение за многое или просто богобоязненная любовь к Всевидящему – все благо, даже если все средства, кроме частных пожертвований, были из бюджета города. За прошлые безобразия, чьими бы они ни были, надо платить. Народ разделяет ответственность за деяния своих лидеров, даже если был силой принуждаем к подобным пакостям. Но храм – это храм, Дом Божий, а откуда же обширные имения у Лужкова, его взрослых сыновей и Батуриной в Московской и примыкающих к ней областях? Латифундии сами собой не возникают, их надо устраивать на приобретенной за деньги или административным нахрапом земле, обустроить, организовать горно-лыжные или другие рекреационные центры или сельскохозяйственные «экономии», оградить заборами и обеспечить вооруженной охраной. Никто не может представить,

что деньги, потребовавшиеся, в частности, для этого, могли быть нажиты чисто праведным путем. А отсюда и сомнения, стоит ли мэр любви, а потом и убеждение многих, что нет, не стоит. Итак, по очень разным статьям – от аквапарка «Трансвааль» до «точечных строителств» во дворах за зданиями жилых домов, до разрешения строить новые коммерческие центры в местах, определенных генпланом Москвы для сооружения транспортных развязок мэр Лужков погнался не за одним зайцем, а сразу за двумя: за деньгами и за любовью своих горожан. Даже если считать, что стремление быть любимым своими горожанами было у него искренним, тяга к деньгам и власти, немислимой без денег, была сильней. Жажду народной любви и жажду наживы нельзя было наложить одну на другую и получить суммирующий вектор. Доминантой была жажда денег и власти, Любви уделялось только кое-что по крохам и от случая к случаю. Лужкова омывали потоки денег не для того, чтобы он искал для себя другую среду пребывания, где он кожей ощущал пограничный слой. Соответственно со своим решающим выбором он все более мрачнел, его лицо искажала все сильнее проявляющаяся косоротость – мимика, свидетельствующая о том, что она может принадлежать только человеку жесткому, грубому, лживому и втайне боящемуся ответственности за разные художества, преследования и расправы. «Тучи над городом стали. В воздухе пахнет грозой». Известные слова доверенной популярной песни из кинотрилогии о Максиме впол-

не подходили не только для исполнения Питерским героем-гопником, но и для Московского мэра. Он с трудом, ценой каких-то очень крупных уступок, унижительных для себя и сильно облегчающих финансовые счета своего клана, убедил президента Путина оставить себя мэром еще на один срок, зная, что при этом он находится под постоянным жестким контролем, из-под которого не сможет больше уходить. Если это счастье, то он отнюдь не так себе его представлял. Мне тоже не казалось, что Лужков чувствует себя счастливым, особенно после того, как он превратился из процветающего деятеля, преследующего исключительно собственные цели, в человека, которого начали преследовать как раз из-за слишком большого усердия достичь своего процветания.

Андропов, Лужков... представители высших сфер, где личное счастье встречается достаточно редко, поскольку обычно, добившись успеха в своих устремлениях вверх, люди растрачивают себя в мелочах, предательствах и беспринципных компромиссах. Зато они получают полное право заявлять, что сумели повелевать другими людьми, тогда как сами сделались повелеваемыми. В том, что к этому статусу повелевающих тянутся не только те, кто имеет перспективу оказаться на высших ступенях в социуме, меня не раз убеждали куда менее значимые фигуры, не раз оказывавшиеся в моем поле зрения, некоторые из них ценили начальственную должность за «право» безнаказанно хамить подчиненным (не следует думать, что это редкая патология в ци-

визированном обществе). Другие жаждут ее обретения потому, что им страстно хочется чувствовать к себе подобострастное отношение подчиненных и пребывать в уверенности, что ты как начальник в решающей степени предопределяешь их удобства и судьбу. Лесть в собственный адрес – нередко необходимейшая вещь для хорошего самочувствия «повелителя», как бы он ни был мал – особенно тогда, когда он вынуждает измордованного подчиненного принимать это как должное. Кого-то сильно влекут к себе такие крайности, кого-то не очень, но факт обретения начальственных возможностей почти всегда преображает видимое поведение людей. И тогда, наконец, становится понятно, что это отнюдь не преображение, а, если так можно выразиться, расцвет заждавшегося семечка в долгожданный цветок.

В моем отделе еще со времен директорства в институте генерала Беланова работала достаточно толковая сотрудница Лиля Чашкина. За несколько лет до этого она закончила приборный факультет МАИ. С работой она определенно справлялась не хуже других сотрудниц, но и не больно стремилась справляться значительно лучше, хотя, на мой взгляд, могла. Конечно, в стране, где так низко ценился умственный труд, я сам никогда не представлял, каким образом возможно устремить людей к более производительному труду, если нет любви к конкретному делу, что могло бы в некоторой степени компенсировать нехватку денег. И поскольку Лиле не светило перебраться в начальники (она понимала, что на-

чальниками секторов в отделе были более сведущие люди), стимула для особенного рвения у нее опять-таки не было. Когда я вернулся в свой бывший отдел после пяти лет работы в центре Антипова, Лиля была все там же в прежней должности, единственное, в чем она «приросла», была так называемая «общественная работа» – ее избрали проффоргом отдела. Функции профорга были необременительны – вовремя собирать членские взносы, наклеивать марки об их уплате в профсоюзные билеты и в учетные карточки и раз в квартал проводить профсоюзные собрания для отчета о выполнении повышенных соцобязательств по перевыполнению плана за истекший период и принятия новых на следующий. Единственное отличие профорга от любого другого рядового сотрудника состояло в том, что его подпись значилась под соцобязательствами коллектива отдела и под отчетами об их выполнении. За это в лучшем случае полагалась прибавка в несколько рублей к мизерной квартальной премии. С этими задачами Лилия справлялась играючи, и поэтому я не удивлялся, что она из года в год избиралась проффоргом отдела. Лишь однажды от одной из сотрудниц я услышал, что она не просто так соглашается принять на себя эту «общественную нагрузку», и даже стремится ее получить. В тот момент я не придавал данному сигналу никакого значения, но спустя много лет, когда перешел на работу в институт патентной информации, а Лилия перешла туда вслед за мной, я убедился, что реплика по поводу ее старания по-

лучить должность профорга относилась отнюдь не к поверхностной характеристике человека, а куда как к более глубокой. Сам я оказался не очень наблюдательным, и только после того, как во времена перестройки Лиля уволилась из института, чтобы работать в некоей проектной энергетической фирме, одним из учредителей которой был ее муж, я получил возможность узнать Лилю с новой стороны. Там она стала начальницей бюро стандартизации. После ухода в новую контору она появилась на прежней работе лишь однажды. Разговор о том – о сем прошел между ней и мной в обычном для подобных встреч духе. Особых изменений в отношении ко мне как бывшему начальнику я не заметил. Однако через некоторое время оставшаяся со мной любимая сотрудница Наташа (любимая в данном случае означает только то, что мне с ней было приятней работать, чем с кем-либо еще) призналась, что Лиля сделала ей предложение перейти в свое бюро, и она было согласилась. Там ей была обещана прибавка к зарплате, круг обязанностей был понятен и знаком, и обе дамы договорились, что как только Лиля оформит Наташин переход, она уволится из института.

– Понимаете, Михаил Николаевич, – вроде как извиняясь и оправдываясь, говорила Наташа, хотя я ее ни в чем не винил, – мы условились, что ОНА даст мне знать, что все готово к переходу, и вдруг она звонит мне и упрекает: «Ты почему мне не звонишь?» – Я отвечаю: «Лиля, мы же с тобой ДОГОВОРИЛИСЬ!» – «О чем?» – «Что ТЫ мне будешь зво-

нить». Тогда она сделала вид, что не понимает, о чем я, и сразу стала выпрашивать: «Скажи, тебе там что-то предложили, что ты теперь не хочешь ко мне переходить?» – Я говорю: «Ты же знаешь, что мне здесь ничего предложить не могут». – А она мне снова: «Так почему же ты мне не звонишь?» – Я снова ей говорю: «Мы же с тобой договорились, что ты мне будешь звонить. Если тебя не устраивает, что после такой договоренности я тебе не звоню, давай поставим на твоём предложении жирную точку». – «Нет, давай не будем ставить точку. Все остается в силе. Если ты готова перейти по моему сигналу, давай так и сделаем!» – «А разве мы не о твоём сигнале договаривались в прошлый раз?» – «Конечно, мы договаривались, – наконец подтвердила она. – Просто я считала, что тебе не худо поинтересоваться, как идут дела». – «Так они идут?» – «Идут, идут! Уже близки к завершению! Как это произойдет, я сразу тебе позвоню!» – «Хорошо, договорились».

И что же вы думаете, Михаил Николаевич? Через несколько дней она мне звонит и снова с упреком: «Наташа, почему ты мне не звонишь?» – «Лиля, зачем мне тебе звонить, если ты обещала это сделать сама? Ведь мы же договорились!» – «Но позвонить-то тебе тоже было можно!» – «Знаешь, – говорю, – если так, давай действительно поставим на наших переговорах жирную точку» – «Ну почему ее надо ставить?» – сказала Лиля. – «Ты не понимаешь?» – «НЕ понимаю!» – «Потому что мы уже дважды договаривались о другом, а тебя

это, оказывается, не устраивает. Извини, но это не устраивает уже меня». – «Нет, тебе там все-таки что-то определенно предложили, только ты не признаешься». – «В чем мне надо тебе признаваться? – отвечаю. – В том, что мне, оказывается, вопреки нашей договоренности ПОЛАГАЕТСЯ беспокоиться, не отказалась ли ты от мысли взять меня на работу?» – «Ну зачем же так!» – «А как? Что толку в моих обращениях, если мы уже договорились? Давай не будем толочь воду в ступе и окончательно решим: ты мне ничего не предлагала, я тебе тоже ничего не обещала. И разойдемся каждая в свою сторону». Ну как вам нравится эта история?

Всегда сдержанная Наташа на сей раз не старалась скрыть своего возмущения.

– Знаете, дорогая моя, я ее в этом качестве проглядел. Каюсь. Оказывается, ее мечта о начальствовании, едва-едва она успела осуществиться, сразу же потребовала от Лили обращаться с вами не как с бывшей коллегой, а как с просительницей, которой она вправе и отказать. Оказывается, она столько лет жаждала получить возможность посмотреть на кого-то сверху вниз, что поспешила сразу же показать вам, кто теперь правит бал. Вы согласны?

– А когда я бываю с вами не согласна? – засмеялась Наташа.

– Бываете, бываете! – в ответ засмеялся я. – вам сколько раз что-то доказываешь, у вас и логических возражений как будто нет, а все равно не соглашаетесь, требуя предста-

вить вам подтверждение МОЕЙ правоты официальными документами! Ну, откуда я вам достану такие документы? Бумажкам вы верите больше, чем мне. И так бывало не раз.

– Но я же не виновата, что так принято!

– Но я же вас в этом не виню – просто удивляюсь. Будто вы сами не знаете, какое вранье зачастую содержат документы. Помните свой же собственный любимый пример, когда в прессе сообщили, в каких рубриках помещались протоколы заседаний политбюро ЦК КПСС в рассекреченной части президентского архива СССР? Одна – протоколы заседаний политбюро, другая – ПОДЛИННЫЕ протоколы тех же заседаний. Первые для всех, кого касаются, вторые – только для «внутренней партии», как называл этот руководящий партийный круг Джордж Орвелл в романе «1984 год». Так в архивах и узаконивается вранье. А вы от меня справочку требуете для подтверждения МОИХ мыслей, и вам мало, когда я подтверждаю вам, что они мои. Разве не обидно? – закончил я, не скрывая усмешки.

– Я не стремилась вас обидеть.

– Но доверием все-таки не дарили. Значит не заслужил.

– Ну опять вы меня упрекаете. Это же я иногда...

– Ладно. Оставим это. А вам не кажется, что Лиля из-за своей жажды разыграть с вами скетч между начальницей и подчиненной потеряла куда больше, чем надеялась получить? Ведь за вами на своей службе она могла бы чувствовать себя как за каменной стеной, то есть просто ничего не делать

самой, а лишь давать вам развернутые указания, что, конечно, тоже могло бы согревать ей душу день ото дня, а так она вас сразу взяла и потеряла. Как вы считаете, а?

– Не знаю, Михаил Николаевич. Возможно. Она ведь долго еще продолжала меня уговаривать после того, как я отказалась. Говорила, что тогда у меня появится возможность покупать всякие вещи, как теперь это стала делать она.

– Вот видите, как много обе вы потеряли, – улыбнулся я. – Ей, конечно, было странно, что для вас оказалось важнее хорошее самочувствие на службе, чем презренный, но вожденный металл?

– А-а, какой там особенный металл! Не захотелось мне быть у нее в подчинении, тем более, с мелочными претензиями, вот и все!

– Как говорила старуха из Пушкинской «Сказки о рыбаке и рыбке» – «Чтобы служила мне рыбка золотая и была б у меня на посылках»?

– Именно! Желание точно такое же!

– «Ничего не сказала рыбка. Лишь хвостом в воде плеснула и ушла в глубокое море», – опять процитировал я.

Мы помолчали. Хорош был Александр Сергеевич! Почти на все случаи жизни.

Больше мы не говорили о Лиле никогда.

Спустя пятнадцать лет после этого случая я проходил со своими собаками по набережной, возвращаясь с гулянья к дому. Навстречу мимо нас проезжал светло-серый япон-

ский джип. За рулем сидела женщина. Я успел сначала отметить именно это, поскольку рядом находился мужчина, но в следующий миг понял, что вела машину Лиля. Она тоже посмотрела на меня чуть дольше, чем это требовалось при взгляде на случайного прохожего. Узнать меня было легко – я еще и в прежние годы ходил с седой бородой, а о пристрастии к собакам ей было и вовсе хорошо известно. Лилия тоже никак не изменилась. Довольно коротко постриженные светлые волосы, очки, прежний взгляд. У нас с ней у обоих ничего не дрогнуло в лицах – в моем – при взгляде на «барыню сударыню дворянку» в современном джипе, хоть и не самом блестящем. Ее лицо тоже никак не изменилось, глядя на мое. Незадолго до этого я еще от одной сотрудницы слышал, что Лилия давно не работает и, подобно нам с Мариной, подолгу живет в деревне где-то во Владимирской области. Там такой джип очень мог пригодиться. Что промелькнуло в Лилиной голове при взгляде на меня пешего, хотя и с собаками, нельзя было понять. Могла ощутить свое превосходство, могла и позавидовать мне, что, правда, куда менее вероятно. Одно могу сказать точно – ни у меня, ни у нее не было ни малейшего желания задержаться хотя бы на миг, тем более – завести разговор. Должно быть, мы с ней давно уже обо всем вполне наговорились. А что же до того, была ли она счастлива, получив достаточно денег для приобретения в общем-то впечатляющих вещей, я думаю: а почему бы и нет? Если после этого не возникает других желаний,

то можно быть довольной жизнью, осеняемой этим *le petite beauneure*. Лиля вполне могла довольствоваться подобным, но кто знает, могла мечтать и о чем-то много большем. В общей сложности я наблюдал ее в течение двадцати с лишним лет, но сказать что-то определенное о ее внутренних устремлениях не мог. Это выпадало из сферы нашего совместно-го пребывания на работе. Знать о ней то, что требовалось по деловой части, я разумеется, знал. Но ведь только к этому не сводился ни интерес к давней сотруднице, ни желание полноценно представлять ее личность с разных сторон.

А дефицит соответствующих знаний я ощутил еще во время подготовки к одному из последних за время нашей совместной работы праздников Восьмого марта. Я купил тогда шоколадки и поздравительные открытки числом, превышающим коллектив моих сотрудниц. Дело было в том, что они сидели в одном помещении с двумя работницами другого сектора, а я счел неудобным поздравлять с Женским днем только своих на глазах других непоздравляемых дам. Мне тогда не составило особого труда написать посвящения всем, кроме Лили – как своим, так и мне не подчиненным, а с ней – как заколодило, и это сразу озадачило меня. Модель поздравления была общей почти для всех случаев, индивидуальная особенность каждой дамы передавалась только одним атрибутом. Наташе я написал «Самой таинственной из наших красавиц», поскольку она действительно демонстрировала явное нежелание пускать кого-то в свою лич-

ную жизнь. Ламаре была адресована фраза «Самой изящной из наших красавиц» – и к этому тоже имелись достаточно веские основания – она очень следила за тем, чтобы ее стиль никогда не подвергался сомнению. Ларисе из «чужого сектора» я написал «Самой грациозной из наших красавиц», поскольку ей была свойственна несколько неожиданная для ее тяжеловатого на вид тела особенность делать наклоны, заклоны и повороты в талии с громадными амплитудами. Даже юной Наталии из того же сектора, которая в двадцать лет успела уже в третий раз выйти замуж, я без особых раздумий написал подходящую фразу: «Самой прекрасной из наших ветрениц» – и тоже не погрешил против Истины. А вот с посвящением для Лили никак не клеилось. Я долго подбирал как будто подходящие к случаю эпитеты, но ни один из них почему-то не отличался с достаточной степенью достоверности. Да, отчасти ее можно было охарактеризовать и теми словами, которые я использовал в поздравлениях другим дамам, но вот для Лили своего отдельного и верного среди них не было. Всякий раз меня останавливало от прегрешения против правды какое-то внутреннее чувство, которому я всегда доверял. Наконец, изломав немало словесных копий, я, понимая, что допускаю некоторую передержку, написал: «Самой нежной из наших красавиц».

Ламара первой отреагировала на допущенное мною несоответствие: «Лилия! А тебя я, оказывается, проморгала!» Этот возглас явно свидетельствовал о каком-то скрытом

предубеждении, с которым я до сих пор не сталкивался. Как его надо было понимать? Лиля никогда не вела себя вызывающе и, в общем-то, жила примерно, как все. Те же проблемы, те же тяготы, та же скука на работе, то же однообразие дорабочих и послерабочих буден в магазинах, в доме, в семье без какого-либо отличия от жизни подавляющего большинства замордованных работой, детьми, очередями в магазинах, давкой утром и вечером на транспорте советских, а потом постсоветских женщин. Только у Лили была еще одна отягощающая особенность – потерявшая память свекровь. Матери ее мужа было не очень много лет, однако она, не впадая в буйство, дьявольски осложняла жизнь снохе самым обычным образом – делая под себя, пачкая белье, постель и полы. За что ей выпала такая участь, Лиля не знала. Возможно, она бы и развелась, если бы было куда уйти жить вместе с сыном. Как-то в отделе у меня сразу с несколькими дамами шел разговор на нерабочие темы. Я спросил, бывали ли у них случаи, когда они готовы были убить своих мужей. Первой отозвалась Лиля: – «О, сколько раз!» И хотя ее ответ в принципе не отличался от прочих, скорость, с которой он был выдан, тоже кое-что говорила о накале ее недовольства своей судьбой. Она чувствовала себя в западне и под гнетом, который вся семья мужа свалила на нее одну, полностью устранившись от возни с матерью мужа и его родного брата. Этот груз тиранил ее много лет, прежде чем свекровь была прибрана из этого мира. Лиле сра-

зу стало легче. Это было заметно и со стороны. Повзрослевший сын поступил в МГУ на мехмат. Он оказался очень способным математиком и после окончания курса без задержки защитил сначала кандидатскую, а затем и докторскую диссертацию по работам в области высшей алгебры. Появилась возможность гораздо больше, чем раньше, думать о себе и делать нечто для собственной пользы. С приходом капитализма на смену «развитому социализму» обстоятельства позволили и ее мужу, и ей самой зарабатывать уже не только на текущие потребности, но и сверх того, что было по-настоящему приятно. Возможно, в душе у Лили наконец-то загорелось если не счастье в полном объеме, то по крайней мере, удовлетворенность и покой. Конечно, жизнь по-новому не гарантировала ей постоянного веселья, но ведь теперь можно было не просто существовать, но и отгородить себя от множества неприятностей, которые постоянно угнетали ее прежде и о которых теперь не хотелось вспоминать. Теперь лишь бы здоровье не подводило. А так – много ли можно для себя ждать из области мыслимого счастья, когда тебе уже идет седьмой десяток лет? Господи, до чего хорошо стало после того, как она совсем распрощалась с работой и смогла удалиться от городской жизни, от всех забот мужа и сына и просто жить для себя, в свое удовольствие, занимаясь садом, огородом и цветами – разве это не было похоже на рай после всего, что ей выпало перенести? А что до любви, то какая была у нее любовь и радость от любви, что-

бы она снова этого хотела? Оставшуюся часть жизни лучше, несравненно лучше, было посвящать спокойному пребыванию в мире с самой собой.

Так совпало, что случайная встреча глазами с Лилей Чашкиной, оставившая нас совершенно равнодушными друг к другу, пришлась на время празднования юбилея Сергея Петровича Капицы, старшего из двух сыновей знаменитого физика, любимца Резерфорда, Нобелевского лауреата Петра Леонидовича Капицы. Как и отец, Сергей Петрович стал физиком-экспериментатором, хотя окончил самолетный факультет МАИ (по-видимому, отец посоветовал ему для пользы дела стать квалифицированным инженером, пообещав, что физике научит его сам). Однако большую известность Сергей Петрович приобрел в обществе после того, как стал ведущим телевизионной передачи «Очевидное — невероятное». Он действительно преуспел в популяризации естественных и точных наук, умело выбирая собеседников из числа авторитетных ученых и специалистов, тактично и не без оживляющего остроумия управлял ходом научных экскурсов и дискуссий. Он и его брат Андрей были опорой отца, когда тот подвергся гневу Берия-Сталина за отказ участвовать в разработке ядерного оружия и был отлучен от директорства в своем институте физических проблем, а потому был вынужден работать и экспериментировать на даче на Николиной горе. Сергей Петрович был первым, не считая, возможно, военных, кто вместе с будущим

академиком Мигдалом освоил подводное плавание с аквалангом и чьей заслугой были съемки первых документальных фильмов, посвященных исследовательскому и спортивному дайвингу. Жизнь Сергея Капицы после рождения в Англии, возвращения с семьей в СССР на протяжении восьмидесяти лет до широко отмечаемого в России его юбилея как ученого, спортсмена, популяризатора науки представляла всеобщему обозрению как действительный пример насыщенной событиями и целеустремленной жизнедеятельности, о которой остается сказать одно: да, его жизнь удалась и была вполне успешной, несмотря на то, что каких-либо выдающихся открытий в науке, чем прославился его великий отец, он как будто бы не совершил. Как явствовало из его слов, кое-какие ученые люди пощипали в свою пользу некоторые работы, выполненные его отцом и им самим, но Сергей Петрович говорил об этом с воистину британским выдержанным юмором, как видно, не очень жалея, что высшая слава в науке к нему не пришла. Жил ли он интересно? Несомненно! Был ли знаком со знаменитостями? Не то слово! Многих даже знал с детских лет, потому как был не только сыном великого ученого с мировой славой, но и деда с меньшей славой – математика, гидродинамика, основоположника теории корабля академика и еще царского флота генерала Алексея Николаевича Крылова, академика и высшего научно-технического флотского авторитета. Учился снимать кинофильмы у знаменитого режиссера Калатозова и знаменитого кино-

оператора Урусевского. Почтительно дружил с родоначальником подводного плавания с аквалангом и одним из его изобретателей Жаком-Ивом Кусто, известного не меньше, чем Римский Папа.

Словом, за какую ниточку из клубка жизни Сергея Петровича Капицы ни потяни, обязательно вытянется интересная история и удивительный человек, а то и сразу несколько. Короче, если с чем-то сравнивать кипучую деятельность Сергея Петровича, то это густой насыщенный бульон из всего, чем богата наука. В нем присутствовали высокие интеллектуалы, новаторы спорта, думающие политики, а также прекрасные дамы, вокруг которых вьются все эти мозговитые и успешные профессионалы. Казалось бы, чего еще надо человеку, который любит соединять собственные увлекательные занятия с занятиями других людей в атмосфере частных партий, посещаемых немногими избранными. И в атмосфере широчайшей публичности тоже. Удалась ему жизнь? Еще как! Он остался свеж, бодр, полон любознательности и прямо-таки фонтанировал энергией. В свои восемьдесят лет так может просто служить образцом. Другие еле тянутся вслед ходом времени в куда более раннем возрасте, а «молодой Капица» и в свои восемьдесят бодро держится среди молодых застрельщиков.

И все же одна вещь в его поведении меня удивила. Отвечая на вопрос из аудитории, верит ли он в Бога, Сергей Петрович дал понять, что нет, не верит, что он естествен-

ник и следует традиции науки, которая, видимо, по его мнению, обходится или должна обходиться без веры. Странно было слышать такое от человека, посвятившего себя познанию Мира с его эрудицией, воспитанием, средой обитания, крещеного православного, наконец. Ну, ладно, положим, насчет самого крещения родители ребенка не спрашивали. Но Петр-то Леонидович, отец, бесспорный столп науки, пошел на это религиозное действие ради своей матери, жены или даже ребенка, независимо от того, насколько он сам был захвачен религиозным рвением! У меня нет претензий к атеистам, кроме одной. Если они не просто отмахиваются от Бога, а считают, что в картине мироздания, насколько она видна современной науке, места для Него нет, то как это они позволяют себе не замечать разумности его устройства, которое не может быть следствием «самоорганизации материи», хотя основной долг ученых – открывать законы этой разумности, ПРЕДПОСЛАННОЙ сотворению Вселенной, лежащей в основе БЫТИЯ, а не порожденной изначально неразумным бытием. Лично я, несколько не крещенный, не принадлежащий ни к какой религиозной конфессии, отбросил атеизм, в котором был воспитан, и стал верующим в Бога сам по себе без посредства церковных институтов. У меня и мысли нет насчет того, что Сергей Петрович Капица знает об этом меньше меня. Почему же тогда он отвергает от себя абсолютно ясный факт – существование разумного плана построения и развития Мироздания, который

по логике закономерных протекающих событий и процессов, наблюдаемых наукой, не может быть ничем, кроме Божественного Промысла? Где тут его научная добросовестность или хотя бы поверхностная «объективность», в конце концов? Здесь его позиция соответствует абсолютизации ошибочных и частных представлений о возможностях и открытиях науки в сравнении с Промыслом Создателя, в котором содержится полная Истина, и в этом смысле профанатором Истины являются не попы, а он, высокообразованный насквозь пропитанный всяческими конкретными, но все равно лишь частичными знаниями, председатель научного сообщества через просвещаемую им общественность. У меня нет ни малейшей охоты пафосно обличать Сергея Петровича Капицу в том, что он неправомерно исповедует атеистические убеждения. Не хочет – не надо, от этого плохо может стать в первую очередь именно ему. Такому успешному, правильному, как будто бы даже праведному.

Но как мыслитель он был обязан очищать свои представления от противоречий и ложных посылок – иначе какой он ученый? А не видеть мудрости мироустройства, повторяю, он просто не мог. В этом смысле каким контрастом рядом с ними представлялась Наталья Петровна Бехтерева, внучка знаменитого психиатра, физиолога, основателя рефлексологии и Института мозга академика Владимира Михайловича Бехтерева, и сама академик и многолетний директор Института мозга. Ей-то в процессе научных изысканий

стало понятно, что не в человеческих возможностях постичь своими силами все знания, определяющие то, что происходит вне нас и внутри нас, если на то не будет Особой Воли Создателя, а если точнее – Его Милости как следствия каких-то наших чрезвычайных заслуг в Его глазах. Наталья Петровна достаточно честно и определенно призналась в том, что методами нашего традиционного умственного взлома, мозгового штурма и прочими силовыми воздействиями тайны, лежащие под поверхностью нынешних знаний, ни за что не раскрыть против Воли Творца, который стал ограничивать наше познание, убедившись в том, как скверно мы используем многое из того, что нам уже дали понять, в абсолютно скверных и неблагоприятных целях. За это признание президиум российской Академии наук организовал специальную комиссию из членов академии для борьбы с псевдонаучными явлениями, имеющую своей первой мишенью академика Бехтереву. Но Наталья Петровна проявила достаточно смелости и ума, чтобы с сарказмом относиться к попытке возрождения «научной» святой инквизиции сталинского типа в нашей стране. Надо полагать, что эта комиссия стала прекрасным прибежищем для титулованных научных паразитов или потерявших свои прежние творческие способности людей, которые хотят по-прежнему числиться активными поборниками «чистоты в науке».

А чем провинилась в их глазах академик Бехтерева? Тем, что верует в Бога, основываясь на своих научных знани-

ях и наблюдениях? Тем, что признает феномены, объяснить которые современная наука не в силах? Тем, что понимает, что грубым взломом ничего не добьешься, пока человечество не возьмется за ум и не докажет, что оно способно развиваться в том направлении, которое Угодно Творцу, а не по тому, куда увлекает его своекорыстный эгоизм нынешних людей и особенно правителей?

Смешно пытаться браковать ученого за то, что он верует в Бога. Почему тогда начали с Бехтеревой, а не скажем с сэра Исаака Ньютона или нашего соотечественника академика Ивана Петровича Павлова, Нобелевского лауреата? Или их достижения, которыми они облагодетельствовали человечество, надо отправить на свалку из-за того, что их результаты были получены «антинаучными методами»? Примеры этих корифеев Мировой науки не мешало бы иметь в виду и таким людям, как Сергей Петрович Капица.

Он ведь не может не признать, что сэр Исаак Ньютон превосходил умом не только его самого, но и возможно, и его великого отца Петра Леонидовича Капицу. Неужели в наш век, тем более – после крушения и позорного фиаско безбожного марксистско-ленинского коммунизма ученый все еще должен стыдиться признавать, что человеческий ум – лишь скромная, даже более чем скромная, частная производная от Абсолютного Разума Создателя? Повторяю, у меня нет желания упрекать Сергея Петровича Капицу за его атеизм, тем более, что он по природе своей не имеет ничего общего с насто-

ящими обскурантами, но понять его позицию с точки зрения непредвзято мыслящего и объективного исследователя я не в состоянии.

На мой взгляд, Сергей Петрович Капица по собственной воле сократил даже не толщину пограничного слоя, а величину пространства, в котором ему и его высшему духу было дано оперировать в качестве Человека Мыслящего, и занятого любимым делом. Интересно, почему произошло с ним такое, в ту же самую эпоху, в том же самом возрасте, когда многие бывшие безбожники приходили к убеждению, что ошибались в прошлом сами или слепо следовали ошибочным примерам своих наставников, в чем находили силы признаться не только про себя, но и вполне прилюдно? Возможно, в некотором смысле с ним, молодым Капицей, сыграло плохую шутку постоянное пребывание в элитарном интеллектуальном кругу, где, должно быть, сама собой возникла иллюзия, будто ум человеческий настолько всемогущ и всеобъятен, что у него нет необходимости прибегать к такой абстрактной условности, как существование Господа Бога – Творца всего сущего, Всевидящего, Всезнающего и Всемогущего.

Как ни удивительно, но в смысле взглядов на жизнь в мире, несущем на себе печать Непреложного и Безначального Бытия Божьего, у меня возникло ощущение большей общности с человеком явно из другого культурного слоя, к тому же принадлежащего теперь к классу новых российских

капиталистов.

Началось все очень обыкновенно. Я шел под парусом на байдарке из своей деревни к устью реки Рени, пока почти не уперся в один из островов, отделяющих ее от Мологи. Пока я убирал парус, ко мне подошла небольшая надувная моторная лодка с мужчиной и двумя подростками. Мы поздоровались, а мужчина спросил, попали ли они на Реню.

– Да, – подтвердил я, – показывая рукой на запад. – Вот оттуда она сюда и течет.

Вид у ребят был не очень веселый. На Моложских плесах гуляла не очень высокая, но крутая волна, и их лодка, если они шли от Весьегорска, наверняка изрядно наталкивалась туповатым носом в каждую встречную волну, поднимая веер брызг, сносимых ветром обратно к поднявшей их лодке. Паренькам, забрызганным с ног до головы, было лет по двенадцать-тринадцать, тогда как мужчине – где-то между тридцатью и сорока.

– Вам, наверно, стоило бы остановиться на бивак, согреться и обсушиться, – добавил я. – Тут немного подалее есть подходящие места.

– Далеко?

– Километра два с половиной. Там увидите. Справа места получше, но сейчас они скорей всего заняты. А слева, напротив, вряд ли кто стоит, но устроиться и там несложно.

– Понятно. А к верховьям Рени можно пройти?

– Можно, – сказал я, посмотрев на лодку. – Желательно

только придерживаться коренного русла.

– А как?

– Видно его не везде, но во многих местах – с двух сторон пеньки вылезают по старым берегам. На небольшой скорости в сомнительных случаях тоже пройдете. Главное – винт берегите.

– Ну, хорошо. Спасибо. Мы пойдем.

– Всего доброго.

Мальчики тоже кивнули мне. Затарахтел их японский моторчик – гудбай, компания.

На другой день я увидел, что они остановились на левом по ходу берегу. На правом расположилась уж слишком шумная команда. На природе пилося хорошо и привольно – красота! Рыбу круглые сутки ловить не будешь, а водка или что там еще, в любое время хорошо идет по горлышку и ниже.

Я погреб поближе к знакомой троице. Но не стал вылезать. Спросил, хорошо ли устроились.

– Да все в порядке, – заверил мужчина. – Вот только те на другом берегу, орут во все горло.

– Ну да. И притом матом.

– Завтра мы двинемся дальше.

– Обсушились, обогрелись. Я смотрю, парни ваши повеселели.

– Да они и так не очень грустили. Зато опыт приобрели.

– Это верно, – усмехнулся я. – Знаете, что сказал об этом

Марк Твен? – «Путешествия развивают юношество и изнашивают брюки».

– Здорово! – восхитился мой собеседник, а ребята заулыбались.

На этом разговор закончился, и я пошел на свою привычную дистанцию дальше. Сотни раз виденные места были известны мне довольно подробно, но так и не надоедали, как и небо над лесами и водами, потому что все это одушевлялось таинством первородной красоты, удивительной свежестью от прикосновения веслом к воде или рукой к траве или хвое.

Через пару дней я еще раз увидел семейную компанию. Они тоже узнали меня по парусу над байдаркой. Мужчина замахал руками, я ответил и крикнул, что зайду на обратном пути. Они остановились примерно там, где в Реню впадает речка Шарица, а сама Реня резко меняет направление с запада на восток и течет с юга на север. Пройдя дальше сколько хотел, я убрал парус и пошел себе обратно на веслах. Меня уже ждали как гостя.

Мужчина спросил, как меня зовут, и в свою очередь откомендовался Борей, затем представил мне обоих парней. Один – Данила – был его сыном, другой – Иван – племянником.

– Вы не из Москвы? – спросил я, полагая, что они из какого-то другого места.

– Нет, мы из Рыбинска. Вот отпуск себе устроил на деся-

ток дней, и мы с ребятами дунули на Реню.

– На большее время уйти не получается?

– Нет, никак. Я знаете, – чуть смутившись, продолжил Боря, – главный акционер предприятия «Рыбинские моторы», так что трудно отрывать много времени для себя.

Я не без удивления взглянул на собеседника. Лет действительно не больше тридцати пяти, а уже главный акционер, да еще какого предприятия – одного из крупнейших производителей авиационных двигателей в СССР! Если даже производство с тех пор сильно «подсело», то все равно оставалось немаленьким – это я слышал по радио. Двигатели и запчасти к ним для старых самолетов их постоянно приходится выпускать.

Боря догадался, о чем я думаю.

– Тут мне советовали изменить устав нашего акционерного общества. Дело в том, что в соответствии с ним члены правления должны иметь высшее образование, а у меня его нет.

Я не сумел удержаться от улыбки:

– Разве в наши дни трудно приобрести соответствующий диплом?

– Да я знаю, но мне так неохота. Лучше уж сам выучусь.

– Это похвально. Я хочу сказать – польза обязательно будет. Я ведь сам по образованию инженер-механик.

– А сколько вам лет?

– Семьдесят два.

С этого момента я ощутил к себе особый интерес со стороны Бори. Он пристально вглядывался в мое лицо и фигуру, как будто стараясь прикинуть мое состояние к себе.

– Надеюсь, вы не находите странным мои занятия с точки зрения возраста. Я хожу в походы с восемнадцати лет и жалею только о том, что поздно начал. Вот Даниле и Ивану заняться этим в самый раз. Только вот в мое время не было ни моторов, ни хорошего легкого снаряжения, а то и вообще никакого. Слава Богу, теперь с этим все хорошо, были бы деньги. Но уметь обходиться без моторов хорошо и сейчас.

– Я вас очень внимательно слушаю, – с жаром сказал Борис.

– Вижу. Вы-то сами раньше не путешествовали?

– Нет, но вот, как видите, начал. Данила – мой сын от первой жены. А со второй у нас еще двое детей, только они еще маленькие. Я стараюсь оградить их от всего нездорового: от телевизора, от компьютерных игр и всего такого, что плохо действует на глаза и на нервы.

– Ну, с этим тоже не стоит перебарщивать, – заметил я. – Полностью на всю жизнь отгородить их вам не удастся, а приучить к их использованию и вообще к их присутствию в жизни необходимо. Изоляция кроме пользы может принести и вред.

– Я понимаю, – закивал головой Боря. – Понимаю! Но ведь столько гадости сейчас вываливается из всех этих устройств и удобств! Вот, могу поделиться с вами своим

опытом. Решил я отдать Данилу на обучение в продвину-
тую школу и устроил по рекомендации в школу с пансионом
в Обнинске.

– Знаю. Физика хотели из него сделать?

– Какое там физика! Это стоило мне восемьсот долларов
в месяц – а результат? Он физику знал там хуже, чем в са-
мой завалющейся обычной школе. Я специально попросил зна-
комого преподавателя определить уровень его знаний – так
он и открыл мне глаза! В этой школе, оказывается, больше
всего заботились о том, чтобы ученик, за которого платят
такие деньги, был бы всем доволен и, упаси Бог, не пожало-
вался родителям, что там ему плохо. Я, как все это выяснил,
сразу его оттуда забрал. Теперь вроде учится и развивается
нормально.

– Это вот англичане в дорогостоящих закрытых школах
с учениками не церемонятся. У них в традиции – жесткое об-
ращение с воспитанниками – закаляют на всю дальнейшую
жизнь. Возможно, в этом один из секретов живучести и про-
цветания британской аристократии.

– Вот-вот! – подхватил Боря. – Это именно то, что нужно!

– Правда, это традиционно влечет за собой охлаждение
отношений между родителями и детьми, но там они об этом
не горюют, – возразил я. – Кстати, Боря, раз уж зашла речь
об образовании сына, советую дать ему узнавать геогра-
фию, так сказать «в живую». Покажите ему в путешествиях
не только родную страну, но и за границу.

– А я так и делаю. Мы с Данилой уже были в Шри-Ланке.

– Вот это здорово! – обрадовался я. – Вы, наверное, видели там фрески на камнях с изумительными женщинами?

– Видели, видели! Потрясающие красавицы!

Мы обменялись понимающими взглядами. Более привлекательных по телесной красоте дам с обнаженной грудью (как правило, большой и вытянуто-эллипсоидной), тонкими талиями и пышными бедрами ни в какой другой галерее мира, наверно, не было и нет.

– К этим красавицам надо подниматься по скалам? – спросил я.

– Да нет, не по скалам. Там англичане такие металлические лестницы с маршами и площадками построили, а иначе не влезть.

Я хотел сказать, что у меня такая жена, но удержался. Зато со мной поделился Боря:

– У моей жены два метра росту.

– Великолепно! – отозвался я, отметив, что Боря был минимум на четверть метра ниже. Ну, это не беда, а возможно, даже счастье для мужчин, готовых утонуть с головой в таком изобилии и роскоши. Как-то сама собой вспомнилась фраза одной из совсем малозначащих героинь романа «Время жить и время умирать» Эриха Марии Ремарка: «Господин крейслейтор обожает высоких блондинок!». Впрочем, я не стал узнавать у Бори, какая у него жена – блондинка или брюнетка (лично я предпочел бы второе, чтобы все бы-

ло как у красавиц Шри-Ланки), но все равно мне захотелось на нее взглянуть.

– Вы живете где-то неподалеку? – спросил Боря.

– Да, в деревне, мимо которой вы проходили. Там мы с женой купили простой деревенский дом.

– Ну и хорошо! – одобрил Боря. – Я себе в городе построил деревянный дом, чтобы для семьи была обеспечена самая здоровая обстановка. И представляете, в чем сложность – теперь почти никто не умеет работать – еле-еле электрика нашел, чтобы электропроводку в доме сделать.

– На своем предприятии нашли?

– Нет. Это оказался безработный инженер.

– Как же вам теперь налаживать основное производство, если работать никто не умеет? Это же все-таки авиационные двигатели, а не что-то еще!

– Учить придется вновь набранных. Ну, и старых надо привлекать.

– Пойдут?

– Пойдут, если платить будут.

– А будете?

– Постараемся.

– Боря, ведь вам еще немного лет. Не знаю, как вы преуспели в бизнесе, но мне в высшей степени приятно, что для вас есть вещи, более важные, чем деньги и прибыль. Если это свойство останется при вас, то, полагаю, в жизни будет все путем и с семьей, и с детьми, и с женщинами до глу-

бокой, можно сказать, старости – вы уж мне поверьте. – Тут Боря кивнул, соглашаясь со мной. – И пусть деньги служат вам, а не вы – деньгам.

Боря вновь понимающе кивнул. Он угощал меня грибным супом, и очень жалел, что я отказываюсь. Тогда он достал откуда-то огромное яблоко и предложил мне.

– От такого не откажусь, – сказал я.

Оказывается, Боря отпускал обоих своих парней одних на лодке в город за хлебом. Туда и обратно это было около тридцати километров по воде. Случись что с мотором, пришлось бы поволноваться и Боре. Но ребята справились, и я был рад за них. В разговор взрослых ребята не встревали, но при обращении к ним делали все быстро и хорошо.

– А ваша жена не была на Цейлоне? – поинтересовался я.

– Нет, она тогда только родила ребенка. Ей от него нельзя было уезжать.

Борю явно занимало будущее – не в самом общем смысле, а в том, насколько хватает человека для активной и полноценной жизни. Видно, у него были большие планы, о которых я, естественно, ничего не спрашивал, хотя был бы не против их узнать. Вот уж не думал, что на воде познакомлюсь с симпатичным капиталистом, думающим в первую очередь о том, что человеку пристало делать, а чего не пристало. Вместо Канар или Таиланда пришел вот сюда, погрузился в лоно родной природы с радостным ощущением, что лучше, чем здесь, вряд ли где может быть. Видно, кроме

коммерческого нюха и проницательности расчетливого инвестора в нем глубоко укоренилось здоровое инстинктивное тяготение к истине «где родился, там и пригодился», то есть там, где по Воле Божией надлежит быть и радоваться всему, что дает понимающему человеку Всемилостивейший и Всезнающий Творец.

Глава 8

Вторая мировая война окончилась больше шестидесяти лет назад и вроде бы стала историей. То есть для тех, кто не жил, пока она шла, отнимая все силы от граждан воюющих государств, она действительно сделалась всего лишь историческим фактом, лишенным эмоциональной окраски и каких-либо образных подробностей, но для ее современников война представляла собой нечто другое, – причем столь огромное, что сколько ни насыщай ее новыми дополнительными сведениями, все казалось мало, все было недостаточно для того, чтобы правильно представлять себе ее в полном объеме как в оперативном или стратегическом виде, так и в человеческом плане – в плане восприятия тех, кто сражался, кто работал и выживал, кто терпел страшные муки за себя и своих близких и кто их причинял другим. Праведная боевая доблесть (а иной она как будто и не бывает) оставляла за собой пространства, усыпанные телами убитых людей и искалеченной, хотя и сделанной из добротнейшего металла, военной техники. Наступающие и отступающие армии делали свое дело с большей или меньшей эффективностью, но всегда с однотипными результатами что в обороне, что в наступлении. По обе стороны фронта технология ведения войны производила одно и то же – убитых, раненых, искалеченных душой и телом людей и превращенных прак-

тически в ничто изумительных порождений человеческого разума в виде машин, танков, самолетов, кораблей и всевозможной ценнейшей аппаратуры.

Я был всего лишь мальчишкой в возрасте от восьми до двенадцати лет, пока продолжалась война, мне всего лишь несколько раз случалось переживать в Москве бомбежки немецкой авиации, и я всего лишь раз слышал действительно близкий взрыв пятисоткилограммовой бомбы, но даже не будь рядом со мной этого взрыва, я бы все равно так надышался атмосферой войны, что она вовек бы никуда не ушла из моего живого сознания (теперь бы, правда, сказали бы иначе – из моей «оперативной памяти»). Я знаю о войне достаточно много, чтобы с гневом опровергать чье-либо вранье насчет того, как проходили отдельные сражения и целые кампании в бравых воспоминаниях уцелевших вдали от «передка» мемуаристов, кто бы их ни изливал, будь то официальные военные историки, бывшие крупные полководцы или фанатичные поклонники Сталина, либо Гитлера.

Общая схема основных судорожных движений воющего человечества остается хорошо понимаемой вне зависимости от маскирующих или приукрашивающих усилий любых комментаторов с любой из сторон, но лично мне знания этой схемы мало. Я постоянно чувствую перед собой обязанность в меру своих сил отделять зерна истин от плевел лжи, поскольку вранье не прекращается, а многие истины все еще злонамеренно (иные считают, что и во благо) скры-

ваются за семью замками, причем ясно, что многое не собираются рассекретить и еще через пятьдесят или сто лет, настолько это СКРЫВАЕМОЕ по своему характеру неприлично, обидно и непристойно.

В связи с юбилеем своего покойного отца маршала Советского Союза Родиона Яковлевича Малиновского его дочь в недавно прошедшей с ее участием телевизионной передаче привела один свой разговор с отцом. Она спросила папу, почему он не пишет и не издает свои мемуары, как это делают другие его коллеги того же уровня. И маршал ответил ей так, как она совсем не ожидала: «Пусть врут без меня».

Там ценней для меня воспоминания тех, кто ничего не издает (хотя есть, безусловно есть и такие, кто пишут и издают только правду, хоть и не всю) и у кого над плечом не торчит, бесцеремонно заглядывая в рукопись, цензор из ЦК, Главлита или ГлавПурфа, то есть рассказы тех, кого побуждают говорить только собственные переживания и собственная совесть. Услышанное ненароком от реальных участников войны, от фронтовиков, чего только ни навидавших в ретиредах на собственной земле и в наступлениях на своей, а затем и на чужой территории, в том числе и во время триумфов нашей славной армии, представляется мне именно тем истинным материалом, который только и способен передать потомству действительный образ войны – даже несмотря на то, что новым поколениям (а их уже народилось целых три после Второй Мировой) это, за редкими исключениями,

и безразлично, и не интересно. Чудовищный опыт совсем недавнего прошлого (он только для молодых, то есть более молодых, нежели я, людей представляется чем-то древним) все-таки должен кого-то учить и в будущем, ибо есть глупости и дикости, которые не стоило бы повторять, а уж Вторая-то Мировая война безусловно была из их числа.

С Володей Костеловским – мужем Нади, подруги моей первой жены Лены и моей приятельницы тоже – я познакомился в одном из первых наших походов на собственной байдарке «Луч». У Володи с Надей была точно такая же байдарка, но сама Надя в этот поход пойти не смогла, и в Володином экипаже ее заменила другая подруга Нади и Лены по факультету. О своей семье Володя однажды рассказал, что его бабушка, революционерка с дореволюционным стажем, была знакома с самим Владимиром Ильичем. Но упомянул он об этом немаловажном факте отнюдь не для хвастовства, а чтобы показать, из какой среды он произошел, в каком духе его воспитывали и откуда у него в голове появились определенного рода глупости. Наверно, именно поэтому и о самом знакомстве его бабушки с Лениным он упомянул не без иронии. На одном из ранних уже советских съездах РКП (б), встретив в кулуарах Володину бабушку, вождь революции живо заинтересовался ее делами, но узнав, что она делегат съезда только с совещательным, а не решающим голосом, сразу потерял к ней всякий интерес и пошел привлекать на сторону своей платформы кого-то другого.

Тем не менее, Володя был бесспорно воспитан в духе преданности родной коммунистической партии и абсолютно советского патриотизма. В первый же год войны он ощутил глубокую потребность исполнить свой высший долг на фронте, когда родная страна, мировая колыбель социализма, подверглась страшной опасности, хотя ему только-только исполнилось шестнадцать лет. Но он был парень рослый, физически хорошо развитый – не только идейно подготовленный к «труду и обороне», и потому он без труда обошел формальности призыва и был зачислен в Красную Армию, тем более, что после постигших ее приграничных катастроф противостоять гитлеровским ордам становилось все труднее и труднее. По-видимому, красноармеец Костеловский начал свою войну с Гитлером в 1942 году. Это было на Северном Кавказе, где войска фельдмаршалов фон Бока и фон Листа развивали наступление с целью овладения нефтепромыслами Грозного и Баку, а также прорыва в Центральную Азию. Первые же бои, как правило, неудачные для наших войск, не только не сломили Володиного энтузиазма и желания дать Гитлеру сдачи, но и укрепили его в стремлении сделать это. После одного из боев он потащил за собой совершенно деморализованного политрука, неся на себе еще три винтовки (а как же? Нельзя, чтобы оружие убитых товарищей досталось врагу! Они еще ох как пригодятся!) и вышел к своим. Скорей всего именно с той поры он начал критично относиться к словам и делам советской власти и коммунистиче-

ской партии. Ежечасно говорилось одно, происходило и совершалось другое. Непобедимая сила ленинских идей, оказывается, никого не побеждала даже силами как будто вдохновенных ими людей. Командование было скверное, потери-огромные.

Правда, немцы хоть и сильно перли, но тоже постепенно выдыхались. Прорывы на глубину в тысячу километров даром не проходят – и люди не железные, и снабжение наладить нелегко. А там и наши войска уперлись. И немцы дали задний ход, постепенно оставляя захваченное нахрапом.

Наш с Володей поход был по озеру Селигер, вытекающей из него реке Селижаровке, а затем по Верхней Волге до Ржева. Надо полагать, именно встреча с этими местами и названиями заставила Володю припомнить еще кое-что. Бездарные попытки Жукова сбросить немцев с достаточно близкого к Москве Ржевского выступа до первого квартала 1944 г. не приводили к успеху. Народу было угроблено множество, но, наконец-то, и немцам пришлось оттуда уйти. Где-то к северо-западу от Ржева Володя был ранен сразу в обе руки. На санитарный поезд, в котором он ехал в тыл, напал немецкий истребитель. Первым делом он пролетел над составом, расстрелял паровоз, а потом развернулся и занялся вагонами. – «Что же он там натворил!» – вспоминал без подробностей Володя, полагая, что и так вполне ясно, что может сделать несколькими своими пулеметами опытный летчик, когда не рассчитывает встретить противодействие с земли.

Разгромленный санитарный эшелон представлял собой, конечно, убийственное зрелище. Тем, кто мог двигаться, предложили самостоятельно перемещаться в свой тыл, потому как никто не знал, когда придет помощь, да и придет ли вообще. Володя мог идти, только вот своими ранеными руками, к тому же перебинтованными, не в состоянии был сделать ничего – ни ширинку расстегнуть ни, тем более штаны с себя спустить, а тут ко всему и новая беда навалилась. В деревне, встреченной по ходу пути, раненым оказалось нечего предложить из съестного, кроме льняного семени, а вот от него-то желудок расстроился напрочь. Все тяготы этого хождения по мукам тяжким камнем продолжали давить на память Володи о войне. Он был безусловно умелым и храбрым воякой, но видно, как на всякого мудреца довольно простоты, так и на каждого удалого и доблестного солдата приходится много всякого такого, против чего он при всем своем желании никак ничего не может сделать, если становится таким же зависимым от всего вокруг, как новорожденное дитя от своих родителей.

Володе выпало воевать еще очень долго. Судьба перебрасывала его с одного фронта на другой. Его бригада оказалась где-то в Венгрии. В одном мадьярском селе посланную из бригады разведку местные жители захватили и в своей излюбленной национальной традиции с давней гуннской жестокостью расправились с пленными. Когда бригада, вошедшая в село, обнаружила то, что осталось от разведчиков, рас-

права с потомками Атиллы была соответствующей.

На одной железнодорожной станции командир бригады и его замполит углядели красивую жену венгерского начальника. Без долгих разговоров и приглашений они завели ее в занятое ими помещение, поставили у дверей часовых и изнасиловали женщину. Начальник станции безуспешно пытался прорваться на помощь к жене. Когда насильники выпустили ее наружу, муж застрелил ее, а потом себя.

Но это было не единственным сексуальным воспоминанием Володи, которое глубоко со времен войны засело в его голове. В только что захваченном нашими войсками Берлине Володя, оказавшись в штабе, присутствовал при такой сценке. В соседней комнате вдруг ни с того ни с сего раздался громовой и какой-то неистовый хохот. Вскоре все разъяснилось. В штаб пришла средних лет немка с жалобой на поведение победителей. Не сразу поняв, на что она жалуется, вызвали переводчика. Оказалось, что в квартиру к этой фрау вошли восемь советских солдат, и каждый насиловал ее в свое удовольствие. Однако жалоба состояла не в этом. Очевидно, почтенная фрау сама понимала, что женщины побежденной стороны, хочешь – не хочешь, достаются победителям. Но ее до глубины души возмутило, что советский штаб не позаботился о том, чтобы повинность немецких женщин перед оккупантами была распределена между ними равномерно, по справедливости. А то что получилось? Ее поимели восемь солдат, в то время, как ее соседку, кстати сказать, бо-

лее молодую, не использовал никто. С таким менталитетом, точнее – с такой приверженностью к порядку, к ордуунгу, пропитывающему насквозь весь немецкий умственный настрой, советские офицеры еще никогда не встречались. Разумеется, они знали, что помимо обычных насилий над женщинами по ходу успешных боевых действий на советской территории, немцы сгоняли девушек и молодых в солдатские и офицерские бордели, где одним из главных развлечений победителей было проведение порносьемок – в отличие от наших, немцам в войсках не запрещали иметь при себе фотоаппараты, и они очень хорошо подходили именно для такого применения. О том, какое множество порнографических фотографий наши солдаты и офицеры находили в карманах убитых немцев и специально, ради издевки, нарочно оставляемых в блиндажах, я слышал от фронтовиков не раз. Но вот о том, что в обязанность штаба победителей входило не только правильное распределение войск на постой, но и правильное распределение между женщинами сексуальной повинности перед победителями, ни офицерам из штаба Володиной бригады, ни тем более, мне, слышать еще не приходилось. Отсюда первой российской реакцией на претензию немки, естественно, стал гомерический смех.

Впрочем, о каком-то подобии внесения порядка с советской стороны я тоже случайно узнал от инженера по технике безопасности на заводе, где я работал молодым специ-

алистом после окончания МВТУ. В сорок пятом году Толя был начальником передвижной радиостанции. В это время, уже где-то за границей, мог привлекать для уборки помещений женщин с «шарварга». Что это было такое – женская ли биржа труда по бытовому обслуживанию победителей или не просто по бытовому – я так и не понял. Усёк только, что женщины там не были на вольном положении, потому как Толя рассказал следующее.

Явившись на шарварг, он нашел себе подходящую женщину и привел ее в свое расположение. Для начала они, как он выразился, «конечно потыкались», а потом, к его немалому удивлению, она оказалась не только русской, но и в совсем недавнем прошлом советским офицером. Видно, Толя расположил ее к себе хорошим обращением, раз она призналась ему, что попала на «шарварг» после ареста за связь с каким-то немцем, которого она успела полюбить. Но то, что было, пусть и неофициально, повсеместно признаваемым правом победителей – мужчин на побежденных женщин, было оказывается, в корне отличным от права победительниц – женщин на побежденных мужчин.

В основе этого абсолютного сексуального неравноправия, как я понял после некоторых рассуждений, лежала биологическая природа полового акта. Что делает мужчина, который чувствует себя всевластным над женщиной из вражеской нации? Он берет ее без спроса, то есть попросту насилует, используя женщину, как ему угодно, пока не проходит желая-

ние. Он самим своим поведением во время акта показывает ей, кто победитель.

А когда женщина, офицер оккупационной армии, пользуется пленным, что она делает? ОТДАЕТСЯ, причем так, будто отдается на милость победителя, хотя на самом – деле все обстоит как раз наоборот: это она из стана победителей, а он из стана побежденных, но из-за того, что женщина органически неспособна изнасиловать мужчину, если сама не возбуждает его, да и потом, после начала соития, пашет-то в основном все-таки он, а не она, и в конце концов получается, будто побежденный вроде как насилует победительницу, а это уже ни в какие ворота не лезет, это и логический нонсенс, и политическая недопустимость, и вообще черт знает что. Преодолеть подобный психологическая барьер в ментальности людей невысказано – даже когда любовь сама по себе делает свое дело.

Проще, наверно, было бы понять, что такое, «шарварг» и в чем точное значение этого слова, да и из какого языка оно вышло, чем разрешить необычную военно-сексуальную проблему.

Да, видимо, нет конца разнообразным гримасам войны, в том числе и в ее несправедно – «правовых» аспектах. Смесь черной жестокости, разнузданности, наглости против вынужденной покорности, ненависти, или расчетливой уступчивости в сочетании порой – и не так уж редко! – с тем, что по-настоящему достойно называется любовью – вот

в каких предслах варьируют отношения мужчин и женщин из двух лагерей, схлестнувшихся друг с другом после завершения боя или даже всей войны.

Уже в 1961 году я услышал еще одну историю на этот счет. Старшим из сотрудников опытного авиационного, конструкторского бюро стандартов, посланных на уборку картофеля в Волоколамский район в деревню под Яропольцем, был один человек, имя которого я так и не вспомнил. Войну он окончил в Германии молодым летчиком. Жизнь у него в это время была достаточно хороша и проста – нет боев, нет слишком изнурительной учебы. Есть хорошее питание и много возможностей расслабиться, в первую очередь, конечно, по пьянке и с немками. Общий фон такой жизни я себе уже хорошо представлял со слов многих фронтовиков, но этот молодой человек рассказал и нечто другое. У нас очень мало сообщалось и вспоминалось о деятельности гитлеровского подполья «вервольфа», а ведь оно существовало и, по всей вероятности, было достаточно активным, если на боевом счету этих «волков-оборотней» было уничтожение, например, первого советского военного коменданта Берлина генерала армии Берзарина чуть ли не в первую неделю исполнения его комендантских обязанностей. (Кстати, по поводу его смерти, у нас даже распространилась «деза», будто он разбился насмерть, гоняя по руинному городу на мотоцикле).

Судя по всему, «вервольф» начал причинять и другие

неприятности, потому что однажды ночью были по тревоге одновременно подняты все войска, включая летный состав, и брошены на одновременное прочесывание всего города. Летчики вне своего любимого дела обычно полные неумехи в военном деле на земле. В одной из обыскиваемых квартир товарищу моего рассказчика, тоже летчика, выстрелом из пистолета во вроде бы пустой комнате была нанесена смертельная рана. После ответной стрельбы по шкафу оттуда вывалился лицом на пол мужчина в одном нижнем белье с пистолетом, зажатым в руке. Поскольку приказано было обыскивать не только квартиры, но и чердаки и подвалы, в одном доме летчики, поднявшись на чердак, обнаружили там наспех одетую девушку или даже девчонку.

Увидев вооруженных русских, она что-то залепетала по-своему и подошла к стоящей без матраца с одной металлической сеткой кровати и, сбросив халатик, легла прямо на эту сетку без подстилки и развела в стороны ноги.

Тот офицер, который оказался ближе всего к девушке, повел себя самым неожиданным образом. Не опуская направленного на нее пистолета, он стал пятиться назад, почти истерически выкрикивая: «Блядь! Сука! Проститутка!» – до тех пор, пока не оказался у выхода с чердака, где его руку с пистолетом, наконец, не опустили вниз. Потрясение молодого человека было несложно понять. Как это можно девчонке самой ложиться своим беззащитным и нежным телом прямо на стальную сетку, когда от одной мысли об этом у нор-

мального человека сразу возникает приступ боли? А ведь она приготовилась принять на себя еще и тяжесть здорового мужика, а то и не одного, лишь бы сохранить себе жизнь! Ну на что это было похоже? Что они, звери, что ли, чтобы ебать девчонку, распростертую как на кресте, на этой проклятой сетке, где свои-то коленки и мужику в пору было бы пожалеть и поберечь?

Словом, уже покоровившаяся было своей горемычной судьбе юная немка начисто выбила из колеи человека, от которого ничего хорошего не ожидала.

Но секс и любовь на войне выкидывают и другие штучки. Тот же летчик поведал историю, в которой собственно связь между победителем и побежденной в ее постели осталась как будто бы за кадром. В их части служил один старшина Герой Советского Союза. Однажды он со своими подопечными солдатами дежурил по кухне. Поверх гимнастерки на нем была белая поварская куртка. Незнакомый солдат подошел к нему, полагая, что перед ним просто повар, и попросил дать ему с собой еды, желательно консервов. Старшина ответил: «Садись, ешь». – Тот повторил, что еда ему нужна с собой навynos. – «С собой ничего не дам, » – сказал старшина, уже вполне понявший, в чем дело. Солдат хотел из казенных харчей подкормить какую-то немку, с которой спал – то ли в благодарность за получаемое удовольствие, то ли жалея какую-то несчастную, которая и сама могла быть голодна, а могла иметь и голодных ребятишек. Вполне ве-

роятно, что у старшины были свои счета с немцами, когда те имели возможность властвовать над женщинами из его семьи, а потому жалости к страдающим в свою очередь немцам он не испытывал. Зато проситель весьма определенно нацелился на оказание помощи женщине, телом которой пользовался и под чье обаяние уже подпал. Он чувствовал, что если еще раз появится у этой немки (а этого он определенно хотел) без еды, то будет уже не человек. – «В последний раз спрашиваю: дашь мне еду с собой?» – «Нет, не дам, сколько раз тебе повторять!» – «Пеняй на себя, » – сказал солдат. Должно быть, обладание смертоносным оружием и особенно привычка пускать его в ход, в том числе и в случаях, когда с противником неохота и некогда спорить, солдат вскинул автомат и выстрелил в «повара» почти в упор. Его схватили прямо на месте убийства – он даже не успел сунуть в свой «сидор» ни одной консервной банки. На суде военного трибунала этот неудавшийся попечитель своей немецкой любовницы в свою защиту промямлил только одно: «Я не знал, что он Герой Советского Союза».

То, что он убил человека, не давшего ему продуктов питания по первому же требованию, надо полагать, было для него в порядке вещей. Солдатская привычка заботиться о себе самому, когда о тебе никто не заботится (а такое случалось на каждом шагу), вполне соответствовала истине, признаваемой в любых государствах – прежде всего корми свою армию, иначе плохо тебе придется – и являлась ее логическим

продолжением. Но в трибунале рассматривали конкретный криминальный случай – убийство с отягчающим обстоятельством (как-никак погиб действительно герой), а не абстрактную истину. Приговор, разумеется, был изначально понятен – расстрел, а мотивы убийства никого не занимали. Подумаешь – немку захотел накормить! Не мог идиот несчастный придумать еще какой-то способ разжиться едой – подавай ему все сразу и безотказно! Привык к тому, что под дулом автомата ему отдадут всё беспрекословно, да не усёк, что уже кончились славные боевые будни, когда по этому поводу никто ничего не станет предпринимать. А саму проблему в психологическом плане трибуналу незачем было разбирать, хотя на самом деле тут было о чем подумать.

Мотивы настойчивости убийцы вряд ли могли быть непонятны. Они даже отчасти оправдывали его. Их даже следовало бы признать свидетельством порядочности мужчины в отношении женщины, с которой он переспал. Кого можно осудить за саму такую заботу и, если угодно, за исполнение долга нравственной ответственности? Немка – тоже человек, то есть баба, страдающая из-за того, что мужики с немецкой стороны оставили её и таких, как она, без всякой защиты, и сама она невиновна в том, что они полезли в Советский Союз, где насильовали советских баб, брошенных Красной армией без защиты, за что теперь и расплачиваются горькой участью, в первую очередь ихние же немецкие бабы. А что герой – старшина?

Мог он без ущерба для здоровья своих бойцов отвалить несколько консервных банок, которых сейчас, после захвата немецких резервов было, почитай, без счета? Мог, разумеется, мог, только не захотел этого сделать, а вот почему, у убитого теперь не узнаешь. Хотя наиболее вероятная причина была на виду: от них, от немцев, обрушились на нас бесчисленные страдания – вот пусть они за это все то же самое испытают на собственной шкуре – и убийства, и грабеж, и изнасилования, и голод, и разорение – в общем, всё-всё, что с собой приносит война на любую землю, где в столкновении армий всегда гибнет на порядок больше гражданских людей, нежели в самих воюющих войсках. Да, вспоминая, с какими мыслями наша страна, от мала до велика, приближалась к победоносному концу во Второй Мировой войне, должен признаться – так считало абсолютное большинство людей, и я, тогда еще двенадцатилетний мальчишка, в их числе. Немцев никто **ОРГАНИЧЕСКИ** не мог и не хотел жалеть, и это нельзя было считать просто аморальным опьянением чужими, хотя и ответными, страданиями и бедствиями. Была жажда мщения – повторяю – почти всеобщая жажда, которая тогда совмещалась в умах с понятием о справедливом воздаянии. Понадобилось много десятилетий, чтобы понятия о мщении и справедливом воздаянии разошлись и заняли свои особые места в создании людей.

Немцы, если судить по их государственной политике со времен канцлера Конрада Аденауэра, пришли к этому лет

через пятнадцать – двадцать: мы же, «победители» – через тридцать – сорок, да и то не все. Почему я так считаю? Да вот почему.

Инстинкт возмещения понесенного ущерба испокон веков воплощался во мщении, то есть прежде всего в нанесении встречного ущерба – так всегда казалось возможным достичь торжества равенства и справедливости на этой Земле. Тщетно Иисус Христос и его учение в течение двух тысяч лет призывали не устраивать подобных воздаяний враждующим сторонам – ни инициаторам конфликтов, ни победителям в них, с тем, чтобы оставить этот вопрос исключительно в компетенции Господа Бога и не пытаться выглядеть более справедливым, чем Он. Все равно на земном плане возмещение ущерба, понесенного воюющими сторонами, по справедливости совершенно невозможно. Разве мыслимо уравнивать сорок миллионов загубленных человеческих жизней наших советских людей с шестью или восьмью миллионами погибших в войне немцев? Конечно, немыслимо!

Число изнасилований и половых связей по принуждению силой или обстоятельствами с обеих сторон также нельзя сбалансировать никогда. Бесспорно, у нас пострадавших женщин было больше, но и у немцев их число было **ОЧЕНЬ ВЕЛИКО**.

Жена Академика Сахарова Елена Боннер приводила в одном интервью число родившихся у немцев от доблестных советских воинов, как она выразилась, «Бастрюков» – пятьсот

тысяч детей, а ведь половых принуждений наверняка было больше по крайней мере – на порядок, и это не считая действительно любовных соитий во временно установившихся отношениях между конкретными советскими мужчинами и немецкими женщинами.

Наверняка среди миллионов немок, уступивших безвыходности и силе, десятки тысяч женщин и девушек были изнасилованы особо мерзко и жестоко, чего нельзя оправдать никакими соображениями о справедливом возмездии (хотя и в этом случае немцы наверняка «количественно» превзошли нас), но была и другая сторона у этой сексуальной медали. Многие тысячи, а скорее всего – десятки тысяч из миллионов советских военнослужащих в Германии обращались к своему командованию с просьбой разрешить им жениться на немках, что свидетельствовало не столько об их желании «прикрыть грех», сколько о том, что и в таких столкновениях и обстоятельствах нельзя предотвратить возникновение настоящей любви. Однако ответ на такие просьбы всегда был стандартный – срочно отправить просителя из Германии назад в Советский Союз, а затем на войну с Японией. Слов нет, была у подобного безжалостного вмешательства в чувства людей и вполне справедливая основа – забота о своих советских женщинах, во множестве оставшихся без своих постоянных сексуальных партнеров, чтобы они не несли дополнительного ущерба, и за их счет не устраивали счастья для какой-то категории немецких женщин. Личные пристра-

ствия и предпочтения конкретных половых партнеров никогда не являлись значимыми аргументами в глазах государства, особенно в глазах товарища Сталина. Так или иначе, но к трагедиям и драмам военного времени прибавились еще и свежепослевоенные. В итоге встречные претензии воюющих сторон по старым психологическим правилам военно-возмездительной игры могли продолжаться вечно. Западная Германия стала первой в европейской, а то и мировой истории страной, которая отказалась от реваншистских претензий к победителям во Второй Мировой войне. С одними она вступила в постоянные, причем очень прочные альянсы – в НАТО и Европейский Союз, с преемницей Советского Союза, своего главного политического противника – Россией – она не только на уровне правительств, но и множества простых людей повела себя не как враг, мечтающий о мщении, готовый воспользоваться любым осложнением положения в стане бывшего победителя (а перед лицом постсоветской России уже в полный рост вставал призрак массового голода), а как сочувствующий партнер и сосед, готовый по своей инициативе оказать посильную помощь, чтобы не довести ядерную державу до отчаяния, от которого рукой подать до мысли – пусть я погибну, но тогда и весь мир пусть отправится в тартарары. Я свидетельствую – ни к кому мы с Мариной не обращались за помощью, но она каким-то образом сама нашла нас. Посылка, из которой, правда, судя по описи вложений вытащили по дороге

кожаную куртку, содержала в основном продукты питания. Пусть их было не так уж много, но из письма, вложенного в посылку, было ясно, что это – помощь от чистого сердца. Внучка Света, учившаяся тогда в немецкой школе, перевела его нам. Письмо написала фрау Кристина-Мария Яблоновски из Мюнхена (кстати сказать, в соответствии со штампом советской пропаганды – «рассадника немецкого реваншизма»).

Из того, что в посылку была вложена даже шариковая авторучка, конверт с адресом и чистый лист бумаги, мы поняли, что фрау Кристина-Мария очень хочет удостовериться, что ее дар кому-то действительно помог. Я написал письмо с выражением признательности и благодарности за ее доброе сердце. Мне казалось, что упоминание о сердце будет особенно приятно немецкой даме, воспитанной в национальной традиции. Несмотря на ее явно славянскую фамилию – скорее всего польскую – мне подумалось, что она все-таки немка, просто муж у нее поляк. Фрау Кристина-Мария была явно очень обрадована. Как видно, она почти не рассчитывала на благодарность, хотя и хотела ее получить, раз уж позаботилась вложить в посылку бумагу, ручку и конверт. В своем письме она написала немного о своей семье. У них с мужем было две дочери примерно Светинового возраста. Имя одной из них я запомнил, поскольку оно было типичным не для Германии, а для Польши – Ядзя, то есть Ядвига, что подтверждало мою гипотезу о польском проис-

хождении мужа Кристины-Марии. Ядзя занималась верховой ездой. А еще Кристина-Мария сообщала, что мы могли бы не стараться насчет перевода своего письма на немецкий язык, хотя это тоже было очень приятно – в доказательство она приложила двадцать дойчмарок в подарок Свете – у них в Штокдорфе сосед, херр Войнович – он бы все перевел. Вот это был номер! Оказывается, автор почти бессмертного Чонкина Владимир Николаевич Войнович, потомок адмирала графа Войновича, в честь которого была названа парадная-графская-пристань дважды героического Севастополя, жил в вынужденной эмиграции рядом с нашей дамой доброй души и доброго сердца! В этом, честное слово, мне привиделось даже некое благословение Небес. В голову немедленно полезли мысли о том, насколько лучше чувствуешь себя, когда на смену глубоко укоренившемуся с детства, пожалуй, даже перешедшему в подсознание враждебному отношению к народу, от которого столько всего пришлось претерпеть нашей стране и который сам за это тоже очень претерпел, пришло очищающее чувство человеческой общности двух народов, способности действительно откликнуться на чужую беду вопреки прошлому стремлению нанести противнику наиболее чувствительный ущерб. Мне незачем было фантазировать насчет гуманизма и всепрощения, какой природы оно бы ни было – христианской или какой-то другой. Когда в душе шевельнется человечность, а в результате лопнет и слезет с нее заскорузлая оболочка ненависти,

недоверия и вражды, которая так прочно цементирует весь комплекс представлений о давнем противнике и РАЗРЕШАЕТ, даже ОБЯЗЫВАЕТ проявлять к нему неискоренимое, но возможно все-таки искоренимое прирожденное зверство, способное БЕЗ ЭТОГО почти безгранично выступать доминантой социального и личного отношения к народу с другой, вражеской стороны, и это дает надежду на исправление человечества. Конечно, освобождение от вражды и ненависти приходит лишь в тех случаях, когда тебе протягивают руку в поддержку – в первую очередь именно руку, а не то, что она тебе передает. Мне врезался в память один телевизионный репортаж, когда пожилая ленинградка (еще не петербурженка, хотя и несомненно из старой петербургской семьи) сказала людям, распределявшим в городе гуманитарную помощь, причем твердо сказала, что от немцев она ничего не возьмет. Не мне судить о правоте или неправоте этой дамы, тем более, что не приходилось сомневаться – без достаточных оснований блокада, голод, истребительный голод под бомбежками и обстрелами, когда всем еще живущим привычнее узнавать, что кто-то из знакомых умер или убит, чем кто-то еще живет и как-то тянет свою нечеловеческую лямку блокадной жизни, не будут прощены. Да, у нее чувство неприятия немецкой помощи после ТАКОГО (и, скорей всего, к немцам или Германии вообще) закономерно укоренилось в душе. Простить пережитое как она считала, у нее не было ни права, ни желания, ни сил. Но что же все-таки

делать, чтобы в человеческой будущности подобного больше не случалось, чтобы диалог между представителями двух великих народов не сводился к обмену приказными репликами типа «Стоять! Руки вверх!» – «Хенде Хох!» или «Фашистские гады» – «Руссише швайн!», а к обменам совсем другого рода: Пушкина и Толстого на Гете и Шиллера и далее в том же роде, раз уж с российской стороны было кого сопоставить с представителями немецкой стороны. К счастью, такие сопоставления всегда имели место по любой отрасли универсума знаний с Екатерининских времен, что вообще не подлежит никакому сомнению. – Немцы, я имею в виду немцев-идеалистов как первейших среди хранителей знаний нынешней цивилизации (хотя и не только нее), как были, так и остались преданными исполнителями собственного национального призвания, которому лучшие умы этого народа посвятили свой труд и интеллект, а также собирательные способности. Да, им было свойственно уважительное отношение к любым ценным для человечества знаниям, от кого бы они ни исходили – от европейских ли гениев науки, от эзотериков ли Индии, Тибета и Древнего Египта или от примитивных народов, расселенных по всему свету на всех обитаемых континентах Земли.

Нам, россиянам, именно такие немцы уже не первый век доказывали и доказывают, что могут, оставаясь этнически и ментально людьми своего племени, быть истинными и истовыми сынами, дочерьми или поклонниками русской зем-

ли, будь то их действительная или приемная родина, на благо которой они отдавали несколько не меньше сил, чем коренные, прирожденные русские.

Фаддей Беллинсгаузен, Иван Крузенштерн, Эдуард Толь, вице-губернатор Нольде, Фердинанд Врангель по праву оставили свои имена на карте нашей родины и за ее пределами и, скорей всего, нет счета российским немцам, доблестно отдавшим жизнь за Россию на полях сражений. Но здесь хотя бы не было ничего удивительного – все они любили страну, в которой родились и которая их воспитала, воздействуя своими особыми энергетическими полями и вибрациями какой-то необыкновенной частоты.

Намного более загадочным на фоне российских немцев выглядит феномен обращения германских уроженцев, полюбивших Россию (правильней даже, пожалуй, было бы сказать – возлюбивших Россию), поддавшихся, несмотря на весь свой упорядоченный менталитет, несказанному и загадочному во все века российскому очарованию, о котором всегда было известно, что оно есть, но неизвестно, в чем оно состоит – ни нам самим, ни всему остальному свету.

Корнелию Герстенмайер я видел всего два раза по телевизору, и был поражен тем, насколько эта отнюдь не юная красивая во всех отношениях и благородная женщина посвятила себя России.

Ее отец Герстенмайер, единственный оставшийся в живых из высокопоставленных участников покушения на Гит-

лера, которое в 1944 г было осуществлено, правда, неудачно, под руководством полковника графа Шенка фон Штауфенберга. Герстенмайер находился в Париже, когда пришло известие о провале заговора, и сумел скрыться, что позволило ему в дальнейшем стать первым президентом ФРГ. Корнелия Герстенмайер прибыла в Россию во время перестройки в качестве организатора масштабной гуманитарной продовольственной помощи постсоветской России, оказавшейся предельно близко ко всеобщему голоду. Она даже заговорила по-русски (не знаю, учила ли она наш язык до прибытия в страну). Искренность ее старания помочь россиянам в беде нельзя было подвергнуть никакому сомнению. Она не играла в благодетельницу – она жила тем, что делала, и сожалела только об одном – что у нее нет денег на покупку квартиры в России. Ей хотелось чувствовать себя не приезжей и не в гостях.

Знакомство со странностью немецкого отношения к России и русским у меня на этом не закончилось. Поскольку Света училась в школе с усиленным изучением немецкого языка, эта школа была подключена к международной кампании обмена учащимися. Сначала в их школе побывали немецкие школьники, потом группа учеников, среди них и Света, полетела в Мюнхен. Света попала в дом Биргит, которая уже побывала в Москве. Биргит жила с отцом, квалифицированным рабочим, обладателем особняка и кабриолета «Мерседес», которого потом в Москве наша внучка

для краткости именовала «папиком». Биргит была старше Светы и переживала период депрессии по причине разлуки с парнем, который уехал на жительство в Америку. Судя по всему, отчасти по этой причине папик заботился о Светлане больше, чем Биргит.

Он сразу поинтересовался, с каким списком Света приехала в Германию. – «С каким списком?» – удивилась Света, свободно общавшаяся с ним на немецком. – «Как с каким? – в свою очередь удивился папик. – Разве мама не дала тебе список, что тебе надо отсюда привезти?» – «Нет, – ответила Света, – не дала». – «Ну, а что бы ты сама хотела привезти домой?» – не отступался папик. – «Да в общем-то ничего. Только какие-нибудь небольшие сувениры». – «А золотые цепочки или украшения тебе бы не хотелось?» – «Нет. Я вообще золота не люблю». – «А что же ты любишь?» – «Мне больше нравится серебро». – «Но это ведь не драгоценный металл», – заметил папик. «Ну и что?» – возразила Света. – «Неужели мама так и не велела тебе что-нибудь привезти из золота?» – «Нет, я же Вам уже сказала».

Видимо в гостях у папика уже побывала девочка из России «со списком», а то и не одна. Но папик не удовлетворился нестандартным, как он считал, поведением нашей внучки и не успокоился. Он купил ей по своей инициативе, исходя, очевидно, из прежнесписочных представлений, кожаную куртку-косуху, от которой обмер бы любой нормальный российский байкер, электронные наручные часы и еще кое-

что, о чем я уже не помню. Когда Света побывала с Мюнхенском бассейне и забыла снова надеть положенные в шкафчик перед купанием дареные часы, они так и пропали. Узнав об этом, папик огорчился не столько тем, что пропали часы, сколько тем, что Света не обратила внимания на то, что в них можно было купаться и нырять до глубины в двадцать метров – и купил такие же снова. Нет, безусловно Светино бескорыстие было ему очень симпатично, да и сама она тоже. Общение с немецкими ребятами показало, что они отнюдь не скрывают своих сексуальных связей от старших. Свете это было внове, поскольку она еще не почувствовала любви к кому бы то ни было, но ей не очень понравилось, что одноклассник Биргит, которого все вместо имени называли только по прозвищу – Пуми – вел машину по автобану на высокой скорости, лишь изредка отрываясь от долгих поцелуев со своей девчонкой, сидевшей рядом с ним, но все обошлось. Оказалось, что Пуми собирался стать пилотом. Еще немецкие школьники водили наших в «биргартен», то есть в «пивной сад», где культурненько, за столами, можно было пить пиво. Света была посвящена в детали того, в какие пивные заведения прилично приходиться со своей закуской, а в какие-нет, где закуску следовало заказывать.

В Мюнхенском художественном музее Свете особенно понравились полотна Ренуара. Там же, в музее, произошел забавный случай. Какие-то незнакомые немецкие девочки заинтересовались тем, как заплетены в косички Светины воло-

сы. Услышав ответ на приличном немецком, они спросили, из какого она города.

Она ответила, что не из Германии. – «А откуда? Из Франции?» – «Нет, из России». – В ответ раздалось: «Ах-х!» и поступила просьба рассказать, как она заплетает свои волосы. – «Мне легче показать, чем рассказать», – ответила Света, и девочки тут же попросили ее показать, не выходя из зала. – «Прямо на виду у Ренуара?» – спросил я. – «Прямо на виду у Ренуара», – подтвердила Света. Папик Бригит расспрашивал Свету о семье, о том, где она проводит лето. Узнав, что у бабушки и дедушки есть деревенский дом, он попросил показать по карте, где он находится. Света показала примерное местонахождение этого дома, и тогда он поинтересовался, сколько времени занимает добраться до него. Света ответила, что поезд до ближайшей станции идет от Москвы одиннадцать часов. Вновь обратившись к карте, папик заявил, что этого не может быть: он точно знает, что от Москвы до Петербурга поезд идет восемь часов, а место, показанное Светланой, находится на расстоянии вдвое меньшем от Москвы. Света говорила правду. Но объяснить немцу с нормально работающей головой, что поезд больше времени проводит на промежуточных стоянках, чем в движении, оказалось невозможно. Такой работы транспорта он по понятным причинам представить себе не мог. Затем он спросил, чем она занимается в деревне. Света сказала, что гуляет, купается, ходит в лес со-

бирать ягоды и грибы. – «А какие там ягоды?» – «Малина, черника, брусника». – «И много?» – «В некоторых местах очень много. Можно долго есть, не сходя с одного места». – «Как? Разве их можно прямо в лесу есть?» – ужаснулся папик. – «А где же еще? – изумилась Света. – Вкуснее всего ягоду есть там, где она растет». – «Но это же лес!» – воскликнул папик. – Вы едите ягоду, поднятую прямо с земли? Как это можно?» – Объяснять дальше не имело смысла. По-видимому, в глазах папика это подтверждало еще не изжитую цивилизацией природную дикость славян. Для него было допустимым есть чернику только после ее мытья и домашней или заводской обработки. Да, несомненно, разница культур между Германией и Россией действительно существовала. И не только в виде деревень, выглядящих в Германии как игрушечные, а в России – серо, невзрачно и, как правило, без затей. Как бы ни была симпатична разноплановая устроенность жизни в Германии, где бы она ни протекала – в городе или в деревне – Свету там через несколько лет стала ощутимо тяготить неотвязное сознание скуки. Может, и такие люди, как Корнелия Герстенмайер, попав в Россию, ощущали точно такую же разницу, и их влекло от своей скуки к нашей неустроенности, но все же к занимательному естеству? Природа русской ностальгии по своей исконной земле, понятная почти каждому русскому, оказывается в своей основе подобной той, которую испытывают по России немцы, каким-то образом втянувшиеся в нее! Наверное, это каче-

ство присуще не всем немцам, познакомившимся с Россией, но ведь свойственно же! Когда на следующий год после посещения Мюнхена Светой в Москву приехали Мюнхенские школьники, одного из них, Мартина, пригласила погостить к себе в квартиру Светланина мать Люда. Мартин был на год старше Светы. Приехав к ним, точнее, говоря языком позапрошлого века, определившись к ним на постой в Москве, Мартин сразу же попросил разрешения позвонить родителям, чтобы сообщить им номер московского телефона Светы. Те сразу же перезвонили, и Мартин, обмирая от восторга, сообщил матери и отцу, что благополучно поселился, что квартира такая маленькая в сравнении с их домом, но такая уютная и в ней так хорошо, а его самого приняли очень радушно. Мартин был крупным парнем, и в маленькой Светиной комнате, которую ему отвели (сама Света перебралась на время визита к матери) он от всего нового приходил в восторг, несколько невязавшийся с его габаритами и возрастом: и от пианино, и от громадного игрушечного мишки, который сидел поверх него, и от миниатюрных размеров жилища, в котором он сразу так легко и свободно почувствовал себя. Конечно, главной причиной его восторгов была сама Света, которую он прежде не знал. Серьезная, симпатичная и в то же время открытая девочка, с которой он мог просто объясняться на родном языке и которая несмотря на свой меньший возраст, знала не меньше, чем он. В течение недельного пребывания в Москве Мартину в Свет-

ланином доме нравилось быть все больше и больше.

Он уезжал из Москвы, явно сожалея, что время пролетело так быстро. Об этом лучше всего свидетельствовало приглашение от родителей Мартина Свете вместе с матерью посетить следующим летом Мюнхен уже вне всякого школьного обмена, чтобы они прожили неделю в их доме, причем было обещано оплатить им перелет в Мюнхен и обратно, то есть съездить в Германию совсем задарма. И действительно, на следующий год, все было сделано, как обещано – Люде и Свете прислали в Москву оплаченные билеты на самолет «Люфтганзы», а затем приняли их в трехэтажном мюнхенском доме как дорогих гостей. По всему выходило, что восторженный Мартин и впрямь глубоко въехал в Светлану. Наверное, все уши маме и папе про нее прожужжал, если они пошли на немалые расходы, приглашая к себе и мать и дочь за собственный счет.

Ведь судя по всему, они не были особенными богачами – разве что с советской точки зрения – трехэтажный собственный дом, папа – юрист, совладелец юридической фирмы, мама – врач-гомеопат, ведущий частную практику. Короче – скорее представители верхнего слоя среднего класса, чем кто-то еще, а такие люди просто так без особого смысла швырять деньги на ветер позволить себе не могут.

У Светланы впечатлений от ее второй поездки в Мюнхен было еще больше, чем после первой. Наша внучка явно обаяла фрау Диту Лангвизер, которая лично удостоверялась

в том, что ее любимый сын Мартин не зря столько всего хорошего наговорил о ней. Глава семейства, проявляя несколько большую внешнюю сдержанность, тоже был доволен и нашел, что Мартин не зря столь сильно впечатлился от найденной в загадочной России девочки, которая только-только начала превращаться во взрослую девушку. По вечерам фрау Дита любила рассказывать Свете о той поре своей молодости, когда в Германии все было так трудно и скудно, особенно когда она была студенткой – медичкой, и ей в чужом городе приходилось платить за комнату уборкой всего дома ее хозяйки. Она объясняла Свете, в чем состоят особенности гомеопатии, и какие средства в ней используются для лечения. Будучи уроженкой какой-то из более северных, чем Бавария, немецких земель, она несколько подчеркнуто высказалась насчет того, что это у нее муж и оба сына (кроме Мартина был еще и его старший брат Ян, уже ставший студентом) баварцы, а она-то – нет, из чего можно было сделать вывод, что историческая земельная раздробленность Германии все еще оставалась фактором реального сознания уроженцев разных мест не такой уж большой по величине, особенно в сравнении с Россией, страны.

Оказывается, чего ни коснись, даже в живущей вполне благополучно и вроде действительно хорошо устроенной и цивилизованной стране, обязательно возникают, либо специально изыскиваются какие-то мелкие факторы, позволяющие одним людям думать о себе лучше, чем о других, осно-

вываясь на соображениях одного только землячества. Брат Мартина Ян учился на юриста, но только не дома, в Мюнхене, а в Гамбурге. Старшие Лангвизеры объяснили по какой причине вышло так. Оказалось, что обучение во всех высших учебных заведениях Германии для всех выпускников средних школ бесплатное и без вступительных экзаменов, и минус у этой замечательной системы был один: после подачи абитуриентом заявления о приеме на определенную специальность какой-то государственный орган решал, в каком городе страны и в каком ВУЗе будет обучаться данный студент.

Я догадывался, что Люда хотела бы устроить дочь в хороший немецкий университет, если это будет не слишком уж дорого. Однако выяснилось, что при бесплатности собственно обучения студентам, во всяком случае – иностранным надо было самим оплачивать себе питание и жилье, что вылетало в немаленькие деньги. Но главное, Света, как выяснилось, совсем не горела желанием учиться за границей, что-то все-таки мешало ей расположиться в пользу Германии, ходя до сих пор она для себя ничего кроме блага от Германии не видела.

В доме Лангвизеров царил безупречная чистота, хотя Люда ни разу не видела хозяйку дома за какой-либо уборкой. Лишь однажды она случайно застала за этим делом проходящую работницу, которая сказала, что она – кроатка. – «Хорватка, – объяснил я, когда услышал об этом. – Из Хорватии

много народу сбежало в Германию и другие страны Европы, пока шла война с сербами». А еще сама фрау Дита настоятельно просила гостей ничего своего самостоятельно не стирать и пользоваться только стиральной машиной. Это имело значение для оплаты счетов за воду.

Лангвизеры свозили своих гостей на экскурсию в Баварские Альпы на своем BMW. Кое-где на склонах и стенах были видны альпинисты и скалолазы, по поводу которых доктор Лангвизер заметил, что они – сумасшедшие. Светлана по этому поводу отозвалась, что у нее дед (то есть я) занимался альпинизмом. Был ли германской стороной сделан из этого вывод, что я – тоже сумасшедший, осталось неизвестно. Про бабушку Марину Света умолчала, хотя и она отдала свою дань этому виду спорта.

В ходе очного знакомства с нашей внучкой Дита все больше очаровывалась ею, то ли вспоминая себя в ее возрасте, то ли сознавая, что именно такой – умной, красивой, воспитанной и приятной – хотела бы видеть жену своего любимого младшего сына. Света ничего не ждала от них, ничего для себя не просила, и от этого Дита и ее муж старались дать ей больше, чем сами от себя прежде могли ожидать.

Год спустя от Лангвизеров пришло новое приглашение приехать к ним в Мюнхен, и на сей раз Света полетела одна. Но если в прошлый раз она нанесла визит папику Биргит, преподнеся ему какой-то русский сувенир, чем он был удивлен, но остался очень доволен, то во время нового по-

сещения Мюнхена она уже к нему не заходила. Я не спрашивал, хотела ли Светлана повидаться с Кристиной-Марией Яблоновски и ее дочерьми, а сама она не говорила, но очевидно было одно – что она туда не стремилась. То ли потому, что не чувствовала себя обязанной еще раз благодарить за сделанное для ее бабушки и дедушки, то ли потому, что от самого принятия помощи со стороны веяло каким-то сознанием своей если не второсортности, то все же зависимости. Если она действительно испытывала нечто подобное, то я бы сказал, что напрасно.

Мне казалось, что ей будет любопытно познакомиться с немецкими сверстниками, тем более катающимися на лошадях, поскольку верховая езда Светлане самой уже была немного знакома.

Во время второго пребывания в семье Лангвизеров Света, уже начавшая у себя дома подготовку к поступлению на юридический факультет МГУ, получила от доктора приглашение поработать в его юридической фирме. Она все-таки отнеслась к такой возможности, но удивила Лангвизера тем, что отказалась ездить на работу вместе с шефом на его машине, показывая тем самым, что хочет ощущать себя обычной служащей, не желающей выглядеть в глазах коллег особой, которой лично благоволит работодатель. Ей, в частности, поручали переводить какие-то официальные бумаги с немецкого на русский язык, а для того, чтобы ей легче было справляться, приобрели прекрасный немецко-рус-

ский и русско-немецкий словарь. Таким образом, гостеприимная немецкая чета дала Светлане возможность заработать какие-то деньги и при этом не чувствовать себя сидящей у них на шее. Для нас с Мариной это был тоже добрый знак. Забота о своем достоинстве и, насколько это было возможно, о своей самостоятельности вроде бы вполне подтвердили, что данное нами воспитание пошло ей впрок, а лично меня это особенно радовало тем, что она обещала быть лучшим человеком, чем был я примерно в том же возрасте. Казалось, что наша функция предков – воспитателей вполне удалась.

Спустя еще два года старшие Лангвизеры приехали в Москву. Зная от Мартина о том, насколько невелика Людина квартира, они заранее забранировали себе номер в отеле «Балчуг-Кемпински».

Люда и Света с цветами встретили их в аэропорту и взяли такси, чтобы отвезти в отель. Дита была очень обрадована. Люда старалась показать, насколько ей приятно и радостно принимать гостей если не у себя в доме, то хотя бы в Москве. Однако Москва вскоре показала, что здесь им не Мюнхен. Когда они проезжали по Охотному ряду мимо Государственной Думы, какая-то девка, отвалив от стоянки у тротуара задним ходом, наткнулась на их такси, без промедления выразилась по этому поводу матом и тут же стала звонить по мобильнику своим покровителям или друзьям. Таксист посоветовал Люде взять другую машину.

Вскоре они благополучно добрались до «Балчуга»,

но там обнаружилось, что хотя к его названию добавлено вполне европейское «Кемпински», бронированного и готового для них номера в нем не оказалось. После недолгих разбирательств их переустроили в «Метрополь». Надо полагать, для Диты и ее доктора это можно было считать элементом российской экзотики. Другой элемент оказался похлеще. Среди пожеланий Лангвизеров насчет того, что бы они хотели повидать в России, они в первую очередь назвали Троице-Сергиевую лавру. Люда договорилась со своим бойфрендом Фаридом, что он отвезет их в Сергиев Посад на своем «Ауди». Сначала все было чин-чинарем. Немцы осмотрели и крепость, и соборы, познакомились с тем, как идет церковная служба в русском православном храме и были очень довольны тем, что познали из русской действительности. Затем они отправились назад, в Москву. В этот выходной день множество машин медленно возвращались в столицу. Пробке не было видно конца, тогда как по встречной полосе, из Москвы почти что никто не ехал. Фарид, работавший следователем в городской прокуратуре, вскоре потерял терпение и вывел свой автомобиль на встречную полосу и погнал по ней к Москве мимо застопорившейся колонны машин. По словам Люды, немцы были в ужасе. Какие неприятности рисовались в их мозгах, осталось неизвестным. Но нарушение, за которое в их стране безоговорочно отобрали бы у шофера права, обошлось вообще без каких-либо скверных последствий. Они не разбились в столкновении со встречной

машиной (такового не произошло), полиция их не остановила, а само возвращение в Москву произошло на высокой скорости – и по всему по этому наверняка запомнилось немцам на всю жизнь. Способность русских творить чудеса они, таким образом, наблюдали лично – и более того – являлись прямыми участниками невероятного и невозможного события на их родине в Германии.

А потом Люда устроила в их честь обед у себя дома, на котором присутствовали с русской стороны, кроме Светланы и ее бой-френда, однокурсника по юридической академии, Марина и я. Люда постаралась, чтобы меню было национально-русским.

Естественно, на первое был борщ. Но еще до обеда мы выпили принесенное мною шампанское, и это помогло завязать разговор.

Доктор юриспруденции Лангвизер был мужчиной средних лет, то есть заметно моложе меня, довольно полный из-за сидячего образа жизни и постоянных перемещений исключительно на автомобиле, лысоватый и относительно невысокого роста.

Его жена доктор медицины Дита Лангвизер тоже не страдала худобой, но выглядела в сравнении с мужем более стройной. У нее было приятное лицо и русые волосы. Порусски они не понимали ничего, хотя, как я убедился, когда Светлана им рассказывала по-немецки обо мне, им, по крайней мере, доктору, было известно, что такое МВТУ им. Бау-

мана, в котором я получил свой инженерный диплом – доктор, услышав об этом, кивнул головой и взглянул на меня с уважением.

Предлагая гостям тост, я заговорил о том, что со времен войны, когда обе нации по воле своих правителей ненавидели и истребляли друг друга, немцы прошли беспрецедентно важный и значимый путь, отказавшись от мщения за поражение в войне, и показали всему миру, в том числе и нам, как на самом деле надо выходить из замкнутого исторического круга военных конфликтов и содействовать действительному прогрессу всего человечества. Выразив искреннее восхищение этим выбором великого народа, я предложил выпить за то, чтобы этому примеру последовали другие народы и государства.

В ответ доктор Лангвизер подтвердил, что отказ от реваншизма стал благом для Германии, и что он тоже считает такую политику существенным вкладом в мировой прогресс. После этого разговаривать стало еще проще. Доктор рассказывал об организации системы высшего образования в Германии, о которой я уже в общих чертах знал от Светланы, я вторил ему, объясняя, чем именно была испорчена когда-то очень хорошая советская система высшего образования. Потом мы коснулись особенностей германского федерализма, и тут мне удалось показать, что нам известны названия ряда немецких земель и их главных городов, а также чем они славны в производственном смысле.

Похоже, это немного удивляло доктора, но он с удовольствием подтверждал, что мои представления правильны. Мне было интересно разговаривать с этим человеком. Я знал о его стремлении держать себя в хорошей физической форме за счет игры в гольф. Они с Дитой часто вылетали на праздники в какую-нибудь страну с хорошими и не слишком дорогими полями, где можно было с набором клюшек и с помощью электромобиля передвигаться по стриженной травке от лунки к лунке и чувствовать себя во время сей занимательной игры, как от удара к удару по мячику нарастает во всем организме твоя способность возвращать себя к какому-то исконному древнему состоянию, когда от твоей силы, ловкости, расчетливости и меткости зависела добычливость на охоте, да и сама жизнь. Гольф был хорош именно тем, что при этом почти не вынуждал отказаться от привычного комфорта жизни – ничто не требует от тебя погружения в перенапрягающие условия существования, тут все настолько продумано, что можешь смело вступать в стихию гольфа, смущаясь разве что соседству с корифеями, затрачивающими минимум ударов на прохождение той же трассы по зеленому полю. Я понимал, что отношусь к гольфу как человек, привыкший к совсем другому роду погружения в естество, и потому ирония то здесь, то там прорывалась сквозь завесу лояльности к этому занятию преимущественно богачей, берегущих себя от неприятных воздействий природы при прикосновении к ней, но все равно эта игра была лучше, чем ни-

чего, и действительно возрождала как физический тонус, так и бодрость духа.

А фрау Дита сделала то, что занимало ее еще со времени пребывания Мартина в этой квартире – она специально зашла взглянуть на Светланину комнату, в которой он жил и от которой пришел в настоящий восторг. И она – таки увидела то, что представлялось ей со слов сына: пианино, сидящего поверх него огромного игрушечного мишку, раскладной диван, полки с книгами, письменный стол – то небольшое, чего вполне достаточно для создания уюта и ощущения полноценности бытия. Дита была явно довольна тем, что ее ожидания вполне подтвердились, и огорчало ее теперь совсем другое: Светлана выросла, стала студенткой, у нее уже был свой бой-френд, причем вовсе не Мартин, как ей мечталось, и ее горячее желание приобрести в лице Светы любимую дочь, которую Бог так ей и не дал, оказалось несбыточным или почти неисполнимым,. А ведь именно ради осуществления этой мечты она приглашала в Германию эту милую и все-таки оказавшуюся своенравной и непредсказуемой золотистоволосую девочку, которая, казалось, и рождена на свет Божий, чтобы расцвести в женщину именно в Германии, где ее генотип точно соответствовал германскому национальному эталону.

Мартин, как она убедилась, не ошибался, отдавая свои чувства этой девочке и разбегаясь в мечтах до ощущения будущего счастья с ней, ошибалась она, Дита, посчитав воз-

возможным соединить двух любимых ею детей в вечный союз для их и ее блага. Ни слова насчет этого не было произнесено вслух – такие вещи она могла обсуждать только наедине с мужем, если вообще собиралась спрашивать его мнение, но длинная цепь знакомств и приглашений, которые как будто должны были содействовать реализации ее мечты, в итоге ни к чему не привела, и осмысливать эту утрату матери Мартина было печально. Несмотря на сердечный характер встречи со Светой и ее родней, впору уже было думать о том, как свертывать бесперспективные отношения. Разумеется, они пригласили Светлану приехать к ним в Мюнхен еще, и было ясно, что если она воспользуется приглашением, то ее примут без оговорок, но обязательства, вытекающие из слов, стали бы уже бременем для принимающей стороны и некоторым злоупотреблением ее добротой со стороны Светланы.

Год спустя, когда Лангвизеры позвонили ей, желая выяснить, приедет ли она к ним, наша внучка нашла свой ответ в духе лучших классических светских образцов: «Это было бы прекрасно, но, к сожалению, я приехать не смогу». Ну что ж, таким ответом можно было гордиться – и я гордился тем, что полученное от нас с Мариной воспитание пошло ей впрок, но вместе с этим сознанием и в моей душе, как и у Диты Лангвизер, появилась неожиданная горечь от того, что некая красивая мечта не осуществилась.

Не скрою – я не исключал, что Света выйдет замуж на ино-

странца, это уже перестало быть редкостью, однако принесет ли ей это счастье, не мог сказать. Как могла сложиться ее жизнь между своей родиной и родиной мужа, если пуповина духовного питания останется необорванной, что для русского человека, будь то мужчина или женщина, достаточно характерно? Жить на два дома, то есть на две страны? Возможно, хотя разделить такое житье на две равные части вряд ли получится. Совсем лишиться удовольствия видеть рядом взрослую, но по-прежнему кажущуюся дитём любимую внучку? Это тоже была бы достаточно вероятная потеря, во всяком случае, для нас. А с другой стороны разве не будет радовать, что любимые существа – внучка и правнучки – будут жить в благополучной стране, где риска для жизни существенно меньше, а благосостояние существенно выше, чем на исконной родине? Ведь, она так богата множественными проявлениями социального неблагополучия и всякого безобразия.

Да, в России демократия прививается к ее телу из рук вон неудовлетворительно, чтобы не сказать – совсем плохо. Однако в обстановке свободы, в которой особенную готовность использовать блага либерализма проявили в первую очередь эгоистические честолюбцы – политиканы, жадные до чужого добра хапуги, коррупционеры от власти всех калибров и мастей, беззастенчивые лидеры криминального мира со своими камарильями – народу демократические блага не были особенно заметны. Кто из большей части ныне живущих

представляет, что еще совсем недавно в СССР категорически нельзя было говорить вслух то, что думаешь – это было опасно для жизни – из-за высказываний мыслей, неугодных властям, любому могли переломать всю судьбу, если только инакомыслящий не сумеет дернуть за границу? Никто, даже те из поносителей демократии, которые беззастенчивей всех использовали возможность свободного словоизлияния для прославления «радости жизни» проклятого рабского прошлого. В битве за утверждение демократии в России верх взяла старая партхозноменклатура, немедленно приватизировавшая социалистические предприятия и всего лишь немного разбавленная кредитуемыми с Запада компрадорскими либералами и уголовными рекетирами, причем все деятели этих трех категорий проявили себя либо бандитами, либо жульем или комбинацией того и другого рода. Как коммунистическая советская власть поголовно грабила весь народ в пользу своей амбициозной и антигуманной политики, на практике показавшей свою историческую неэффективность, так и «новая» капиталистическая власть продолжила его грабить, только деньги пошли не на распространение коммунистической власти на всему миру, а в карманы этой слегка обновленной номенклатуры, преобразившейся благодаря этому в так называемую «элиту». Она, то есть элита, могла относительно неплохо платить тем, кто ее непосредственно подпирал, крышевал и обслуживал. Разумеется, обеспечивать всех трудящихся на подобном уровне она да-

же и не собиралась. К категории «простых граждан» элита относилась совершенно по-советски, откачивая от реализации производимых в стране товаров и услуг в свою пользу столько же денег, сколько отнималось от граждан раньше.

Светлана последовательно приняла в свое сознание два важных соображения. Первое – в развитом и благоустроенном западном мире жить по его правилам ей было бы скучно.

Второе – с таким умом и способностью выражать свои мысли, превращая их в аргументы, которые трудно опровергнуть, да еще и с хорошим юридическим образованием, как у нее, вполне можно неплохо обеспечить себе жизнь и в России. Благодаря этому можно было заодно сохранить ощущение, что ты живешь именно так, как желаешь, и именно там, где тебе в силу неведомых причин НАДО находиться.

А в остальном жизнь в относительно более развитых и более «цивилизованных» странах у людей, не обладающих ни властью, ни очень большими деньгами, в принципе мало отличается от существования простых людей в менее развитых странах, если они, конечно, вышли уже из фазы дикости, варварства и религиозного фанатизма. Доказать это в наши дни совсем не трудно. Вожди компартии в СССР, ее «славное политбюро» стремились установить свое мировое господство под флагом истребления власти капитала. А о чем думало и мечтало пока еще неофициальное «мировое правительство», состоящее из крупнейших воротил мирового капиталистического бизнеса? В точности о том же

самом, что и политбюро ЦК КПСС – о своем абсолютном всевластии в мировом масштабе, только без коммунизма, а сперва «только» с помощью так называемых «транснациональных корпораций», а затем, в последние два десятилетия, с помощью установления системы якобы только экономической глобализации. Не знаю, как с этим злом бороться на Западе, даже другое – как его там понимают, отдают ли борцы с глобализацией себе полный отчет в том, что раз уж какие-то силы активно строят единую систему международной глобализации, то, стало быть, уже существует всамделишное единое мировое правительство, которое разве только вслух само себя не объявляет действующим, точнее-не сознается, что оно действительно есть и успешно функционирует в своих целях, не неся при этом никакой ответственности ни перед всем человечеством, поскольку в первую очередь управляется американскими капиталами, ни перед собственным народонаселением Соединенных Штатов Америки и его достославным «средним классом». Но у нас в России почему-то не говорят об этом даже всезнайки из коммунистической оппозиции действующей власти, обычно разоблачающие всех и вся. Наверно, потому что, понимают – враги коммунизма взяли на вооружение их методологию и стратегию, хотя идеология – точнее, демагогия у них другая: так легче делать деньги, так можно разумнее использовать мировой промышленный и экономический потенциал для извлечения прибылей. Дескать, так будут сни-

жены затраты на производство, так будет обеспечено снижение потребительских цен, и проистекут из этого еще многие другие блага. Дудки! Если у монопольного держателя мировой продукции окажутся на руках прибыли от минимизации затрат, он эту прибыль и прикарманит. Иначе какой он монополист – и даже зачем? Добиваясь максимума прибыли, он в лучшем случае будет отстегивать некоторую долю этой прибыли приспешникам в своей родной стране и компрадорам из других самостоятельных стран, пока таковые (то есть страны) еще будут существовать. А как будут чувствовать себя и существовать народы «неблизких» мировому правительству стран, этому правительству нет и не будет никакого дела. Если уже сейчас Соединенные Штаты Америки вкупе с не очень густонаселенной Канадой потребляют сорок процентов мировых благ, тогда как они оставляют всего двадцатую часть (пять процентов) от населения планеты Земля, то с развитием и распространением глобализации эти доли изменяются только в пользу Северо-Американского населения, и будет у них не сорок процентов благ, а пятьдесят, шестьдесят или семьдесят, тогда как их самих будет от пяти процентов до трех или двух от общего числа людей. А ведь в мире давно уже не хватает ни продовольствия, ни благ для всего человечества. Это стало особенно понятно в шестидесятые годы двадцатого века, когда супруги Медоуз прикинули, хватит ли имеющихся на планете и вовлекаемых в текущий оборот ресурсов для обеспечения

благами всего человечества на тогдашнем северо-американском уровне, и пришли к однозначному выводу – нет, не хватит. А ведь тогда еще только-только заговорили о транснациональных корпорациях, еще никто не осмелился декларировать идеи глобализации мировой экономики (тем более, под эгидой одних лишь Соединенных Штатов Америки). Но с тех пор с ресурсным обеспечением североамериканского образа жизни даже исключительно для США и Канады все стало заметно хуже и тяжелее. Пришлось слегка приоткрыть карты и заявить о пользе глобализации для всей планеты. В Европе этим замыслам если и не рукоплескали, то и не больно противодействовали – отрицательные их последствия пока что Европу не задевали, обходя стороной. Главной текущей задачей мирового правительства («закулисы» – как говорили вслед за секретарем ЦК КПСС Пономаревым супруги Грейгъ) стало овладение ресурсами, которые можно будет добывать с выгодой преимущественно для себя в других государствах: странах так называемого «третьего мира», как правило, не имеющих серьезной военной мощи для ведения современной войны, и в России, пришедшей после гонки вооружений под конец двадцатого века в полудохлое состояние навсегда, как казалось в столице мирового правительства Нью-Йорке. Рупор этого теневого правительства на официальной политической авансцене госсекретарь при Клинтоне Медлин Олбрайт сначала с беспрецедентной наглостью объявила, что интересы России заканчивают-

ся за пределами ее границ, а потом и вовсе распустилась, категорически высказав тезис: «Россия не имеет права на такие громадные ресурсы, которыми она располагает», фактически прямо называя направление глобальной агрессии в близком будущем. Однако при Путине «не имеющая права на обладание своими ресурсами» Россия перед лицом вполне понятной угрозы своим интересам и даже своему существованию стала с Божьей помощью поправляться и наращивать и без того немалую военную мощь новыми современными вооружениями, нейтрализовать которые без рокового ущерба для себя США попросту неспособны. Другой ответ новому Чемберлену в юбке, чем в старом стиле – а именно «лорду в морду» – для России был в принципе невозможен, исходя из необходимости обеспечения самосохранения.

Но мировое правительство пустило в ход не только глупые ломовые приемы стратегического распространения своей власти и превращения ее в единственную действительно глобальную. Правда, первые ломовые боевые действия, предпринятые им на этом пути, вряд ли можно признать эффективными и удачными даже против таких технически отсталых стран, как Ирак и Афганистан. Тем не менее ведущие аналитики – планировщики политики мирового правительства уже потирали от удовольствия руки, возомнив, что им зато вполне удалось другое – превратить коммунистический Китай в глобальную промышленную мастерскую всего своего «хозяйства». На уровне организационно-тех-

нического воплощения эта идея удалась вполне: в Китай из Америки, Японии и даже Европы в погоне за использованием дешевейших трудовых ресурсов и получением на этой основе сверхприбылей были перенесены все вредные и валовые производства грубого передела (химические, горнодобывающие, металлургические, подготовки стройматериалов), а за ними и текстильные, машиностроительные и приборостроительные заводы с западной и японской технологией и оснащением, чтобы собственное население стран-инвесторов в китайское народное хозяйство могло бы существовать в более комфортных, чем прежде, условиях якобы «постиндустриального общества», когда ничего не надо делать своими руками и достаточно действовать исключительно одной головой. Коммунистические власти Китая с радостью пошли навстречу мировому правительству и направляемых к ним инвестиций в Китайскую экономику. Этим они убивали сразу двух зайцев: превращали Китай в мощнейшую производительную державу и, как они надеялись, купировали или даже ликвидировали угрозу разгрома со стороны России. В Нью-Йорке, повторяю, лишь руки потирали от удовольствия при такой мысли и при таком успешном ведении дел. Им казалось, что данным приемом они обеспечили себе перспективу реализации победы над Россией чужими-китайскими-руками, чтобы затем заняться этим единственным коммунистическим врагом собственными силами. Напрасные надежды! Глупые расчеты! Близорукость, убий-

ственная для самих Штатов и их Европейских «друзей»!

Если бы речь шла только о возможности сравнить Россию и Китай, науськивая последний, то это была вполне носильная задача, тем более что при Мао это уже было достигнуто, и обе стороны этого конфликта на самом деле ничего не забыли и не простили друг другу. Китай еще со времен царя Алексея Михайловича считал себя обиженным московской экспансией, при Мао изменить положение зависимой стороны от России Китаю так и не удалось. Не удалось всерьез и по сию пору, хотя глупостей российские власти наделали очень немало, но все равно сохранить себя, пытаюсь сокрушить Россию, Китай так и не стал способен. Но западные аналитики, по-видимому, в отличие от японских, забыли, что их колониальные захваты на Китайской территории и их поведение в стране древнейшей цивилизации в качестве новоявленных господ китайцы тоже не пожелали забывать, а их злопамятность, которую по праву можно назвать исторической, только и ждет возможности за все расквитаться, и на этот раз бывшим колонизаторам мало не покажется. Организовать коллапс экономики в США, обесточивание на рынке потребления жизненно необходимых вещей китайцам в подходящий для этого момент не составит никакого труда. Образно говоря, они в один миг могут перекрыть кран товаропотока из своей Поднебесной, и Штаты сразу окажутся без поступлений металла, руд, угля, широкого ассортимента полезных ископаемых и стройматери-

алов, а также без огромного множества дешевых китайских текстильных материалов и изделий легпрома, без электронных, оптических и других бытовых приборов – всего не перечсть. А ведь свои аналогичные производства они уже закрыли, перенеся их в Китай. И с чем они тогда останутся, кроме как со своими «высокими», в основном военными технологиями? Почти ни с чем, поскольку и эти заповедные технологии уже давно зависят от поставок сырья и полуфабрикатов из Китая. И что тогда? Война? А Китай-то будет вооружен тогда куда как лучше, чем ныне – как за счет глупых-прямо говорю! – глупых поставок российских вооружений, которые китайцы постараются освоить производством у себя, так и за счет собственных разработок в развитие российских и иных образцов, поскольку они от природы старательны и умны, да к тому же будут воодушевлены пассионарными идеями исторического мщения. А ракетное и ядерное оружие у них и так уже есть, хотя и послабее, чем у России и у Америки.

Возврата своих захваченных колонизаторами полезнейших для нынешнего Китая Макао и особенно Гонконга они уже добились. Очередь за Тайванем, который пока остается для Пекина крепким нерасколотым орешком. Тибет он поспешно китаизируют и, также как Туркестанский Синьдзянь, бдительно контролируют своими войсками, показывая всем, что никому их не отдадут, а себя при этом называя освободителями народа Тибета от крепостного рабства, что, конеч-

но, примерно так же справедливо, как удержание Россией в своем составе Чечни вооруженной силой хотя бы на том основании, что вольнолюбивые чеченцы хотят свободы только для одних себя, а представителей других народов и их право на свободу они и в грош не ставят, считая рабовладение иностранцами и в двадцать первом веке своим естественным правом, что абсолютно нетерпимо для современного человечества по любой шкале оценок, особенно по западной – «самой-либеральной».

Но те, кто из своих сиюминутных политических и экономических интересов кричат о попорченной свободе малых народов и слышать ничего не желают о том, что это сознательные и упертые рабовладельцы, в который раз наступают на одни и те же старые грабли. Русские добровольцы, заслуживающие высокий авторитет и уважение у себя на родине тем, что заступились за рабовладельцев – буров, боровшихся в начале двадцатого века с новыми английскими колонизаторами, напрямую рабство не признававшими, как оказалось, подали пример нынешним англичанам, которые выражают восхищение, сочувствие и поддержку, «порабощенным чеченцам», хотя те успели уже без зазрения совести держать кое-кого из их британских соотечественников заложниками-рабами в земляных ямах, насиловать женщин – англичанок, а кое-кому, так сказать, «для порядка» даже отрезать головы. Но какое это имеет значение, когда речь идет о достижении геополитических успехов? Ровно

никакого, поэтому в устах британской пропаганды все чеченцы хорошие, а русские – дрянь, каковыми были для русских англичане в Оранжевой Республике и Трансваале. Ну, а уж в глазах таких деятелей, как Медлин Олбрайт Россия просто всегда обязана ходить в негодях, а албанцы – сплошь выступать жертвами русско-подобных сербов. Но в итоге такое сердечное отношение к гнезду воинствующего ислама внутри Европы, когда на защиту несчастных мусульманских жертв НАТО обрушила современную военную мощь против Югославии, и тем нежданно-негаданно окрылила исламистов тем, что можно, да так за просто, сравнить между собой христиан, хотя и разного толка, и побудило мусульманских планировщиков СВОЕГО плана захвата власти над всем миром отблагодарить своих пособников, вроде Олбрайт, взрывом двух Нью-Йоркских небоскребов, здания Пентагона в Вашингтоне и даже попыткой атаковать Белый дом (она провалилась исключительно благодаря отчаянной доблести пассажиров захваченного исламистами пассажирского самолета – им в любом случае терять было нечего, а потому самолет воткнулся в землю во время схватки с угонщиками, не долетев до своей цели). Но это, повторяю, было результатом гражданской доблести пассажиров, обреченных террористами на смерть, а вовсе не заслугой американских властей. Последовательная эскалация глупости и недалковидности в политике со времен Олбрайт на самом деле вела не «от победы к победе» мирового ка-

питалистического теневого правительства, а к новым и все возрастающим трудностям и осложнениям для него, к истощению, казалось бы, неограниченного могущества США в военной сфере и к увяданию производительного промышленного тела главной метрополии мирового капитализма. Как тут не вспомнить знаменательное резюме бывшего главы российского правительства Виктора Черномырдина по поводу трудов подобного же «ихнему» высшего органа исполнительной власти России: «Хотели как лучше, а вышло как всегда», только уже в приложении к теневому мировому правительству. – Хотели устранить СССР, а потом и Россию как важнейшую фигуру на мировой арене – получили приходящего в себя после долгой и опасной болезни все более усиливающегося соперника в делах геополитики, которого снова предпочли исторически бояться, вместо того, чтобы превратить в своего полезнейшего союзника и надежного партнера (а такие шансы у Запада, несомненно, были). Хотели сделать США инструментом абсолютного доминирования на планете Земля, но получили все менее послушную себе и все более явно эгоистически мыслящую в свою пользу Европу. Хотели очиститься от ряда грязных и вредных промышленных технологий – а в результате сели на китайскую промышленную «иглу», от которой теперь зависят в такой же степени, как наркоман от инъекций героина. Рассчитывали сразу натравить Китай на Россию, однако пока что просчитались. У Китая, как оказалось, были свои взгля-

ды на то, когда это лучше сделать. Со страстью всей военной мощью набросились на Югославию, борясь с геноцидом албанцев, а на самом деле исключительно ради полной ликвидации в Европе «заразы коммунизма» (Боже! Какой там у Милошевича был коммунизм!) – а в итоге пустили в ход еще более опасную для всего мира заразу (в том числе и для «свобод человека») – исламский радикализм, терроризм и джихад. Надеялись сменить режим Фиделя Кастро на Кубе угодным себе режимом, а вместо этого доигрались в своей жадности до возникновения такой вредоносной фигуры на пути к доминированию в Латинской Америке, как Уго Чавес, который пользуется поддержкой почти всех южноамериканских стран, кроме Колумбии, да еще откачнули ненавистного им Чавеса в сторону Китая и России: к первому – чтобы продавать ему Венесуэльскую нефть, ко второй – чтобы закупать у нее за вырученные у Китая деньги эффективнейшее современное оружие, с которым Штаты не захотели бы иметь дело. Ну, и наконец, две самые показательные и как будто бы блистательно начатые особо важные акции: первая в Ираке, вторая – в Афганистане. В первой из этих стран главной целью в декларативном плане было уничтожение мерзкого типа Саддама Хусейна и его диктаторского режима, тогда как в действительности это была прямая попытка установления полного контроля над добычей и поставкой изобильной дешевой иракской нефти. Режим Саддама уничтожили легко и быстро – можно даже ска-

зять – почти красиво (совсем красиво было бы, если бы потрудились не допустить срыва лавины тотальных грабежей, приведших, в частности, к расхищению даже важнейших исторических музейных ценностей). А установить новый, послушный «демократический» местный режим в исламской стране, давным давно привыкшей только к диктаторскому стилю управления, так и не сумели. Зато возбудили к себе национальную ненависть как к чужеземцам, поправшим их национальную гордость и фактически ввергшим страну в гражданскую войну, где основным способом ее ведения стал террор друг против друга разных слоев гражданского населения в обстановке американского бессилия на что-либо положительно повлиять. Какой уж тут тотальный контроль над Иранской нефтью, когда-то и дело совершаются диверсии на нефтепроводах и в портах, а в итоге поставки черного золота срываются день за днем. Хотели получать сверхприбыли в условиях сверхнадежности действия системы откачки иракских нефтяных богатств, добились лишь огромного роста затрат на нужды собственной оккупационной армии, а цен на «черное золото». А уйти из Ирака теперь просто скандально опасно – какой уж Америка Мировой владыка, если не может справиться с небольшой и в военном смысле уже разгромленной исламской страной? Кстати, потерпела крах еще одна затея, связанная с акцией в Ираке – запугать другие исламские, прежде всего арабские страны, всемогуществом Америки и ее союзников. Испуг, конечно,

они вызвали вовсе немалый, однако не такой, на который рассчитывали. Оказалось, что эту оккупационную мощь достаточно просто распартизанить: вредить, нападая из-за угла, а затем, прячась среди якобы мирных, но на деле содействующих и сочувствующих жителей, легче легкого в насыщенный легким оружием стране – (она буквально наводнена автоматами Калашникова, гранатометами, минометами, минами и взрывчаткой, а также людьми, готовыми на полное самопожертвование во имя торжества своей исламской веры – не важно какой – шиитской или суннитской – ведь за это религиозные наставники гарантируют своим «камикадзе» немедленное обретение места в раю), – и тем самым свести на нет всю эффективность американской военно-стратегической операции.

В Афганистане вышло не лучше, а смысла в акции было еще меньше, чем в Ираке: там – то хоть была иллюзия нажиться и обогатиться, а с разоренного в войне с СССР и во внутренних распрях Афгана что можно было взять? Зато потерять в этой стране можно было много. В борьбе за ликвидацию вредоносной радикальной «Аль-Каиды» (кстати сказать, выпестованной американцами с целью навредить СССР), точно так же, как в Ираке, были быстро достигнуты немалые успехи, за исключением «пустяков»: разгромив основные полуармейские войсковые формирования ваххабитов, они не ликвидировали никого из главных лидеров «Аль-каиды»: ни Усама Бен-Ладен, ни мулла Омар

так и не были пойманы или убиты. А сколько их сторонников погибло, для «Аль-каиды» не имело значения – в перенаселенной (с точки зрения обеспеченности кормовыми ресурсами) стране на место погибших вставали новые отважные нищие люди, которым нечего было терять и которым ничего не было надо, кроме одного: чтобы они жили себе так, как жили всегда и до английских оккупаций, и до советской. Более того, поскольку во время американских действий против моджахедов задевалось и погибало много людей из числа гражданского афганского населения, ряды сопротивления оккупантам множились. В стране с традицией кровной мести за смерть родственников обязаны были мстить даже люди, до того не настроенные против американцев и их союзников. Обнаружилась и еще одна неприятная особенность в ходе военных действий – силы «Аль-каиды» уходили от ударов за границу Афганистана в Пакистан. Если американцы их не преследовали или не громили с воздуха, они там отдыхали, набирались сил и возвращались назад, в Афган, в еще лучшем виде: с оружием, боеприпасами, с новыми адептами и с приобретенным боевым опытом.

Если же, видя, что пакистанские вооруженные силы ничего не предпринимают для разоружения или уничтожения моджахедов, американцы принимались за дело сами, а уж это до крайности возмущало все слои весьма чувствительного к боевым вторжениям чужаков на свою территорию пакистанского общества. Это сильнейшим образом расшатыва-

ло устои власти надежнейшего союзника США в Центральной Азии и на Индостанском субконтиненте – генерала Мушаррафа, президента Пакистана, получившего в своей стране разлитое море бунтов и безобразий. Между тем ненавистная Россия не утратила своего влияния на афганский «Северный альянс», а наоборот – существенно его укрепила. Зато американцы, уже лишившиеся поддержки многих своих союзников в данной операции, продолжали наступать на грабли, где уже получили удары в лоб их предшественники – английские и советские войска, а конца кампании, тем более – успешного – видно не было. И что же в итоге? Барахтанье в болоте, очень вязком болоте партизанской войны с опытнейшими специалистами в ее ведении, два поколения которых выросли в обстановке такой войны и воспринимали ее как свое естество, в котором выживали благодаря своей отваге, неприхотливости, стойкости (свойства, не лучшие для их изнеженных цивилизованными условиями существования противников – американцев) в боевом плане, а в смысле обеспечения ресурсами – выживали за счет всемирных исламских пожертвований «на джихад», а также за счет производства невиданного дотоле количества героина, который прямиком шел и в Европу, и в Соединенные Штаты, нанося им опаснейший ущерб изнутри. И здесь снова обнаружилось бессилие США переломить обстановку в свою пользу. Их политикой стал выражать открытое недовольство даже всецело зависимый от них их собственный ставленник – формаль-

ный президент Афганистана Хамид Карзай, не справляющийся с управлением страной с помощью иностранных штыков. Этого собирались достичь Соединенные Штаты – главный инструмент Мирового теневого правительства? Очень сомневаюсь. А оно уже ставит новые задачи – «привести в чувство» еще одного бедного нефтяного богатея – Иран с его режимом власти непримиримых исламских фундаменталистов, свергнувших проамерикански и проанглийски настроенного шаха. А за Ираном можно разглядеть и другие мишени для мирового жандарма, поборника порядка и свобод: уже упомянутые Кубу и Венесуэлу, безобразно ведущую себя Нигерию и уже однажды давший пинка войскам президента Клинтона Сомали, а то, кто знает? – может еще и Мексику, наводняющую Штаты нелегальными эмигрантами, так что статистики уже предсказывают – вскоре большинство американцев станут говорить не на английском, а на испанском языке.

Америка всегда наращивала свою мощь за счет сил, интеллекта и аварийного вложения самих себя в нескончаемый труд разнородных эмигрантов. Многие из них выбиваются наверх, тесня коренных американцев (разумеется, не индейцев, а белых старопоселенцев) благодаря своим способностям и неиспользованной на оставленной родине энергии – многие, но далеко не все, кто бы этого хотел. Как им мечталось попасть в страну, о которой давно было известно, что это страна «равных возможностей» для всех, кто там ста-

рается выдвинуться и преуспеть в любом направлении, если у него есть идеи, воля для их осуществления и умение воплотить их в жизнь! А что оказалось? Вранье? Нет, не всегда, не во всем и не у всех: просто фактически так же, как было на покинутой неласковой родине. Пробьешься какими угодно способами – хорошо, но если сам не пробьешься, ни за что не преуспеешь. Эта страна – Соединенные Штаты Америки – оказалась на редкость равнодушна к подлинным талантам, особенно художественным в любом смысле этого слова: в живописном, скульптурном, музыкальном, архитектурном, оперном, балетном, драматическом, кинематографическом. В ней всего было много, а равнялась она исключительно на вкусы тех, кто зарекомендовал себя знатоком того или иного вида искусства, причем в единственном смысле знатоком – что его суждения о предметах искусства, предсказывающие успех или неудачу того или иного предмета, окажутся соответствующими их рыночной стоимости. Здесь талант и его значимость уравнивались с производителями ремесленного ряда, если кто-то «компетентный» не объявлял, что данный человек – гений или удивительный талант, и этому беспрекословно верили, руководствуясь не собственными впечатлениями и вкусом, а принципом: «он специалист, в отличие от меня, ему и виднее», что свидетельствовало только об одном – о безрассудном доверии к чужому модничающему и купленному дяде, а также о глупом недоверии к собственному восприятию, собствен-

ной оценке красоты или безобразия.

Именно в силу этого в отношении всех видов художеств в Америке абсолютно утвердился «модерновый» эстетический принцип: «хорошо то, за что много платят». К художнику или скульптору, получающему сотни тысяч долларов за одно произведение, проявляют глубокое уважение и часто относятся как к некоему гуру. К киноартисту, получающему за работу в одном фильме миллионы или десятки миллионов долларов, относятся как к кумиру, и он становится объектом всеобщего обожания уже не только в глазах кинозрителей, но и в целой куче стран. А к подлинному гению, если его заработки скромны, чью истинную художественную ценность признают только потомки, относятся в лучшем случае равнодушно, а чаще с жалостью и даже примесью презрения: дескать, не сумел человек найти свое место в жизни, чтобы она была у него достойной – и всё! А ведь нищие, малоимущие или среднего достатка мастера искусств создали большую часть шедевров., отобранных историей в антологию высших произведений человеческого духа, мысли, пронизательности и мастерства. Богачей среди них достаточно мало.

Мой двоюродный племянник Сергей, эмигрировавший в Америку в начале «перестройки» в первую очередь из-за того, что у него не было здесь своей мастерской, в которой мог бы работать как скульптор (а скульптором он был без преувеличения от Бога, что обнаружилось уже в возрасте

двух лет). Но и в Америке, где он достаточно быстро смог найти работу по специальности, Сергей больше двадцати лет не мог построить себе мастерскую, а потому вынужден был трудиться в фирмах по найму в качестве художественного рабочего – от звонка до звонка. В стране всевозможных хваленых свобод его постоянно душила атмосфера тупости общества, признающего только один вид ценностей – всеобщий денежный эквивалент. Даже когда он выезжал в Европу, особенно в Италию, где трудился (анонимно, конечно), на известного американского скульптора, именно там предпочитавшего выполнять заказ, с которым этот американский «мэтр» не мог самостоятельно справиться, он чувствовал, что люди там САМИ дышат красотой и ценят ее оттого, что родились среди нее, считают ее неотъемлемой частью своего естества, тянутся к ней вне зависимости от того, сколько за нее дают денег. И уж конечно, им при этом дела нет до мнения самопровозглашенных и вполне покупаемых авгуров от искусствоведения и критики, потому что граждане сами понимают толк в том, что хорошо, что плохо. Сережа со своим исключительным талантом пробьется, как я думаю, наверх и в Америке, но ему уже больше хочется жить и творить от своего имени в Италии, а вовсе не в Америке, где материально все куда изобильнее, где для удовлетворения основных житейских нужд всего хватает, зато найти применение своим лучшим силам там противоестественно трудно.

В СССР искусство должно было выполнять заказы комму-

нистического «агитпропа», в Америке – обслуживать запросы толстосумов, руководствующихся в этом случае главным образом нюхом на деньги маститых художественных критиков, а не своим собственным коммерческим чутьем.

Я целых полвека наблюдал за поведением власти в СССР и научился свободно переводить смысл ханжеских партийных деклараций, установок и даже текущих информационных сообщений с номенклатурного новояза на нормальный русский язык, после чего становилось понятным, в чем именно заключается лживость или нарочитые искажения действительности и о чем в них умалчивается. Раньше мне казалось, что в странах, где есть много печатных изданий и телевизионных компаний – нет, не свободных самих по себе, но вроде бы с разными хозяевами, мнения которых по определению не могут быть столь же унифицированными, как в СССР, и где якобы не может существовать такой унифицированной оголтелости и односторонности в оценках, как в «стране развитого социализма». Однако, когда удалось лучше познакомиться с тем, как официальная и закулисная власть в «свободных» странах обращается с «независимостью» средств массовой информации., с полной определенностью выяснилось, что на Западе точно так же УНИФИЦИРОВАННО, в одном и том же духе оболванивают и «информируют» народ все «независимые» представители журналистского цеха от хозяев до репортеров, не говоря уж об «аналитиках».

Уровень других безобразий в социалистическом, постсоциалистическом и капиталистическом обществе также оказался сопоставимым по величине, что неудивительно: крупные державы, играя каждая свою индивидуальную роль на мировой арене, противодействуя партнерам и соперникам и исходя из вполне эгоистических интересов, не могут придумать никаких особых, неизвестных противникам способов обуздания чужих претензий без ущерба для своих и потому прибегают к совершенно одинаковым средствам достижения своих индивидуальных целей, главной из которых остается желание не допустить чужого доминирования и по возможности создавать всяческие трудности конкуренту. Честной конкуренции в подлунном мире как никогда не было, так нет и не будет. Не обязательно вести войну насмерть – достаточно бывает просто настолько обессилить противника, чтобы он не мог больше представлять опасности, а потом уже решить, добивать ли его совсем или использовать как-то иначе, если собственные цели победителя от этого пока что не страдают. К постсоветской России отношение было именно таким, хотя Запад старался на словах создать другое впечатление. Поэтому когда Российская мощь снова ухитрилась устойчиво возрастать, истерическая реакция Запада на все действия Москвы, особенно в геополитике, была чрезвычайно острой и категоричной – Россия сразу стала черной во всем. Нет, ни европейские соседи, ни заокеанские партнеры не встретили освободившуюся от коммунистиче-

ских устремлений к установлению мирового господства новую Россию с таким же расположением, с каким сорок-пятьдесят лет назад встретили и приняли в свои объятия денацифицированную Германию и демилитаризованную Японию. Любовь, как и дружба, устойчива только когда она взаимна. А когда невзаимна, то это уже не любовь и не дружба, а в лучшем случае – вооруженный нейтралитет. Теперь дай Бог хотя бы на этом уровне было б всем удержаться в рамках «партнерства» России и Запада. А какая была упущена возможность усиления именно европейской, условно говоря, христианской цивилизации перед лицом китайской и исламской! Ведь ничто не мешало Западу с огромной выгодой для себя и нее сделать новую Россию своим другом, а не источником дремучего страха. Она все равно для него враг, враг и враг. Такому подсознанию очень легко убедить разум, что Россия иной просто не может быть, и потому они сами делают Россию столь же недоверчивой и не сомневающейся в том, что ее хотят устранить или разорвать на части. А ведь Россия – это едва ли не половина слитного сверхконтинента Евразии, и для нее территориальные потери неприемлемы в куда большей степени, чем для Британской империи с ее колониями и доминионами, которые были разбросаны в разных местах планеты, на разных континентах и островах и единого физического целого тела в своей совокупности не представляли. К тому же и по площади, и по народонаселению английская метрополия существенно уступала своим

бывшим заморским владениям, и уж им-то отпасть от империи, как говорится, Сам Бог велел. Так что для исторической зависти Британской империи к целостному состоянию России и то не видно прямых логических и физических оснований – они не аналоги. Впрочем, зависть никогда не относилась к числу логических категорий – она принадлежала к другому их классу – зоологических и аморальных. Вот почему члены Большой Восьмерки, в которую Россию было принято, а теперь не против и исключить, своим поведением показали, что в его основе никогда не было желания видеть в России нечто родственное себе.

Итак, разные части мира, разные страны вновь начали впадать в пучину соревнования, кто кому причинит большие неприятности, но отнюдь не добро. Превентивные войны с целью не допустить усиления противника идут после Второй Мировой войны уже больше шестидесяти лет, но опасности для существования и процветания хотя бы некоторых стран так и не устраняют. Мир разделен не только на тех, кто богат и силен, и тех, кто беден и слаб. Есть и другая пограничная линия на том же множестве стран, разделяющая их по другому критерию: на тех, кто способен защищаться, и тех, кто пока или всегда не способен к этому. Обе системы отнюдь не статичны – то и дело какие-то страны переходят из одних категорий в другие. Геополитикам будет много работы в ближайшее время, а уж пропагандистам разных варьирующих идеологий и демагогий – тем более.

В мировом человеческом организме, как оказалось, так и не нашлось жизнеспособного неподавленного гена, который мог бы отвечать за развитие всех частей мирового сообщества в направлении сопроцветания. А если он и был когда-то встроен в общечеловеческий организм или хотя бы был предусмотрен, то его давно уже подавили действительно доминирующие гены национального эгоизма и вражды.

Глава 9

Мне по понятным причинам не очень хочется признавать, что в возрасте после семидесяти лет силы так или иначе убывают. Но ничего не поделаешь – таково естество. Да и вообще мне грех жаловаться, раз до семидесяти пяти Милостью Божией удалось дожить. Тем более, что старость оказалась в моем случае такой продуктивной (возможно, именно потому, что я частенько напоминал себе – если хочешь что-то еще успеть, надо очень поторапливаться) и в физическом плане пристойной. Однако становится все трудней и в каком-то смысле даже опасней активно действовать каком-то одном направлении, сознавая, что рискуешь привести в расстройство другое. Я еще могу наращивать физическую силу мышц почти до привычного уровня, но одновременно утыкаюсь в то, что моим волевым усилиям противостоит отказывающееся повиноваться мне в этом сердце. А будешь беречь изо всех сил сердце, станут дряблыми мышцы. И с сердцем не поспоришь, и в дряхлости не захочешь существовать. Как быть, каким образом вырваться из замкнутого круга, трудно понять. Да и может ли быть выход отсюда? Посвящение себя и своих сил исключительно отдалению конца этой жизни – вряд ли можно признать разумным, особенно когда вполне четко представляешь, от КОГО зависит, когда свершится заключительный переход. В послед-

нее время я предпочитаю решать для себя другую проблему: чем лучше заняться в оставшиеся до конца дни, месяцы или годы: совершенствовать ли свои представления о мире, о жизни, о любви, о человеческом обществе, извлекая, что можно, из опыта своего бытия или передаваться поддержанию физических сил на приличном уровне, дабы это радовало душу, украшало быт и позволяло подольше набираться этого самого опыта, и в итоге выбираю работу за столом, когда есть о чем писать и извлекать, из этого свои выводы. Это не очень простая работа, когда знаешь, что надо поторапливаться. Кстати, обострение чувства дефицита времени жизни способно склонить и к ошибкам: побудить побольше сказать и поменьше отделять качество сказанного. С Александром Исаевичем Солженицыным оно давно сыграло плохую шутку. Он так спешил, что, торопясь сказать о возможно большем, делал это все хуже и хуже, обесценивая свою мысль и сам смысл работы. Впасть в такой грех перед любимым поглощающим занятием мне бы не хотелось. Плохо сделанный предмет ни самого не порадует, ни другим не понадобится, да и глупая, почти напрочь лишенная основания надежда на то, что твой труд может кому-то еще понадобится и принести хоть какую-то пользу, лопнет, если твои откровения и заветы будет трудно и неинтересно воспринимать. Но все это – разговоры в пользу бедных в прямом и переносном смысле слова. Бедны ли те, кто не желают учитывать чужой опыт для своей же пользы? Бедны, конечно!

Ибо вынуждены платить большую цену за то самое, что могли бы взять практически даром, либо деньгами из своего кармана, либо рубцами на собственной шкуре. Правда мир людей устроен так, а не иначе, им дано учиться исключительно на личном опыте. Только в науках существует традиция преемственности, поскольку все познанное человечеством одними индивидуальными мозгами заново не откроешь и не освоишь. А в итоге поневоле приходишь к выводу, что все экзамены, которые устраивает людям жизнь, каждому приходится лично сдавать в меру своей испорченности, праведности или подготовленности Главному Экзаменатору, даже не видя Его Лица и потому не имея возможности догадаться, верно ли излагаешь Ему ответ на очередной вопрос. По-существу для успешной сдачи экзамена любому надо самостоятельно стать и философом, и эзотериком, а многие ли хотят (я даже не говорю, что способны) заниматься такими вещами? Странно, но большинство живущих беспокоится об этом в последнюю очередь. Видать, сильна иллюзия насчет того, что если ведешь себя прилично в быту, соблюдаешь заповеди – эти канонические правила внутрочеловеческого (то есть всеобщечеловеческого) распорядка, то можешь о будущем своей души и духа особенно не беспокоиться. И бесполезно пытаться докричаться, дозваться до глухих ко всему, чтобы они делали сверх соблюдения морального минимума миниморум, еще кое-как сохраняющего нас в статусе людей.

Я никогда не чувствовал себя призванным действовать во спасение заблуждающихся и дремлющих, которые сами о своем спасении заботиться не желают. Правда, изредка мне попадались люди, по собственной ли воле или в порядке послушания велениям духовного начальства, идущие в мир миссионерами и проповедниками. Чувство, которое они во мне вызывали, пожалуй, точнее всего было бы назвать сожалением по поводу их топорно-прямолинейных, без тени сомнения, поучений, какими они считают себя вправе бомбардировать сознание обращаемых в свою веру или в свой образ жизни людей. Право слово, будь у них сколько-нибудь самоиронии, результаты их деятельности были бы много заметнее. А так – школяры-приготовишки, они под впечатлением окрыляющей их божественной благодати выступают в роли наставников в пьесе «Яйца курицу учат».

Однажды я даже пошел на эксперимент, когда в дверь нашей квартиры позвонили две довольно молодые девушки и с места в карьер атаковали меня через порог цитатами из Нового Завета. Я имел все основания остановить их рвение и, извинившись, захлопнуть дверь, но мне все-таки стало интересно узнать, чего же они хотят от седобородого старика. Несколько моих реплик, призванных дать им понять, что мне знакомо Священное Писание и что на меня большее впечатление произвели другие места в нем, а не те, на которые они «нажимали», не дали никакого эффекта. Просветительница, которая открывала Библию карманного формата

на заложенных местах, так и спешила вывалить на меня весь объем заданного ей урока, тогда как другая, более симпатичная скромно и как-то застенчиво молчала. Наконец, первая, которая была постарше, сочла мою терпимость за успех своей пропаганды и дала знак товарке, чтобы она дала мне брошюры. Пообещав, что они еще придут побеседовать со мной на духовные темы, девушки откланялись. Видимо, им надо было обойти еще немало квартир в заданном доме и районе, выполняя возложенную на них миссию. Из брошюр стало ясно, что нас хотели взять под свою сень баптисты. Агитматериал был обильно иллюстрирован, и с каждой картинки, сопровождавшей ту или иную тему, смотрели сплошь улыбающиеся мужчины, женщины и дети, своими улыбками убеждающие, как им хорошо в этой жизни оттого, что они верят в Иисуса Христа именно по-баптистски. Мне, однако, почему-то совсем не улыбалось поощрять их пропагандистское рвение, и, тем не менее, я еще дважды выслушивал их через порог прежде чем пригласить зайти в квартиру. Тут мне было удобней задавать им вопросы в разрезе тех тем, по которым они меня просвещали. «Поплыли» они в своих ответах достаточно быстро, что было заметно по тому, как они между собой переглядывались, а также по тому, как замедлилось словоизлияние старшей из проповедниц. В следующий раз они привели уже какого-то мужчину постарше. Он должен был вывести их мессианский поезд из агиттупика. Несмотря на то, что с ним уже можно было

дискутировать, озадачивать его новыми вопросами все равно оказалось несложно. Поэтому еще через неделю девушки привели ко мне уже явно какого-то высокодуховно уполномоченного, в присутствии которого они продолжали стоять, хотя я предложил присесть всем. Это могло означать только одно – я был признан крепким орешком, а второго мужчину привлекли к делу уже в качестве тяжелой артиллерии. Он действительно оказался поумнее, потому что мог отклоняться в сторону от штампов и пытался отвечать мне логически по существу. Но и этот человек в назидательной роли продержался совсем недолго. Я сумел-таки серьезно озадачить своими трактовками известных расхожих мест Библии. Не знаю, кого еще командировали бы ко мне иерархи баптистской церкви, но как раз после его визита в прессе и на телевидении началась кампания против деятельности различных религиозных сект, засылающих в Россию своих эмиссаров с подрывными и корыстными целями. Вся деятельность баптистов была немедленно свернута, прекращена и в дальнейшем уже не возобновилась, по крайней мере, в окрестностях нашего дома. Марина не была в восторге от этих моих контактов с баптистами, но вслух своего мнения о них не высказывала, по-видимому, полагая, что мне это зачем-то надо. А я и впрямь хотел представить, с помощью каких средств без совершения чудес одни люди склоняют других к переходу в свою веру. Против баптистов я ничего до этого не имел, да и за, пожалуй, тоже. Тут, впрочем, имелось одно исключе-

ние. Во время войны в 1941 году зимой мама и я, уже заболевший суставным ревматизмом после хождения за три километра в школу села Лабазы в городских ботиночках по глубокой грязи, переехали в город Бузулук в тридцати километрах от нас, куда были эвакуированы из Харькова мамины родители – мои любимые бабушка Поленька и дедушка Кода. А квартировали они, как выяснилось, в доме у высланного из центральной России баптиста Спиридона Тимофеевича и его жены. Дом у этих хозяев был большой и достаточно холодный. Сам Спиридон Тимофеевич запомнится мне тихим невысокого роста человеком в круглых очках, какие носили, как я потом убедился, несмотря на их примитивную конструкцию и форму, еще и такие известные личности, как маршал бронетанковых войск Ротмистров и рейхсфюрер СС Гиммлер. Видимо, в соответствии со своими религиозными убеждениями Спиридон Тимофеевич и его жена стойко переносили свалившиеся на них неудобства из-за проживания в их доме шестерых чужих человек (кроме бабуни, дедуни, мамы и меня там находились и моя двоюродная сестра Милочка и ее мама тетя Ева). Во всяком случае, никаких неприглядных сцен между хозяевами и приезжими я не помню. Через два месяца мы с мамой покинули город Бузулук, переполненный эвакуированными и военными, только не из Красной Армии, а из польской армии генерала Андерса. Эти польские военные, натерпевшиеся всякого от советской власти с тех пор, как они перешли совет-

ско-польскую границу в сентябре 1939 года, чтобы не сдать Гитлеру, и лишь недавно под давлением англичан и американцев были выпущены из лагерей военнопленных, выглядели самыми хорошо одетыми людьми в Бузулуке, поскольку все они ходили в добротной английской форме и только серебряные одноглавые орлы на их зимних шапках были польскими. В Бузулуке из тех, кого по сталинскому приказу не расстреляли в Катыни, Осташкове и других местах, теперь формировали боевую силу, которую через Иран должны были отправить воевать с немцами на территории Северной Африки, а затем и Италии, особенно под Монте-Кассино, где нашим англо-американским союзникам пришлось особенно туго, почему они и предоставили польским войскам почетное право нести под этим укрепленным монастырем основные потери. Но что поделаешь? Раз уж англичане спасли их от гнусного и опасного существования в советских лагерях, одели-обули и даже накормили своими продуктами, да еще такими, каких в СССР было ни за что не достать, пришлось полякам проявлять героизм не только в качестве расплаты за английские благодеяния, но и прежде всего потому, что они этого сами страстно хотели. У них имелись свои счёты с Гитлером, и прощать ему свое поражение они не собирались. Я лично вплотную наблюдал двух польских офицеров – пана Тадеуша и пана Франтишека (последний был со своей женой польской пани), проведя с ними в предельной близости одиннадцать дней, в течение которых наш

почти пустой холодный вагон, предназначенный для перевозки арестантов, каковых в данном случае в нем не было, перемещался из Бузулика в Чимкент, где нас с мамой ждал уже мой отец, эвакуированный туда с Академией Архитектуры. Тут уж я мог во всех подробностях разглядеть все детали британской военной формы и увидеть, какими продуктами их снабжала воюющая почти на два года дольше нас подвергающаяся морской блокаде Великобритания. В сравнении с нами это были небо и земля. Наверное, память о знакомстве с польскими офицерами в какой-то степени стерла воспоминания о Спиридоне Тимофеевиче и о пребывании в его доме. Одно могу утверждать – этот христианин – баптист никак не ассоциировался в моем сознании с баптистскими агитаторами и пропагандистами, вооруженными красочной агитлитературой. В Спиридоне Тимофеевиче фальши не было заметно, а в его единоверцах полвека спустя фальшь была. У тех, кто ко мне приходил, чтобы принести с собой свет своей «истинной» веры – можно было бы считать фальшью стремление нарочито или бездумно приукрашивать Истину; у тех, кто фигурировал на цветных фотоснимках, бросалась в глаза фальшь делаемого восторга. В последнем наши с Мариной мнения полностью сошлись. А в целом лицо Спиридона Тимофеевича было очень похоже на лицо некогда знаменитого педагога, перековщика душ недостигших возраста гражданской ответственности преступников, основателя трудовой коммуны имени Феликса Эдмундовича

Дзержинского, Антона Семеновича Макаренко. Только смирения в нем отражалось побольше, чем у основателя трудкоммуны под Харьковом.

Харьков оказался для меня полуродным городом. На свет Божий я, правда, появился в Москве, но себя в сознательном возрасте впервые ощутил именно в Харькове в доме дедуни и бабуни и тети Норочки на улице Чайковского № 15, в квартире 6. По другую сторону улицы за забором, прямо против наших окон, простиралась территория Украинского физико-технического института (УФТИ), где впервые в СССР на циклотроне расщепили атомное ядро, и где ярко зажглась слава физика-теоретика будущего академика Ландау. Разумеется, в возрасте от одного года до четырех лет, пока я не переехал к маме в Москву, я ничего об УФТИ не представлял, хотя мой первый детский сад размещался именно там, и из этой поры своей жизни я ярче всего запомнил то, как оглашал пространство над запретной территорией, стараясь докричаться: «Бабуня, забери меня отсюда!»

Улица Чайковского совсем недалеко от нашего дома резко обрывалась вниз, к Журавлевке, сплошь застроенной деревенскими домиками. Так же близко, по обе стороны от малоиспользуемой трамвайной линии, находились два кладбища – христианское и еврейское. К первому из них прилегало протяженное и довольно высокое здание студенческого общежития под характерным для эпохи первых пятилеток названием «Гигант», хотя по-настоящему гигантские здания

находились в центре Харькова, на площади Дзержинского – «Госпром» и «Дом проектов». Из этих трех упомянутых зданий за время немецкой оккупации не пострадал только «Госпром» – исполин ультрамодного конструктивизма. Несмотря на то, что меня связывало с Харьковым много хорошего в детстве и молодости, сам город так и не вошел в меня, как нечто родное, в отличие от Москвы – единственного города, который незаметно и властно проник в мою душу, и по которому я скучал, оказываясь за границей. А так название этой первой столицы советской Украины стало для меня скорее обобщающим символом родни и близких людей: бабуни, дедуни, тети Норочки, дяди Юры бабунечкиной сестры тети Мани и ее сына дяди Вити, Норочкиного мужа Яши (их обоих я называл без приставки тетя и дядя), моих кузин-дочери дяди Юры Милочки, и дочерей Норочки – Инночки и Танюши, троюродной сестры Вики, учившейся в Харьковском инженерно-экономическом институте, которая приехала туда из Измаила, знакомой по альплагерю «Алибек» Людэ Курсовой и – это уже родня по линии маминного кузена дяди Мирона Ханютина – его самого, его сына Юры, и одной из неформальных жен Мирона – изумительной Анны Павловны – все они составили внушительный список, в котором лишь моя мама занимала какое-то эфемерное положение, хотя большую часть детства и всю свою юность вплоть до окончания Харьковского Художественного института она прожила именно в Харькове, где за свою красоту

и убийственное впечатление, производимое ею на молодых людей, была удостоена звания «Харьковской ведьмы».

Из маминых рассказов о ее детстве я знал, что она «водилась» тогда почти исключительно с мальчишками и участвовала на равных во всех их предприятиях. Напротив нашего дома, где потом построили здание УФТИ, размещалась во время Гражданской войны Харьковская Чрезвычайка во главе с большим специалистом по большевистским гнусностям против классовых врагов советской власти Саенко и его помощником матросом Эдуардом. Туда свозились со всего города заложники, которых затем, как правило, расстреливали по мотивам классовой ненависти и классового же мщения, но детей, их сознания это как-то даже и не задевало. Они при столкновениях со злодеями на улице радостно кричали «Саенко!» или «Эдуард!» – и тем такая известность очень льстила. Во время Деникинского рейда на север войска белого генерала Май-Маевского стремительно захватили Харьков и чекисты едва успели удрать, оставив на полу Чрезвычайки целую гору гранат-лимонок. Мама сама видела это, поскольку со своими друзьями – мальчишками побывала там раньше белых следователей. Вся дикость, весь ужас Гражданской войны, как это можно представить не только с маминых слов, но и из других источников – например, из книги писателя Льва Кассиля «Конduit и Швамбрания», как выяснилось, вполне могли «просквозить» мимо центра оценки событий по существу у тех детей, которых

она каким-то чудом сама не опалила, будто по какому-то особому волноводу яркая событиями, постоянно меняющаяся, изобилующая контрастами белого, черного, зеленого и красного цветов обстановка прямехонько попадала в центр образных представлений театра жизни мимо аналитического центра разума и закреплялась в долговременной памяти.

Да, Харьков я так и не полюбил, хотя и никогда не был к нему равнодушен. Но вот любил и люблю до сих пор всех, кого перечислил: от дедуни и бабуни до Анны Павловны, которые все остались со мной, неслучайно привязанные именно к Харьковской почве.

Если говорить о синдроме привязанности к каким-то местам на Земле вообще, то в моем случае это даже не города (Москва-это единичное исключение), а скорее типы ландшафтов: водные пространства с изрезанными берегами и шхерами, альпийские горные вершины и хребты, горные реки, таинственная горная тайга. Они-то волнуют меня постоянно, их я обзираю с захватывающим интересом и наяву, и в кино, и когда вспоминаю о них. Именно они со временем не тускнеют, именно они продолжают к себе манить. Я давно понимаю, что Гималаи и Тибет для меня уже закрытые темы-в каком виде я бы мог перед ними предстать, если и на равнине теперь нередко ощущаю неполадки в сердце, учитывая к тому же, что мне и в молодости требовалось немало времени для полноценной акклиматизации, а теперь даже и для цивилизованных туров по этим

местам никому не отводится больше недели без спокойно-го привыкания к высоте, тогда как мне и недели, наверное было бы мало. Но что я хуже всего представляю себе, так это свою способность проникаться красотой удивительных мест не в качестве самостоятельно путешествующего спортивного туриста, а в качестве «возимого» путешественника, которых я и мои спутники в молодости презрительно именовали «чемоданными» туристами или просто «чемоданниками». Эрнст Мулдашев, несомненно превзошедший меня в области спортивного туризма, смог с пользой для внутреннего обогащения комбинировать «чемоданные» путешествия на «джипах» с пешими выходами в сторону от автодорог в Тибете, но мне-то это совсем не светило ни по деньгам, ни по необходимости оплачивать постоянное присутствие рядом с собой официального китайского соглядатая. Мне уже поздно делать над собой усилия, чтобы на старости лет заставить себя привыкнуть к такому виду душевного дискомфорта, равно как было бы плохо и даже противопоказано мне, язвеннику, со своим желудочно-кишечным трактом приспособливаться к той еде, которую можно достать и купить как в Индии или Непале, так и в Тибете, тем более, что я внутренне давно привык благодаря советской власти думать, что ни Индии, ни Непала, ни Тибета мне никогда не увидеть. И потому мои представления об Эвересте, Чогори, Канченджанге, Дхаулагири, Макалу, Ама-Даблам и Кайласе почерпнуты только из книг, фото-

графий и фильмов, созданных другими людьми, которым я вполне доверяю, но к которым хотел бы прибавить свои наблюдения и походные переживания, а уж этому-то в данной жизни определено никогда не бывать. Эту свою жажду подобного рода я грехом не считаю, тем более, что искренне, до глубины души благодарен Вседержителю наших судеб за то, что Он столько раз допускал меня оказываться лицом у лицу с Природой без посредников и при этом давал мне выжить и уцелеть.

Обещания высших должностных лиц России к 2020 году сделать нашу страну самой комфортной для проживания в мире меня уже не волнуют. Нет, не потому, что я им совсем не верю, хотя верить действительно трудно. Порой даже в России случаются чудеса – не зря же ее называют (непонятно, правда, по каким причинам) Богоносной и Богоспаваемой. Но ликвидировать масштабную бедность и безмерную коррупцию за десять-двенадцать лет, когда ею пронизаны все ветви власти и все структуры хозяйственного управления, когда масса трудоспособного населения не работает либо из-за отсутствия рабочих мест, либо просто потому, что не хочет работать, вряд ли возможно, поскольку психика людей так быстро не меняется, а проникнуться желанием трудиться, трудиться и трудиться почти без отдыха после краха советской власти, особенно тяжело вслед за длительным расслабляющим простоем. Заинтересовать людей действительно высокими зарплатами, конечно, можно бы-

ло бы успеть и за весьма ограниченное время, только кто же из властных, сильных и богатых согласится отрывать от себя сверхдоходы в пользу большинства скудно живущих в обществе? Или кто их заставит платить?

Сам я постоянно принадлежал к этим скуднооплачиваемым. Сначала как инженер – благодаря классовой политике родного советского государства, которое сознательно платило людям умственного труда меньше, чем средним рабочим. Потом, уже как научный работник, сразу по двум причинам – не хотел вкладываться в диссертацию в ущерб занятиям литературой и философией, а тем более – заискивать и унижаться перед теми, от кого мог зависеть успех ее защиты, а еще потому, что очень не уважал большинство тех, кому надлежало оказывать знаки почитания ради своего успеха. Сам виноват? Несомненно! Зато ничего важного, кроме денег, для себя и в себе не растерял. Став пенсионером в эпоху великой реформации российской жизни, естественным образом оказался среди большинства напряженно выживающих людей, хотя и не в худшем слое – и то благодаря в основном Марине и отчасти Светлане. Это позволило мне трудиться по призванию без особых отвлечений на другие дела и явилось настоящим подарком судьбы. А дожить до 2020 года мне представлялось совсем не реальным. В этом и заключалась главная причина моего равнодушия к обещаниям светских властей насчет всех благ к 2020-му и дальше.

Главная причина, но далеко не единственная. Кто может

знать, кроме ясновидящих, какое будущее ожидает человечество в ближайшие десять-пятнадцать лет, когда оно по-прежнему продолжает еле-еле балансировать на грани между миром и войной неизвестно кого с кем? Я всего лишь очень приличный или даже хороший ассоциативно мыслящий аналитик, но отнюдь не пророк, а уж мировые политики – не пророки тем более – и действуют скорее импульсивно, чем по разуму.

Еще одна причина – моя убежденность в том, что настоящее процветание России и всех россиян возможно лишь при условии, когда они будут умны, высокообразованны и пассионарны одновременно. И особенно – если гражданские и военные власти будут всемерно беречь своих людей. Застать же такую картину в российском обществе я в этой жизни не рассчитываю определенно.

Оглядываясь назад, я могу сказать, что ко многим людям относился хорошо или доброжелательно, но всерьез ни с кем из них не дружил. Почему? Мне кажется, потому, что любовь для меня всегда значила больше дружбы. В моих глазах они были настолько несопоставимы, что на что-то кроме главного – любви – меня уже не хватало. Посвящать себя кому-то еще, кроме любимых, мне казалось невозможным. Повторяю – моей доброжелательности к посторонним людям это не мешало. А вот дружить так самозабвенно, как того требовало воспитание в обществе, с моими представлениями о главных ценностях жизни не стоило и пробо-

вать.

Пожалуй, только в школьные годы я отдал некоторую дань дружбе несмотря на свои первые любви. Но с самого начала студенчества никого больше, чем приятелей, я уже не имел, зато приятелей было немало – как парней, так и девушек. Одна из них напомнила мне о себе в свой день рождения, поскольку он точно совпадал с моим, и она помнила об этом, тогда как я давным-давно забыл.

Случай для взаимных поздравлений был и впрямь подходящий: Соне Жегаловой, и мне исполнилось семьдесят пять лет, и, естественно, мы, не стовариваясь, прежде всего обменялись поздравлениями с тем, что дожили до такого возраста. Из числа наших сокурсников такое удалось не всем. Соня в отличие от меня, следила за тем, кто из наших где, кто жив, кто нет, и о ком вообще нет никаких известий. Ни она, ни я в институте не отличались образцовым здоровьем. Несмотря на это, мы с ней пережили несколько записных спортсменов, равно как и более хилых в сравнении с нами ребят. Соня спросила, кого я жду на свой юбилей. – «Специально не звал никого, думаю – самые близкие придут, если смогут. Ведь сегодня рабочий день». «Ну если бы я придерживалась такой линии, мне некуда было бы сажать гостей, – у меня все будут только по приглашениям», – засмеялась Соня. – «А ты перенесла празднование на выходной день?» – в свою очередь поинтересовался я. – «Да, разумеется, – на субботу. А ты по-

чему не стал?» – «Да знаешь, как-то неохота почти неделю ходить в этом состоянии именинника, переживающего свой юбилей. Жена со мной согласна». – «У тебя, я слышала, было несколько жен» – заметила Соня. «Если две – это несколько, то да». – «Ты всегда отличался своим чувством юмора». – засмеялась она. – «Как я помню – ты тоже любила пошутить». – «Ну, вот видишь, мы с тобой кое – в чем сходны помимо совпадения дней рождения. Скажи, Миш, ты сейчас работаешь?» – «Нет, Соня, нет. Только для себя». – «Это как?» – «Пишу.» – «Мемуары?» – «Можно сказать и так». – «А если подробнее?» – «Романы. Философские труды». – «Ну, ты даешь! А можно что-нибудь почитать?» – «Если хочешь, – конечно». – «Замётано, Миша! Замётано! Я еще Галке Воронцовой, в смысле Копоревой, дам прочесть, если позволишь». – «Да пожалуйста». – «Тогда договоримся, когда у меня будет окно. Я ведь живу в Люберцах и приезжаю только на занятия в институте». – «Так ты преподаешь?» – «Да». – «А где?» – «В бывшем МИХМ фс». – «Знаю его», – сказал я. Там у меня были две прелестные знакомые девушки по дагестанскому походу, причем обе Клары – Клара Григоренко и Клара Воль, но о них я Соне не сказал и спросил о другом: «А что там читаешь?» – «Экологические требования к механическим устройствам, используемым в химических процессах». – «Не буду тебя спрашивать, какой теперь студент пошел – с нашим поколением наверно, почти ничего общего?» – «Конечно, они дру-

гие и более избалованные в большинстве». – «Да, я догадывался. У меня уже двое старших внуков кончили институты и уже по нескольку лет работают – в денежном смысле вполне успешно. Нам такие деньги не снились». – «Ну, ты богат внуками! А сколько их у тебя всего?» – «Четверо. Еще одна внучка в этом году заканчивает школу, а внук должен будет кончить в следующем году». – «А у меня всего одна внучка, – сказала Соня с грустью. – Наша дочь, ее мама, умерла». – «Понимаю, какво это родителям. Ты по-прежнему с Виталием?» – «Да. Ты помнишь его?» – «Конечно», – ответил я, потому что действительно помнил. И Галю Копореву, которая вышла замуж за Лешу Воронцова, пожалуй, самого близкого мне приятеля из всех студентов нашего курса, и Вадима Кротова, и Бориса Бельфеста, и Мишу Бирюкова, и Колю Соколова, успевшего повоевать против немцев. Коля был пулеметчиком. От него я впервые услышал, что зимой полагалось прогревать пулеметы длинными очередями, чтобы они сохраняли способность стрелять в нужный момент. С его слов я узнал, какое дульное пламя вырывалось по ночам из ствола – Коля показал руками что-то около метра. Был он родом из Дегальцева в Донбассе.

Я редко вспоминал своих коллег по институту за исключением Вадима Кротова, действительно способного стать крупным ученым и по существу ставшего им, впрочем, возможно так и не признанным. У него был мощный интеллект, хорошая память, способность овладеть новыми знани-

ями и колоссальная способность к концентрации волевых усилий. Чем крупнее были его заявки (или посягательства) на разрешение тех или иных проблем, тем больше я желал ему удачи. Что касается Леши Воронцова, то он тоже был обладателем хорошей головы, но так же, как его жена Галя, всю жизнь проработал после окончания МВТУ во ВНИИ-МЕТМАШе, проектируя прокатное оборудование. Я не хочу сказать, что этого мало, но таким людям, как Кротов, этого для полной самореализации было определено мало – так же, как и Михаилу Петровичу Данилову было определено мало информатики. А что до меня, который по образованию получил звание инженера-механика по специальности «Машины и технология прокатки и волочения», но по практике стал в основном разработчиком информационно-поисковых языков, мне того или другого, или того и другого вместе было много или мало? Боюсь, что ни то, ни другое по одной причине. Это не было и не стало моим захватывающим занятием, как после незрелых рассуждений после окончания школы не стала для меня делом жизни и география, где я, пожалуй, имел большие шансы считать профессию близкой своей натуре.

А найдя себя в литературе и философии, я понял, что не проскочил мимо своего главного дела, к которому был способен, и тем самым в какой-то степени исполнил свой долг, вот только неизвестно, в какой. Мог ли я сделать больше того, что успел, если бы меньше ленился и чаще дони-

мал себя собственным неудовольствием от примирительно-го отношения к собственным слабостям? И на этот вопрос я не мог дать себе вполне определенный ответ. С одной стороны, судя по величине упущенного для работы времени – мог. А с другой стороны, что бы я тогда насочинял, если бы мысли и рассуждения, заслуживающие фиксации на бумаге, еще не созрели, и я бы просто «для порядка» изнурял себя не больно-таки важными экзерсисами, не содержащими в себе ничего особенно ценного? Вряд ли такие саморепрессирующие занятия обогатили бы разум и сделали бы мое творчество более обильным по существу. Ответ на этот вопрос мог дать лишь приговор Всевышнего. Он – то знает, чего можно было ждать от меня, и Ему-то точно известно, сколько я сделал. Насчет перевыполнения плана речь вряд ли могла зайти, а вот каково было недовыполнение, мне стоило бы еще волноваться и волноваться, покуда жив, ради того, чтобы сделать это недовыполнение возможно меньшим.

Нашему бытию в этом мире свойствен один довольно занятный парадокс. Человеку, исполненному сил и неизрасходованной энергии, как говорится, Сам Бог велел цепляться за жизнь, сохраняя ее всеми допустимыми средствами, лишь бы она продолжалась. В старости, если, конечно, мозг в достаточной степени созрел для того, чтобы понять необходимость конца очередного земного существования и даже рассматривать его не только как установленную Свыше необходимость, но даже как Благо, человек, обогащенный

солидным опытом и разного рода знаниями, казалось бы, может представлять собой особую ценность для неопытных молодых поколений детей и внуков, иногда даже правнуков, но в действительности не представляет. Ему пора освобождать место для преемников, и перед этим аргументом блекнут все аргументы относительно ценности стариков и их буквально бесценного опыта. Это только у так называемых примитивных народов, знающих о духовности куда больше цивилизованных людей и представляющих ее первостатейную важность, старики пользовались действительным уважением к их качествам и знаниям, а не просто почтением к возрасту, если таковое еще каким-то образом проявлялось. Но это-отнюдь не у нас и не теперь.

– «Так как мне быть? – вновь и вновь будоражил вопрос. – Стоит ли все-таки стараться делать так, чтобы кто-нибудь меня услышал, хотя и без того ясно, что кроме самых близких людей никто ничего не желает слушать и услышать?» Если мои книги кто-нибудь еще сможет прочесть, перелистывая случайно взятый в руки том и наугад наткнувшись на что-то занимательное интересное (при условии, что романы каким-то образом будут изданы), то мои философские рассуждения и умозаключения и вовсе вряд ли. Хотя в них, именно в них заключена квинтэссенция моего жизненного опыта и того, что является (или называется) откровениями, доведенными до меня откуда-то Свыше. Если ЭТО может послужить к пользе человечества в какой-нибудь сте-

пени, то я с готовностью предъявлю ему это на родном русском языке. Так уж Всевышнему было угодно, чтобы я думал на нем, говорил и писал на нем. Я благодарен этому великому наследию предков – насельников своей родной страны. Он развивал во мне умение мыслить в такой степени, что я невольно задумывался, не входила ли в меня с помощью его средств, которыми овладевал год за годом, не просто его выразительная сила и разрешающая способность, но и непосредственно обобщенная до уровня высочайшей абстракции мудрость веков? Русский язык на славу послужил мне. Я в ответ тоже хочу послужить ему – и не только хвалой и выражением глубокого восторга от того, что он такой, какой есть, но и тем, чтобы на нем было высказано самое важное из того, что мне Было Дано осознать.

Его природа поразительна. Он и прост, как полагается архаичному порождению древнейшей культуры, и необычайно сложен, что необходимо для точной передачи сложных мысленных построений и образов. Он вобрал в себя громадное число иноязычных лексических средств, при этом переработав их на свой ментальный, грамматический и музыкальный лад, крепко-накрепко встроив в свой состав и превратился в сложнейший синтетический комплекс. Его синтаксис наряду с богатейшей лексикой, позволяет, передавать нюансы мыслительного процесса и рождаемых в его ходе продуктов. Он не слуга тех, кто его бережно использует – он Повелитель и Покровитель тех, кто думает на нем, считается с ним и с его

Священными Установлениями, ибо только тогда явленная мысль перестает быть ложью для тех, кто ищет Истину. К сожалению, русский язык не стремится оберегать большинство его даровых пользователей. Его засоряют и зачастую сводят к набору примитивнейших выражений. Но я не боюсь – он устоит. Уйдут и пропадут сами примитивы, которым от русского языка надо не больше, чем у них есть в мозгах. Он, как был нужен, так и будет надобен тем, кто развивает лучшее в себе и хочет содействовать этому же в других на нашей земле. Он априори адекватен стремлению говорящих и пишущих на нем людей выразить все, что им удастся открыть или сделать Угодное Создателю по ходу своих трудов. Это ли не чудо? По-моему, чудо и есть!

Разумеется, любовь к русскому языку и к его фантастическому богатству – это далеко не единственное, что мне хотелось бы завещать потомкам, особенно соотечественникам. Но среди того, чем я владею, он действительно одно из главных моих достояний. Обычно завещают другим то, что у тебя есть, а у тех, кому завещаешь, этого нет. А потому не смешно ли, что я завещаю нечто имеющееся в обиходе сотен миллионов людей? Да, иметь – то они имеют. Но я завещаю им не имение, а любовь к нему, а она есть далеко не у всякого, кто пользуется моим родным языком. Любят ли пресную чистую воду те, кто живет в обстановке изобилия этого великого блага Господа Бога, данного нам для жизни? Вряд ли – до тех пор, пока они не окажутся перед лицом ее острой

нехватки. Впрочем, уже не только жители пустынь и сухих степей стали заботиться о сохранении и сбережении этого важнейшего из ресурсов. Грязь в виде отвратительных отходов человеческой деятельности в промышленности и быту заставила людей очнуться от бесчестности – иначе что нам ВСЕМ придется пить и есть?

До подобного кризиса в сфере языка дело еще не дошло, и потому только специалисты, да душевные прирожденные любители отечественной словесности ужасаются масштабам нынешней безграмотности и скудости языковых средств, используемых на практике большинством соотечественников, вошедших с большими мечтами относительно своего будущего в XXI век. Многие могут в ответ лишь недоуменно пожать плечами: о чем жалеть, если для «нормального» ведения жизни и этого вполне достаточно? Ведь язык – это просто средство общения. Что нужно передавать от одних членов общества другим, он и в нынешнем урезанном виде передает все, что надо. А вот это как раз заблуждение. Текущие потребности человеческой практики покрываются почти целиком и таким минимумом. Но разве образ Элочки Людоедки из «Золотого тельца» Ильфа и Петрова должен служить эталоном для людей, заботящихся о саморазвитии?

Человек, который старается прирастить собственные духовные и душевные богатства, Элочкиным минимумом обходиться не может. Ему для собственного внутреннего прогресса требуется культура сознания и самовыражения.

А без культуры, которая прежде всего выразилась у всех народов в виде развитых и способных развиваться далее языков, никакого прогресса не будет. По существу именно язык служит фундаментом культуры, на нем возводится и она сама, и нынешняя цивилизация. Да, он сложен, да, необходим огромный труд и истовое прилежание, чтобы в сносной степени овладеть его возможностями и богатством. Вот именно поэтому, чтобы облегчить усвоение его возможностей, требуется не только суровая необходимость, но и любовь. Тому, кто любит музыку от простых мелодий до сложнейшего симфонизма, проще всего объяснить, что язык человеческого общения в виде устной и письменной речи – прямой аналог музыки, которая слышится и при произнесении речи, и при чтении действительно, без кавычек, нормальных текстов. Язык – это живая сокровищница высоких вибраций, посредством которых до нас доводится энергия высших миров и лучших человеческих действий. Простота Пушкинских и Лермонтовских прозаических текстов – это лишь начальное и в достаточной степени обманчивое представление об их действительных свойствах. Не стоит путать лаконизм с простотой и тем более со скудостью. Выразаться столь же впечатляюще, точно, музыкально и памятно, как они, до сих пор почти никто не умеет. А ведь за бессмертными творениями наших национальных русских гениев речи стоят и труд, и вдохновение, и любовь, не говоря о других страстях. Они показали нам, в чем скрыто таинство и волшебство русско-

го языка, предвосхитив появление новых титанов русской литературы, а фактически – проложив для титанов дорогу в непознанное.

Но я отвлекся от темы своих заветов потомкам. Помимо любви к русскому языку о чем еще хотел бы я сказать как о наиболее важном, до чего только дошел своим умом и что вдобавок проверил на практике? На этот вопрос я могу с чистой совестью сказать: о многом. Да, собственно, все это я в основном уже и рассказал в своих работах – как литературных, так и философских. Дело, таким образом, не за мной. Дело за читателями и слушателями. Но мои отношения с ними представляют собой отдельную проблему. Суть ее не нова. Уже давным-давно известно, что услышит и примет чужой опыт во внимание не тот, кто слушает, а тот, кто хочет услышать. А как завоевать расположение читателя или слушателя? Просить его, объясняя, как много он выиграет от этого? Смешно! Скорее он поймет подобную попытку завоевать его внимание как покушение на свое право выбирать, что он хочет и чего не хочет знать, как покушение на свою свободу воли, хотя в данном случае воля НЕ ЗНАТЬ вряд ли может быть признана рациональной. А потому я не намерен ни приглашать кого-то к знакомству с моими взглядами и выводами из практики своего бытия, ни, тем более, убеждать кого-либо, что они могут быть довольно полезны. Зная, о дефиците времени на все – про все в этой суетной жизни, я решил поступить по-другому: ни-

кого не буду звать и приглашать, просто обеспечу возможность узнать, каковы мои рассуждения и выводы по множеству разных поводов, тем людям, которые по прихоти случая наткнутся на нечто созвучное им у незнакомого автора.

Расчет на случай? Какой же это может быть расчет? И впрямь. – расчет здесь не совсем подходящее слово, далеко не совсем. – с этим всерьез не поспоришь. Но, как ни смешно, это не уничтожает мой оптимизм, поскольку я убежден – случаем управляют не люди, что бы они о том ни думали. Случай – это орудие в руках Всевышнего. Пожелает Он, чтобы мои мысли послужили кому-то подспорьем – они послужат, независимо от того, слышал ли кто хоть что-то обо мне или не слышал. То, что я в силах завещать потомкам от себя в обобщенном, абстрагированном виде, уже не относится к разряду литературно-художественных произведений, это уже другой коленкор. Мне остается одно – закончить свое подобие романа под названием «В пограничном слое», где я по канонам жанра не мог уходить совсем от конкретики Бытия, присущего людям нашего времени. Пойдет ли мое послание впрок, откуда мне знать? Это уже не моего ума дело. Находясь в осязаемой близости к последнему земному рубежу в данном телесном воплощении, мне особенно очевидна мизерная толщина пограничного слоя, в котором прошла вся сознательная жизнь, и который мне вскоре предстоит покинуть. С каким чувством я приближаюсь к этому естественному рубежу? Смело, бестрепетно?

Нет, вовсе нет. Конечно, и с беспокойством, и с сомнениями. Уверенность есть только в одном – так НАДО, и это справедливо, поскольку так установлено Создателем, которому виднее, чем нам, что лучше делать, как поступать. Пожил – уступил свое место другим. Прошел земные экзамены – ступай узнавай оценки. Если неважные – скоро вернешься в новом обличье, если приличные, то не так скоро и, возможно, уже не сюда, хотя, разумеется, все равно в новом теле. А с чем предстоит столкнуться в Неизвестном Мире за пограничным слоем, нет шансов заранее узнать. Жалко одного – расставаться с обретенной любовью, не имея представления, удастся ли встретиться снова и еще раз сойтись, выпадет ли опять такая Милость Божия на твою долю, или какая-то лучшая судьба выпадет на долю твоей любимой с кем-то другим и более совершенным, ибо она-то была постоянно лучше тебя? А ведь именно с ней было связано твое главное счастье. Разве может быть небоязно его потерять, не представляя себе ни большего, ни иного?